АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1982

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Входящие в состав тома статьи советских и зарубежных авторов посвящены по преимуществу конкретной этимологизации лексики русского, славянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков. Анализируются целые этимологические гнезда, семантические группы, лексика определенных регионов. Особое внимание уделяется проблемам словообразовательного анализа и специфических связей лексики родственных и неродственных языков. Критико-библиографический отдел содержит рецензии на новые публикации в области этимологии и смежных областей языкознания.

Рецензенты: *Г. П. Клепикова*, *Г. И. Лукина*

Э $\frac{4602000000-124}{042(02)-85}$ 363-84-III

СТАТЬИ

В. В. Мартынов

ПРУССКО-СЛАВЯНСКИЕ ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ИЗОЛЕКСЫ

В обычной исследовательской практике мы используем термин изоглоссы (resp. изофоны, изоморфы, изолексы) для представления пространственных связей соответствующих языковых феноменов. При этом указание на парность таких связей, т. е. на участие в них двух языков, как правило, совсем не означает того, что данный феномен наблюдается исключительно в двух соотносимых языках. Между тем понятие исключительности парной связи оказывается в ряде случаев чрезвычайно важным и полезным в эвристическом отношении, поэтому его экспликация необходима.

Условимся считать эксклюзивными изолексами такие парные отношения между лексемами, когда первый член отношения включает в себя только данный язык и исключает все генетически соотносимые с ним языки и диалекты. В нашем случае в прусско-славянские эксклюзивные изолексы входят такие имеющие параллели в славянских языках прусские лексемы, которые в то же время не имеют генетических соответствий в других балтийских языках. Разумеется, при установлении изолекс возможны разного рода ошибки и просчеты, но при увеличении числа соответствий их надежность пропорционально растет. Нельзя также выпускать из виду следующее обстоятельство. Лексика прусского языка представлена весьма ограниченным числом памятников с общим объемом около 3,5 тысяч разных лексем (включая все производные), в то время как лексика литовского языка исключительно богата, поэтому, если мы сравниваем количество прусско-славянских эксклюзивных изолекс с количеством литовско-славянских, мы должны число первых увеличивать во столько раз, во сколько число зафиксированных литовских лексем больше числа прусских. И что еще важнее, — эксклюзивность прусских лексем по отношению к другим балтийским относительно легко проверяется сравнением с богато представленной литовской и латышской лексикой, но обратное неверно: эксклюзивность литовской или латышской лексики гораздо менее надежна, поскольку ее приходится проверять сравнением с чрезвычайно бедным списком прусских лексем. А так как прусская лексика представляет западнобалтийский языковой ареал, а литовская и латышская — восточнобалтийский, то эти замечания справедливы соответственно по отношению к ним.

Мы отметили обстоятельства, благоприятствующие отграничению прусской лексики от остальной балтийской, или западнобалтийской от восточнобалтийской. Однако есть фактор, существенно затрудняющий такого рода отграничение. Имеется в виду проблема прусско-польских языковых контактов (соответственно прусско-кашубских). В ряде случаев предполагаемые прусско-славянские изолексы могут интерпретироваться как достаточно старые полонизмы в прусском и, если эти лексемы не имеют параллелей в других балтийских языках, возникает иллюзорная эксклюзивность прусских слов. Таким образом, примеры, в которых можно заподозрить польское лексическое проникновение в прусский, должны быть исключены из рассмотрения.

После этой необходимой преамбулы мы приступаем к анализу примеров, расположенных в порядке алфавитного списка прусских лексем [1].

1. accodis 'дымоход' (РКР-II, 266: лит. *dūmalaidė*). Приводимая здесь реконструкция **atkādis* уже является этимологией и предполагает выделение префикса *at-* и корня *-kād-*, генетически соотносимого с праслав. *kaditi* 'дымить', *čadъ* 'дым, копоть, сажа'. Формально тождественным по отношению к **at-kād-is* было бы праслав. **ot-čad-ь*. В славянских языках обнаруживаются формы ж. р. с *i*-основой (с.-хорв. *čad* 'чад', рус. *чадь* 'чад, угар') (ЭССЯ 4, 10). Другие версии выглядят неубедительными (напр. *accodis* < **ak-utis* 'глазок' [2]). Ср. возражения против этой этимологии (Топоров, Прус. яз. A—D, 70). Праслав. *kaditi* и *čadъ* (*čadь*) не следует рассматривать как формы, представляющие разные ступени аблаута. Согласно Шевелеву, *čadъ*, *čaša*, *žaba* и др. отражают вторичную экспрессивную палатализацию [3]. При этом он ссылается на отсутствие рефлексации с *e*-огласовкой в индоевропейских соответствиях. Здесь следует заметить, что в славянских языках нет ни одного убедительного примера перехода *ē* > *ā* после *j*, мягких шипящих и аффрикат [4]. Таким образом, различие в вокализме между *atkādis* и *čadь* не обнаруживается (см. еще ЭССЯ 4, 9—10). Топоров (Прус. яз. A—D, 70) реконструирует др.-прус. *at-kōdīt* (ср. реконструкцию Мажюлиса, приведенную вначале) и определяет ее как возможное славянское заимствование (?). Если славянские формы отражают и.-е. *ā*, то оно соответствует балтийскому и древнепрусскому *ā*, отраженному в Эльбингском словаре во всех позициях как *o* (*oa*) [5]. Надежных индоевропейских параллелей для прусского и славянских слов не обнаруживается.

2. ayculo 'игла' (РКР-II, 255: лит. *ãdata*). Обзор этимологий дает Топоров (Прус. яз., A—D, 59). Реконструированное **aigula* по Топорову, возможно из **eigula* (*a* < *e* в анлауте). Соотнесенность с праслав. *jьgъla* 'игла' является общепризнанной, однако обычная ее интерпретация вызывает сомнения. Не убеждает предположение о различных ступенях аблаута в прусской и праславянской формах (*eĭgŭlā-ĭgŭlā*), поскольку эти лексемы имеют тождественную морфологию и семантику (к тому же *jьgъla* относительно позднее названия орудия). Мы склонны скорее предположить др.-прус. (западно-

балт.) **eigula* < праслав. *jьgъla*. Праслав. *jьgъla* получило недавно убедительную этимологию: *jьgъla* ∽ *jьgo* (Machek[2] 220—221). Эту этимологию развил и усилил Трубачев (ЭССЯ 8, 214). Ср. словен. *iglíca* 'стержень, соединяющий части ярма', слвц. *ihlica* то же. В то же время праслав. *jьgъla* квалифицируется как заимствование из латинского[6] (ср. нар.-лат. *acucula*, *agu-*) на основании того, что в нем просматривается типичный для латинского уменьшительный суффикс *-ula*. Если принять эту этимологию, то придется признать вторичное уподобление *jьgъla* и *jьgo*. Приведенные выше народнолатинские формы нерегулярны и фонетически далеки от рассматриваемой лексемы. Кроме того, непосредственные латинские заимствования не являются характерными для праславянского. С другой стороны, образование **i̯ugam* > **i̯ugula* типичная для италийского словообразовательная инновация, что наводит на мысль о италийском источнике. Это заключение подтверждается разнобоем фонетических рефлексаций *jьgъla* при их единообразии для *jьgo*, генетически тождественном лат. *jugum* (ср. хорв. *jàgla*, словен. *jègla*, чеш. *jehla*, *jahla*, в.-луж. *jehła*, *johła*, польск. *jegła*, кашуб. *jegła* и др.). Перечисленные формы частично совпадают с восточнобалтийскими по структуре названиями 'иглы хвои' (ср. чеш. *jehlice* 'хвоя', словен. *jègla* 'сосна', *jeglece* 'хвоя', польск. *jegła*, *jagła* то же). Очевидно, восточнобалтийское влияние поддерживало контаминацию проникшего *jьgъla* и исконного названия иглы (resp. иглы хвои) — *jedla*. Праслав. *jedlь* 'ель' имеет полное западнобалтийское соответствие (др.-прус. *addle* 'ель'). Именно в этой лексической группе скрывалось старое протобалтийское название иглы, потому что название иглы и процесса штопки в восточнобалтийских языках восходит к **edh-* (ср. лит. *ãdata* 'игла', *adýti* 'штопать', лтш. *adata* 'игла', *adît* 'штопать' (Топоров. Прус. яз. A—D, 57).

3. b a b o 'боб' (РКР-II, 305: лит. *pupà*). Немецкий перевод (Bonen) указывает на собирательное значение (Топоров Прус. яз. A—D, 181—182); генетически тождественное с прусской лексемой, имеет также совпадающий с прусским морфолого-семантический вариант *boba* (основа на *a* ж. р. со значением собирательности) (ЭССЯ 2, 148—150). Ср. с.-хорв. *bȍba* 'вареный горох, фасоль', рус. *боба* 'бобы' (на последнюю форму обратил внимание Топоров Прус. яз. A—D., 181). Трубачёв подчеркивает особую морфологическую близость праслав. *boba* к лат. *faba* 'боб' (ЭССЯ 2, 142). Лат. *faba* имеет италийскую параллель в лице фалиск. *haba* 'боб' и, следовательно, с большей надежностью реконструируется италийская праформа, восходящая к и.-е. *bhabā*. Другие индоевропейские формы не обнаруживаются.

4. g a b a w o 'жаба' (РКР-II, 308: лит. *rùpūžė*). Значение 'жаба' подчеркивается следующим за ним в Эльбингском словаре словом *trupeyle* (*crupeyle*) 'лягушка' (Топоров Прус. яз. E—H., 124—127). Возможность выделения в прусском слове старой основы на *-u-*[7] подкрепляется следами той же основы в славянских соответствиях (Топоров Прус. яз. 126). Ср. следующие словообразовательные варианты праслав. *žaba*: болг. *жабуняк*, польск. *żabowaty*, *żabunia* и др. Как

и в случае с праслав. *čadъ* (см. 1. accodis) слово *žaba* не предполагает *e*-ступень аблаута. Топоров (Прус. яз. Е—Н., 125) присоединяется к мнению Шевелева. Попытки связать др.-прус. *gabawo* с восточнобалтийской лексикой вызывают сомнения. Во всяком случае, надежных и точных соответствий мы здесь не находим. В то же время уже давно указывалось на лат. *būfo, -ōnis* 'лягушка' (**gu̯ōbhō-n*), фонетика которого квалифицирует его как италийский (оскский) диалектизм.

5. g e i t s 'хлеб' (РКР-II, 267: лит. *dúona*). Прежде всего следует отметить, что первая отмеченная здесь фиксация формы *geytka* допускает толкование 'пища' как обобщение по отношению к 'хлеб'. Об этом свидетельствует текст из фрагмента ОТ: Dewes does dantes, Dewes does *geitka* (в литовском переводе Мажюлиса: diẽvas dãve dantìs, diẽvas duõs ir *dúonos*) (РКР-II, 64)[8]. Интересно, что в русских говорах, как на это уже было обращено внимание (Топоров Прус. яз. Е—Н., 196), *жито* получает значение 'вид пищи'. Вообще же в прусских текстах (и это согласуется с контекстом катехизисов) *geitis* употребляется главным образом в евангельском значении 'хлеб' ('хлеб насущный, хлеб, добытый в поте лица'), т. е. как синоним к 'пища'. Праслав. *žito*, генетически соотносимое с прусским словом, означает 'зерновые, зерно' и отдельные виды зерновых. В то же время в значении 'пища' выступают генетически соотносимые кельтские лексемы (др.-ирл. *biad*, *biith* 'пища', *biathaim* 'питаю', кимр. *bwyd* 'еда' < **gu̯eito* и др.) (Топоров Прус. яз. Е—Н., 197). Таким образом, для праславянского через южнославянскую и древнепрусскую лексику реконструируется значение 'хлеб'[9], а для древнепрусского через семантический анализ и кельтскую лексику — значение 'пища'.

6. k i o s i 'кубок, чаша' (РКР-II, 318: лит. *taurẽ*). Единственно надежной является славянская параллель — праслав. *čaša* 'чаша'. Фонетическая соотнесенность славянских и прусского слов интерпретируется сходным образом в уже упомянутых работах Шевелева и нашей[10]. Попытка обратиться к иранскому первоисточнику успеха не имеет (см. Топоров, Прус. яз. J—K, 372). Столь же гадательны попытки объяснить праслав. *čaša* и как словообразовательную инновацию (Ср. ЭССЯ 4, 31).

7. l a u x n o s 'небесные светила, звезды' (РКР-II, 329: лит. *žvaigždės*). Славянское соответствие, праслав. *luna* 'луна, зарница, зарево, радуга' не является заимствованием из лат. *lūna*. Лат. *lūna* 'луна' дало бы праслав. **lyna* (Skok 2, 330—331). Проникновение было осуществлено из долатинского италийского **lauksna* на западнобалтийский ареал[11]. На славянской языковой почве проникшее *luna* (< **lauksna*) перераспределила свои значения с исконным *měsęcь*, еще балто-славянским и индоевропейским образованием (др.-инд. *mā́ḥ*, гот. *mēna*, лит. *mėnùlis*). В древнепрусском ему соответствует *menig* (< **mēn-ikis* с деминутивной суффиксацией) (РКР-II, 288, прим. 134). Ср. лит. *mėnùlis*, (< *mēn-ulis*). Поскольку значение 'луна' закрепилось за **mēnis*, проникшее *lauksna* стало использоваться для названия звезд и планет (отсюда pluralia tantum *lau-*

xnos). В Эльбингском словаре *menig* и *lauxnos* включены в первую (астрономическую) группу слов[12].

8. luckis 'полено' (РКР-II, 303: лит. *pliauskà*). Прусское слово генетически соотносится с праслав. *lučь* 'щепа, лучина, светильник' (с.-хорв. *лŷч* 'лучина, факел, сосна', словен. *luč* (свет, освещение и др.). Слово *luckis* 'полено' соседствует в Эльбингском словаре с *stolwo* (*scolwo*) 'щепа', которое может считаться его синонимом. Нерегулярной остается огласовка корня в прусском слове (ожидалось бы **laukis*). И все же, видимо, прусская и славянские лексемы отражают определенный способ освещения при помощи смолистой щепы, лучины. Латинские параллели к этой лексеме: *lūx*, *lūcis* 'свет', *lūmen* (< *luksmen*) 'свет, светильник, факел', *lucerna* 'свеча, светильник'). Прямых восточнобалтийских параллелей к праслав. *lučь* нет. Для обозначения 'свет, светильник' в литовском используются производные от *šviẽsti* 'светить' — *šviesà* 'свет, освещение', от *žibėti* 'блестеть, сверкать, светиться' — *žibiñtas*, *žìbė* 'светильник' и др. В прусском и славянских языках для обозначения понятия 'свет' характерны рефлексации и.-е. **leu̯k-*, для восточнобалтийских — и.-е. **k̑u̯eit-* (ср. др.-прус. *lauxnos* 'небесные светила' и лит. *šviesulŷs* 'небесное светило'). То, что др.-прус. *luckis* не характеризует дерево по белому цвету (ср. др.-греч. λευχός 'белый') подтверждается иным обозначением белого цвета в прусском: *gaylis*.

9. maldenikis 'дитя' (РКР-II, 322: лит. *vaĩkas*). Это самое богатое гнездо слов в прусских памятниках. Помимо перечисленных выше словоформ сюда непосредственно относятся соответствующие производные с уменьшительной суффиксацией. Ср. *malnijks* и *malnijkix* 'дитятко, Kindlein, vaikelis' (там же). Генетически тождественно праслав. *moldenьcь* 'дитя' (с.-хорв. *мла̏денац*, словен. *mladénəc*, болг. *младенец*, ст.-слав. младеньць, чеш. *mládenec*, в.-луж. *młodźenc* и др.). Славянская и прусская лексемы входят в известную венетско-славяно-прусскую изолексу *molzonkeo* ∽ *moldenьcь* ∽ *maldenikis*[13]. При неопределенности венетской семантики длина слова в сочетании с формальной идентичностью делает эту изолексу достаточно надежной, а с ней и все гнездо, куда входят праслав. *moldъ* 'молодой', все его производные и др.-прус. *maldai* III, 97, 'юноши, jungen, jauni' со всеми иными производными от *mald-*. Если это значение восходит к семантике лат. *mollis* (< **moldu̯is*) 'мягкий, нежный, хрупкий', др.-ирл. *meldach* то же ('мягкий, нежный, хрупкий' > 'юный'), но тем самым подкрепляется ориентация венетско-славяно-прусской изолексы.

10. mealde 'молния' (РКР-II, 327: лит. *žaĩbas*). Реконструкция *ē* в данном примере является необязательной, поскольку *ea* в Эльбингском словаре может репрезентировать вторичную долготу и дифтонгизацию в позиции перед сонантами[14]. Реконструируемое **meld-* генетически соотносится с праслав. *mъld-ni* (< *ml̥d-n-*) 'молния'. Корнезавершающее *d* восстанавливается на основании рус. *молонья*, *молодня* 'молния', блг. *маладня* то же. Славянские и прусская формы имеют единственное близкое соответствие в кельтских языках (валлийск. *mellt* 'молния')[15]. Все остальные соответствия

носят мифологический характер и связываются с оружием бога грома (типа др.-исл. *Mjollnir* 'молот').

11. n o ū s o n 'нас' (р. п.), *noūmas* 'нам, нами' (РКР-II, 289: лит. *mẽs*), *wans* 'вас' (в. п.) (РКР-II, 276). Эти формы отличаются от восточнобалтийских и в то же время близки к славянским. Для наглядности сопоставим склонение литовских и прусских личных местоимений первого и второго лица мн. ч.

	I лицо		II лицо	
	лит.	прусск.	лит.	прусск.
Им.	mẽs	mes	jū̃s	ioūs
Род.	mū́sų	*noūson*	jū́sų	ioūson
Дат.-твор.	mùms	*noūmas*	jùms	ioūmas
Вин.	mùs	mans	jùs	*wans*

Выделенные прусские формы не имеют ничего общего с литовскими. Они соответствуют славянским формам *nasъ*, *namъ*, *vamъ*. Др.-прус. *noūson* (I лицо, род. п.) реконструируется как **nūsōn*, *ū* появляется здесь по аналогии с *ioūson* (II лицо, род. п.), которое восстанавливается как **i̯ūsōn* с регулярным *ū* (ср. лит. *jū́sų*)[16]. На этом, однако, действие аналогии заканчивается. Если ее снять, логичнее всего определить архетип прусской формы как **nōsōn* (= слав. *nasъ*). Однако, как мы постараемся показать далее, такого рода реконструкция отнюдь не является обязательной. Др.-прус. *wans* (II лицо вин. п.) также может быть реконструировано как **u̯ōsōn*[17], изменившим огласовку по аналогии с *mans* (II лицо вин. п.). Остальные изменения нет никакой необходимости объяснять действием аналогии, ибо славянская система личных местоимений отличается от восточнобалтийской формами тех же лиц (они выделены на схеме).

	Восточнобалт.		Слав.	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
I лицо	ež	mes	(j)az	*ny*(*my*)
II лицо	tū	jūs	ty	*vy*

Форма *my* является контаминационной по отношению к балт. *mes* и слав. *ny*. Протослав. **ji* (= балт. *jūs*) должно было совпасть с *jь* (= лит. *jìs*) 'тот, который, он', поэтому его рефлексации обнаружить не удается. Отличные от балтийских славянские *ny*, *vy*, *nas*, *vas* зеркально соответствуют латинским (италийским) *nōs*, *vōs*, двойная рефлексация которых на славянской языковой почве зависит от их безударности или ударности (именительный падеж — косвенные падежи). Соответствующие прусским славянские формы тождественны италийским.

m e n n e i 'мне' (РКР-II, 257: лит. *aš*), *tebbe*, *tebbei* 'тебе' (РКР-II, 320: лит. *tù*), *sebbei* 'себе' (РКР-II, 309: лит. *sáu*). Формы дат. п. ед. ч. личных местоимений обнаруживают те же закономерности, хотя в им. п. они совпадают с остальными балтийскими и славянскими соответствиями. Большая близость к перечисленным прусским

формам славянских *tьně*, *tebě*, *sebě*, чем лит. *mán*, *táu*, *sáu*, не вызывает сомнений, однако особенно поразительна полная тождественность прусских и италийских образований (ср. др.-лат. *tibei*, *sibei*, оск. *sifei*, умбр. *tefe*), на что уже обращалось внимание[18].

mais 'мой' (РКР-II, 287: лит. *mãnas*), *twais* 'твой' (РКР-II, 318: лит. *tãvas*), *swais* 'свой' (РКР-II, 309: лит. *sãvas*). Прусские притяжательные местоимения, как видно из перечисленных форм, идентичны славянским *mojь*, *tvojь*, *svojь* и отличны от соответствующих восточнобалтийских. Существует мнение, что аналогичную структуру скрывает лат. *meus* (< **meios*)[19].

12. pokunst 'оберегать, прикрывать' (РКР-II, 299), *kunti* 'оберегает' (РКР-II, 309: лит. *saugóti*) сравнивается с праслав. *kǫtati*[20] (ср. болг. *кътам* 'берегу, прячу', с.-хорв. *ску̏тати* 'скрыть, спрятать', рус. *кутать* и др.). Сравнение с другими индоевропейскими лексемами казалось ненадежным. Из славянской лексики генетически соотнесенным считается праслав. *kǫtja* 'дом, хижина' ('укрытие' > 'дом'). Именно это сравнение прямо указывает на первоисточник: др.-иран. *kata* (< **kn̥ta*) 'комната, погреб, землянка'. Словообразовательная инновация здесь определяется тем, что посредством суффикса причастия прошедшего времени *-ta-* от глагольной основы *-kn̥-* 'копать' образуется *kn̥-ta* 'выкопанное' с последующей лексикализацией причастия. То, что праслав. *kǫtja* вторично нарастило суффикс *-ja* (возможно под влиянием *hyzja* 'хижина')[21], свидетельствует *kǫtati* (< *kǫtъ* или *kǫta*), возникшее, следовательно, до *kǫtъ*, *kǫta* > *kǫtja*.

13. pausto — paustocaican 'дикая лошадь' Е 654 (РКР-II, 257: лит.: *laukìnis arklỹs*), *paustocatto* 'дикая кошка' Е 665 (РКР-II, 278: лит. *laukìnė katė̃*), *paustre* 'пустошь, дикое место' Е 624 (РКР-II; 265: лит. *dykumà*). Эти лексемы генетически соотносятся с праслав. *pustъ* 'пустой, пустынный, дикий' (ср. с.-хорв. *пу̑ст* 'пустой, пустынный', *пу̏стара* 'пустошь, степь', словен. *pust* 'пустой, пустынный, безлюдный, дикий' и др.)[22]. Индоевропейские параллели весьма сомнительны. Общие соображения реконструкции приводят нас к и.-е. **peu̯-/pou̯-*, отраженным в др.-инд. *pávate* 'чистит, очищает'. Мы полагаем, что детерминатив *-s-* нашел свое отражение в лат. *pūrus*, в котором слились имена с *-r* и *-s-* основами и в частности *pūrus* < **pausos* имело значение 'чистый, пустой, девственный, дикий' (ср. в этих значениях лат. *pūrus*). Мы также считаем, что реликты **pausos* сохранились и в славянских языках. Сюда следует отнести загадочные в этимологическом отношении чеш. *pouchlý* 'пустой', словен. *puhel* то же.

14. saltan 'сало' Е 376(РКР-II, 285: лит. *lašiniaĩ*). Традиционно связывается с кельт. *saldi-*, *sald-* (ирл. *saill*, *sall* 'солонина, свиное сало, жир' от *saillim* 'солю')[23], то есть первоначально 'просоленное сало'. Сюда же мы относим праслав. *sadlo* 'сало'[24]. При этом следует обратить внимание на морфологическое тождество праслав. *sadlo* и др.-прус. *saltan* (основа ср. р. на *o*). Трудность представляет собой фонетика корня. Ожидалось бы праслав. **soldo*. Праслав. *sadlo*, видимо, возникло из **sāld-*, поэтому метатеза плавных не реализовалась, а *-ld-* > *-dl-*.

15. stayтan (scaytan) 'щит' E 421 (PKP-II, 311: лит. *skýdas*). В обычно указываемое родство с праслав. *ščitъ* 'щит' включают ряд других лексем, далеких по значению, которые мы здесь опускаем. Из других индоевропейских параллелей традиционно включается ирл. *sciath* 'щит' и лат. *scūtum* то же. Однако первое восходит к **skeit-*, второе к **skoitom*. Таким образом, латинская форма и фонетически, и морфологически соответствует др.-прус. *scaytan*. Считается, что ирл. *sciath* генетически соответствует праслав. *ščitъ*. В результате у нас возникает странное распределение изолекс: прусско-латинская (высокая степень надежности) и славяно-кельтская. Предполагаемое заимствование славянского слова из кельтского[25] дало бы на славянской почве **ščětъ* (ср. *klětь*), ибо праславянское заимствование из ирландского (resp. древнеирландского) невозможно, а и.-е. *ei* дало в пракельтском *ē*. Остается лишь предположить славянское заимствование из пракельтского до *ei* > *ē* (тогда *ščitъ* и *klětь* относились бы к разным периодам кельто-славянских языковых контактов), либо переогласовку на славянской языковой почве. Последнее более приемлемо. В любом случае здесь, как и в других аналогичных случаях, прусско-славянская эксклюзивная изолекса соотносится с кельто-италийским языковым ареалом.

16. wanso 'первая борода, пушок' E 100 (PKP-II, 321: лит. *usaĩ*). Прежде всего, следует отметить наличие гипотетического соответствия в литовском (жемайтском) — *uõstai* (< **uõsai*) 'усы'. Лит. (аукшт.) *ũsas*, *ūsaĩ* и лтш. *ūsas* заимствованы из восточнославянских диалектов (Fraenkel, 1167). Прусско-жемайтский массив следует отнести к единому языковому ареалу, поэтому наличие восточнославянских соответствий к др.-прус. *wanso* относительно. Лит.-жем. **uõsai* может быть результатом утраты старого носового (< **ų̯ǫsai̯*) (Fraenkel, там же) и прямым проникновением из прусского. Если это все так, то и в данном случае, хотя с меньшей вероятностью, мы фиксируем прусско-славянскую эксклюзивную изолексу, имея в виду праслав. *vǫsъ* 'ус, борода' (болг. *въс* 'ус', словен. *vǫ̂s* то же, др.-рус. *усъ* 'ус, борода', чеш. *vous* 'ус', польск. *wąs* то же, в.-луж. *wusy* то же, полаб. *vǫs* 'борода'). Ближайшим соответствием к прусско-славянской изолексе является др.-ирл. *fes* 'борода' (< **fans*) с закономерным *an* > *ē* перед последующим *s*[26].

17. wutris 'кузнец' E 513, antre (autre) 'кузница' E 514 (PKP-II, 277: лит. *kálvis*, *kálvė*), Буга предлагает читать *antre* как *wutre* (RR, III, 661) и, таким образом, отрицает аблаутные отношения между *autre* и *wutris*. Нам представляется это чтение убедительным, хотя оно вызывает трудности в чисто филологическом плане. Убедительность его вытекает из обычной поздней производности для таких технических терминов (ср. лит. *kálvė* — *kálvis*). Несмотря на то, что Трубачев при доказательстве прусского происхождения праслав. *vъtrъ* 'кузнец' исходил именно из рефлексации двух ступеней аблаута на прусской языковой почве[27], его вывод остается в силе, если прусско-славянская изолекса действительно имеет общую западноиндоевропейскую ориентацию. В качестве предварительной мы выдвигаем следующую гипотезу. Трубачев рас-

сматривает перечисленные кузнечные термины в связи с внедрением в кузнечное дело искусственного дутья (он исходит из и.-е. **uē* 'дуть, веять' [28]. В этом его поддерживает Топоров (Прус. яз. A—D, 174—175). Мы также принимаем данную версию, но только в плане реалий, а не терминов. Терминологически мы предпочли бы связать др.-прус. *wutris* и праслав. *vъtrь* непосредственно с одним из названий мехов. Ср. праслав. *měхъ* 'бурдюк, кожаный мех' и лат. *uter*, *utris* 'бурдюк, кожаный мех'. Этимология лат. *uter* совершенно прозрачна (ср. лат. *uterus* 'утроба, внутренняя полость'). С другой стороны, *uter*, *utris* соответствует др.-прусс. *wutris* и фонетически и морфологически, что перекликается с рядом аналогичных прусско-славянских изолекс.

Рассмотренные нами эксклюзивные прусско-славянские изолексы были выделены в результате сплошного просмотра прусской лексики. При этом мы столкнулись с рядом трудностей этимологического характера, прежде всего связанных с наложением на древние отношения поздних польско-прусских языковых контактов [29]. Значительные трудности возникали при определении надежности прусской эксклюзивности, надежности отсутствия восточнобалтийских соответствий [30]. В качестве яркого примера объединения всех этих трудностей в одной этимологии мы могли бы сослаться на др.-прус. *dalptan* 'долото', которое было нами исключено из списка эксклюзивных прусско-славянских изолекс. Хотя Трубачев и отказался от своего более раннего представления о *dalptan* как о заимствовании «из северных диалектов древнепольского языка, где долго могли сохраняться дометатезные огласовки» [31], но он все же не видит восточнобалтийских соответствий для прусского слова (ЭССЯ, 5, 60, 206). С другой стороны, Топоров (Прус. яз. A—D, 292—293) с определенностью указывает на такие соответствия. Очень трудно принять точку зрения Топорова о независимом образовании др.-прус. *dalptan* и праслав. *dolbto* соответственно от прабалт. *dilbti* (лит. *dil̃bti*, *del̃bti*) и праслав. *dьlbti*, учитывая полную фонетическую, морфологическую и семантическую тождественность этих слов, ибо если отнести это название долота к балто-славянской или протобалтийской эпохе, то непонятным остается полное отсутствие его в восточнобалтийских языках. В восточнобалтийских языках, как известно, долото называется словом *kaltas* (лит. *káltas*, лтш. *kalts*), образованным от *kálti* 'ковать, бить молотом'. То, что этот глагол существовал в прусском, доказывает др.-прус. *preitalis* (*preikalis*) 'наковальня', соотносимое с лит. *priekālas* в том же значении. И тем не менее нам пришлось отказаться от этого и ряда других трудных примеров.

Предварительный и по необходимости краткий характер исследования заставил нас почти полностью отказаться от рассмотрения этимологических версий, и соответственно резко сократить ссылки на литературу.

Тем не менее уже в этом своем виде исследование дает очевидное основание для некоторых пусть чисто гипотетических выводов. Бросается в глаза наблюдаемая в подавляющем большинстве случаев (14 из 17) итало-кельтская ориентация прусско-славянских эксклю-

зивных изолекс. Если при этом учесть, что две из оставшихся изолекс не имеют ориентации, то есть индоевропейские соответствия для них не установлены, то лишь одна изолекса (*kunti* ∽ *kǫtati*) имеет противоположную ориентацию — иранскую. Особенно важна изолекса 11, где собрано фактически девять местоименных изолекс, составляющих грамматическую подсистему. Учитывая местоименные соответствия, число прусско-славянских эксклюзивных изолекс, ориентированных на итало-кельтский языковой ареал, может быть доведено до 23.

---

[1] Вся паспортизация прусских примеров дается по литовско-прусскому указателю в последнем издании прусских текстов, осуществленном В. Мажюлисом (Prūsų kalbos paminklai, II. Vilnius, 1981). В дальнейшем — PKP—II.

[2] *Schmalstieg W.* Four Old Prussian Etymologies. — Baltistica V (2), 1969, 268—269.

[3] *Shevelov G. Y.* Dwie uwagi o słowiańskim *ě*. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 5, 1965, 93—95.

[4] *Мартынов В. В.* К реконструкции славянского и дославянского вокализма. — В кн.: Studia Rossica Posnaniensia, X, 1979, 130—133.

[5] *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Berlin—Tromsö, 1966, 37—39.

[6] *Vaillant A.* Problèmes étymologiques — RÉS, 4, 1957, 137.

[7] *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, 168.

[8] Ср. *Sjöberg A.* Об одной древнепрусской пословице. — Scando-Slavica XV, 1969, 275—276.

[9] *Мартынов В. В.* Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, 184.

[10] См. сноски 3—4.

[11] *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978, 30.

[12] О словообразовательных особенностях праслав. *tęsęсь* см.: *Отрембский Я.* Из области славянского и балтийского словообразования. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, 187.

[13] См. в последнее время: *Pellegrini G., Prosdocimi A. Z.* La lingua venetica, II. Padova, 1967, 142.

[14] См.: *Stang Chr.* Op. cit., 26. В списке соответствующих примеров приводится также *mealde.*

[15] См. в последнее время: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

[16] *Stang Chr.* Op. cit., 255. См. также недавние исследования по становлению и структуре прусских местоимений: *Schmalstieg W. A.* New Look at the Old Prussian Pronoun. — Baltistica, VII (2), 1971 и соответствующий раздел в: *Schmaltstieg W.* An Old Prussian Grammar. The Pennsylvania University Press, 1974; *Palmaitis Z.* Prūsų kalbos negimininių į vardžių formų kilmė. — Baltistica, XII (2), 1976. Особенно в последней работе преувеличивается роль аналогий в развитии местоименных форм.

[17] *Stang Chr.* Op. cit., 255.

[18] Там же, 248.

[19] Там же, 239.

[20] *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, 365.

[21] Ср.: *Мартынов В. В.* Славянские этимологические версии. — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, 191.

[22] *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler, 391.

[23] *Stokes W.* Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894, 291.

[24] Эта этимология была предложена еще Оштиром (*Skok* 3, 195). Махек (*Machek* [1], 437) допускает возможность родства *sadlo* с лат. *sēbum* 'сало'. Лат. *sē-*

bum могло бы генетически соотноситься с ирл. *sall* (< **sald-*), если бы первое возводилось к **seldom*. Морфологически это вполне регулярно и совпадает с др.-прус. *saltan* и праслав. *sadlo*. Махек сравнивает *sadlo* с *sēbum*, имея в виду возведение последнего к *sēdhom* и сравнение *sadlo* с *saditi* 'садить', хотя сам же замечает, что в случае *saditi* +*lo* мы ожидали бы **sadilo*. К этому можно добавить, что Nomina actionis и соответствующие Nomina acti на *-lo* образуются от первичных глаголов с сохранением *e-* огласовки (*prędlo* < *pręsti*, *načędlo* < <*nač ęti* и др.) (Słownik prasłowiański I, 104). Как хорошо видно из прилагаемого здесь списка Славского, *sadlo* < *saditi* оказывается единственным примером, в котором нарушается это правило.

25 См.: *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978. 11. Здесь отдается предпочтение италийскому влиянию на западнобалтийский языковой ареал. Действительно фонетическое, морфологическое и семантическое тождество латинской и прусской форм хорошо соответствует тако интерпретации. Разумеется, не может быть и речи о генетической соотнесенности, поскольку вводимые в игру языки не восходят к праединству. И к тому же в данном случае речь идет о техническом термине.

26 *Thurneysen R.* Handbuch des Altirischen. Heidelberg, 1909, 125.

27 *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 338.

28 Там же.

29 См.: *Milewski T.* Stosunki językowe polsko-pruskie, SOc, XVIII, 1947. *Непокупный А. П.* Прусские славизмы и лексика кашубских и варминско-мазурских говоров польского языка. — Baltistica IX (2), 1973. Эти образцовые работы во многом помогают преодолеть трудности, связанные с проблемой польско-прусских языковых контактов.

30 Здесь неоценимую пользу принесла великолепная работа В. Н. Топорова. Прусский язык. Словарь. A—D, E—H, J—K. М., 1975—1980, к сожалению еще далекая от своего завершения; список Р. Траутмана (см. *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler, XIII) при всей его тщательности в настоящее время уже не удовлетворяет.

31 *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 154.

Л. В. Куркина

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**kujati*/**kaviti* и **kъvati*/**kyvati*; **mug-*/**mъž-*; **plesmo*, **ob-pletъ*; **pǫkati*, **pǫčiti*/**pęčiti*; **kujь*/**kuja*; **tulъ*, **tylъ*, **tvelъ*)

kujati*/kaviti* и **kъvati*/**kyvati*

Основание для реконструкции слав. **kujati* (*sę*) дают некоторые лексемы, представленные преимущественно в западной части южнославянской языковой области. Это — хорв.-кайк. *kujati se* (XVI в., Белостенец, Вольтиджи) 'притворяться; опускать крылья' (Стулли) = *kǔjati se* 'сердиться, дуться' = *raskǔjati kokoše* (Водице) 'распугать кур' = *on kǔja* (Црес) 'он дремлет' (Skok II, 224), *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать' (RJA V, 752: со ссылкой на Стулли); словен. *kújati se* 'дуться, сопротивляться; отказываться из противоречия; сторониться гнезда', *skujati* 'дуться, сердиться с намерением отступиться от обещания; пытаться нарушить договор', 'становиться

неверным; оставлять гнездо (о птице-самке)' (Pleteršnik I, 485; II, 501). Отглагольными производными можно считать словен. *kúja*, с.-хорв. и диал. чакав. *kȕja* 'сука' (Hraste—Šimunović, 468). Для этой южнославянской основы соответствие находят в укр. *куяти* 'медлить, колебаться'. Как самостоятельная и генетически тождественная указанная группа образований по существу выделяется лишь в словаре Скока. При истолковании слав. **kujati* (*sę*) Скок исходит из идеи родства с рус.-цслав. коуꙗти 'murmurare' (ср. еще ст.-слав. коуꙗти то же in Supr hom — SJS 16, 86), которое рассматривается как звукоподражательное образование, родственное с.-хорв. *čavka* = *kavka* (~ алб. *kuja* 'путаница'). Такое же направление генетических связей для слав. **kujati* 'murmurare' с указанием возможных индоевропейских соответствий (др.-инд. *kāūti* 'кричит', греч. κωκύα то же) дается в словаре Бернекера (Berneker I, 638). Миклошич не дифференцирует указанное ю.-слав. **kujati* и ц.-слав. коуꙗти 'murmurare', но сближает последнее с ц.-слав. коуйка 'zelotypia' и таким образом включает в этимологическое гнездо слав. **kovati*, что представляется вполне оправданным и реальным (Miklosich 146; Miklosich LP, 321).

Трудности в интерпретации ю.-слав. **kujati* (*sę*) обусловлены ослаблением и утратой мотивирующих его связей, изолированным положением в словарном составе славянских языков. Направление поисков этимологических связей во многом определяют особенности словообразовательной структуры изучаемого образования и тот искомый тип апофонических отношений, который позволяет надежно и непротиворечиво связать в единое целое разрозненные фрагменты славянской лексики. Если подойти со словообразовательной стороны к ю.-слав. **kujati* (*sę*), то нельзя не обратить внимание на производный характер основы инфинитива: в инфинитиве **kujati* имеет место вторичная тематизация основы настоящего времени по типу **čuti*: **čujati*, **sěti*: **sějati*, **bati*: **bajati* и т. п. (Słownik prasłowiański I, 46). Некоторые общие особенности структуры основы предопределяют сходный тип апофонических отношений для рассматриваемого нами **kuti*: **kujati* и слав. **kovati*, **kują*. Тем не менее, вопреки Миклошичу, это этимологически разные образования, и ю.-слав. **ku(ja)ti* ничего общего не имеет с производными от основы настоящего времени гл. **kovati*, **kują*, для которых прослеживается самая тесная связь с основным значением 'ковать'. Истоки ю.-слав. **ku(ja)ti* в другом этимологическом гнезде, но построенном по той же модели, что и **kovati*, **kują*: **kъznь*: **kyznь*, **čuti*: **čeviti* (ср. блр. *чóвіць* 'бдеть' — ЭССЯ 4, 99).

Ориентация на указанный тип апофонических отношений позволяет высказать предположение об этимологическом родстве ю.-слав. **ku(ja)ti* с с.-хорв. *кȁвити* 'слабеть, чахнуть; страдать' (РСА IX, 41). В семантическом плане обращает на себя внимание особая близость с.-хорв. *кȁвити* и хорв.-кайк. *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать'. Для с.-хорв. *кȁвити* предлагаемое сближение более надежно и убедительно, чем сопоставление с звукоподражательными образованиями типа польск. стар. *kawić* 'делать глупости', слав. **kava* 'галка' (ЭССЯ 9, 165—166).

Можно думать, что другой вариант основы с корневым гласным в ступени удлинения представляет слав. *kyvati с общим значением 'качать головой; давать знак'. В славянских диалектах этот глагол обнаруживает более широкую и более подвижную семантику, во многих отношениях близкую слав. *kujati. В этом нас убеждают рус. диал. *кивáть* 'качать, шатать' (Смол.); ловить рыбу секушей (род удочки)', *кивáться* 'качаться, шататься, колебаться (Южн.); наклоняться (Олон.); ходить медленно (о больном) (Смол.); дремать; лениться' (Смол.) (Филин 13, 195), брян. *кивáть* 'двигать', *киваться* 'качаться', *кивéть* 'хиреть'[1], псков. *кивáть* 'брыкаться; ловить рыбу удочкой; молотить цепом'[2], укр. *кивáтися* 'качаться' (Гринченко II, 236), буков. **кивати* 'трогать без позволения', *кивáтися* 'ворочаться во сне'; поспешать в работе'[3], чеш. морав. *kivlat* 'качать, шатать'[4], *kývat'* то же (Kott. Dod. k Bart. 48), производное *kyvy* pl. 'небольшое устройство (mala snovadla) для отматывания нити с мотка'[5], словин. *ki̊văc* 'качаться' (Lorentz Sł. Wb. II, 1248). Слав. *kyvati имеет структуру итератива, производного от глагола с гласным в ступени редукции, — *kъvati (Фасмер II, 228). По данным Пражского словаря старославянские памятники не содержат глагола **къвати*, но указанием на возможность и реальность этого образования в праславянском служит приведенное Миклошичем позднее ц.-слав. кꙑвати, къвати movere caput (Miklosich LP 285). Айтцетмюллер структурно объединяет слав. *kyjǫ*, *kъvati* (< *kū-i̯e-: *kuu̯-ā-) с глаголами *bljujǫ*, *bljьvati*, *pljujǫ*, *pljьvati*, *kljujǫ*, *kljьvati*, *žijǫ*, *žьvati* в рамках глагольного класса с основообразующими показателями -*i̯e*- в презенсе и -*a*- в инфинитиве[6]. В состав производных глагола -кꙑвати, который в старославянских памятниках выступает только в сочетании с приставками, входит, видимо, и накꙑнѫти, -кꙑнѫ 'подавать знак; annuere', отмеченное однажды в Супрасльской рукописи: обратикъ сѧ раб(ъ бо)жиї и накꙑнѫвъ ... їѡан'оу. и призъвавъ и къ себѣ (SSJ 19, 295: Sup. 554, 29). С глаголами къвати, -кꙑвати соотносительно рус.-цслав. *кыти* 'кивать' (Срезневский I, стб. 1419: Панд. Ант. XI в., Хр. Георг. Ам.). Это образование может быть понято как непосредственное продолжение одной из ступеней чередования исходного индоевропейского корня с долгим дифтонгом — *kēu: *kū-. Но если принять во внимание указанное направление словообразовательных отношений *kъvati > kyvati, то в рус.-цслав. *кыти* допустимо видеть вторичное образование, результат переосмысления структуры основы, переразложения составляющих ее элементов с отнесением корневого -*v*- к суффиксальному показателю: *kyv-ati > *ky-va-ti. Ту же корневую морфему *ky- с последующим экспрессивным преобразованием можно предположить и для чеш. диал. *kyjzat se* 'тяжело и плохо идти (о походке людей старых, усталых)'[7].

На индоевропейском уровне славянскому *kyvati соответствуют лат. *cēveō*, *-ēre* 'шататься, вилять', а также, возможно, гот. *skēwjan* 'странствовать' в рамках этимологического гнезда с корнем *k'ēu: *k'ū- 'шататься, качаться' (Pokorny, I, 595). Приведенные наблюдения позволяют расширить состав этого этимологического гнезда и

включить в число его продолжений не только слав. **kyvati*, но и **kujati*, **kav'ti*, **kъvati* с семантическим развитием 'шататься, качаться' → 'плохо держаться на ногах; дремать' → 'недомогать' и 'уклоняться в сторону' (ср. словен. *skujati*). В плане семантики типологически сходный случай представляет гнездо слов со слав. **klamati*: ср. с.-хорв. *klȁmati* 'качаться, двигаться, шевелиться', словен. *klamáti* 'ходить как во сне; нетвердо ступать; плохо держаться на ногах', польск. стар. *klamać* 'притворяться' и т. п. (ЭССЯ 9, 182). В этимологическом гнезде со слав. **kujati*, **kyvati* на базе основного значения 'шататься, качаться' развивается пейоративное значение 'шатун, бродяга; разгильдяй' и т. п. В таком сугубо уничижительном, бранном смысле употребляются уже упомянутое словен., чакав. *kuja* 'сука', а также рус. диал. калуж. *куя́ва* 'неопрятная, растрепа, разгильдяй, грязнуха' (Даль[2] II, 229; Филин 16, 198), чеш. *kujeba* 'шельма, проказник' (Kott I, 839; Machek[2] 305).

**mug-/*mъž-*

В болгарских диалектах несколько обособленное положение занимают лексемы *мужа* = *мижа* 'мерцать'[8], *заму̀гли се* 'затягиваться мглой'[9], *му̀гльж сж* 'покрываться облаками'[10]. Эти диалектизмы можно связать чередованием с польск. *mżyć*, чеш. *mžíti* 'моросить', если вслед за Махеком принять исходную форму **mъžiti* (Machek[2] 386). В отличие от Брюкнера, который восстанавливает для польск. *mżyć* корень *mig-* и предполагает для него совмещение двух значений — 'моросить' и 'мигать' (Brückner 351), Махек не только не смешивает, но, напротив, четко отграничивает указанные западнославянские слова в значении 'моросить' от чеш. *mžiti* 'жмуриться' (ср. далее рус. *мжить* 'щуриться, полудремать', *мжа* 'дремота' — Фасмер II, 617—618), также связанного чередованием гласных с слав. **migъ*, **migati*. Важно еще и то, что Махек исключает для упомянутого чеш. *mžiti* 'моросить' традиционное для него сближение с и.-е. **meiĝh-/*miĝh-*: ср. рус. *мгла*, укр. *мжити* 'моросить', с.-хорв. *му̀жати* 'мочиться', слав. *mězga*, далее др.-инд. *méhati* 'мочиться' и т. п. (Фасмер II, 617; Pokorny I, 713). Болгарские диалектизмы интересны тем, что подтверждают возможность существования на славянской почве особой семьи слов, которая в некотором отношении сходна со слав. **mьgla*, **mьžiti/*mižati*, но имеет существенное отличие в корневом вокализме, которому соответствует другой тип чередования (*u:ъ*) и, следовательно, другой ряд индоевропейских соответствий. Махек сближает чеш. *mžiti* 'моросить' с др.-норв. *mugga* 'мелкий дождь' и таким образом включает его в индоевропейское гнездо с корнем **meug-/*meuk-*: ср. еще др.-исл. *mygla* 'плесень', др.-англ. *mugen* 'покрываться туманом', н.-в.-нем. диал. *maugel* 'туманный, облачный, сумеречный' и т. п. (Pokorny I, 744). Реконструкция для праславянского языка этимологического гнезда с корнем **mug-/*mъž-* проясняет генетические связи некоторых сомнительных славянских слов, толкуемых разноречиво, неопределенно

в этимологических словарях. К числу таких трудных слов, допускающих реконструкцию исходного *mug-, относится кашуб.-словин. *mužava* 'дождь' (Sychta III, 148), а также словен. *múža*, *mužâva* 'болото', *mužiti* 'быть мягким, сочным' (Pleteršnik I, 621—622), штир. *müža*, *müžiti* и названия болотистых мест *Muža*, *Može*, *Müže* и т. п.[11] С принятием исконности аблаутного ряда *u:ъ* корневой вокализм так называемых трудных образований получает надежное, твердое обоснование без дополнительных поправок и допущений, как в случае соотнесения с и.-е. **meiĝh-*: **miĝh-* (см. Безлай).

Славянские языки знают другой вариант основы **mug-* с исходом *-zg*. Основа *muzg-* и связанная с ней чередованием **mъzg-* в рус. *мзга* 'гниль, плесень, сырая погода' и *музга* 'лужа; мелкое пересыхающее озеро; пруд; сырая низина, степное озеро'. Традиционное объяснение этих слов, основанное на сближении с греч. μύδος 'сырость, гниль', лтш. *mudas* мн. 'гнилые водоросли', с одной стороны, и др.-в.-нем. *mios*, англо-сакс. *méos* 'мох', — с другой, сопряжено с трудностями исхода основы (Фасмер II, 617; III, 5). Несколько противоречивое объяснение дает Фасмер для рус. *мзга* и производного от него *мозглый* (ср. еще ц.-слав. мъждикъ tabescens, измъждити 'ослабнуть, обессилеть'): если для *мзга* допускается соотнесенность с *музга* и далее словен. *muzga*, то в случае в *мозглый* это сравнение признается невероятным.

Между тем восстанавливаемый для праславянского параллелизм основ **mug-/*mъž-* и **muzg-/*mъzg-* помогает связать в единое целое отношением родства указанные болгарские диалектизмы и рус. *мзга*, *мозглый*. К этому же гнезду слов принадлежит и кашуб.-словин. *mëzlati* 'размокшая, размякшая (почва, дорога)', *mëza* 'грязь на дорогах' < **muzglъjь*, **muza*[12]. В рамках этого гнезда семантические отношения 'влажный, покрытый мглой' — 'болото; плесень; гниль' и 'слабый, хилый' очень прозрачны и не нуждаются в специальном обосновании.

В этом же лексическом гнезде получает объяснение и с.-хорв. *mùkljiv* (Вук, Лика) 'влажный, мокрый; конская болезнь (когда сочится кровь)', которое в литературе относится к изолированным образованиям без славянских соответствий (Skok II, 479). Один из путей преодоления обособленности, изолированности сербохорватского слова — это восстановление для него этимологических связей с чеш. *mlklý* 'сырой', др.-рус. *молокита* 'болото, топь' (< **melk-/*mьlk-*, *mъlk-*?)[13]. Традиционно, начиная с Миклошича, с.-хорв. *mukljiv* сравнивают с лтш. *mukls* 'paludosus', *mùku*, *mukt* 'погружаться в болото' (Miklosich, 204) и помещают в гнездо слов с и.-е. **teuk-* (Pokorny I, 744). Нам представляется, что с восстановлением новых продолжений и.-е. **meug-/meuk-* на славянской почве (ср. чеш. *mžiti*, болг. *мужа* и т. д.) традиционная версия в отношении с.-хорв. *mukljiv* получает большую убедительность.

*plesmo и *ob-pletъ

В словарном составе южнославянских языков представлена особая лексема **plesmo*, для которой отсутствуют славянские и инославянские соответствия. Ареал этой лексемы ограничен преимущественно западной частью южнославянской языковой области: с.-хорв. *плѐсма* 'моток ниток, пасмо' (Толстой [2] 604), *plèsmo* 'планка, рейка, узкая дощечка' (RJA X, 53) и словен. *plésmo* 'шина; подъем ноги' (Pleteršnik II, 57). Эти слова, хотя и привлекали внимание этимологов, все же не получили удовлетворительного объяснения. Мацэнауэр производил сербохорватское слово в значении 'планка, дощечка' от корня, который содержит лит. *plišti* scindere, findere, dilacerare (Fraenkel, 619), но это сближение сталкивается с трудностями корневого вокализма и не объясняет в полном объеме семантику южнославянского слова, которое, кроме рейки, дощечки, планки, обозначает еще моток ниток, пасмо. Скок выделяет в составе с.-хорв. *plèsmo* суффикс *-mo* (ср. слав. **pisьmo*) и соотносит корневую часть с слав. **plęsati*, для которого восстанавливается первоначальное значение 'бить; топать ногами' (ср. *splesat* me muke; da ovu prepuklu sirotinju *ne poplešu* Turci; silu njihovu desnice tvoje krepostju *popleši*) и исходный корень **plet-* 'широкий' (ср. слав. **plesno* < **pletsnā*) с вторичным развитием назального элемента (Skok II, 682). Безлай [14] по существу принимает идею Скока, подчеркивая, что для указанных южнославянских слов более вероятна связь не со слав. **plesti*, а с лит. *plãsnas* (< **pletsnā*). Большой лексический материал, приведенный Безлаем, не расчленен в словообразовательном отношении, и в одну группу, этимологически трудную, как признает автор, объединяются словен. *plesno*, *plesmo*, *plę̃st*, *-i* ж. р. 'плетение; обшивка пресса', *plestríce* 'забор, сделанный из больших досок', а также многочисленные топонимы (ср. *Plesmo*, *Pliesme*, нем. *Plebnitz* и т. п.) с реконструируемым для них первоначальным значением 'забор'. Однако южнославянский материал в формальном и семантическом отношении находится в явном несоответствии с предполагаемой для них исходной основой **plet-* 'широкий'. С.-хорв. *plèsmo*, обозначающее доску, планки и моток ниток, т. е. тот материал, из которого плетут полотно и делают изгороди, семантически четко отграничено от слав. **plesno* 'подошва ноги' и имеет совершенно особую внутреннюю форму, связанную прежде всего с техникой плетения. Более стертую картину находим в словенском языке, где мена *m/n* могла привести к смешению двух близких по форме слов — *plesmo* и *plesno* и растворению первичной семантики *plesmo* в многочисленных семантических производных *plesno*. В общем семантическом содержании, которое характеризует словен. *plesmo/plesno*, можно выделить два ряда значений: 1. 'подошва (ноги); пятка', 2. 'шина; подъем ноги; выступ; обшитая, оплетенная часть пресса'. Словен. *plesmo/plesno* во втором значении точно соответствует основному значению гл. *plesti*, потому что шина — это не что иное, как обруч, который оплетает, обтягивает колесо, а подъем ноги — это место соединения, сплетения голени и стопы (ср. нем. *Spanne* 'подъем ноги' < *spannen*

'натягивать'). Попутно заметим, что словен. *plesno/plesmo* именно во втором значении, по данным словаря Плетершника, идентично производным от инфинитива *plesti* — *plę̑st*, *plę́sta*, *plestna*, *plestríce*. Можно думать, что имеются вполне реальные основания для выделения самостоятельной словенской лексемы *plesmo*, идентичной с.-хорв. *plesmo*.

Словен. и с.-хорв. *plesmo* образуют узкую изолексу, для которой не прослеживаются продолжения на остальной славянской территории. По всей видимости, это южнославянская инновация, а точнее инновация западной части южнославянских языков. Ю.-слав. **plesmo* — может быть понято как производное с суффиксом *-smo* — **plet-smo*. Тот же тип образований представляют лит. *bė̃gsmas* 'бег': *bė́gti* 'бежать', *šaũksmas* 'крик, шум': *šaũkti* 'кричать' (Słownik prasłowiański II, 13—14). Но возможно и другое объяснение: ю.-слав. **plesmo* содержит фонетический вариант славянского суффикса *-sna*, который, в частности, в составе ст.-прус. *plasmena* 'подошва ноги' (: лит. *plesnà* < **plet-sna*) претерпел то же изменение (Słownik prasłowiański I, 117).

В связи с ю.-слав. **plesmo* необходимо остановиться еще на двух наречных образованиях словенского языка, которые в работах Безлая [15] также объясняются на основе и.-е. **plet-* 'широкий'. Речь идет о словен. *v óplet*, *v óplat* с общим значением 'полностью, до дна' и близких им глагольных образований, выступающих в составе следующих выражений: словен. *midva sva oplela* 'мы пропали' и с.-хорв. *kod nje sam opleo* 'пропал'. Безлай замечает, что оба наречия характерны для района Горицы, но при этом выделяет как наиболее активную форму — *v oplet*. Развивая идею Скока об особой семантике слав. **plęsati* 'бить' и его связи с указанным и.-е. **plet-* и далее слав. **plesno*, Безлай реконструирует для праславянского особый глагол, не отмеченный ни в одном из словарей, — **plęsti*, **plętǫ* с назальным элементом в корне. Словенские наречия с реконструируемой для них исходной формой **o^{n}-plętь* сопоставляются с лит. *į̃ pleñtą* 'полностью, до основания', родственным *pleñtas*, *plénta* 'дно, основание'. Простой корень без назального элемента в лит. *platùs* 'широкий', *plė̃sti*, *plìsti* 'распространять, расширять, растягивать' и т. п. (Fraenkel 606, 617). Интересные и во многом оригинальные идеи Безлая нуждаются в некотором уточнении и частичном пересмотре.

Нам представляется, что словенские наречные образования *v óplet*, *v óplat*, выполняющие сходные функции, имеют иные генетические истоки. Наречие *v óplet*, вопреки Левстику, по причине фонетического характера не имеет, видимо, ничего общего с нем. диал. *ablecht* 'прочь'. А в отношении наречия *v oplat* остается справедливым замечание Миклошича о том, что эта форма не могла развиться из сочетания *ob tla* (Miklosich, 249). Анализ материала показывает, что оба наречия, выступающие в составе связанных сочетаний, застывших выражений, не утратили еще своей первоначальной семантики, хотя в значительной степени стертой и видоизмененной. Словенские наречия сохраняют следы исконной связи с славянским глаголом **plesti*. В застывших выражениях с наречием *v oplet* с общим значе-

нием 'все кончено; все пропало' (ср. *bil je oplet*, *oplet je ž njim*) мы имеем дело с переносным употреблением глагола *oplesti*: 'оплести, опутать' > 'попасть в переплет', 'оказаться в трудном положении'> 'пропасть', 'покончить с чем-то'. Наречие *v óplat* (ср.: *kupčija je v óplat* 'с торговлей все кончено', *v óplat vreči* 'бросить на землю' — Pleteršnik I, 835) также, видимо, может быть помещено в гнездо глагола **plesti*. В рамках этого гнезда словен. *oplat*, как и соотносительное с ним слав. **platъ* 'ткань, материя', связаны количественным чередованием с слав. **plotъ*. Самую тесную связь с этим славянским термином плетения обнаруживают словен. *v óplet*, *v óplat* в значении 'до дна; до основания; полностью'. Славянские термины ткачества, производные от глагола **plesti*, сохраняют еще старое значение 'основа, самое основание': ср. рус. сиб. *плетéнь* 'о с н о в а для тканья на ручном ткацком станке [16]; о с н о в а холста (Новосиб. словарь, 390); урал. о с н о в а для тканья' [17], новосиб. *оплóтина* 'нижний основной ряд плота, на который накатываются другие бревна' (Новосиб. словарь, 355) и т. п. Значение 'до конца; полностью' предопределено и сочетанием с приставной *o-* (< *ob-*). В отглагольные образования **ob-pletъ*, **ob-plotъ* приставка *ob-* привносит оттенок полного завершения действия, полного охвата действия по всему кругу: ср. с.-хорв. *ȍplet* 'вышивка или тесьма по краю платка', чеш. *oploteň* 'дощатая ограда'.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что южнославянское **plesmo* и чисто словенское (*v*) *óplet*, (*v*) *óplat* родственны, но это родство основано не на индоевропейском корне **plet-* 'широкий', а на соотнесенности со славянским глаголом **plesti*. По всей видимости, это поздние диалектные образования, построенные по активным словообразовательным моделям, в рамках этимологического гнезда со слав. **plesti*.

**pǫkati, *pǫčiti/*pęčiti*

Праславянские образования с основой **pǫk-*, **pǫč-* (ср. рус. *пукать* 'лопаться', *пучить*, словен. *pǫ́kniti*, *pǫ́čiti* 'трещать, извергаться' и т. п. — Фасмер III, 404), звукоподражательной по происхождению, были втянуты в сферу апофонических отношений, и в соответствии с продуктивной моделью чередования *e:o* сложилась, как можно думать, основа с корневым *e* — **pęk-*/**pęč-*. Отражение этой основы можно видеть в с.-хорв. *péčiti se*, *pêčim se* 'важничать, куражиться', *pečiti se* (Белла, Стулли) 'жеманно идти, франтить' (RJA IX, 473), *napečiti se* 'разукраситься', *kopêčiti* 'кичиться, держаться надменно, заносчиво' (Skok II, 628; Дубровник, Стулли,) а также в чакав. *pę̄čĩt se*, *pę̄čin se* 'гримасничать' (Хвар), *napę̄čit se*, *napę̄čin se* то же (Брач) (Hraste — Šimunović 617, 788). Скок толкует с.-хорв. *péčiti se* как экспрессивный глагол, результатом преобразования которого (*p*>*b*) явилось *bečiti se*, *bekeljiti se* 'гримасничать, таращить глаза'. Некоторые структурно-семантические особенности с.-хорв. *péčiti se*, в частности наличие приставки *ko-*, говорят о раннем включении этого образования в аблаутные отношения. Семантика этого глагола ('важничать; гримасничать' и т. п.) предстает как производная от основного значения

**pǫčiti* 'вздымать, вздувать' (ср. рус. *пучить*). Экспрессивное с.-хорв. *pěčiti se* является локальным образованием, но не исключено, что в соответствии с указанной моделью сложилось и рус. диал. псков., твер. *напя̀чить* 'наготовить', *пячить* 'давать что-либо', *упякать* 'ввести кого-либо в беду, в неприятность' (Доп. к Опыту, 133, 223, 281), брян. *пя̀кать* 'падать, ударять' (Расторгуев, 223).

**kujь, *kuja*

Эти образования, производные от основы настоящего времени гл. **kovati*, **kujǫ* и сохраняющие семантическую близость с исходной основой, представляют многие славянские диалекты: словац. *kuja* 'палка, на которую опираются при ходьбе' [18], *kújana* 'палка для отбивания косы' [19], чеш. устар. *kujatko* 'наковальня' [20], кашуб.-словин. *kujon* 'дятел; деревянная обувь' (Sychta II, 289). В этом же ряду должно получить объяснение и с.-хорв. *kȕja* (Лика) 'вид полена, скалка, рубанок; жердь в ткацком станке; небольшой складной нож; деревянные ножны' (Жумберак) (Skok II, 224), которое Скок, ничем не мотивируя, производит от *kuljati* 'с трудом резать' (ср. хорв.-кайк. *kuljica* 'пастушеский нож'). Непосредственная связь с гл. **kovati*, **kujǫ* объясняет семантику сербохорватского слова: 'ковать' > 'устройство для отбивания косы' > 'рубанок; палка'. Таким образом, в рамках этимологического гнезда со слав. **kovati*, **kujǫ* наряду с общеславянским **kyjь* (с удлинением гласного в корне) представлен славянский диалектизм **kujь*, **kuja*, сохраняющий огласовку основы настоящего времени.

**tulъ, *tylъ, *tvelъ*

В словарном составе словенского языка выделяют особую лексическую группу с корневым *tul-* и общим значением 'очесы; грубая пряжа': *túle*, *tȗlje*, *túlje* мн. ч. 'грубая пряжа с очесами; очесы', *túljev=tulov* прил.: *tuljeva preja* 'плохая, слабая пряжа', *tulova srajca*, *túlji* мн. ч. 'самая плохая, грубая пряжа', *tulova* ж. р. 'очесы', *tuljeva*, *tuljava* 'грубая пряжа' (Pleteršnik II, 702). Миклошич оставляет словенские слова без объяснения, лишь указывая на возможность родства с рус. *вотолый*, *вотола* 'грубая пеньковая или льняная ткань' (Miklosich 365), но для русского слова предполагается иноязычный источник (Фасмер I, 358), поэтому в данном случае едва ли можно говорить о словенско-русском соответствии. Безлай объясняет словен. *túle*, *tȗlje* через преобразование слав. **stьbolъ* (ср. рус. *ствол*) и в ряде продолжений этой основы видит особую семантическую близость у словен. *tule*, *cvolína* 'вид цуката' и ц.-слав. *стволие* 'крапива' (Bezlaj. Eseji 82). В объяснении Безлая заложено допущение для словенского языка фонетического и семантического расщепления единого слова, которое в форме *stvȏl* выступает в своем основном значении 'ствол', а в форме *túle*, *tȗlje* и т. п. обозначает плохую пряжу. Но в работе Безлая это допущение остается нераскрытым и неаргументированным.

На наш взгляд, словен. *tûle*, *tûlje* имеет иные этимологические истоки. Обращение к славянскому материалу, особенно диалектному, показывает, что словенские слова отнюдь не изолированы, не обособлены в составе славянской лексики. Напротив, словенская группа слов, которую может дополнить образование с приставкой *pa- patûljček* 'стебельки без листьев, используемые для настила постели' (Pleteršnik II, 14; Бела Краина), входит в ряд соответствий, образуемый болг. родоп. *тулица* 'многолетнее трубчатое растение с серыми мелкими листьями и желтыми цветами, идущее на изготовление метлы' [21], с.-хорв. *тӱлај* 'кукурузный стебель' (Толстой [2], 960), рус. брян. *тулейки* 'лыко для плетения лаптей' (Расторгуев, 263). Общей особенностью приведенных славянских диалектизмов является то, что они обозначают волокнистые, трубчатые стебли, которые после первичной обработки дают грубое сырье. Этот основной семантический признак ('трубчатые, полые стебли') позволяет ввести славянские диалектизмы в этимологическое гнездо слав. **tulъ* 'трубка; полый цилиндр'. В широком семантическом содержании этой славянской основы можно выделить несколько линий, ответвлений от этого основного значения: 1. 'колчан; вместилище для стрел' (Фасмер IV, 117) [22], 2. 'втулка, затычка' (ср. рус. *тулка*, *втулка* — Даль [2] IV, 441), 3. 'корзина, капкан' (ср. с.-хорв. *tułac*, словен. *tûłec*, болг. родп. *па-тули* [23]), 4. 'углубление, впадина' (ср. словен. *tûłec* 'ущелье', рус. забайк. *тули́н* 'долина в пади'), 5. 'часть самопрялки' (ср. рус. полесск. *тули́ка* 'кусочек кожи с отверстием, через которое проходит спряденная нить, прежде чем она попадает на шпулю' [24], словен. *túlovka* 'die Spindelröhre, die Spuldille am Spinnrad') и т. п. Этот ряд продолжений слав. **tulъ* с вторичной, производной семантикой дополняет и расширяет, в частности, словен. *tûle*, *tûlje* 'грубая пряжа; очесы'.

В словаре Даля объединяются как генетически тождественные *тул* и *туловище*, что, видимо, не лишено оснований. В объяснении Даля *туловище* как обозначение торса, тела человека предстает как семантически и морфологически производное от *тул*, *туло*: рус. *ту́ло*, *ту́лово*, *ту́ловище* 'тело, торс, туша, стяг; тело без головы, без рук и без ног, кроющее (*тулящее*) в себе полости: грудную, брюшную и тазовую, со всеми черевами их' (Даль [2] IV, 441). Отмеченное в сербохорватском *tulina* обозначает тело (животного, пейор. человека) и внутренности, требуху (RJA 18, 902; Средняя Далмация), т. е. то, что укрыто, закрыто. Отсюда прямая связь с гл. **tuliti*, для которого Даль разграничивает исконное значение 'прятать, укрывать' и вторичное 'гнуть, сжиматься', развившееся в приставочных образованиях: ср. рус. *тулить* 'укрывать, прятать, закрывать', с.-хорв. *тӱлити* 'тушить, гасить', словен. *túliti* 'сжимать, прижиматься' и т. п. (Фасмер IV, 117; Skok III, 520—521). Как видим, имеются серьезные основания считать слав. **tulovišče* исконным словом, а не заимствованием, как думал Миклошич (Miklosich, 365; Фасмер IV, 118).

Слав. **tulъ* обычно сопоставляют с др.-инд. *tūṇah* 'колчан для стрел', греч. σωλήν (<**tu̯ōl-*) и возводят к и.-е. **toul-/tu̯ōl-* 'труба'

(Фасмер IV, 117)[25], которое является составной частью этимологического гнезда с корнем *tēu-, *teu̯ə-, *tū- 'пухнуть' (Pokorny I, 1080). К этому же гнезду слов принадлежит и слав. *tylъ 'затылок', которое считают производным от гл. *tyti 'толстеть, тучнеть' (Фасмер IV, 131). Однако обращает на себя внимание тот факт, что в ряде славянских диалектов слово *tylъ выступает в той же функции, что и *tulъ, *tulovišče. Показательны в этом отношении в.-луж. tyl 'затылок' и tylow 'туловище', tylowa 'колчан' (Трофимович, 333), укр. *тил* 'задняя часть, сторона ч.-л.', 'приклад', *тиль́* 'тыл, хребет, спина' и *тилі́нка* 'род открытой свирели из бузины или вербы, без боковых отверстий' (Гринченко IV, 260). Частично слав. *tulъ совмещает в себе значения, характерные для *tylъ, об этом свидетельствует блр. могил. *тул* 'тыл, зад' и *ту́лува* 'туловище' (Слоўнік. Магіл, 447).

Славянские языки сохранили, по всей видимости, и другой апофонический вариант основы *teu̯ə-, а именно *tu̯el-. Отражением его с большой долей вероятности можно считать кашуб.-словин. tvėla, 'толстая ветка, отросток, побег, сильно вытянувшийся без солнца' (Sychta V, 415).

---

1 Картотека Словаря брянских говоров. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.
2 Картотека Псковского областного словаря (Межкафедральный словарный кабинет филол. фак-та ЛГУ).
3 *Прокопенко В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 430.
4 *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959 (= Spisy University v Brně. Filosofická fakulta, 59), 75.
5 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6), 175.
6 *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Monumenta linguae slavice. T. XII. Freiburg, 1978, 211—212.
7 *Hruška J. F.* Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii i dialektologii, číslo 7), 48.
8 *Кънчев И.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, 119.
9 *Евстатиева Д.* Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 174.
10 *Гжпюв П.* От Търново. — СбНУ XVI/XVII, ч. II, 404.
11 *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, 20—21.
12 *Варбот Ж. Ж.* Кашубские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1977. М., 1979, 276—277.
13 *Петлева И. П.* Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, 47—48. Примечание 53; *Она же.* Этимологические заметки по славянской лексике. VIII. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 35—38.
14 *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena, II, 96—97.
15 *Bezlaj F.* Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja. 10. Sln. *oplet*, *oplat* in sbh. *poplesati*. — JiS XVIII, 7—8, 1972—73, c. 284; *Idem.* Etyma slovenica. — Razprave SAZU 2, VII, 172—173; *Idem.* Рец.: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. druga: *K — poni.* — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 182.
16 *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, 85.
17 *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 62—63.

[18] Картотека Словацкого диалектного словаря Ин-та языкознания им. Л. Штура. Братислава.
[19] *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nářečí. Banská Bystrica, 1924, 282.
[20] *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického, 84.
[21] *Стойков Ст.* Родопски речник. — БД II, 218.
[22] *Одинцов Г. Ф.* Из истории названий *тул, колчан, сайдак* (и его вариантов) в русском языке. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 98—101.
[23] *Стойков Ст.* Родопски речник. — БД V, 196.
[24] *Владимирская Н. Г.* Полесская терминология ткачества. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 274.
[25] Майрхофер ставит под сомнение сопоставление рус. *тул* с др.-инд. *tūṇah*, которое, по его мнению, не имеет удовлетворительной этимологии (Mayrhofer 7, 518).

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XI*

(**lybnǫti, *těr(')ati, *tьpati, *vьrskati, *męsnǫti*)

**lybnǫti*

Глагольная группа *улыбаться*, *улыбнуться*, *лыбить*(*ся*) традиционно рассматривалась в этимологических исследованиях как собственно русская (Miklosich, 177; Berneker 751; Преображенский, 482). Только в русском переводе словаря Фасмера добавлено О. Н. Трубачевым в статье *улыба́ться* еще болг. диал. *улйпка* (Фасмер IV, 160). Публикации болгарских диалектных лексических материалов позволяют увеличить число болгарских соответствий: ср. *либе́т'ъ съ* 'легкомысленно смеяться' [1]. Уже эти материалы свидетельствуют о большей древности глаголов с корнем *lyb-*, нежели собственно история русского языка. Очевидно, возможен их праславянский генезис.

Дальнейшее расширение круга инославянских соответствий для группы русск. *улыбаться* — *улыбнуться* взаимосвязано с этимологическим истолкованием ее. Собственно, существует несколько толкований, и Фасмер, приведя их, определил эту лексическую группу как этимологически неясную (Фасмер II, 539). К числу неубедительных Фасмер отнес при этом и предложенное Бернекером сближение с *луб*, предполагающее исходную семантику 'раздирать' → 'разевать (рот)' (Berneker I, 751). В русском переводе словаря Фасмера О. Н. Трубачев добавил, как наиболее естественное, объяснение, предложенное П. Я. Черных: *улыбаться* родственно *лъб* > *лоб*, с первичным значением 'скалить зубы, как череп' [2] (Фасмер II, 539). Вследствие родства слав. **lubъ* и **lъbъ* две последние версии по существу тождественны, различия касаются лишь толкования первичной семантики глагола *улыбаться*. Хотя морфоно-

логические характеристики сближают скорее *улыбаться* с **lъbъ* (как ступень редукции *ъ* — ступень удлинения редукции *у*), более вероятной представляется семантическая реконструкция 'раздирать' → → 'разевать (рот)' (вне непосредственной связи с **lъbъ*). Бернекер указал в качестве семантической параллели для этого развития слав. **skolbiti* (от корня **skolb-*, производного от **kolti*; см. Berneker I, 751). Реальность подобного семантического развития подтверждается также отношениями **kolti* — рус. *скалиться*, **čerti* — рус. *щериться*, рус. *драть* — новосиб. *удираться* 'сильно смеяться, хохотать' (Новосиб. слов., 552).

Принятие семантической реконструкции 'раздирать' → 'разевать рот' предполагает возможность существования глагола со значением типа 'драть, рвать; колоть'; обнаружение такого глагола, в свою очередь, подкрепило бы семантическую реконструкцию. И действительно, такой глагол есть: это чеш. морав. *łybnút'* 'ударить' [3]. И формально, и семантически родство этого глагола с гнездом слав. **lubъ*— **lъbъ* вполне вероятно (ср. семантические отношения в родственном с **lubъ*— **lъbъ* гнезде **lupiti*: словен. *lúpiti* 'сдирать кору, скорлупу, шелуху; шелушить', с.- хорв. *l̂ûpiti* 'ударить' при родстве с др.-в.-нем. *louft* 'кора, лыко'). Соответствие рус. (*у*)*лыбнуться*— чеш. *łybnút'* дает основания для реконструкции праслав. **lybnǫti*. Родственная глагольная основа иной структуры может предполагаться в болг. родоп. *ли́ба* 'неохотно брать что-либо в рот, неохотно есть (о скоте)' [4]. Более проблематична принадлежность к этому гнезду болг. диал. *ли́бам* 'плакать, всхлипывая, прерывисто, переводя дыхание' [5], хотя и здесь можно предполагать первичность семантики 'драть' (→ 'дергать' → 'дергаться, судорожно всхлипывать'). Более надежным рефлексом основы на *-ati*, причем с семантикой, близкой к приведенному выше болг. *ли́ба* 'неохотно есть', является, возможно, укр. *ли́бати*, обозначающее, судя по контексту (Там і паша така, що треба скотині по стебельцю *либати*), 'рвать понемногу, урывать' (Гринченко II, 357, значение определено как 'медленно пастись'; на этот глагол мне указала Г. П. Клепикова, за что и приношу ей благодарность).

Таким образом, судя по инославянским соответствиям, русские глаголы группы *улыбаться* — *улыбнуться* восходят к праславянским глаголам с первичной семантикой 'драть, раздирать'.

**tĕr(')ati*

Праславянское **tĕr(')ati* надежно реконструируется как источник следующих глаголов в отдельных славянских языках: серб.-ц.-слав. *тѣрꙗти* διώκειν, болг. *те́рам* 'преследовать; гнать; силою заставлять идти; править; приводить в движение; побуждать; хотеть; требовать; искать', *терамся* 'судиться, тягаться; свататься; искаться' (Геров, 5, 394), диал. также 'идти через силу, тащиться' [6], диал. *те́ръм* 'погонять; посылать; проживать; достигать (о времени)' [7], с.-хорв. *тѐрати* 'гнать, преследовать; принуждать', *тѐрати се* 'преследовать друг друга; судиться; спариваться', словен. *têrjati* 'требо-

вать, взыскивать', н.-луж. *šěraś* 'быстро приближаться, гнать, мчаться'. В некоторых языках представлены родственные основы на *-iti:* в.-луж. *ćerić* 'охотиться на кого-либо, преследовать', н.-луж. *śěriś* 'мчаться', ст.-чеш. *těřiti* 'преследовать' (Kott IV, 66). Следует отметить также возможность огласовки корня *i* в основах на *-ati* и *-iti*: ср. болг. диал. *тúра, -иш* 'гнать', *тúра са* 'быстро бежать, бросаться' [8], *нъmúp'ъм cu, нъmúp'ъ cu* 'выгонять (скот на пастбище); прогонять' [9], словен. *tîrjati* 'требовать', *tîrati* 'гнать, погонять; судиться', *tîrati se* 'быть в течке' (Pleteršnik II, 669).

Этимология рассмотренной группы глаголов толкуется различными исследователями неоднозначно, причем нередко по-разному очерчивается и лексический состав группы. Младенов, который учитывал из приведенных славянских глаголов болгарские и сербохорватские, предполагал родство их с рус. *торопить*, т. е. с праславянским гнездом **tьrp-/*torp-* (Младенов, 498). Эта гипотеза вызывает сомнения с точки зрения соотношения семантики двух гнезд: в рассматриваемом гнезде преобладает значение 'гнать', а в праслав. **tьrp-/*torp-* значение 'торопить, побуждать к действию' является лишь частным развитием значения 'мучить(ся)', при исходной семантике гнезда 'застывать, затвердевать' (и.-е. **(s)terp-*, см. Pokorny I, 1024). Скок в своем этимологическом словаре привел все перечисленные выше глаголы и передал мнение Младенова относительно их генезиса, но собственного решения не предложил, а лишь отметил, что славянские глаголы не имеют балтийских и других индоевропейских соответствий (Skok III, 476). По иному пути пошел Ф. Безлай: словен. *têrjati* он рассматривает вне каких бы то ни было внутриславянских связей и считает родственным балтийской этимологической группе в составе лит. *tarýti* 'заявить', лтш. *tirt* 'расспрашивать' (Bezlaj. Eseji, 124). Однако значения словен. *têrjati*, *tîrati*, *tîrjati* слишком естественно вписываются в семантику всей группы слав. **těr(')ati*, **tir(')ati*, чтобы можно было изолировать словенские лексемы. С другой стороны, семантика этой группы с преобладанием значения 'гнать, преследовать' вряд ли согласуется с семантикой гнезда лит. *tarýti*, где преобладает элемент обозначения звучания: на индоевропейском уровне сюда относят др.-инд. *tārá-* 'громко звучащий', греч. τορός 'пронзительный', хетт. *tar-* 'говорить' (Fraenkel 1059—1060).

Наибольшее признание получила этимологическая версия, подробно разработанная Б. Ляпуновым. Рассматривая семантику гнезда слав. **ter-* 'тереть' (в связи с этимологизацией др.-рус. *тировати*), Ляпунов пришел к выводу, что из этого гнезда происходят также рус. *терять* (с развитием значения: 'трением ослаблять, уменьшать, губить', ср. др.-рус. *терѣти* 'опустошать'>'терять'), польск. *terać* 'изнашивать; разрушать, губить; тратить, терять' (< *tyrać*, вместо ожидаемого производного от **tьr-* **cierać*; *y* Ляпунов объясняет новообразованием под влиянием польск. *trę* с твердым *t*) и, наконец, группа глаголов со значением 'преследовать, гнать': с.-хорв. *tjërati*, словен. *tîrati*. Значение 'преследовать' как и 'уничтожать', Ляпунов считает производным от первичного 'тереть', ссылаясь в ка-

честве параллели на развитие значений в гнезде и.-е. **ghuen-*: лит. *genëti* 'обрубать сучья', слав. **žęti*, **žьnǫ*, др.-инд. *hanti* 'бить, ранить, убивать', слав. **gъnati*[10].

Фасмер принял толкование рус. *терять* как производного глагола гнезда **ter-*, 'тереть', но связь его с глаголами группы 'гнать' охарактеризовал как недостоверную (Фасмер IV, 50), т. е. поставлена под сомнение принадлежность группы глаголов **těr(')ati*, **tir(')ati* к гнезду **ter-* 'тереть'.

Автор «Историко-этимологического словаря верхне- и нижне-лужицкого языков» Х. Шустер-Шевц связал лужицкие глаголы группы 'гнать, преследовать' со старо-чешским глаголом (приведено *tiriti*, но скорее должно быть *těřiti* или *tírati*, см. Kott IV, 66 и 87) и рус. диал. *тереть* 'бежать' и возвел эти глаголы к **terti* 'тереть', реконструировав следующее развитие значения: 'тереть' > 'растягиваться вследствие интенсивного трения' > 'быстро двигаться', со ссылкой на отношения рус. *драть* — *удрать* 'убежать' (Schuster-Šewc 3, 137—138).

Наконец, А. Вайян также принял гипотезу о родстве глаголов группы **těr(')ati* 'гнать' с гнездом **terti*, **tьrǫ* 'тереть' (учитывая семантику рус. *тор* 'утоптанная, убитая д о р о г а'), равно как и о принадлежности к этому гнезду рус. *терять*[11].

Представляется, что в интересах наиболее объективного освещения проблемы следует вначале разделить вопросы о генезисе слав. **těr(')ati*, **tir(')ati*, с одной стороны, и о генезисе рус. *терять*, укр. *теряти* 'терять; портить' (Гринченко IV, 258), а также польск. *terać*, с другой стороны.

Обратимся прежде всего к вопросу о происхождении глаголов группы **těr(')ati*, **tir(')ati* 'гнать, преследовать' точнее — о возможности их связи с гнездом **ter-* 'тереть'. И формально, и семантически эта связь достаточно вероятна. Но этот вопрос нельзя рассматривать лишь на славянском материале. Утверждение Скока об отсутствии для славянских глаголов как балтийских, так и других индоевропейских соответствий (Skok III, 476) требует коррекции. Вероятно, балтийских соответствий действительно нет, но обнаруживается большая группа глаголов с корнем **ter-* и семантикой, близкой к семантике славянских глаголов, в других индоевропейских языках, прежде всего в индо-иранских: это др.-инд. *tárati* 'переправлять; преодолевать; подгонять', авест. *tar-* 'преодолевать' др.-перс. *vi-tar-* 'переправляться', осет. *tæryn*, *tærun* 'гнать; угонять; прогонять, выгонять', гурани *tārin* 'прогонять', ягноб. *tir* 'уходить' (и другие иранские формы, см. подробный перечень: Абаев III, 279), греч. νέκταρ (собственно, 'прогоняющий, преодолевающий смерть'), хетт. *tarḫzi* 'побеждать, одолевать'. Наибольшая семантическая близость связывает славянские глаголы с осетинскими: ср. болг. бабы телци *терат*; *тера* мя да работь (Геров 5, 394) — осет. īw bon xīzænæj *ærtardta* je fsæst fosy ʒūg "однажды он пригнал с пастбища свое сытое стадо"; K_0yd *batæra* jæ zærdæ ʒūryn jæ īwnæg æv̌symærg marǵytæm? "как ему заставить себя заговорить с убийцами его единственного брата?" (Абаев III, 278—279). В. И. Абаев

в словарной статье, посвященной осет. *tæryn*, *tærun*, отметил в качестве старой славо-арийской изоглоссы рус. *турить* 'гнать' (Абаев III, 279). Но корневое слав. **u* трудно согласовать с праиндоевропейской структурой корня **ter(ə)-*, которая реконструируется как исходная для всех приведенных индо-иранских, греческой и хеттской форм (Pokorny I, 1074—1075)[12]. В то же время слав. **tĕr(')ati*, **tir(')ati* могут быть производными от корня **ter-* и, следовательно, не только семантически, но и структурно вписываются в одно гнездо с приведенными индоевропейскими глаголами. Покорный реконструировал семантику этого гнезда как 'проникать, достигать; пересекать; преодолевать' (Pokorny I, 1074) и дифференцировал это гнездо от гнезда **ter(ə)-* 'тереть'. Поскольку слав. **tĕr(')ati*, **tir(')ati* находят в гнезде и.-е. **ter(ə)-* 'достигать; преодолевать' надежные соответствия, следует предполагать их происхождение именно из этого гнезда и омонимичный характер соотношения их с гнездом слав. **ter-* 'тереть'.

Судя по структуре глаголов праслав. **tĕr(')ati*, **tir(')ati*, они являются итеративами-имперфективами с корневым удлинением, производными от глагола с корнем **ter-/*tьr-*. Можно думать, что рефлексы этого глагола слились в славянской лексике с глаголом **terti* 'тереть', и свидетельством такой контаминации должны быть специфические значения. Подобное происхождение вероятно для чеш. *potříti* koho 'одолеть, победить; уничтожить'. Махек, отметив обособленность значения, тем не менее включил этот глагол в гнездо чеш. *tříti* 'тереть' (Machek [2], 659). Действительно, дифференцировать эти два гнезда на славянской почве сложно, их контаминация была неизбежна. Возможно, отголоском наследия гнезда и.-е. **ter(ə)-* 'достигать; преодолевать' является та обширная славянская лексическая группа с корнем **ter-/*tĕr-/*tir-/*tor-*, которая обнаруживает семантику 'напирать, докучать, домогаться, добиваться', 'назойливый, нахальный', например: чеш. морав. *dotřít se* k něčemu 'добиться чего-либо хитростью', польск. *nacierać* na koga 'наседать на кого-либо, домогаться', укр. *натирáти* 'напирать, настаивать', *настúрний* 'бойкий, дерзкий, наглый', с.-хорв. *nastor* 'злоба, преследование', словен. *nástoren* 'упрямый; злой', рус. диал. ряз. *натóрный* 'нахальный' и т. д.[13].

На фоне контаминации производных от двух омонимичных индоевропейских корней в славянской лексике и следует рассматривать вопрос о происхождении рус. *терять*. Значение др.-рус. *терѧти* 'опустошать' свидетельствует о связи этого глагола с **terti* 'тереть', так что можно принять приведенную выше семантическую реконструкцию Ляпунова (от 'тереть' к 'терять'). Примечательна, однако, фиксация специфического значения у глагола *терять* в рязанских говорах — 'гнать, прогонять': Инóй рас вот л'áжыша вот... бóзнът' ч'авó в γлазá л'éз'ит, какáйъ-тъ тълалá... и мужук'ú и бáбы... И н'а зна́иш, как их фс'о *път'ирáт'*... *Т'ир'áиш*, *т'ир'áиш*, кр'ас'-т'úш, кр'ас'т'úш, ну, кóй-как адбатáис'с'и — ус'н'éш (Деулинский словарь, 557). Вероятно, допустимо предположение о связи этого значения с индоевропейским гнездом **ter(ə)-* 'достигать', 'преодолевать' > слав. **ter-* 'гнать', так что контаминация двух гнезд просле-

живается и непосредственно в глаголе *терять*. Эта контаминация была, возможно, облегчена тем обстоятельством, что, как свидетельствует лексика индоевропейских языков, значение 'терять' в них может равно развиваться как на базе первичного 'уничтожать, разрушать' (слав. **terti* 'тереть'), так и на базе 'оставлять, выгонять' (ср. лат. *mittere* 'бросать, отправлять' — *amittere* 'отпускать', затем 'терять'; лит. *mèsti* 'бросать' — *pamèsti* 'потерять', см. Buck, 766—767).

Судя по суффиксу, вост.-слав. *теряти* должно быть итеративом имперфективом. Правда, вокализм корня здесь устойчиво краток, но установлено, что ожидаемое в имперфективах удлинение *e→ě* встречается редко и легко утрачивается, ср. ст.-слав. насѣлıати, но въселıати; а также с.-хорв. *useljávati*[14]. Следовательно, и для вост.-слав. *теряти* можно предполагать в качестве исходной форму праславянского имперфектива **těr(')ati*, омонимичную той, которая дала глаголы с семантикой 'гнать, преследовать'.

Что касается генезиса польск. *terać* (<*tyrać*) 'изнашивать; разрушать, губить; тратить, терять', который Ляпунов счел генетически тождественным с *терять* и возвел к гнезду **ter-* 'тереть' (см. выше), то этому толкованию противоречит наличие бесспорно родственного с польск. *terać* чешского глагола *tyrati* 'мучить, истязать'. Судя по этому родству, корневое *y* в этих глаголах старое, а не новообразование, как думал Ляпунов, так что принадлежность **tyrati* к гнезду **ter-* очень сомнительна. Более вероятна гипотеза о родстве этого западнославянского глагола с рус. *турить* (Brückner, 589; Holub-Kopečný, 399; Machek[2], 664).

**tьpati*

В IV статье данной серии была обоснована реконструкция праслав. **tipati* 'касаться, надавливая; ударять' (болг. диал. *тúпам* 'брыкать; топтать; ударять', *тúпъм* 'ходить; стараться о чем-либо', с.-хорв. *tipati* 'достигать, дотрагиваться', словен. *típati* 'ощупывать, осязать', *t. piskre* 'делать руками глиняные горшки', чеш. *típati se* s čím 'медленно делать чего-либо', рус. диал. *тúпать* 'тихонько ударить; схватить, украсть', 'укусить, клюнуть, щипнуть; красться', *натúпать* 'накусать (о комарах)', *потúпать* 'пощипать, покусать, поклевать', ср. также *типóк* 'короткое колено цепа, киек, боек', *типля́к* 'большой пест'). Этот глагол истолкован как родственный с **tepti* 'бить, колотить'. Вокализм **tipati* объяснен как ступень продления редукции при утрате форм с вокализмом в ступени редукции[15]. Замечание об утрате в этом гнезде форм с вокализмом в ступени редукции представляется теперь, однако, слишком поспешным. Есть в славянских языках семантически разрозненные глаголы, которые могут быть рассмотрены под углом зрения потенциального родства с **tepti* и получают при этом объяснение как рефлексы основ с корневым вокализмом в ступени редукции. Имеются в виду прежде всего польск. *ćpać* 'много, медленно, постоянно есть, жевать', диал. *ćpnąć* 'тронуть, воткнуть' (Варшавский словарь I, 416), а также чеш. *cpáti* 'совать, пихать; набивать', *cpáti se* разговорн. 'есть, уплетать;

лезть, переть(ся)', в.-луж. *-cpěć*, *-cpić* в префиксальных *docpěć* 'добиться, достигнуть', *přicpěć* 'придать, приписать', *zacpěć* 'пренебречь' (Pfuhl, 63), болг. диал. *тъпъм* 'пинать; пульсировать' [16].

Этимологией этих глаголов занимались мало. Брюкнер упомянул всю группу (кроме болгарского глагола) в словарной статье *ćkać*, но без этимологического комментария (Brückner, 65). Х. Шустер-Шевц в своем этимологическом словаре отложил этимологизацию в.-луж. *-cpěć* до анализа н.-луж. *spěś* (Schuster-Šewc 2, 98), допуская, очевидно, связь в.-луж. *-cpěć* с праслав. **spěti* (?). Ф. Копечный разработал этимологическое толкование для чеш. *cpáti* (и польск. *ćpać*): предполагается праслав. **stьpati*, родственное с лат. *stīpare* 'набивать, наполнять' [17]. Эта версия относительно происхождения чеш. *cpáti*, вместе с польск. *ćpać* и в.-луж. *-cpěć*, принята также (с различием в некоторых деталях реконструкции фонетического развития) Махеком (Machek [1], 62; Machek [2], 89). При этом предполагается звукоподражательный генезис исходного корня.

Структура и семантика рассматриваемой группы глаголов и их окружения в славянской лексике оправдывают, кажется, иное этимологическое решение. Ключ к нему дает приведенный Махеком в словарной статье о *cpáti* моравский итератив *zatipat* (с производным именем *zatipka* техн. 'сальник', Machek [2], 89). Эта форма свидетельствует об исходном *t* в начале корня, так что польск. *ćpać* и чеш. *cpáti* оказываются возводимыми к одному источнику — **tьpati*. Начальное *c* в чешской и верхнелужицкой формах объясняется, вероятно, специфическими изменениями группы согласных, возникшей после падения редуцированных. Поэтому в.-луж. *-cpěć* может быть рефлексом праслав. **-tьpěti*. Польск. *ćpnąć* дает основания для реконструкции **tьpnǫti* (с вторично восстановленным *p*). Наконец, учитывая, что в болгарском языке возможно отражение праслав. *ь* как *ъ*, допустимо и болг. диал. *тъпъм* считать продолжением древней основы с корнем **tьp-*, а именно — той же основы **tьpati*, к которой восходят польск. *ćpać* и чеш. *cpáti*. Таковым представляется набор древних основ с корнем **tьp-*, продолжениями которых являются перечисленные выше глаголы. Наличие в этих основах корневого вокализма в ступени редукции вполне соответствует морфонологическим характеристикам праславянских глагольных основ на *-ati* (при наст. вр. *-je-*), *-nǫti* и *-ěti* (при наст. вр. *-i-*). Корень этих основ — **tьp-* — мог бы быть отождествлен с корнем лат. *stīpāre* (см. выше толкование Махека), при условии признания в последнем *s*-mobile. Но более рациональным представляется установление собственно славянских связей этого **tьp-*, которое поддается истолкованию как ступень редукции слав. **tep-* 'бить, колотить'. В структурном плане реальность для этого корня вокализма в ступени редукции подтверждается реконструкцией праслав. **tipati* с корневым вокализмом в ступени продления редукции. В семантическом плане возможность связи глаголов, имеющих корень **tьp-*, с праслав. **tepti* также достаточно очевидна: исходное значение **tepti* 'бить, колотить' могло быть базой для развития значений 'пинать; пульсировать' (болг. *тъпъм*, ср. семантическую модель в рус. *биение пульса*), 'совать, пихать; наби-

вать' (чеш. *cpáti*), 'воткнуть' (польск. *ćpnąć*), 'есть, жевать' (польск. *ćpać*, чеш. *cpáti se*, ср. рус. диал. *набивоха* 'обжора' — Даль[2] II, 379), 'лезть, переть(ся)' (чеш. *cpáti se*, ср. рус. *пробиваться*) и 'достигнуть' (в.-луж. *docpěć*, ср. рус. *добиться*; следует учесть, что Пфуль реконструировал для беспрефиксного в.-луж. *cpěć* значение 'набивать' — Pfuhl, 63). Интересно, что одно из этих производных значений гнезда праслав. **tep-*/**tьp-* находит соответствие в семантике родственного литовского гнезда *tèpti*: ср. слав. 'есть, жевать' — лит. *tepěti* 'есть, жрать, поглощать' (Fraenkel, 1081; Niederman—Senn—Brender—Salys IV, 641).

**vьrskati*

Лоренц зафиксировал в поморских говорах глагол *varskac* 'брызгать': Vωr *vωrskajǫ*, хrарә (Lorentz. Pomor. III, 809). Однокоренным с ним представляется кашуб.-словин. архаичное *vårščec*, *våršče* 'кипеть, бурлить' (Voda *våršče*,. k'ej są gotëje), 'бить небольшой, но сильной струей, брызгать' (K'ej są jiʒe po mokrëχ łǫkaχ, to voda z ńiχ *våršče*. Sychta VI, 55). Эти два глагола являются генетически соотносительными основами на *-a-* и *-ě-*, производными от корня-расширенного суффиксом *-sk-*. Судя по значениям глаголов ('брызгать; кипеть; бить струей'), их корень может быть отождествлен с корнем праслав. **vьrěti* 'кипеть' (ср. отглагольное праслав. **virъ* 'источник'). Такое же расширение корня представлено в родственном балтийском гнезде: с лит. *vìrti* 'варить' родственны *vìrškinti* 'разваривать, переваривать (о желудке); свертываться', *virkštěti* 'разрастаться вверх, увеличиваться', *vìrkšti*, *-rštu*, *-rškau* 'увеличиваться; свертываться', *pavir̃kšti* 'разрастаться, выбрасывать стебель; свертываться (о молоке)', *vir̃kštis* 'плеть (растения)', лтш. *vir̃ksne* 'картофельная ботва' (Fraenkel, 1260—1261). Структура балтийских глаголов подтверждает вероятность *-sk-*производных в праславянском гнезде **ver-* 'варить, кипеть'. В свою очередь, однокоренные славянские материалы полезны как свидетельство аналогичных семантических переходов: ср. лит. *virkštěti*, *vìrkšti* 'разрастаться, увеличиваться' — словац. *navret'* 'увеличиться, набухнуть' (Kálal, 371), лит. *vìrškinti*, *vìrkšti*, *pavir̃kšti* 'свертываться' — чеш. *sevříti se*, в.-луж. *zewrěć so* 'свернуться (о молоке)'. Что же касается обозначения действия разрастания и побегов растений, которое так ярко проявляется в семантике балтийского гнезда, то славянская лексика (хотя и других этимологических гнезд) показывает регулярность связи подобных названий с глаголами движения (ср. рус. *побег*, чеш. *vyhonek* 'побег, росток'). Ближайшей же аналогией к образованиям типа лит. *virkštěti* 'разрастаться вверх', *vir̃kštis* 'плеть (растения)', лтш. *vir̃ksne* 'картофельная ботва', восходящим к гнезду **ver-* 'кипеть', является рус. диал. перм. *брызговáтый* 'высокий (о льне)' (Филин 3, 214).

И в славянском гнезде **vьrěti*, и в балтийском родственном гнезде есть образования со значением 'свертываться (о молоке)': см. выше чеш. *sevříti se*, в.-луж. *zewrěć so*, лит. *vìrškinti*, *vìrkšti*, *pavir̃kšti* (откуда лит. *varšk̨ě* 'творог'). При этом литовские глаголы характе-

ризуются расширением *-*sk*-. Это позволяет предположить, что к числу славянских производных с этим расширением может быть присоединено еще помор. *varšnǫc* 'скиснуть' (Lorentz. Pomor. III, 1, 809).

Итак, три кашубско-словинских глагола: *varskac*, *vårščec* и *varšnǫc* — представляются образованиями с расширением -*sk*-, принадлежащими к гнезду праслав. **var-/*vьr-* 'кипеть, варить'. Структура корня в этих глаголах (*ar*<**ьr*) объясняется воздействием суффиксального *s* в -*a*-основе *varskac*<**vьrskati*, которая и была, очевидно, наиболее старой из трех. Фонетически закономерная для этой основы форма корня *var-* была затем усвоена основами на -*ě*- (*vårščec*) и -*nǫ*-(*varšnǫc*). В последней основе было пережито также упрощение группы согласных. Поскольку тождественное -*sk*-расширение глагольной основы представлено в родственном балтийском этимологическом гнезде, можно предполагать праславянскую древность хотя бы одной, наиболее старой из трех рассмотренных основ —**vьrskati*, которая, в таком случае, является праславянским диалектизмом.

**męsnǫti*

Словен. *mesníti* 'обманывать', *mesníti se* 'ошибаться' (Pleteršnik I, 573) кажется на первый взгляд связанным с *mésiti* 'мешать' (праслав. **měsiti*): ср. рус. *помешаться*, *замешательство* и т. п. Но у словенского глагола *mesníti* обнаруживается точное (с различием лишь в префиксальной структуре) соответствие в юго-западных украинских говорах — *омяснýтися* 'ошибиться' (Гринченко III, 54)[18]. Структура украинской лексемы исключает возможность корня *měs-* и позволяет предполагать корень *męs-*, что допустимо и для словен. *mesníti*. Корня такой структуры и интересующей нас семантики в славянской лексике нет, но есть корень, который в составе инфинитива (корневого) имеет вид *męs-*: это *męt-* в **mętǫ*, но **męsti* 'крутить, мутить, смешивать, путать'. Регулярные продолжения этого глагола в славянских языках демонстрируют способность к развитию значения 'ошибаться' / 'обманывать': ср. др.-рус. *помѧсти* 'ошибиться' (Чтѣте, исправливаюче, не кльнуще, ѣа дѣлѧ, чи кдѣ дѣтина помѧлъ. Парем. 1271. — Срезневский II, 1176), чеш. *másti*, *matu* 'вводить в заблуждение', *másti se* 'ошибаться', *másti se na mysli*, *byti pomatený na rozum* 'повредиться в уме', валаш. *omést'*, ляш. *omest'* 'обмануть', валаш. *zmést'sa* 'ошибиться' (Machek[2], 354). Аналогичное семантическое развитие лежит в основе значения 'ошибаться' у праслав. **blęsti*: ср. лит. *blę̃sti*, *blendžiù* 'замешивать (муку в кушанье)', гот. *blandan sik* 'смешиваться', ср.-в.-нем. *blanden* 'мешать' (Pokorny I, 157; ЭССЯ 2, 115).

Приведенные материалы позволяют выдвинуть предположение о генетическом тождестве **męs-* в словен. *mesníti* и укр. *омяснýтися* с **męt-/*męs-* в праслав. **mętǫ*, **męsti*. Вероятно, в производной основе на -*nǫ*- был использован корень корневого инфинитива. Не исключено, что в появлении *s* в -*nǫ*-основе сыграло роль отталкивание от потенциального омонима: регулярное фонетическое развитие -*nǫ*-основы с корнем **męt-* должно было дать **mętnǫti* > **męnǫti*,

но ср. омонимичное **mę̨nǫti*, соотносительное с **тьnĕti*. Во избежание омонимии был восстановлен согласный корня — тот, который мог соседствовать с *n* в условиях упрощения групп согласных, поэтому и был учтен вид корня, функционирующий в корневом инфинитиве.

Появление глагола **mę̨snǫti* (*sę̨*) в словенском и украинском языках может быть следствием параллельного развития в собственной истории этих языков, но достаточно вероятна и праславянская древность этой основы.

---

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971 (М., 1973) — Этимология. 1978 (М., 1980); Этимология. 1980 (М., 1982); Этимология. 1981 (М., 1983).

1 *Китипов П*. Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — В кн.: БД V, 128.

2 *Черных П. Я*. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, 188.

3 *Bartoš F*. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6), 188; *Svěrák F*. Karlovické nářečí. Praha, 1957 (= Sborník vědeckých prací Vyšší pedagogické školy v Brně, sv. 2), 123.

4 *Стойчев Т*. Родопски речник. — В кн.: БД II, 199.

5 *Гълъбов Л*. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — В кн.: БД II, 88.

6 Там же, 108; *Евстатиева Д*. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — В кн.: БД VI, 231.

7 *Младенов М*. Говорът на Ново село, Видинско. София, 1969, 284.

8 *Хитов Х*. Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — В кн.: БД IX, 329.

9 *Петков П. И*. Еленски речник. — В кн.: БД VII, 101.

10 *Ляпунов Б*. Этимологические исследования в области древнерусского языка. — РФВ LXXVI, 2, 1916, 260—262.

11 *Vaillant A*. Grammaire comparée des langues slaves, т. III. Paris, 1966, 323.

12 Если бы слав. **turiti* было родственно и.-е. **ter(ə)-*, то огласовка **u* могла бы быть объяснена лишь как следствие вторичного аблаута в гнезде **ter(ə)-*, но для возникновения таким путем огласовки **u* необходимо наличие исходной ступени редукции **ъ*, не зафиксированной в этом гнезде.

13 Подробнее о составе этой лексической группы и ее развитии см. в работах: *Варбот Ж. Ж*. Заметки по славянской этимологии. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, 69—71; *Она же*. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, 98. — В этих работах соответствующая лексика толковалась на базе гнезда слав. **terti* 'тереть'.

14 *Vaillant A*. Grammaire comparée des langues slaves, III, 482.

15 *Варбот Ж. Ж*. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV. — В кн.: Этимология 1974. М., 1976, 32—35.

16 *Бояджиев Т*. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — В кн.: БД VI, 95. Ср. также *тѣпам* 'пинать': *Стойчев Т*. Родопски речник. — В кн.: БД II, 284.

17 *Kopečný F*. Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární příbuznosti. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, 382.

18 См. также: *Свенцицкий И*. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). — ЖСт год 10, вып. I—II, 1900, 222. На украинское слово мое внимание обратила Т. В. Горячева, за что и приношу ей искреннюю благодарность.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XIII*

(рус. диал. *курсúвый*, укр. диал. *корсонóгий*; чеш. диал. *varavý*; укр. диал. *прихóрний*, рус. *хорóбрый* (слав. **xorbrъ*); рус. диал. *мотóны*)

Рус. диал. *курсúвый*, укр. диал. *корсонóгий*

В недавно изданном Словаре русских говоров Забайкалья зафиксировано этимологически неясное прилагательное *курсúвый* 'кривоногий' (Элиасов 177), не попавшее пока в поле зрения исследователей. Выяснению происхождения данной лексемы, очевидно, может содействовать сопоставление ее с украинским диалектным (буковинским) сложением *корсонóгий* 'кривоногий' (Матеріали буковинських говірок 6, 82), которое также не введено еще в этимологический обиход. Прежде всего существенно, что оба слова — точные семантические эквиваленты. Соположение прилагательного *корсо-ногий* и слова, с помощью которого определяется его значение — *криво-ногий*, помогает установить семантику интересующей нас первой части сложения *корс-* 'кривой'. Итак, семантически *курсúвый* ('кривоногий') и *корс-* ('кривой') близки. Что касается возможности формальной идентификации корневых частей *курс-* и *корс-*, различающихся качеством гласного, то она допустима, если интерпретировать *у* как вторичный звук, являющийся результатом лабиализации *о* в первом предударном слоге, см. аналогичные примеры, представленные в том же словаре, что и *курсúвый*: *кустю́мный* 'хорошо, нарядно одетый' (Элиасов 178) — (ср. *костюм*, *костюмный*), *кучевря́житься* 'вести себя заносчиво, нагло, издевательски, безобразничать; упрямиться, проявлять самодурство' (Там же, 179) (ср. *кочевря́житься* 'ломаться; жеманиться; упрямиться'). Если принять такую трактовку *у*, можно реконструировать общий для обоих прилагательных (*курсивый* и *корсо-ногий*) корень *корс-* < **kъrs-*, причем, учитывая законы славянской фонетики, следует предполагать индоевропейскую праформу с каким-то согласным перед *s*, иначе **kъrs-* изменилось бы в **kъrx-*. Таким согласным, по нашему мнению, должен был быть *t*, и в таком случае исследуемые лексемы возводимы к **kъrt-s-*, которое нужно рассматривать в составе индоевропейского **(s)ker-* 'сгибать, поворачивать', точнее — под праформой с дентальным расширителем *-t-* **kert-*. С семантической точки зрения прилагательные с корнем **kъrs-*, означающим 'кривой, кривоногий', вполне логично соотносить с индоевропейским гнездом **(s)ker-* 'сгибать, поворачивать' (ср., в частности, лат. *vatāx* 'кривоногий', относимое к и.-е. **u̯āt-* 'гнуть, сгибать' (Pokorny I, 1113), тем более, что здесь представлены многочисленные примеры из разных языков именно в значении 'кривой, искривленный, изогнутый': греч. κυρτός 'кривой', κορωνός 'изогнутый', лат. *curvus* 'кривой, изогнутый' (Там же, 935). Что ка-

сается праформы *(*s*)*kert-s-*, то она определенно констатируется в составе гнезда *(*s*)*ker-* 'резать' (к ней, в частности, возводят праслав. **čers-*: рус. *через*, др.-рус. *чересъ*, рус.-ц.-слав. *чрѣсъ*, *чрѣзъ* и др. (Там же, 949—950), которое, как справедливо отмечал О. Н. Трубачев, исторически объединимо на правах родства с *(*s*)*ker-* 'гнуть, поворачивать; сплетать' [1], где эта праформа выявляется менее уверенно: см. у Покорного др.-инд. **kṛtsa-*, а также *kṛtsná-* и под вопросом **kert-s-to*, **krt-s-ti-* для англо-сакс. *harst* 'плетеная вещь; решетка', *harsta* 'решетка' и др. (Там же, 584). Рассмотренные здесь слова *курсивый* и *корс*(*-о-ногий*) исторически родственны таким славянским лексемам, как **krętati*, **krętnǫti*, **krǫtъ*, возможно, **čьrstvъ*, которые не имеют в своем составе элемента *s* (после *t*). Как континуанты *(*s*)*ker-t-s-* (расширения с помощью *-t-s-* индоевропейского *(*s*)*ker-* 'поворачивать; сгибать'), исследуемые прилагательные являются редкими образованиями, до сих пор как будто не отмечавшимися в славянских языках.

Чеш. диал. *vapavý*

В Этимологическом словаре В. Махека с пометой «неясное» помещено любопытное слово *vapavý* 'слабый (о хлебе на корню)', зафиксированное в ганацком говоре чешского языка (Machek [2] 677). В славянских языках не удается обнаружить родственных ему образований. Однако, если в поисках соответствий обратиться к лексике других индоевропейских языков, картина меняется. Думается, что рассматриваемое прилагательное может быть сопоставлено с лит. *opùs* 'нежный, слабый, мягкий, ломкий, хрупкий' и далее, возможно, с др.-инд. *apvá* 'болезнь', авест. *afša-* 'вред, ущерб', которые возводятся рядом исследователей (вслед за Шарпантье) к и.-е. **ap-*, *āp-* 'слабый, хрупкий; вред, повреждение' (Pokorny I, 52; Mayrhofer 40). Как видим, семантика чешского слова ('слабый') близка семантике приведенных выше индоевропейских примеров ('нежный, мягкий, хрупкий; болезнь, вред'). Показательна также аналогичная лексическая сочетаемость, которая наблюдается у чешского *vapavý* и литовского *opùs*: так, чеш. *vapavý* употребляется, в частности, с существительным, обозначающим хлеб (злаки) на корню (*obilí*), а лит. *opùs* известно в сочетании со словами, обозначающими всходы ярового хлеба и других растений. См., например, следующие контексты: Rýto šal̃tis labaĩ kenksmìngas *opíems* augalų̃ diegáms. 'Утренники очень вредны для нежных всходов (ростков)'; Šálnos nebeįsténgia keñkti *opíesiems* vasarójaus diegáms. 'Морозы уже не могут повредить нежные всходы (ростки) яровых хлебов' (Niedermann — Senn — Brender — Salys II, 327). С формальной точки зрения сопоставление *vapavý* с *opùs* и другими приведенными выше примерами также закономерно при условии, что начальное *v* в чешском слове интерпретируется как вторичное, протетическое, возникшее уже на местной почве, см. подобный случай: др.-чеш. *vejce*, чеш. *vajce*, словац. *vajce* — слав. **ajьce*. Следовательно, *vapavý* нужно возводить к **apavъ* и расчленять на следующие элементы: *v-* протезу,

ap- корень, *-avъ* суффикс. Известно, что прилагательные на *-avъ* могут соотноситься как с именами, так и (реже) с глаголами, однако в данном случае, учитывая именной характер индоевропейских соответствий и семантику самого прилагательного *vapavý*, более вероятным представляется отыменное производство.

Итак, если наши соображения верны, чешская (ганацкая) лексема *vapavý* 'слабый' должна рассматриваться в качестве единственного выявленного до сих пор продолжения индоевропейского корня **ap-*, **āp-* 'слабый, хрупкий; вред, повреждение' в славянских языках.

Укр. диал. *прихóрний*, рус. *хорóбрый* (слав. *xorbrъ*)

Прилагательное *прихóрный* 'нарядный,' отмеченное Б. Гринченко на территории бывшего Городницкого уезда (Гринченко III, 450), как будто еще не привлекало к себе внимания этимологов. Семантически данная лексема представляется близкой словам с основой *хорош-*, которые известны не только в значении 'хороший; красивый', но и 'нарядный, красиво убранный; щеголь; наряжаться': др.-рус. *хорошии* 'красивый; прибранный; убранный', *хорошавыи* 'щеголь' (Срезневский IV, 1388), рус. *хорошúт* 'красит, украшает напоказ' (Даль [3] IV, 1223), *хорошáй* 'красавчик; щеголек' (Там же, 1222), *прихорошúть*, *прихорáшивать* 'нарядить, украсить, убрать' (Там же, III, 1196), укр. *хорошúться* 'прихорашиваться' (Гринченко IV, 410), *вихорóшуватися* 'прихорашиваться, наряжаться красиво' (Там же I, 198). Но не только сходство значений объединяет лексемы с основой *хорош-* и прилагательное *прихóрний*. Со словобразовательной точки зрения *прихорний* можно расчленить на префикс *при-*, корень *хор-* и суффикс *-н(ий)*: *при-хор-ний*. Согласно же мнению Ж. Ж. Варбот, восточнославянские лексемы с основой *хорош-* реконструируются как **xor-ošь*, где **-ošь* суффикс, а **xor-* корень, который вместе с **kor-* и **skor-* восходит к индоевропейскому **(s)ker-* 'резать, драть'[2]. Представляется совершенно правильным то, что Ж. Ж. Варбот присоединяет сюда же слова с редуплицированным корнем **xor-xor-*: рус. *хорохóриться* 'задаваться, храбриться', калуж. *хорохóрки* 'тряпье', блр. могил. *хыряхóня* 'человек, который прихорашивается с целью обратить на себя внимание' и др., см. еще блр. диал. *харахóрыцца* 'охорашиваться' (Байкоў — Некраш. 334).

На наш взгляд, прилагательное *прихóрний* имеет тот же самый корень *хор-* (**xor-*), который объединяет и указанные выше лексемы. Такое предположение, как будто, не вызывает ни семантических, ни формальных возражений. Думается, что *прихóрний* могло быть образовано от незасвидетельствованного глагола **при-хорити* (**pri-xoriti*) '*нарядить', далее — к **хорити* (**xoriti*) '*наряжать' по типу *приятный*, *прилежный* и т. п. И тогда напрашивается сравнение с укр. диал. (зап.) *хáрний* 'чистый, опрятный', по мнению Мельничука, производным от укр. *хáрити* 'чистить', причем корень *хар-*

(*xar-), как и хор- (*xor-) в конечном счете возводится к и.-е. *(s)ker- 'резать' (ЭССЯ 8, 20). Менее вероятно образование от прилагательного с помощью приставки *при-*, обозначающей неполноту, недостаточность признака, качества, по модели, известной украинскому языку: *сухий* → *присýхий* 'суховатый', *холодний* → *прихолóдний* 'холодноватый', так как прежде всего *прихóрний* не имеет этого значения (что-то типа '*принарядившийся'), если, конечно, оно точно сформулировано в Словаре.

Таким образом, укр. диал. прилагательное *прихóрний* 'нарядный' —редкое, неизвестное другим славянским языкам слово, которое должно быть достаточно древним, возможно, праславянским, так как лексемы, которые предполагаются для него в качестве производящих (*prixoriti*, *xoriti*, менее вероятно — *xorьnъjь*), обнаружить не удается.

И последнее замечание. М. Фасмер придерживался мнения, что *хорош* является сокращенной формой от *хоробрый* (Фасмер IV, 267). Безусловно, связь между данными лексемами существует, но она другого характера. Речь должна идти не о вторичной производности *хорош* от *хоробрый*, а об изначальном этимологическом родстве этих слов, восходящих к и.-е. *(s)ker- 'резать' (см. о *xorbrъ — ЭССЯ 8), причем если в *хорош* представлен «чистый» корень (плюс суффикс), то в *хоробрый* < *xorbrъ — корень с расширителем -b- (*xor-b-). Это родство лишний раз подтверждается близостью семантики, которую демонстрируют некоторые примеры, продолжающие *xor-ox- и *xorb-(r)-: см., с одной стороны, рус. новгор. *харахóра* 'храбрый паренек' (Картотека Новгор. ГПИ), а с другой — рус. арханг. *хóробость* 'грубиянство, задорливость' (Картотека СРНГ), псков. твер. *хоробы́шиться* 'ерошиться, задориться' (ср. значения глагола *хорохóриться*), см. еще, по-видимому, также восходящие к *xorb-(or)- такие русские диалектные примеры, которые Фасмер, думается, без достаточных оснований связывал с *фалбала* (Фасмер IV, 223), как моск. яросл. *харабóры* 'обитые края в изношенной одежде' (Доп. к Опыту 288; Мельниченко 209; Картотека СРНГ), *харабóрки* 'старая изношенная одежда' (Иванова. Подмоск. 524), курск. *харабóрки* 'сухие зерна конопли, остающиеся после толченья конопляного семени' (Картотека СРНГ) (ср. калуж. *хорохóрки* 'тряпье' (Опыт 250), курск. *хорхóры́*, мн. 'нечистые отрепья, висящие в поношенном платье' (Опыт 250; Даль³ IV, 1224) и др.).

Рус. диал. *мотóны*

Интересное диалектное слово *мотóны*, мн. в значении 'паутина', отмеченное на Енисее (Филин 18, 301), еще не вошло в этимологическую литературу, хотя, несомненно, заслуживает внимания. На наш взгляд, это старое исконное образование, из состава которого можно вычленить архаичный редкий экспрессивный префикс *мо-* (*mo-), который известен и в другой вариантной огласовке *ма-* (*ma-), *му-* (*mu-) [3]. Что касается корневой части *тон-* (*ton-), то ее, очевидно, следует связывать со слав. *tęti 'тянуть, натягивать'

(и.-е. **ten-*), так как ряд лексем, обозначающих паутину, восходит именно к этому корню. Так, на Оби паутину называют *тенёты*, *тенёто*, *тенётник* (Словарь Оби. Доп. II, 222), а в Калининской области — *тень* (Калининск. словарь 261). Корневая *о*-огласовка существительного *мотóны* характерна для старых, праславянских имен, производных от глаголов с корневым *е*, примеры такого рода многочисленны, см., в частности, проэтимологизированное В. А. Меркуловой, *тонька* 'веревка, с помощью которой натягивают парус; шкот' (записано ею же в д. Самокража Новгородского р-на Новгородской обл.), рус. диал. *тонь*, *тóня* 'сеть', *тóневья* 'сети', др.-польск. *wątоn* 'вид сети', кашуб. *vǫton* то же — к **tonь*, **tonъ* и др.[4]; см. также рус. диал *тон* 'узел', 'два узла, завязанные рядом' (Элиасов 413). Итак, семантика русской диалектной лексемы *мотóны* достаточно архаична и характерна для славянского гнезда **tęti* (и.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать; плести'), *о*-огласовка корня закономерна в старых именах существительных, производных от глаголов с корневым *е*, и представлена многочисленными примерами, как в славянских, так и в других индоевропейских языках (см. греч. τόνος 'натянутая бечева, веревка, канат'), архаичен и префикс *мо-* (**mo-*). Все это позволяет, по-видимому, интерпретировать исследуемую русскую диалектную лексему *мотóны* 'паутина' как древнее, возможно, праславянское узкоареальное образование **mo-tony* (**mo-tonъ*?) '*то, что сплетено' или '*то, что натянуто, натянутая сеть'.

---

* Статьи I—XII этой серии помещены в томах ежегодника «Этимология» за 1972—1981 гг. и в сборниках «ОЛА».

1 *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт реконструкции). М., 1966, 246—247.

2 Подробнее см.: *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 37—42 (**xorošьjь* и **xorxoriti sę*); *Она же. Хорохориться* и *хороший*. — Русская речь 1981, 1, 138—141.

3 См. подробнее о примерах с префиксом **mo-* (**ma-*, **mu-*): *Меркулова В. А.* Украинские этимологии. II (*смотолока*). — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, 73—74.

4 *Меркулова В. А.* И.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать; плести' в славянских языках. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, 52—54.

В. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. II

(желуница, хмылить, хаут, шквора, скрень)

желуница

Болезнь Боткина или желтуха имеет один очень характерный признак, при этом заболевании происходит разлитие желчи, и кожа приобретает желтый оттенок. Этот признак лег в основу наименований этого заболевания во многих языках. Ср. рус. *желту́ха*, *желтуни́ца*, *желтуни́ха*, *желтяни́ца*; блр. *жаўтачка*, *жаўтуха*; укр. *жовтяни́ця*, с.-хорв. *жу̏тица*, разг. *зла̏теница*; болг. *жълтеница*, диал. *жълте́ц*, *жълти́ца*, *жолтица*, *жъ̀тица*; словен. *zlaténica*; чеш. *žloutenka*, *žlútenicě*; слвц. *žltenica*, *žltenka*, *žltačka*, *žltá nemoc*; франц. *jaunisse* и т. д.

В русском памятнике XVII в. *желтая болѣзнь* 'желтуха': Когда печень или селезенекъ засоритца и отъ того зарожаетца цынга или водяная или *желтая болѣзнь* (Мат. мед. 125. 1644 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 5, 86).

Но помимо многочисленных образований от слова *желтый* в русском языке есть и другое название желтухи — *желуни́ца*. Это слово зафиксировано в пермских, вятских, нижегородских говорах, а также в говорах Урала и Сибири: *желуни́ца* 'желтуха' (Богораз, 51); *желуни́ца* 'о чем-либо желтом' (нижегор.); 'болезнь желтуха' (амур., перм., свердл., тобол., краснояр., енис., иркут., якут., вят. — Филин 9, 120); *желуна́* 'болезнь желтуха' (перм. — Филин 9, 120); *желуна́*, *желуни́ка*, *желуни́ха*, *желуни́ца* 'желтуха' (Сл. Урала I, 157); *желни́ца* 'болезнь желтуха' (вят., нижегор., краснояр.); 'все, что имеет желтую окраску' (нижег. — Филин 9, 108); *желуни́ца* 'гангрена, воспаление; желтуха' (Элиасов, 111).

Слово *желуница* не осталось без этимологической интерпретации. Зубатый связал его с названием дятла — *желна́* и далее с прилагательным *желтый* [1]. На Зубатого ссылается Фасмер, по-видимому, считая эту этимологию верной (Фасмер II, 43)

Необходимость пересмотра данной этимологии возникла в связи с тем, что слово *желна́* получило иное и достаточно убедительное объяснение [2]. Новые диалектные материалы также наталкивают на размышления. Так в «Словаре забайкальских говоров» *желуни́ца* имеет значение 'воспаление, гангрена'. Это значение никак не может быть образовано от значения 'желтый' и вполне возможно, что оно является ключом к этимологическому решению.

С точки зрения словообразовательной структуры слово *желуница* аналогично слову *медуница*, это субстантивация прилагательного, образованного с помощью суф. *-n-* от имен основ на *-u̯-* (ср. *medъ* (*-ovi*) → *medu-nъ* → *medu-n-ica*). Прилагательное в форме женского рода мы имеем, это *желуна́*, следовательно, должны предположить

существование имени ***želъ, -ovi**, значение которого следует установить.

Если мы предположим, что это имя означало цвет, то не было бы необходимости в образовании прилагательного.

Желтый цвет кожи при желтухе определяется разлитием желчи, в связи с этим такие названия желтухи, как нем. *Gallenkranke*, с.-хорв. *жу̏чница* 'желчный пузырь; желтуха'.

Мы имеем несколько праславянских названий желчи: **zьlčь*, **kręčina*, **jьlъčь*. Большой интерес представляет пример из новгородских говоров: Убей ты его, достань ты у него *жельца* (Филин 9, 121). Предполагаемое значение 'желчь' или 'печень'. В данном случае исходное имя **želo*, уменьш. *želьce*.

Вернемся снова к примерам из словаря Элиасова: Захварал Прокоп *желуницей*. От *желуницы* вся нога покраснела. Вскоре от *желуницы* ему отрезали ногу; Зимой побродил и подхватил *желуницу*. От *желуницы* спастись не мог, пришлось одной ноги лишиться. (Элиасов, 111). Интерпретация слова не вызывает никаких сомнений, это гангрена или антонов огонь, как эту болезнь называли раньше. Это острый воспалительный процесс, наименование должно быть образовано по модели: 'гореть, жечь' → 'воспаление'.

Слова, обозначающие желчь, образуются по двум семантическим моделям: 'цвет (зеленый, желтый)' → 'желчь' (**zьlčь*, *Galle*, *χολή* и т. д.) и 'гореть' → 'желчь' (**jьlъkъjь* → *jьlъčь*)[3]. Слова, обозначающие горечь, часто образуются по модели 'гореть' → 'горький' → 'горечь'.

Корень **žel-* в значении 'гореть' существовал в славянских языках и дал значительное количество производных[4].

Следовательно, мы должны предположить, что от корня **žel-* 'гореть, жечь, палить' было образовано имя, склонявшееся по основам на *-u-*: **želъ, -ovi* со значениями 'воспаление' и 'горечь', последнее значение дало производное 'желчь'. Имя прилагательное **želunъ, -a, -o* означало 'желчный', а производное имя **želunica* 'желчная болезнь' или 'желтуха'.

хмылить

Среди многочисленных глаголов *хмы́лить* выделяется один, употребляемый в профессиональном языке: *хмы́лить кирпич* (у каменщиков) 'отесывать' (Даль[3] IV, 1203); *хмы́лить* 'резать' (Гоголь — Картотека СРНГ).

Разрозненный материал производных образований можно попытаться объединить. *Хмы́ловатый* 'наклонный, срезанный под углом, поставленный под углом' (Куликовский 128); *нахмы́л* 'верхняя часть стога в виде конуса' (Материалы Смоленского словаря, 142); *похмы́лой* 'покатый' (олон. — Светлов, 163); *захмы́л* 'углубление, провал в скирде' (елец.); *в захмыл сбить*: Столом служила широкая сосновая *сбитая в захмыл* доска (олон.); *захмы́ливаться, захмы́литься* 'загибаться, прогибаться, провисать, опускаться, образуя впадину' (тул., влад.); *захмы́листый* 'с выступающей вперед верхней

частью, навислый' (южн. урал.); *захмылить, -лю* 'неудачно сложить верх у стога сена, соломы' (тамб.), 'засунуть, затерять что-либо' (кострм.); *захмылить* 'заострить конец чего-либо' (олон.) (Филин 11, 154—155).

Глагол *хмылять* значит 'хромать, ковылять' (Картотека Псковского областного словаря); по-видимому, к этому же глаголу примыкает белорусское диалектное слово *хамыліць* 'идти качаясь, приседая то на одну, то на другую ногу' (Народнае слова, 127).

Значение термина каменщиков не совсем ясно: 'резать' или 'отесывать', т. е. 'выравнивать'; олонецкий глагол дает точное значение 'заострять'. Имя *нахмыл* отглагольное, оно образовано от незасвидетельствованного глагола ***нахмылить* 'свести на конус, сделать скошенную поверхность'. Очень близок по значению и глагол *захмылить*. Псковский и белорусский глаголы *хмылять*, *хамыліць* значат 'ковылять, периодически наклоняться в одну сторону'.

Выявляется общее значение всего этимологического гнезда 'делать скошенную поверхность (срезая, отесывая, заостряя, загибая, укладывая)' → 'скос, срез' и 'наклоняться, двигаясь'.

Возможно, к этому же гнезду примыкает слово *хмыль* 'дрова из суков' (Картотека Псковского областного словаря), т. е. 'кривые, неровные'.

Параллелизм форм **xmyliti* и **xamyliti* говорит о том, что перед нами древняя экспрессивная приставка: *х-*, *ха-*, *хо-* из *sk-*, *ska-*, *sko-*. Ср. очень интересное слово *оскомылок* 'обмылок', 'человек маленького роста' (Калининск. словарь, 164). Подача значения слова наталкивает на ложную связь со словом *мыло*, на самом деле *оскомылок* это 'кусок (чего бы то ни было)', ср. наименование человека маленького роста *куцый*, *кусый* < **kǫsъjь* того же корня, что и **kǫsъ*.

Существительное *оскомылок* образовано от незасвидетельствованного глагола ***оскомылить* 'отрезать, отломить, откусить'.

Доказательством наличия экспрессивной приставки служит материал, связанный с другим глаголом *хмылиться* 'скалиться', ср. параллелизм таких форм, как блр. *хмыліцца* 'злиться, прикладывать уши к голове (про коней)' (могил. — Бялькевіч, 475) и *омыляться* '(о лошади) приложив уши, оскаливая зубы, делать угрожающие движения головой' (Иркут. словарь II, 90); *обмыляться* 'сердясь, прижимать уши (о лошади)', 'смеяться, ухмыляться, показывая зубы' (Соликам. словарь, 376); *оскомылиться*, 'оскалиться' (олон. — Барсов I, XIII), т. е. **xmyliti*, **obmyliti* и **obskomyliti*. К разбираемой группе слов несомненно относится и существительное *смыл* 'скос': У барана (бекаса) на *смыл* крылля идуть, остринькии, как у касушки (Брян. словарь 1, 30).

Итак, мы находим в восточнославянских языках остатки древнего этимологического гнезда глагола *(*sko-*, *х-*, *ха-*) +*myliti* 'косить, кривить'.

В украинских говорах Полесья Н. В. Никончуком собран богатейший материал.

Одно из интересных слов, зафиксированных в украинском языке впервые, лексема *хáут*, обозначающая дерево с гнилой сердцевиной: *хáут*, *хáвут*, *хáвот*, *хават*, *хвавут*, *фавот* 'гниль в середине дерева; загнивание стержня дерева; лес с таким заболеванием'; *хáвутні*, *хáвутни*, *хáватні*, *хáвотний*, *хáвотні*, *хáветні*, *хáветний*, *хвáвутни*, *фáвутни* 'гнилой, трухлявый в середине (о дереве)' (Никончук 66—67). Это же слово мы встречаем и в белорусском языке на Мозырщине: *хáут* 'дерево с выгнившей серединой': От хороша хвоя, а ето *хáут*: дзіркі погнілі. *Хáутны* 'трухлявый': На хаціну *хáутна* дзерэвіна не йдзе (Жывое слова, 275).

То же слово, но с иным значением, мы находим в пермских говорах русского языка: *хáут* 'дерево, разделанное на дрова': Деревину спилим, на ёлтыши разрежем — это у нас *хáут* зовут (Соликам. словарь, 661).

Очень близкое по форме, но неясное по значению слово мы встречаем в чешских говорах: *chavucný* (?) (Tri dni, tri noci jeli po trni po *chavucnym*) (Bartoš 116).

Исходная форма, определяемая материалом трех восточнославянских языков, *хáут*; производное прилагательное *хáутный*.

В восьмом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» высказывается мысль, что слово *хáут* напоминает древнее нейотированное причастие (ЭССЯ 8, 23). Эту идею хотелось бы развить. Число древних нейотированных причастий, сохранившихся в субстантивированной форме, очень невелико. От глагола **r'uti*, *revǫ* → *re(v)ǫtъ* (*рéут* 'большой колокол' с утратой *v* и переносом ударения на первый слог); **sluti*, *slovǫ* → *slovǫtъ* (*Словýт* 'молва' — Элиасов, 383; *Словýтич* — эпитет Днепра, *словýтный* 'тот о ком идет слава, известный'); *pluti*, *plovǫ* → *plovǫtъ* (фамилия *Плаутин*); *mogti*, *mogǫ* → *mogǫtъ* (*могýт* 'силач, богатырь, великан, волот', *могутá* 'сила', *могýтный*, *могутной* 'мощный, сильный, дюжий, крепкий, здоровый, богатый, знатный, властный' (Даль[3] II, 873); **kosti*, *košǫ* → *košǫtъ* (*кошутá* 'перхоть'); *terti*, *tьrǫ* → *tьrǫtъ* и т. д.

Слово *хáут* восходит к **xavǫtъ* (в интервокальной позиции утрачено *-v-*, ударение передвинулось на первый слог). На основании причастия мы можем реконструировать глагол — **xuti*, *xavǫ*.

Названия гнилого дерева в русском языке: *ситовое*, *трухлявое*, *гнилое*; в белорусском — *спарахнелы*. Реконструировать значение глагола трудно, но он должен означать процесс ломания, деления на мелкие части, превращения в труху.

Дополнительным аргументом, подтверждающим существование глагола **xuti*, *xavǫ*, является прилагательное **xutъkъjь*, представленное в старопольском, словинско-кашубском, украинском и белорусских языках (ЭССЯ 8, 118). В основе прилагательного лежит страдательное причастие от того же глагола: **xuti* → *xutъ*, как **biti* → *bitъ*, **myti* → *mytъ* и т. д.

Значение прилагательного может быть объяснено аналогичной моделью: **rězati* → **rězvъjь*.

В основе глагола **xuti*, *xavǫ* лежит индоевропейский корень **skēu-* 'резать' (Pokorny I, 954), точнее, его апофонический вариант **skōu-*.

шквора

Вторым названием дерева с гнилой сердцевиной в украинском Полесье, синонимом слова *ха́ут*, служит слово *шквора́* (Никончук, 67). Слово зарегистрировано впервые Никончуком, близких форм в говоре нет.

С точки зрения формы слово *шквора́* должно восходить к первоначальному **сквора* с переходом *sk* → *šk* (этот процесс осуществлялся, по-видимому, до перехода *sk* → *x*). См. такие пары, как *скворец*, и *шкворец*, *скаредь* и блр. *шкарадзь*, блр. *скваряться* и *шкверэцца*, *скварка* и *шкварка*, *скребти* и *шкребти*, *скребло* и *шкребло*, *скорупа* и *шкорупа* и т. д.

Со словообразовательной точки зрения слово *шквора́*, как *нора́*, *дира́* и т. д., должно восходить к глагольной основе (*nъrěti* → *nora* и гипотетическое ***skvъrěti* → *skvora*). Глагол не зафиксирован. Реконструировать значение глагола мы можем только на основании косвенных данных.

В славянских языках нам известно прилагательное **skvъrnъ*. Если отбросить обширный круг значений, относящихся к духовной сфере, возникших книжным путем после принятия христианства, то исходным значением слов **skvъrъ* и **skvъrnъ, -a, -o* является 'нечистота, грязь, гниль' и 'нечистый, грязный'. Рус. *скверна* ж., *сквер* м. 'нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержение, кал' (вост. — Даль [3] IV, 179); *сквер* 'дрянь, пакость' (яросл. — Мельниченко, 185); *сквер* 'дрянь, маленький человек' (влад. — Доп. к Опыту, 242); *скверь* 'скверное' (сиб. — Доп. к Опыту, 243); блр. *скве́рня* 'нечистота'; *скверня́вый* 'гадкий, грязный'; *Сквернявыми* руками берешься за хлеб (Носович, 581); *чеш. skvrna* 'пятно', с.-хорв. *скве̏рна* 'недостаток, порок, пятно', 'осквернение, поругание'.

Очень интересен приведенный у Даля под вопросом глагол *шкверúться* 'тайком, тихонько шалить' (Даль [3] IV, 1447), который может восходить к **skvъriti sę*.

Итак, мы предполагаем, что реконструированный глагол ***skvъrěti*, глагол **skvъriti sę* и производные имена **skvora*, **skvъrъ*, **skvъrъ*, **skvъrnъ, -a, -o* образуют одно этимологическое гнездо.

Мы наблюдаем устойчивое употребление глагола *гнить* и прилагательного *гнилой* не только по отношению ко многим предметам органического мира, но и по отношению к организму человека: *зубы гнилые*, *кости гниют*, *он совсем гнилой* 'плохого здоровья' и т. д. Ср. еще укр. *пуха́* 'заболонь; гнилая древесина' и 'слабый, болезненный человек' (Никончук. Рефер. 28), рус. *дупля́стый* 'слабый, болезненный' (Мордов. словарь 2, 40).

Если мы предположим возможность развития такого же значения

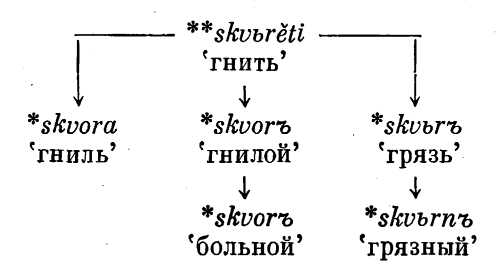
и для слова *шкворá*, то найдем подтверждение в русском диалектном *шкворýха* 'женщина слабого здоровья' (псков. — Доп. к Опыту, 307).

Представляется естественным переход к этимологии праславянского прилагательного **xvorъ* 'больной'. Можно высказать предположение, что это прилагательное закономерно восходит к **skvorъ*.

Относительно происхождения прилагательного **xvorъ* существует несколько гипотез. Часть этимологов выводит **xvorъ* < *su̯oro-* в нарушение фонетических закономерностей, относя эти нарушения за счет экспрессивного характера слова[5]; часть исследователей признает происхождение слова неясным; Брюкнер сближает *хворый* со *скверна* (Brückner 183). Последнюю гипотезу хотелось бы поддержать. Следует обратить внимание на то, что прилагательное **xvorъ* помимо значения 'больной' имеет еще значения 'плохой, гадкий, скверный' (полаб.); 'сломанный' (рус.), 'испорченный, неисправный' (чеш.). Эти значения могут служить доказательством, что значение 'больной' вторично, возникло как переносное на территории тех праславянских диалектов, которые впоследствии легли в основу западнославянских языков.

Широко представленный в южнославянских языках глагол **kvariti* 'портить' является каузативом в этом этимологическом гнезде. См. с.-хорв. *квáрити* 'портить, ломать, наносить повреждения', *кв̑ар* 'порча; повреждение; ущерб', *квáран* 'испорченный', 'попорченный', *квáреж* 'порча, повреждение; испорченная вещь; гниль (о товаре)', словен. то же, болг. *кваря*, чеш., слвц. *kvárit'* то же; укр. закарп. *квар* 'беспокойство; тяжелая работа; напрасный, бессмысленный труд' и, что особенно важно, 'болезнь' (КДА, 147).

Итак, мы получаем большое этимологическое гнездо:

Возможно, что к этому же этимологическому гнезду примыкает и наименования плохой погоды. Ср. выражения: *погода испортилась*, *плохая погода*, *скверная погода* и т. д. Речь идет об укр. *сквíра* 'непогода, ветер, снег и дождь одновременно' (полес.) (Никончук. Рефер. 29); *шквúря* 'снег с ветром' (харьк. — Гринченко IV, 500); *сквира* то же (Гринченко IV, 133); *шквúра* 'метель' (Белецкий — Носенко, 399); *сквúра*, *сквíра* 'сильный дождь со шквалистым ветром' (полес. — Лисенко, 196); *сквúрка* 'небольшая тучка, из которой идет дождь' (там же); рус. *шквы́ра* 'метель, вьюга' (кур., влад. — Доп. к Опыту, 307; Картотека СРНГ).

Имя *$skvira$ можно рассматривать как производное от глагола **$skvirati$; огласовка глагола представляет собою ступень продления относительно глагола *skvьr$ěti$.

скрень

В русских церковнославянских памятниках встречается слово *скрѣнь*, которое Фасмер считает неясным (Фасмер III, 657). Слово *скрѣнь* зафиксировано в древнем памятнике, Пандектах Антиоха (по списку XI в.); оно передает греч. εὐτραπελία. На современный язык др.-греч. εὐτραπελία переводится как 'остроумие, шутливость; балагурство, шутовство'. Помимо слова *скрѣнь* мы встречаем в памятниках целый ряд производных от него слов: прилагательные *скрѣнивыи* и *скрѣнливый* 'изменчивый, легкомысленный' (εὐμετάβολος). Выражение *скрѣнивъ ѧзыкомъ* в тексте библии комментируется как *шахавъ* или *превратенъ*, т. е. 'непостоянный, изменчивый'. Кроме того, мы имеем производный отыменный глагол *скрѣновати* 'пустословить' и производное имя *скрѣневаниѥ* 'шутка, кощунство'. Берында в своем Лексиконе приводит еще одно имя *скрѣньство*, которое он переводит как *хѹханиѥ* 'поругание, насмешка' (Срезневский III, 393).

Итак, мы видим, что слово *скрѣнь* было достаточно активно в древнерусском языке и образовало целое этимологическое гнездо.

В современных восточнославянских языках следов этого гнезда как будто бы не осталось. Мы находим лишь один пример в фольклорном тексте, который нам напоминает древнерусское *скрѣнь*. Это текст из сказки: Еленушка плачет, сестры над ей *подскрынивают*. . . 'подсмеиваются' (Словарь Оби. Доп. II, 93). Говоры, в которых записан текст, обские, т. е. говоры вторичного заселения, где мы наблюдаем черты разных говоров и разных восточнославянских языков. Если приведенный глагол сохраняет белорусское *р*-твердое, то можно предположить, что глагол *подскрынивать* передает **подскринивать* и непосредственно связан с древнерусским *скрѣнь*, но доказательств у нас нет. Важно то, что какие-то следы этого этимологического гнезда могут быть найдены.

Структура слова *скрѣнь* в древнерусском языке ясна. Остается выяснить семантическую модель, по которой образовывались слова с этим или близким значением. Помимо производных от глагола *смеяться* (*насмехаться*, *подсмеиваться*) и производных от слова *шут* (*шутить*, *подшучивать* и т. д.) мы имеем в русском языке ряд не абсолютных синонимов, но близких по значению слов: *ска́литься* (*скалить зубы*), *ощеля́ться*, *още́риваться*, *ухмыля́ться*, *оскла́биться*, *скрыля́ть*.

Выражение *скалить зубы* первоначально употреблялось по отношению к животным: 'раздвигая губы, обнажать, показывать зубы', что у животных означает угрозу. Переносно это выражение стало употребляться и по отношению к человеку: Ты чего зря *зубы скалишь?* Глагол *$skaliti$ восходит к индоевропейскому корню *$skel$- 'колоть'; он значит 'трескаться, образовывать трещину, щель',

в данном выражении образно 'образовывать щель между губами, обнажая зубы'. Выражение *скалить зубы* мы находим в украинском и белорусском языках. Производные сложные имена *зубоскáл* и *скалозýб* значат 'насмешник'. В олонецких говорах *подсакаливать* 'говорить с иронией, подсмеиваться, подзадоривать' (Куликовский 86). Выражение *скалыты гочы* в Полесье значит 'жмурить', *скалогóкыј* 'прищуренный', т. е. 'образовывать щелочки между веками' (Лексика Полесья, 67).

Глагол *ощелиться* употребляется в том же значении, что и глагол *скалить*: Воўк на охотника *ощелиўся* (Добровольский 570); *выщелять зубы* — 'смеяться, хохотать' (Смоленск. словарь 2, 112).

Глагол *ощéриться* синоним глагола *оскалиться* 'злиться, проявлять признаки злобы, обнажая зубы (о животных)' и переносно 'оскалить зубы, улыбаться, смеяться (о человеке)' (Мельниченко 140). Глагол *ощериться* восхóдит к праславянскому **obščeriti sę*, а последний в свою очередь к индоевропейскому корню **(s)ker-* 'резать', т. е. в основе лежит та же семантическая модель: 'разрезать, раскалывать' → 'образовывать щель между губами'.

Тот же образ наблюдается и у глагола *ухмыля́ться*. В современном русском литературном языке глагол *ухмыля́ться* значит 'слегка самодовольно улыбаться, усмехаться'. По говорам этот глагол употребляется по отношению к животным, в частности, к лошади, когда она в состоянии ярости прижимает уши и оскаливает зубы. Ср. блр. *хмы́ліць* 'выражать мордою ярость (о лошади)' (Носович 681); рус. «Конь *хмылит*» (олон. — Куликовский 128). В «Этимологическом словаре славянских языков» говорится следующее: «Ясно видна вторичность значения 'улыбаться' < 'оскалиться, делать гримасу, хмуриться'» (ЭССЯ 8, 45).

Глагол *осклабиться*, считающийся в русском языке церковнославянизмом, на этимологическом уровне родствен древнеисландскому *skèlpa* 'гримаса', буквально 'трещина'. Ср. еще укр. диал. *лупит зуби* 'оскаливать зубы' (полес. — Лисенко 117).

Примеры можно было бы умножить, но, думается, что семантическая модель выявляется четко: 'резать, колоть' → 'образовывать трещину, щель' → перен. 'образовывать щель между губами, обнажая зубы (о животном)' → перен. 'смеяться, насмехаться, усмехаться (о человеке)'. Ср. еще у Цветаевой: *Прорезь* зари и ответной *улыбки прорез.*

Таким образом, если мы предположим, что древнерусское слово *скрѣнь* образовано по той же семантической модели, может быть выдвинуто три гипотезы.

1. Праславянское слово **skrěnь* восходит к **(s)krē-n-* к индоевропейскому корню **(s)ker-* 'резать' с суффиксом *-n-*, непосредственно примыкающим к корню, ср. **dolnь*, **skornь*, **rěnь*, **sěnь* и др.

2. Слово **skrěnь* образовано от праславянского глагола **(s)kriti* 'резать' с чередованием в корне *-ei-/-oi-*; ближайшая родственная форма **skridlь* с тем же значением. См. *скрыля́ть* 'щепать, колоть' — (смол.) и *скрыля́ть* 'насмехаться' (симб.) — (Опыт 206).

3. Третья гипотеза, которая представляется наиболее вероятной,

слово **skrěnь* восходит к **skrětnь* < **(s)kroi-t-n-*, к тому же корню **(s)ker-* 'резать', но с расширителем *-t-*. В этом случае ближайшим родственным словом будет древнерусский глагол *хритатисѧ* с тем же значением 'насмехаться': Друзіи смѣяхуся, а друзіи *хритаахуся* (aliis ipsum ludibrio habentibus) (Жит. Андр. Юр. XXVIII 115); Повезъше его. . ., вожaаху по граду, *хритающеся* ему и біюще его по шіи (там же VIII 67); . . . того ра^д^ страха и любве не ругающе^с^ ни досажающе ни *хритающе^с^* ни в темницю всажающе. . . (Ф. Студ. XIV в., л. 22) (Срезневский III, 1407; Картотека СДР).

В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ 8, 98) глагол **xritati* возводится к **skritati*. Можно предположить отношения **skritati* 'насмехаться' → **skrětnь* 'шутка'.

Не исключено, что существовал и глагол **skrětati*, ср. русское диалектное *скрентáть* 'колоть, раскалывать на щепы' (калуж. — Опыт 205) и *скрянтáть* 'чесаться' (пенз. — Опыт 206) со вставным экспрессивным *-н-*.

---

1 *Zubatý J.* Slavische Etymologien. — AfslPh 16, 425.

2 В. Махек сопоставил слово **žьlna* с лит. *gilti* 'жалить' (*Machek* [2] 729); И. П. Петлева связывает праслав. **žьlna* с и.-е. **gelb-* 'долбить', см.: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, 48—49.

3 См. *Меркулова В. А.* Русские этимологии VI. — В кн.: Этимология. 1981. М., 1983.

4 *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике III. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 44—47.

5 Такова точка зрения Маценауэра, Бернекера, Траутмана, Микколы, Фасмера и др.

Р. М. Козлова

ОБРАЗОВАНИЕ С КОРНЕМ *(s)kork-/*(s)korč- В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Словарные ресурсы национальных славянских языков далеко не исчерпаны для этимологизации славянской лексики, на что неоднократно указывалось в лингвистической литературе. Обращение к региональному материалу и тщательный анализ его с точки зрения фонетической, морфологической, семантической, словообразовательной структуры дает возможность выявить отдельные генетические гнезда, лишь частично описанные этимологами. Одно из них — гнездо **(s)kork-*, восходящее к индоевропейскому **(s)ker-* 'сгибать, крутить', расширенному детерминативом *-k-*. Как показывает обширный славянский материал, корень **(s)kork-* реализовал себя в различных апофонических вариантах.

Рассматриваемый в работе лексический материал, возведенный нами к гнезду **(s)kork-*, заслуживает особого внимания: одни образо-

вания этимологически совсем не анализировались, другие интерпретированы, как нам представляется, неверно (для некоторых из них по отдельным славянским языкам указаны различные иноязычные источники), третьи, квалифицированные как исконные, не имеют определенного архетипа.

Богатейший славянский материал в соответствии с разными ступенями корневого вокализма распределен следующим образом: 1) образования с корнем *(*s*)*kork*-, 2) образования с корнем *(*s*)*kъrk*-; 3) образования с корнем *(*s*)*kyrk*-; 4) образования с корнем *(*s*)*kurk*-. В данной работе исследуются лексические единицы с апофоническим *о*, причем те из них, праславянское происхождение которых очевидно.

Праслав. *(*s*)*korkъ*, *(*s*)*korka*/*(*s*)*korčь* < *(*s*)*korkjь*, *(*s*)*korča* < *(*s*)*korkja* — формы с *j*-суффиксацией реконструируются на основе их рефлексов, свойственных большинству славянских языков: рус. диал. *кóрок* и *корóк* 'окорок', 'бедро, задняя часть ляжки', *корóка* 'мешок, прикрепленный к седлу', *корóчь* 'рыболовный снаряд — мешок из сетки, привязанный к обручу', *корóчка* 'ковш' (Филин 14, 359, 371; Добровольский 345), болг. *крак* 'нога', диал. 'нижняя конечность (человека и животных); ветка; нижняя опорная часть стола, скамьи и под.; приспособление для обувания; мера длины, равная шагу', *крака* мн. 'подножки' (БЕР II, 710—711), макед. *крак* 'ответвление, разветвление (все, что раздвоено); рукав реки', диал. 'нога' (Конески I, 361), с.-хорв. *кра̏к* 'разветвление; рукав реки; нога человека', диал. 'остроугольная часть какого-либо предмета (багра, вилки и под.); корень зуба' и др., *кра̏ч* 'клюка, костыль', *кра̏ча* 'лопатка; бедро' (РСА X, 410—411, 446), словен. *krak* 'задняя конечность жабы; нога человека' (SSKJ II, 464), диал. *skrâk* 'задняя нога', *skraki* мн. 'длинные ноги' (Pleteršnik II, 496), польск. *krok* 'шаг', 'старинная мера длины; промежность' и др., *krocz* 'мелкий шаг лошади', *krocze* 'промежность' (Варшавский словарь II, 556, 555), *skrocz* 'особый вид рыси' (Варшавский словарь VI, 177), кашуб. *krok* 'шаг', топоним *Krok* — название горы, известной в народе как место кающихся душ и др. Вероятно, сюда же надо отнести н.-луж. *škrok* 'пихтовые сучья', *škrock* 'пихтовый побег; небольшая пихта' (Muka II, 648, 647). В основе семантики этих праславянизмов лежит признак кривизны, сгиба, разветвления.

С данными существительными словообразовательно связаны многие лексические единицы, демонстрирующие структурный параллелизм, среди которых прилагательные:

korkatъjь*/korčatъjь*: укр. диал. (полесск.) *каракáти* 'кривоногий' (Лисенко 51), с.-хорв. *кракат* 'длинноногий; разветвленный, вилообразный' (РСА X, 412), в.-луж. *kročaty* 'медленно идущий' (Pfuhl 290) и др.;

korkovъjь*/korčevъjь*: с.-хорв. *Краковић* — антропоним (РСА X, 413), польск. *krokowy*, *kroczowy* — прилагательные от *krok* как анатомического термина и *krocze* (Варшавский словарь II, 558, 555), кашуб. *krokovi* 'относящийся к шагу', *Krokova* — ойконим, блр. диал. *карачовáтый* 'очень скривленный, покривленный; кривой, покрученный (о дереве)' [1], *Карачóўшчына* — ойконим [2] и др.;

**korčьnъjь*: болг. *крачен* 'ножной', диал. 'приводящийся в движение с помощью ноги', с.-хорв. диал. *кра̏чњи* 'относящийся к ногам' (РСА X, 447), словен. *kračnica* 'кость ноги птицы' (SSKJ II, 464), польск. *kroczny* (Doroszewski III, 1145), кашуб. *kročni* 'относящийся к шагу' и др.

Праслав. **korkatica* — производное от **korkatъjь*, рефлексы которого хорошо отражены в этимологических словарях, продолжает также рус. диал. *карака́тица* 'большая лягушка и, особенного рода, большая козявка' (Филин 13, 70).

Лексические факты многих славянских языков свидетельствуют о бытовании праслав. **korkulь*, **korkul'a*/**korčulь* 'нечто кривое, согнутое; кривое дерево, сук' — отыменных производных (без *s*-mobile) с суф. *-ul-*: рус. диал. *караку́ль* 'сук', *караку́лька* 'суковатое, кривое дерево; сельскохозяйственное приспособление — длинная рукоять, которая заканчивается двумя или более зубьями', *караку́льский* 'суковатый (дуб)', *караку́льчатый* 'суковатый' (Филин 13, 71), блр. диал. *караку́ль* 'богатый человек' [3], восходящее к первоначальному 'нечто кривое, согнутое' (связь значений 'нечто кривое, согнутое; сук' и 'скупец; богатый человек' подтверждается рядом семантических параллелей: блр. диал. *сук* 'скупой человек' [4] при общеизвестном *сук* 'сук', *крук* 'крюк' и 'скряга' (Носович 254) и др.[5]), укр. диал. *короку́ля* 'сук, нарост на дереве', *короклюва́тий* 'суковатый' (Желеховский I, 367), кашуб. *krokul*, *krokulica* 'кий, палка, трость', словин. *kräkūläcä* 'клюка, костыль' (Lorentz Sl. Wb. I, 484), болг. *крачюл* 'ноговица' (Геров II, 412), с.-хорв. *кра̏чуљ* 'разновидность гриба' (РСА X, 447) и др.

Восстановление праслав. **korkunъ*/**korčunъ* 'нечто кривое, изогнутое; кривое, суковатое дерево' осуществляется с учетом болг. диал. *краку́н*, *крачу́н* 'большая нога' (БТР 388), с.-хорв. диал. *кра̏кӯн*, *кра̏чӯн* 'засов, задвижка; язычок замка' (РСА X, 413, 447), словен. *kračûn* 'засов, задвижка' (Pleteršnik I, 453), блр. диал. (полесск.) *карачу́н* нечто искривленное, погнутое; коряга [6]; кривое, суковатое дерево [7]; чрезмерно покривленный [8]; низкорослый человек [9]; кривоногий человек' (запись наша) и др.

Значения 'засов, задвижка; язычок замка', 'большая нога' южнославянских рефлексов предполагаемых **korkunъ* / **korčunъ* вполне выводимы из исходного 'кривой, изогнутый предмет'. Как продолжение названных праславянизмов правомерно рассмотреть блр. ойконим *Карачуны* [10] и ряд славянских антропонимов: блр. *Карачу́н* (Бірыла 184), болг. *Крачу́н* (БЕР II, 276), с.-хорв. *Кра̀чӯн* (РСА X, 447) и др., легко объяснимых как обычные для славян имена, данные человеку по характерной для него примете (ср. полесск. *карачу́н* в качестве характеристики кривоногого или низкорослого человека).

Безусловно, от перечисленных белорусских и южнославянских форм нельзя отделять др.-рус. *корочунъ*, *корочюнъ*, рус. диал. *карачу́н*, а также южнославянское *крачу́н*, словац. *Kračun* как обрядовые термины, находившиеся в поле зрения этимологов, но не получившие должного истолкования (см. этимологические словари славянских языков). Ключом к этимологической разгадке этих слов является

полесск. *карачун*, в семантической структуре которого содержится признак кривизны, сгиба, раздвоения. Разнообразие значений др.-рус. *корочунъ*, *корочюнъ*, рус. диал. *карачýн* — 'корчи, предсмертные корчи; внезапная, неожиданная смерть; злой дух; дитя, которое учится ходить; скряга; время зимнего солнцестояния, зимнего круговорота солнца' и др. (Срезневский II, 1291; Филин 13, 75) — объединяются общей для них приметой кривизны, сгиба (ср. в этом плане семантическую структуру праслав. **gybělь*).

Болг. диал. *крачýн* 'народный праздник летнего и зимнего круговорота солнца; рождественский день', словац. *Kračun* 'рождество' (SSJ I, 760) и др., закономерно продолжающие праслав. **korčunъ*, также получают семантическое истолкование. Известно, что у южных славян и соседних с ними народов (молдаван, румын, албанцев) отмечается рождественский обряд сжигания ствола дерева в сочельник. Этот ствол дерева, как правило, с многочисленными сучьями, думается, и называли *крачуном*. Именно слово *крачун* в его генетическом значении, ныне забытом южнославянскими языками, могло послужить обозначением и обряда, и праздника, к которому приурочивали сжигание ствола дерева. Эта мысль подкрепляется как сохранением значения 'кривое, суковатое дерево' на славянской (полесской) территории, так и типологически сходным примером, в южнославянских языках. Имеется в виду болг. *бъдник* 'толстый чурбан, сжигаемый в ночь под рождество', с.-хорв. *бȁдња̄к* 'дубовое полено или ветки, сжигаемые в сочельник', *Бȁдња̄к* 'старый год', *Бȁдњӣ дȃн* 'сочельник' и др.[11] Следы подобного обряда обнаруживаются и на восточнославянской территории. Ср. рус. диал. *карачýн* 'праздничный обряд, рождество' (Филин 13, 75) и др.

Структура праслав. **korkunъ/*korčunъ* прозрачна: в их составе вычленяется корневая (**kork-/*korč-*) и суффиксальная (*-un-*) морфемы. Непосредственной словообразующей базой для них были соответственно праслав. **korkъ/*korčь*. Таким образом, этимология праслав. **korkunъ/*korčunъ* разрешается на собственно славянском материале, и нет оснований считать южно- и восточнославянское *крачýн*, *корочýн* (*карачýн*) заимствованием из албанского языка сначала в южнославянские, а из последних в восточнославянские языки[12]. Семантическая структура рефлексов праслав. **korčunъ* богаче и сложнее предполагаемого албанского источника, они хорошо сохраняют исходную семантику. Если же алб. *kërcun* для албанского языка является исконным, а не заимствовано из южнославянского региона, то оно наряду с праслав. **korkunъ/*korčunъ* и литовским топонимическим названием *Krakūnai* свидетельствует о более раннем происхождении исследуемой лексической единицы.

Существование праслав. **(s)korkъlь* доказывается лексическим материалом, который, ввиду его абсолютной этимологической неосвоенности, требует более подробного рассмотрения.

Блр. *каракóль*, уже не употребляющееся в живой диалектной речи, встречается (чаще в форме pluralia tantum *караклí*) в фольклорных текстах. Ср. У гэтым царстве быў дуб Дȁрахвей на дванаццаць *караклей*, на самым беражку сіняга мора. ... Пайшоў ён, маладзец-

удалец, у трыдзевятую зямлю, у трыдзесятае царства; увідзеў ён там дуб Дарахвей на дванаццаць *караклей*, вялік дуб, а пціца яшчэ большы! Схваціў ён яе, як ударыць аб крэпкі дуб, — так з дуба дванаццаць с у к о ў (разрядка наша. — *Р. К.*) далой![13]. Как видно из контекста, *караколь* значит 'сук, сук дуба'. В русской диалектной и фольклорной речи имеются многочисленные производные с основой *корокол'*-(*каракол'*-), которые существенно расширяют восточнославянский ареал анализируемого слова. Ср. фольк. *корокóльчатый* 'толстый и коряжистый', диал. 'ветвистый, кудрявый (о дубе)', *корокóльчастый* 'коряжистый, толстый (о дереве); состоящий из отдельных звеньев', *корокóлистый* 'состоящий из отдельных звеньев' (Филин 14, 359), *каракóлиться* 'куститься (о посевах ржи)', *караколя́стый* 'суковатый (о дереве)' (Филин 13, 70, 71) и др.

Сопоставление приведенного белорусско-русского материала с другими единицами исследуемого гнезда, а также словоформы белорусского слова (*каракóль*, *каракля́*, *караклí*, *караклéй* и т. д.) позволяют предполагать для него архетип **korkъlь* и рассматривать его как производное с суф. *-ъlь*, в котором корневая морфема закономерно реализована в *корок-* (*карак-*, отражающее аканье). К инославянским продолжениям предполагаемого **korkъlь* следует отнести с.-хорв. диал. *кра̏кља* (употребляется чаще в форме pluralia tantum *кра̏кљи*) 'развилистый стебель, ветка; раздвоение; раздвоенный предмет, вилы' (РСА X, 412), др.-чеш. *krakolec* (Gebauer II, 125), чеш. *krakorec* 'балка, выступ в крыше' (Trávníček 748), хотя источник для последних форм чешские этимологи видят в нем. *Kragholz* (Holub—Kopečný 195; Machek[2] 288). Объединению восточнославянского *короколь* (*караколь*) с названными лексическими единицами не препятствует ни фонетическая, ни семантическая, ни структурная стороны этих слов.

Реконструкция праслав. **(s)korkъlъ/*(s)korčьlъ* основана на следующих лексических показаниях: блр. диал. *скаракóл* 'две нити, скрученные в одну'[14], болг. *крачол* 'штанина', диал. *кракел* 'крюк, крючок', истолкованное как метатезный вариант болг. диал. *каркел* 'железное кольцо на входных дверях' — заимствования из греческого языка (БЕР II, 712), *крачол* 'отходящая в сторону часть поля, луга' (БЕР II, 726), макед. *кракел* 'крюк', *краклест* (*човек*) 'длинноногий' (Конески I, 361), в.-луж. *kročel* 'шаг' (Pfuhl 290) и др. Вероятно, сюда следует отнести с.-хорв. диал. *крачо̏лӣн* 'дитя, которое рано начало ходить' (РСА X, 447), если рассматривать его как дериват от незафиксированного **крачол*.

Словообразовательными отношениями с именами **korkъ*, **korka* связаны глаголы **korčati*, **korčitі*. Праслав. **korčati* < **korkēti* продолжают с.-хорв. *крачати* 'идти, ступать, ставя одну ногу перед другой' (РСА X, 447), др.-чеш. *kračěti* 'шагать' (Gebauer II, 122), словац. *kračat'* 'шагать, двигаться' (SSJ I, 760), польск. диал. *kroczac* 'медленно идти' (Варшавский словарь II, 555) и др. В качестве возможного рефлекса праслав. **korčati* правомерно рассматривать рус. диал. *корочáть* 'заставлять повиноваться' (Филин 14, 371), исходя из первоначального значения 'сгибать'.

Болг. *крача* 'шагать; корячиться' (Геров II, 412), в.-луж. *kročić*, н.-луж. *kšocyś* 'идти', польск. *kroczyć* 'идти' и др., естественно, восходят к праформе **korčiti*.

Многочисленные лексические данные славянских языков указывают на то, что наряду с основой *(*s*)*kork*- бытовала основа *(*s*)*krok*-[15], производные от которой грамматически, словообразовательно, а часто и семантически совпадают с вышеназванными единицами.

Реконструкцию праслав. *(*s*)*krokъ*, *(*s*)*kroka* можно осуществить на основе следующего словарного материала: рус. диал. *крок* 'большой кусок', *крóка* 'уток, поперечная нить основы' (Филин 15, 273), болг. диал. *скрок* 'шаг[16]; скорпион' (Геров V, 178), с.-хорв. диал. *кр̏ок* и *кро̑к* 'шаг; нога', *шкро̑к* 'шаг' (РСА X, 636, 637; Караџић 872), др.-чеш. *krok* 'шаг', *Krok* — собственное имя (Gebauer II, 153) и др. В свете сказанного появляется возможность истолковать как исконные блр. *крок*, укр. *крок* 'шаг; движение ногой вперед, назад или в сторону; расстояние между ступнями ног как мера длины', которые, предполагается, заимствованы из польского языка. Об исконности указанного слова в белорусском и украинском языках могут свидетельствовать и некоторые его значения, трудно определяемые как инновационные. Имеются в виду блр. диал. *крок* 'вставная полоска ткани в брюках'[17], 'разрез в брюках'[18], укр. диал. *крок* 'часть основы, которую ткач может заткать до нового поворота навоя' (Гринченко II, 310) и др.

Восстановление праслав. **krokati* / **kročiti*(*sę*), соотносительных по образованию с **krokъ*, возможно на базе болг. диал. *крокам* 'шагать', *кроквам* 'перешагивать, перескакивать', *разкроквам се*, *разкрокна се* 'расставлять ноги', с.-хорв. *крочити* 'делать большой шаг' (БЕР III, 17), др.-чеш. *kročiti* 'идти' (Gebauer II, 153), ст.-рус. *крочитися* 'сгибаться, корчиться' (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 76) и др.

Праслав. **krokovъjь* отражено в старорусских производных *крокoватый* (Срезневский I, 1327), *кроковастый*, *кроковистый* 'коряжистый (о дубе)' (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 69) и др.

Возможными продолжениями праслав. **krokunъ* являются белорусские антропонимы *Крóкун*, *Кракýн* (Бірыла 218) и др.

Из праславянских дериватов с основой **krok*- следует назвать **krokъlъ*, **krokъla*, рефлексами которых являются рус. ц.-слав. *кроколъ* 'вилка' (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 69), ст.-рус. *кроколоватый* 'коряжистый, ветвистый' (Срезневский I, 1327), диал. *кроклы* мн. 'стропила' (Филин 15, 273), блр. диал. *крóкла* 'название ваги в колодце с журавлем'[19], *кроклы* мн. 'стропила', *крóкліна*, *кракліна́* 'стропилина', словен. диал. *krokla* 'стропило' (Pleteršnik I, 476) и др. Учитывая ст.-рус. *кроколь* (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 69), рус. диал. *крóкаль* 'о беззубом человеке', *крóкальцы* 'замерзшие комья земли на дороге' (Филин 15, 273) и др., можно ставить вопрос о бытовании локального праслав. **krokъlь*.

В составе изучаемого генетического гнезда, несомненно, надо рассматривать трудно поддающееся этимологии *кроква* — название стропила, известное восточно- и западнославянским, а также словенскому языкам. Слово *кроква* характеризуется богатой семантической

структурой, отражающей генетическое значение 'кривой, вилообразный, раздвоенный'. Ср. рус. диал. *кро́ква* 'стропило; брус из сосны или ели, из которого делают стропила; лесина с боковым корнем' (Филин 15, 273), блр. *кро́ква* 'стропило', диал. 'настил из тонких жердей; густой молодой лес, растущий обычно на низких влажных местах', урочище *Крёква* на Могилевщине (Яшкін 96), ойконим *Кроква* на Минщине [20], словен. *krokva*, др.-чеш. *krokev*, *krokva*, чеш. *krokva*, словац. *krokva*, др.-польск. *krokwa*, польск. *krokiew* 'стропило', диал. 'дерево, соединяющее две балки; ножка стола (одноногого)', 'козлы для распиловки дров' и др., восходящие к праслав. **kroky* (**krokъve*) с первоначальным значением 'рассоха, дерево, разделенное вилообразно'. Важно подчеркнуть, что «nazwa skośnych belek w wiązaniu dachowym» не «powstała więć przez skojarzenie ich z rozkraczonymi nogami», как считал Ф. Славский (Sławski III, 123), а является параллельным значению 'нога'. Ср. также семантическую мотивировку других обозначений стропила типа рус. диал. *крюки* (Филин 15, 355), блр. диал. *крук* 'стропилина, которая навешивается', *кру́чча* (Юрчанка 116), *кручча́* (Касьпяровіч 168) и др.

---

[1] *Клімчук Ф. Д.* З лексікі гаворкі вёскі Відзібар Столінскага раёна. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 125.

[2] *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1981, 127.

[3] *Міхайлаў П. А.* З лексікі роднай вёскі. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 93.

[4] *Суяцко П. У.* Дыялектны слоўнік. Мінск 1970, 155.

[5] Ср. также русск. *скряга* 'скупой' < **skręga* 'нечто согнутое, сжатое'. См. *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, 74.

[6] *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 41.

[7] *Сігеда П. І.* Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 77.

[8] *Клімчук Ф. Д.* З лексікі гаворкі вёскі Відзібар Столінскага раёна, 125.

[9] *Клімчук Ф. Д.*, *Яшкін І. Я.* З лексікі Выганаўскага Палесся. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, 79.

[10] *Рапановіч Я. Н.* Указ. соч., 127.

[11] Подробнее о *Бӑдњӑк* см.: *Топоров В. Н.* ΠΥΘΩΝ, ÁHI BUDNYÀ, *Бӑдњӑк* и др. — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, 9.

[12] *Десницкая А. В.* О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского ареала. — Вопросы языкознания, 1976, № 3, 43—46; *Она же.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, 163—172.

[13] Чарадзейныя казкі. Ч. II. Мінск, 1973, 299—300.

[14] Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1974, 147.

[15] Реконструкцию основы **krok-* как отражение второй базы и.-е. **(s)ker-* 'резать' и генетическую прикрепленность к ней некоторых лексем, проанализированных в нашей статье, находим у Л. В. Куркиной, см.: *Куркина Л. В.* Славянские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1981. М., 1984, 286—287.

[16] *Божкова З.* Принос към речника на Софийския говор. — В кн.: БД I, 267.

[17] Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграніччa, 2. Мінск, 1980, 523.
[18] *Зубрыцкі С.* З лексікі вёскі Шклянцы. — В кн.: Матэрыялы да слоўніка. Мінск, 1960, 140.
[19] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, с. 809.
[20] *Рапановіч Я. Н.* Указ. соч., 140.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

**sьrpnǫti*

В «Материалах для областного водного словаря» П. Л. Маштаков приводит записанный в Псковской области И. Д. Кузнецовым глагол *се́рпнет* в 3 л. ед. числа в значении '(о воде): холодно, морозит; когда она покрывается тонким льдом, говорят, что она серпнет' [1]. Это слово еще не привлекало внимание этимологов; оно отсутствует в других диалектных словарях русского языка, нет его и в прочих славянских языках.

В украинских говорах (Закарпатская область) М. И. Туряницей записано прилагательное *сэрпкы́й* в значении 'потрескавшийся от ветра (о руках)' [2]. Это прилагательное можно, очевидно, связать с нашим *серпнет*, т. к. они близки формально и семантически (ледяная корка и шероховатая, потрескавшаяся поверхность рук).

В белоцерковских говорах украинского языка мы встречаем слово *сі́рпати* в значении 'дергать' [3]. Если *ї* здесь отражает орфографически *е* этимологическое (из *ь*), то слово *сі́рпати* может быть родственным рус. *серпне́т* и укр. *сэрпкы́й*. Тогда допустима реконструкция праславянской группы: **sьrpnǫti*, **sьrpati* и **sьrpъkъjь*.

Эти лексемы, кажется, можно связать с праслав. **sьrxnǫti* и возвести к и.-е. **k̂er(s)-* 'щетина, жесткие волосы; цепенеть, коченеть, быть шероховатым и щетинистым' (Pokorny I, 583) с другим расширителем *-p*. Ср. укр. *пришерха́ти* 'покрываться сверху корой, тонким слоем льда; о коже человека: делаться, сделаться шершавой' (Гринченко III, 453), рус. диал. курск. *зашерха́ть* 'о воде, мерзнуть, замерзать сверху ледяной корой' (Даль³ I, 1661), *зашбрх* 'тонкая корка льда или пенка на киселе, варенье и т. д.' (Филин 11, 192).

Интересно, что в украинском языке синонимом к прилагательному *шереха́тий* 'шершавый' является *шерепа́тий* (Гринченко IV, 492), *шерпа́тий* то же (Гринченко IV, 493), которое, вероятно, можно реконструировать как **sьrpatъjь* и отнести к **sьrpnǫti*, **sьrpъkъjь*, **sьrpati*. Форму *шерепатый* можно считать возникшей в результате второго полногласия; ср. *сереп* 'серп' [4]. Сюда же, очевидно, и укр. *шере́па* 'безобразная женщина' (Гринченко IV, 492), а также укр. диал. *шерпа́к* 'верхний твердый слой снега, который образовался от мороза после оттепелей' (Никончук, 116).

К тому же гнезду, что и *$sьrxnǫti$, *$sьrpnǫti$ (< и.-е. *$\hat{k}er(s)$), видимо, можно отнести и *шéрет* = *шерех* 'мелкий лед на реке' (с расширителем *-t*. Гринченко IV, 492).

Значение укр. диал. *сíрпати* 'дергать' совмещается в гнезде праслав. **sьrp-* со значением глагола *серпнет* 'о воде — покрывается ледяной корой', как в гнезде глагола **sьrxnǫti*: ср. укр. *пришерхáти* 'покрываться сверху корой, тонким слоем льда' и блр. *шéрхаць* 'вспахивать, поднимать землю пахотным орудием' (Носович, 709)[5].

При этимологизации псков. *серпнет* нельзя отбросить также возможность другого истолкования — родственности этого глагола слову *серп*; праслав. **sьrpъ* восходит к и.-е. **ser-*, к которому восходит также латинский глагол *sariō, -īre* 'окапывать посев, полоть' (< 'обрабатывать серпом, кривой мотыгой'); с расширителем *-p-* греч. ἅρπη 'серп' и 'сокол' ἁρπάζω 'схватываю, похищаю, граблю', ἁρπαγή 'грабеж', ἁρπάγη 'грабли'; лат. *sarpiō* и *sarpō, -ēre* 'обрезать, отрезать'; ср.-в.-нем. *sarph* 'острый, шероховатый, с кислым стягивающим вкусом' и т. д. (Pokorny I, 911—912).

В этом случае значение укр. диал. *сíрпати* 'дергать' близко значениям лат. *sariō, -īre* 'окапывать посев, полоть' и греч. ἁρπάζω 'схватываю, похищаю, граблю' (< 'дергать'). Близки семантически также псков. *серпнет* и ср.-в.-нем. *sarph* 'острый, шероховатый, с кислым стягивающим вкусом'. Любопытную семантическую параллель в последнем случае обнаруживает кашуб.-словин. *ostravi* 'островатый (о вкусе); немного морозный, холодный' (Sychta VII, 213).

Таким образом, возможны две этимологии праслав. **sьrpnǫti*, но более вероятной кажется первая (т. е. к **sьrxnǫti*).

**pěžiti*

В украинском языке есть глагол *піжити* в значениях '(о дожде) сильно лить; бить, колотить (человека)', например: «Як же хлопці зачнуть *піжить*, то аж пір'я летить» (Гринченко III, 185).

Слово *піжить* еще никем не этимологизировалось. Ясно, что значение 'сильно лить (о дожде)' производно от значения 'бить, колотить', ср. *дождь порет, хлещет, лупит.*

В близких к укр. *піжити* значениях мы находим глагол *пежить* в говорах русского языка: это камчат. *пéжить* 'нажимать, прижимать' (Богораз, 123), 'давить за горло' (Опыт, 185); с префиксом *в-* забайкал. *впéжать* 'затягивать туго' («*Впежи* оборки, а то чирки стопчешь» — Элиасов 82), с префиксом *за-* камчат. *запéжить* 'задавить, удавить' (Филин 10, 309), *запéжиться* 'удавиться' (там же); костр. *запúжить, запúживать* 'заколачивать, забивать', ворон. 'захватить силой кого-либо' (Филин 10, 318), костр. *запúжиться* 'заколачиваться, забиваться' (там же). С отклоняющимся, но близким значением 'с трудом тянуть, тащить, идти до устали' глагол *пéжить* записан в олонецких говорах Куликовским (Куликовский 79). В. И. Даль приводит вят. *упéгаться, упéжиться* в значении 'умаяться, умучиться' (Даль[3] IV, 1053).

В «Материалах для диалектного словаря Гомельщины» приводится глагол *апiга́сiць* в значении 'ударить': «Як *апiгасiў*, той i не падняўся»[6].

На основании приведенных выше восточнославянских примеров можно реконструировать праслав. **pěgati*(*sę*), *pěžiti* в значениях 'бить, колотить; сильно лить (о дожде); мять, душить; захватывать что-либо силой; мучиться, стараться; с трудом тянуть, тащить, идти до устали'.

Приведенные выше значения рассматриваемых нами праслав. **pěgati*(*sę*), **pěžiti* (которые могут иметь экспрессивный характер) будто бы сближают их со слав. **pětati*, значения которого — 'бить, колотить; мучить; употреблять усилия'. Слав. **pětati* детально рассмотрено в статье Л. В. Куркиной в ежегоднике «Этимология 1972». Куркина вслед за Фасмером возводит **pětati* к и.-е. **poi-* и связывает его с *питать, пестун*[7]. Не являются ли слав. **pěgati*, **pěžiti* образованиями от того же и.-е. корня **poi-* с расширителем *-g*? В этой связи интересно курск. *пежа* 'харчи, угощение'[8].

Есть еще одна возможность этимологизации слав. **pěgati*(*sę*), **pěžiti* — предположение родства с лат. *pango*, *pěpĭgi* 'вбивать, вколачивать; укреплять' и др.-греч. πήγνυμι 'вонзать, всаживать, втыкать, вбивать, вколачивать; сбивать, сплачивать', которые возводятся Покорным к и.-е. **pāk̂-* и **pāĝ-* 'укреплять, частично через связывание, соединение'. Сюда же др.-греч. πάσσαλος 'колышек, гвоздь; затычка, кляп', membrum virile, πῆγμα 'скрепление, скрепы; смерзлость; створаживающее вещество, фермент', πηγός 'крепкий, сильный, мощный' (Pokorny I, 787—788)[9].

Слав. **pěgati*(*sę*), **pěžiti* могут восходить к варианту этого гнезда **pēg-* (если принять реконструкцию ступени *ē* для этого гнезда, предложенную В. Н. Топоровым[10], и допустить вариант непалатального *-g-*).

Семантика древнегреческих и латинских лексем в этом случае почти тождественна семантике слав. **pěžiti* 'бить, колотить; затягивать туго, давить'. Значение ворон. *запüжить* 'захватить силой кого-либо' близко значению англосакс. *fāhan* и *fangan* 'ловить', которые также относятся к и.-е. **pāĝ-*.

Интересно также в связи с такой этимологией слав. **pěgati*, **pěžiti* значение родственного чеш. диал. морав. *popežnik* 'глиняный кувшин для отстоя молока' (Kořř. Slov. morav., 294), т. е. для образования и отделения верхнего густого слоя (для сливок, сметаны) от жидкого.

В. Н. Топоров, этимологизируя слав. **pazъ*, **pazuxa*, **paziti*, отнес их к и.-е. **pāĝ-*. Сюда же (к и.-е. **pēĝ*, ступени с *ē*) по его мнению, относятся также лит. *pěžti* 'пыжиться', *pěžinti* 'вздымать; распушать', объясняющиеся Френкелем как заимствование из рус. *пыжить* (Fraenkel 583), а также лит. *pežóti* в значении 'ползти; продираться' (='идти с трудом'), которое, правда, Френкель считает ономатопеей (Fraenkel 583)[11].

В Изборнике 1073 употреблены глагол *пѣговати* в контексте: «Горьчаишемъ искоусишися томителюмь, зѣло акы своюго та пѣ-

говавъшоу прѣжде и горькыꙗ освобаждавъшоу работы» и значении 'ухаживать, заботиться' и существительное *пѣгованиѥ* в контексте: «Да что оубо тацѣмъ отъ врачьбы боудеть користь, а не паче бѣдьнѣѥ отъкланꙗѭштимъсꙙ отъ праваагo слова на плътьноѥ *пѣгованиѥ*» и в значении 'уход, угождение' (Срезневский II, 1782). Миклошич считает, что *пѣговати* и *пѣгованиѥ* в данном случае — искаженные *нѣговати* и *нѣгованиѥ* (Miklosich LP, 760), но, может быть, здесь не описка, и эти лексемы действительно были в древнерусском языке, или, возможно, под их влиянием писцом была совершена ошибка? Выше было приведено записанное В. И. Далем вят. *упѣгаться* 'умучиться' — может быть, в хлопотах, заботах о ком-либо? Ср. значения укр. *пазити* 'возиться с чем, кем; хлопотать, заботиться о чем, ком, досматривать что, беречь' (Гринченко III, 87).

Далее, к известным этимологиям трудного ст.-слав. потꙙпѣга 'разведенная жена' можно было бы добавить версию о связи второй части слова пѣга со слав. **pěgati*, *pěžiti*, однако, остается неясной первичная семантика (может быть, '*состоявшая в браке'?) и этот вопрос требует дальнейших разысканий.

В заключение также глагол *пежить* 'говорить чушь', относимый М. Фасмером к *пегий* (Фасмер III, 225), мы отождествляем с *пежить* 'бить, колотить'. Ср. «Что ты *порешь?*», «Что ты *мелешь?*» — т. е. 'говоришь чушь'.

забурма́чивать

Этот глагол приводится Г. Куликовским в Словаре областного олонецкого наречия (с пометой Мош. оз.) в значении 'темнеть, покрываться тучами' и в контексте «Небо стало что-буде *забурмачивать*» (Куликовский, 24).

Это слово до сих пор не этимологизировалось. Наличие арханг. *бурса́к* 'густое, темное дождевое или снеговое облако', которое принято считать финским заимствованием (ср. фин. *parskun* 'накрапываю'[12]), наводит на мысль о возможности аналогичного заимствования в случае *забурма́чивать* — от **бурма́к* '*облако', но последнее в русских говорах не зафиксировано. Поэтому мы попытаемся проэтимологизировать этот глагол на славянской почве. В *забурма́чивать* выделяется беспрефиксальный глагол **бурма́чить* 'темнеть, покрываться тучами', который может быть образован от **бурмак* в неясном значении (ср. *мо́рок — морочить*).

Поиски образований, родственных нашему **бурма́чить*, привели нас к записанному Дзендзелевским в украинских говорах Нижнего Поднестровья глаголу *набурму́ситися* в значениях 'надуться, нахмуриться, насупиться' и 'нахмуриться, покрыться облаками (о небе)' [13]. Этот глагол может быть истолкован как интенсив к праслав. **bъrmotati* (Słownik prasłowiański I, 421). Он вводит нас в круг продолжений праслав. **bъrmotati*, **bъrmiti*; в русском языке это арханг. *бу́рмасить* 'долго и надоедливо говорить что-либо, ворчать, брюзжать, ныть' (Арханг. словарь II, 182), яросл., костр. *бу́рмосить* 'невнятно, неотчетливо говорить; бормотать', яросл. 'говорить во сне;

бредить', влад. 'ругаться, ворчать' (Филин 3, 294), курск., том. *бурмить* 'говорить тихо, невнятно; бормотать' (там же), новгор. *бурмень* 'майский жук' (там же), влад. *бормошить* 'бормотать; шуметь, шебаршить' (Филин 3, 102), ряз. *бармачить* 'говорить невнятно, бормотать' (Филин 2, 118), рузск., вят. *бармить* то же (там же, 119), казан. *бармикать* 'говорить вздор, пустое' (там же), олон. *бармак* 'насекомое слепень' (Филин 2, 118), соликам. *барма* 'болтун, пустомеля' (Соликам. словарь 33), подмоск. *барма ярыжка* 'бестолковый человек' (Иванова. Подмоск. 22). В украинском языке это *бурмак* 'ворчун, брюзга', *бурмило* то же (Гринченко I, 113), которые относятся в конечном счете к тому же звукоподражательному праслав. **bъrmiti* (ЭССЯ 3, 129).

Можно предположить, что в русском языке также было слово **бурмак* в значении, аналогичном украинскому *бурмак*, от него и был образован глагол **бурмачить* в первоначальном значении '*сердиться, ворчать', которое перешло затем в *супиться, хмуриться' и, далее, в 'темнеть, покрываться тучами'. Следы существительного **бурмак* в русском языке находим в псковской топонимике: *Бурмакино*, название пожни (1585—1587 г.), название пустоши (XVII в.), *Бурмаков ручей*, название ручья (1585—1587) (Псков. словарь II, 219).

Семантическая модель 'хмуриться, супиться, морщиться; быть недовольным (о человеке)' → 'покрываться облаками (о небе)', 'хмуриться (о погоде)' хорошо известна славянским языкам. Ср.: *морщиться* 'хмуриться (о погоде)' [14], *небо супится* 'хмурится, помрачается к непогоде' при *супить брови*, *насупливать* 'хмурить, морщить, надвигать; казать неудовольствие' (Даль[3] IV, 636); арханг. *загрибанить* 'стать пасмурным, сумрачным (о погоде)' (Филин 10, 31) при *грибаниться* 'хмуриться, угрюмиться' (Подвысоцкий 35); *бутуситься* 'становиться пасмурной (о погоде)' при *бутуситься* 'хмуриться, сердиться' (Сл. Сред. Урала I, 63); псков. *гмырить* 'хмуриться, пасмуриться (о погоде)' (Даль[3] II, 888) при *гмыриться* (псков.) 'печалиться, хандрить, быть в плаксивом настроении' (Филин 6, 234), новгор. *гмыря* 'хмурый, необщительный человек' (Филин 6, 234); укр. диал. *наґамбурилось* 'заволокло тучами' при *ґамбуритися* 'дуться, супиться' [15]; болг. диал. *навъсъ съ* 'рассердиться' и 'покрыться облаками' [16].

Плохое состояние человека и природы часто отождествляется, например, урал. *заскучать* значит 'нахмуриться, сделаться пасмурным (о небе, погоде)'; «Небо *заскучало*: видно, к дождю» (Филин 11, 40); ср. также донск. *туга* 'непогода' (Миртов 328) и болг. диал. *тъжен* 'печальный, грустный' и *времету е тъжну* 'облачная погода' [17]; казан. *прындик* 'сердитый, недоступный человек' и тамб. *прындик* 'непогода' (Опыт 182).

Отмечаемое у некоторых предолжений праслав. **bъrmiti*, **bъrmotati* значение 'ворчать, сердиться' могло, по-видимому, через семантическую ступень 'супиться, дуться' перейти также в значение 'быть надутым, толстым'. На эту мысль нас наводит блр. диал. *бурмашысты* 'толстый' (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі I, 243). Возможно также, что эта семантика лежит в основе арханг. *бурмаш* 'паук': «*Бурмаш* с лапыма бежал, называли котомкой раньшэ» (Арханг. словарь II,

182); ср. яросл. *кошель*, значение которого В. И. Даль определяет так: 'паук, мизги́рь, у которого весь зад образует надутый мешок' (Даль³ II, 465); волог. *ку́зовник* 'паук' (Филин 16, 27).

Рус. диал. *рычо́к*, болг. *рич*

Слово *рычо́к* в значениях 'сильный мороз; выбоина, рытвина, неровность на дороге' записано в Московской области: «*Рычки* гъворили люди при сильных морозах» (Иванова. Подмоск. 452). Это слово еще не рассматривалось в этимологической литературе. Нам кажется, что оно может быть связано с праслав. **rykati*, **ryčati* 'рвать, кусать', именным производным от которых, по мнению Ж. Ж. Варбот, является рус.-цслав. *рыкъ* 'вретище', а праслав. **rykati*, **ryčati* 'рвать, кусать' истолковываются ею как *-k*-расширение (и.-е. **reuk-*) от и.-е. корня **reu̯-*, т. е. как образования, родственные слав. **ryti*, **rъvati*. В подтверждение этого истолкования она приводит словен. *rukati* 'трясти, рвать', болг. диал. родоп. *ри́чкам са* 'бороться, скакать, буйствовать', пирдоп. *ри́чам* 'колоть, брыкаться, кусать, замахиваться, ударять' [18].

Правильность нашей гипотезы о связи с **rykati* также и рус. диал. *рычо́к* подтверждают и значения последнего 'выбоина, рытвина, неровность на дороге'. Ср. *рытвина* от *рыть*. В русском языке о морозе сложилась пословица: «Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет». В повседневной речи можно услышать о сильном морозе: «А мороз-то кусается».

Праслав. **rykati*, **ryčati* 'рвать, кусать' могут иметь еще и значение 'стремительно течь', как полагает Ж. Ж. Варбот вслед за С. Шобером, приводя в качестве подтверждения этого рус. диал. *рыча́ть* 'быстро, стремительно течь'; сюда же она относит и **ručajь*' [19]. Сюда же, видимо, можно отнести и сербохорв. *rȉčiti* 'течь', которое Скок считает ономатопейей (Skok³, 137); сюда же, как нам кажется, относится и болг. диал. елен. *ри̏ч* 'выпадение дождя со снегом' [20].

В статье Л. Е. Щербаковой «Терминология дождя в лексике пермских говоров» приведен контекст: «*Рукосит, рукосит*, мелконький дош, худенькой. . .», записанный ею в Чердынском районе Пермской области [21]. Значение глагола *рукосить* автором не дается, однако оно легко выводится из контекста: 'идти (о мелком дожде), моросить'.

Глагол *рукосить* в этом значении может быть также отнесен к праслав. **rukati*/**rykati* 'течь' (как интенсив). Ср. болг. диал. севлиев. *ру̀квъм*, *ру̀кнъ* 'начинать течь' [22].

Болг. *стёма*

Н. Геровым в Словаре болгарского языка приводится интересное слово *стёма* в значении 'наметенный, набросанный в одну кучу снег, снежный сугроб' (Геров 5, 256), а также рядом — *стёма* в значении 'ленивый, лежебока, лодырь'.

В. Косеска в своем исследовании болгарской метеорологической терминологии приводит слово *сте́ма* в значении 'сугроб' и в качестве сравнения — *сте́ма* 'ленивый человек' и снабжает их пометой «этимологически неясно»[23]. Мы попробуем объяснить происхождение болг. *сте́ма* на славянской почве. В словенском языке есть глагол *raztêmati se* в значениях 'растопиться, распуститься (о снеге, льде, масле. Svinec se *raztema*)', который В. Борысь объясняет как итератив к словен. *raztę́ti se*, *raztámem* 'распуститься, расплыться', последнее им возводится далее к праслав. **tęti*, **tьmǫ* 'давить, жать, стискивать' (эту реконструкцию, по мнению В. Борыся, подтверждает словен. *stę́ti se*, *stamem se*: *stmem se* 'сжаться, сплотиться, ссесться (о жидкости)' — см. Pleteršnik II, 574) и, в конечном итоге, к и.-е. **tem-* 'geistig benommen, betäubt'. Далее В. Борысь приводит сербохорв. диал. славон. *utémati ùtēmām* 'убить', в котором он также видит итератив «от не засвидетельствованного в сербохорватском глагола **u-teti,-tamem* < **u-tęti-*, *tьmǫ*»[24].

Мы можем предположить, что в южнославянских языках, а именно, в болгарском, был также итератив ***sъtěmati* в значении '*сдавить, сжать, стиснуть', с которым связано непосредственно болг. *сте́ма* 'сугроб'.

С точки зрения семантики ср. производные от глагола *бить* рус. диал. арханг. *сбоёк*, *сбойки́* 'сугробы, суметы, ухабы, шибки' (Даль[3] IV, 42), тульск. *субо́й* 'большая груда снега, сугроб' (Опыт, 219), ср.-урал. *набо́й* 'сугроб' («Снегу набьёт — вот ы *набой*» — Сл. Сред. Урала II, 155), орл. *забо́йливо* нареч. 'занесено снегом, сугробами (о зимней дороге)' (Филин 9, 262).

Обратимся теперь к приведенному выше слову *сте́ма* в значении 'ленивый, лежебока, лодырь'. Возможно, что это слово и слово *сте́ма* 'сугроб', не омонимы, а одна и та же лексема в значениях, связанных между собой. В. Борысь сопоставляет праслав. **tomiti* (считая его праславянской инновацией) с **tęti*, **tьmǫ*, указывая на то, что семантика **tomiti* близка семантике **tęti*, **tьmǫ* 'гнести, стискивать'[25]. Значения же 'томный' и 'ленивый' очень близки. Ср. *томная рыба* 'снулая, еле живая' (Даль[2] IV, 414), а также пенз. *атама́* 'дрема, дремота: сонливость, сонная истома' (Даль[3] I, 71). Семантика болг. *сте́ма* — 'ленивый, лодырь, лежебока', восходящего, по нашему мнению, к постулируемому ***sъtěmati* '*сжать, стиснуть', является, может быть, подтверждением этого предложения В. Борыся.

---

[1] *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 100.
[2] *Туряница М. Й.* Сільскогосподарська лексика говірки с. Вел. Раковець Іршавського району Закарпатської області. Дипломна роб. Ужгород, 1959, 46.
[3] *Курило О.* Матеріяли до української діялектології та фольклористики. Київ, 1928, 91.
[4] *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. Второе полногласие. — Изв. ОРЯС VII, 1. СПб., 1902, 303.
[5] *Меркулова В. А.* Народные названия болезней. II. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 178—179.

[6] Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны. — В кн.: Беларуская мова і мовазнаўства III. Мінск, 1975, 175.
[7] *Куркина Л. В.* Славянские этимологии II. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, 60—64.
[8] *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии. — Сб.ОРЯС LXXVI, 5. Спб., 1904, 371.
[9] Некоторые значения древнегреческих и латинских слов даются, в дополнение к значениям, указанным Покорным, по: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958; *Дворецкий И. Х.* и *Корольков Д. Н.* Латинско-русский словарь. М., 1949.
[10] *Топоров В. Н.* О происхождении нескольких русских слов (к связям с индоиранскими источниками). — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 40.
[11] Там же.
[12] Эту этимологию А. И. Шренка приводит А. Подвысоцкий в своем «Словаре архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (Спб., 1885, 12).
[13] *Дзендзелівський Й. О.* Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — В кн.: Лексікографічний бюлетень VI. Київ, 1958, 47.
[14] Картотека Псковского областного словаря (ЛГУ). Выписки В. А. Меркуловой.
[15] *Паламарчук Л. С.* Словник специфічної лексики говіркі с. Мусіївка (Вчорайшенського району Житомирської обл.). — В кн.: Лексікографічний бюлетень VI. Київ, 1958, 24.
[16] *Ралев Л.* Говорът на с. Войнягово, Карловско. — В кн.: БД VIII, София, 1977, 149.
[17] *Бояджиев Т.* Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — В кн.: БД V. София, 1970, 240.
[18] *Варбот Ж. Ж.* О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, 99.
[19] Там же.
[20] *Петков Петко Ив.* Еленски речник. — В кн.: БД VII. София, 1974, 123.
[21] *Щербакова Л. Е.* «Терминология дождя» в лексике пермских говоров. — В кн.: Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1979, 13.
[22] *Ковачев Н. П.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — В кн.: БД V. София, 1970, 58.
[23] *Koseska V.* Bulgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólniosłowiańskim. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972, 61.
[24] *Boryś W.* Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych. — RS XLII, 1. 1981, 27—29.
[25] Там же.

У. Дукова *

Праслав. ***čьrtъ* 'черт, злой дух' / герм. ***skrat-* 'лесной дух, черт'

Праславянское диал. **čьrtъ*, засвидетельствованное в словен. *čȓt* 'ненависть, вражда; злой дух', чеш. *čert* 'черт, злой дух; неприятность', словац. *čert* то же, в.-луж. *čert* 'черт', н.-луж. *cart* 'черт, бес', польск. *czart* 'черт, бес, злой дух', словин. *čăr̥t* 'черт', полаб. *cårt* 'черт', рус. *чёрт* 'нечистая сила, злой дух, дьявол, сатана',

диал. 'водяной, леший', укр. *чорт* 'черт', блр. *чорт* то же, не имеет общепринятой этимологии.

Связь с праслав. **čьrnъ* 'черный' давно отвергнута (Miklosich, 35)[1]. Сопоставление с лит. *į-kyrėti* 'докучать, донимать' или с лит. *kerėti* 'околдовать' (Berneker I, 172; Фасмер IV, 347)[2] вызывает морфологические и семантические трудности (ЭССЯ 4, 165). Сближение с **skorъ* и **xъrtъ*[3] является умозрительным, хотя осмысление черта как демона ветра имеет основание с этнографической точки зрения.

В соответствии с остальными версиями **čьrtъ* восходит к индоевропейскому корню *(*s*)*ker-* 'резать'. При этом толкования в основном следующие: 1) сближение с лат. *curtus* 'короткий, обрубленный' (Berneker I, 172; Machek[2] 99; Sławski I, 113; Słownik prasłowiański II, 37, 256[4]); 2) связь с праслав. **čersti*, **čьrtǫ* 'резать', **čara*, **čьrta* 'черта': Якобсон считает, что эта связь основана на концепции магической запретной черты[5], Брюкнер исходит из возможности представления о черте как чародее[6]. Трубачев, опираясь на тождество **krъtъ*/**čьrtъ* и сложений **krъtoryja*/**čьrtoryja* и сравнивая словен. *čȓt* 'раскорчеванное место; межа между двумя пашнями в горах', определяет первоначальную семантику слова **čьrtъ* как 'тот, кто роет', а значение 'нечистая сила' рассматривает как семантическую инновацию в определенной части праславянской языковой области, обусловленную табу (ЭССЯ 4, 1977, 166).

Во всех этих объяснениях семантическая мотивация остается проблематичной, потому что предполагается семантическая инновация праславянского времени, а индоевропейских соответствий недостает.

Однако мне кажется, что в рамках этимологического гнезда и.-е. *(*s*)*ker-* структурно-семантические соответствия для слав. **čьrtъ* обнаруживаются в германских языках: др.-в.-нем. *scrato*, *scr*(*a*)*z*, *screz* 'pilosi, fauni, silcestres homines, satiri, incubus, larva' (в глоссах) (Grimm IX, 1649; Falk-Torp 2, 102; Jóhannesson, 829[7]), ср.-в.-нем. *schrat*, *schrate*, *schraȥ*, *schraz*, *schrawaz* 'злой дух'[8] с деминутивными образованиями *schretel*, *schretel*(*in*), нов.-в.-нем. *Schrat*(*t*), *Schrat*(*t*)*el*, *Schrät*(*t*)*ele* 'леший', диал. 'вихрь; дьявол; бабочка', диал. *Schrádl* 'вихрь, поднимающий сухие листья' (Grimm IX, 1649), диал. (баварск.) *Schrätz* 'низкорослый человек' и многочисленные производные и искажения, др.-исл. *skrat*(*t*)*i* 'чародей, gigas, monstrum', нов.-исл. *skratti* 'черт, дьявол', *vatnskratti* 'водяной', швед. *skrate* 'призрак', диал. *skrätte* 'шут, чародей, черт', диал. *skrutt* 'дьявол' (de Vries 8, 501); далее, заимствования из др.-исл.: ср.-англ. *skratt*, *scrate* (там же), англ. диал. *scrat* 'чертенок, черт, имя дьявола; гермафродит', также *scart*, *scratch*[9], шотланд. *scrat* 'маленький или сморщенный человек; что-нибудь очень маленькое или незначительное'[10].

Семантическая параллель полная: нем. *Schrat*, сканд. *shratti* совмещают в себе семантику 'черт', 'леший' и 'великан', а славянский леший сходен с общепринятыми изображениями черта (рога, хвост, мохнатое тело)[11].

Славянское **čьrtъ* первоначально обозначало дух природы (ср.

рус. диал. *чёрт* 'водяной, леший') с животными атрибутами, значение же 'дьявол, сатана' перенесено на этого демона христианством.

Словообразовательная параллель здесь частична: праслав. **čьrtъ* и.-е. **(s)kr̥tó-*, тогда как герм. **skrat-* < и. е. **skrotó-*. Славянское слово представляет собой прилагательное с редуцированным корневым вокализмом, а германские слова — параллельные образования на *-o-tó-* (Brugmann. Grundriss² II, 1, 1906, 394), ср. др.-в.-нем. *licht* 'свет': гот. *liuhaþ* то же. В семантическом плане любопытны и такие расширения этого же корня, как нем. диал. *Schrähelin* 'волшебное существо, карлик', нов.-исл. *skroggr* 'какой-либо призрак', норв. диал. *skrugg* то же, швед. *skragge* 'дьявол'. Фальк и Торп, Клюге и Йоханнессон определяют первичный семантический признак германских слов как 'худой, уродливый' (< герм. *skrenþ-* 'морщиться, разорваться'. — Falk—Torp², 2 1025; Kluge—Mitzka, 678; Jóhannesson, 829), однако мне кажется, что семантическим признаком для наименования мифологического существа может быть также его грубая волосатая кожа (др.-в.-нем. *scrato* 'pilosus'), ср. родственное др.-инд. *kr̥tti-* 'кожа', лат. *scortum* '(животная) кожа', англо-сакс. *heorða* 'кожа' и др. (Pokorny, 941; de Vries, 502, допускает родство др.-исл. слова с др.-исл. *skrá* 'сухая кожа', которое тоже является рефлексом и.-е. **(s)ker-*).

---

1 Впрочем, см. Holub—Kopečný 91, где возможность этой связи не исключается.

2 См. также: *Mikkola J. J.* Zwei Etymologien. — WuS 2, 1910, 217; Słownik prasłowiański II, 256, где такое сближение допускается как одно из возможных.

3 *Schuster-Šewc H.* Slawische Etymologien. 1. Zur ursprünglichen Bedeutung von slaw. **čьrtъ* 'Teufel' (Ein Beitragizur slaw. Mythologie). — ZfSl XVI, 1971, 369—371.

4 См. также: *Moszyński K.* Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego. — JP XXXIII, 1953, 346.

5 *Jakobson R.* Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (Р—Я). — IJSLP 1/2, 1959, 276.

6 *Brückner A.* Über Etymologien und Etymologisieren. II. — KZ XLVIII, 1918, 174.

7 См. также: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin—Leipzig, 7, 1935—1936, 1285—1289.

8 'ein elbischer Geist'. *Benecke G. F.*, *Muller W.*, *Zarncke F.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 2. Hildescheim, 1963, 205.

9 *Wright J.* The English Dialect Dictionary. 5, Oxford, 1961, 274.

10 The Scottish National Dictionary, ed. by Grant W. and Muriscon D. 8. Edinburgh, 1971, 80.

11 *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, т. 2. М., 1868, 332.

Э. Хэмп *

СЛАВ. *vonja

Махек (Machek[1], 578) возводит чеш. *vůně* 'запах', др.-чеш. *vóně* (→ *voněti*) к праслав. **voňa* и связывает это слово с лат. *odor* и родственными, ведя реконструкцию до **v-od-nja*, где *v* — результат зияния. Авторы «Болгарского этимологического словаря» (БЕР I, 176) возводят *vonjà* 'вонь' и родственные к глаголу **Hod-n(ī)-yō*, связанному с лат. *odor*, лит. *úodžiu*, *úosti* и т. д. Фасмер реконструирует рус. *вонь* и родственные как **onįa* и относит к др.-инд. *ániti*, греч. ἄνεμος и т. д., отвергая предложенную Брюкнером связь с лит. *úodžiu*, греч. ὄζω и пр. Фасмер прямо клеймит последнего, заявляя: «неубедительно» (Фасмер I, 225).

Мысль Фасмера верна, но не доказана, он не имел соответствующих данных, когда писал. Мы теперь знаем [1], что в балто-славянском гласный перед индоевропейским media в корне **$H_o$ed-* 'пахнуть' удлинялся. Мы также знаем теперь [2], что в славянском был корень **ad-* 'искать', родственный лит. *úodžiu*. Мы знаем далее, что удлинение имело место до исчезновения **d* перед следующим *-n*: слав. *věno* = = гомер. ἔεδνα [3]. Следовательно, последовательность *vonj-* [4] не может быть связана с лат. *odor*, греч. ὄζω.

Значит, мы вынуждены искать, вслед за Фасмером, связь с греч. ἄνεμος, валл. *anadl* и пр. Можем ли мы сделать это сравнение чем-то большим, чем сомнительной спекуляцией? Я думаю, что можем.

Давно замечено, что мы не должны ожидать *v-* в словах, родственных др.-инд. *ániti*, восходящих к *an-* > *on-*. Попытки объяснить нежелательное *v-* обычно были очень слабыми, счастливым исключением является «Болгарский этимологический словарь». В нем мы находим утверждение, что *v-* в слове *vonja* — результат контаминации с начальным звуком в **wǫx-*, отраженном в *въхам*. Поведение последнего этимона точно соответствует таким, как болг. *въгъл*, словен. *vôgəl*, рус. *уголь*, польск. *węgiel* < *ǫglь* = лит. *anglis*. Таким образом, развитие **w-* в **ǫxati* 'хорошо пахнуть' регулярно для протославянского. Теперь последний этимон может быть уже абсолютно точно отнесен к и.-е. **anə-* (= **$H_a$enH_e-*) (БЕР I, 216). Итак, мы имеем, допуская вторичное *-x-*: **an(ə)x-* > **ánx-* > **ǫx-* > **u̯ǫx-*. Теперь если мы скажем, что это *u̯-* было перенесено на **an(ə)je* > **on(ь)ji* с **u̯ǫx-*, то следует это приписывать не семантической связи, а частичному парадигматическому выравниванию (аналогия широко распространенного типа основы).

Эти две гипотезы взаимно поддерживают одна другую. Мы заключаем, что если **(u̯)ǫxati* развилось из **$H_a$enH_e-* > **anə-*, то **on(ь)ji* > **u̯on(ь)ji* > *vonja* образовалось подобным же образом. Медиальное шва в **$H_a$enH_e-iHa* > **anəiə* [5] регулярно утрачивалось в северной ветви индоевропейских языков.

Интересно присутствие *-x-* в этой первичной основе. Возможно, что это не перенос с **dъx-*, а трансформация старого индоевропейского (дезидеративного) расширителя *-s-*, влившегося в эволюцию славянского «аффективного» *-x-*.

---

[1] *Winter W.* Recent Developments in Historical Phonology. 1978, 433.
[2] *Hamp E. P.* Slovene Studies. 1979, 2, 61—62.
[3] *Winter.* Op. cit., 444.
[4] Имея в виду с.-хорв. *vȍnj*, рус. *вонь* и польск. *woń* и продуктивность основ на *-jā*, кажется, лучше допустить праслав. **vonьji* ж.
[5] Мне представляется, что развитие шло так же, как в и.-е. **aldiH*$_a$ > **oldi/oldьji* > польск. *łodzia*, и-е. **-ī ~ -iįə — iįā-*.

Перевела с английского *В. А. Меркулова*

А. Е. Аникин

К СЕМАНТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ

Праслав. диал. (вост.-слав.) **(vy)solpiti (ęzykъ)* 'высунуть (язык)' и др.

Блр. *высалапіць* 'высунуть язык' (Гарэцкі, 34), на котором основывается реконструкция праслав. **(vy)solpiti* (*ęzykъ*) (см. ниже) произвольно выбрано нами в качестве представителя довольно большой группы специальных славянских обозначений своеобразного понятия 'высунуть (язык)', свойственных почти исключительно восточнославянским языкам (главным образом украинскому и белорусскому). Эти обозначения не раз фигурировали на страницах этимологических публикаций, тем не менее основные из них не лишне будет перечислить еще раз, располагая по возможности в соответствии с алфавитным порядком предлагаемых ниже реконструкций. Ср.: рус. *силипать* 'высовывать язык; пить, высунув язык; хлебать; сечь', *силёп* 'суп' (перечисленные формы см.: Добровольский II, 829, 632), блр. *сéлепаць* 'проворно черпать; хлебать; хлестать' [1], блр. *солупаць* 'высовывать язык' (Носовіч, 599—600), *высалапіць* 'высунуть язык' (Гарэцкі, 34), *высалупіць*, *высалупаць* 'высовывать, высунуть (язык)' (Байкоў—Некрашэвич, 70), *салапець* 'высунуть язык' [2], укр. *солопіти* 'смотреть бессмысленно' (Гринченко IV, 167) (< 'смотреть, высунув язык', ср. рус. *язынить*, Даль[3] IV, 1568), блр. *асалапець* 'опешить, разинуть рот' (Гарэцкі, 14) [3], укр. *солопій* 'ротозей' (Гринченко IV, 167), рус. *салыпнуть* 'высунуть и спрятать язык' (Добровольский 810), блр. *салапон*, *салапан* 'ротозей; раззява' [4], рус. *салапон*, *салупон* 'ротозей' (Расторгуев, 235) [5], укр. *солопити* 'высовывать язык' (Гринченко IV, 167), рус. *солопить* 'лизать; высовывать язык' (Фасмер III, 714), укр. *висолопити* 'высовывать,

высунуть язык' (Гринченко I, 188, ср. здесь же *висолоплювати* то же), блр. *высалапіцца* 'показаться', рус. *высолопити* (ЭСБМ 2, 282: только пограничные с белорусским говоры). Поскольку перечисленные факты группируются главным образом в зоне белорусского и украинского языков, захватывая смежные русские говоры (смоленские, брянские), а также, в незначительной степени, польский язык, ср. польск. *wysałapić oczy*, *język* 'вытаращить глаза; высунуть язык' (Варшавский словарь 7, 1023; Karłowicz 6, 228) [6], обоснованным кажется тезис, что мы имеем специфическую украинско-белорусскую изоглоссу.

Если оставить в стороне предположение М. Фасмера о звукоподражательном характере рус. *салыпнуть*, *силипать*, *солопить* (Фасмер III, 551, 621, 714) [7], то при этимологизации этих, а также других приведенных выше восточнославянских слов необходимо считаться со следующими гипотезами. Первая из них, намеченная уже в трудах А. А. Потебни [8], в наиболее четкой форме была представлена О. Н. Трубачевым: блр. *высалапіць*, *высалупіць*, *высалупаць*, *солупаць*, укр. *высолопити* 'высунуть (язык); выставить', «по-видимому, продолжают праслав. диал. **vyselpiti*/**vysolpiti*, **vyselpati*/**vysolpati*, **selpati*, ср. ст.-слав. слѣпати 'ἅλλεσθαι, salīre', рус.-цслав. слѣпати 'течь, бить ключом'. . ., далее ср. лит. *išselpinėti* 'расходиться, разделяться'» [9]. А. А. Шахматов сравнивал укр. *солопити* и др. со ст.-слав. въслапити, въслаплꙗти 'отгонять, удерживать, укрощать' (ср. Срезневский I, 409) [10]. А. Е. Супрун склонялся к мысли о контаминационном характере блр. *асалапець*, *высалапіць* и проч., допуская возведение этих слов к **solp-* с последующим вхождением некоторых из них «у сферу дзеяння экспрэсіўнага пласта лексікі», в частности, под «уздзеянне слоў с коранем **slop-*», а именно, глаголов типа польск. *osłupieć* или «назоўніка са значэннем 'слуп'» [11]. Поскольку возведение блр. *асалапець* и др. к **solp-* у А. Е. Супруна не подкрепляется последовательной семантической концепцией, и семантика этого слова объясняется за счет контаминации, понятным становится тот факт, что итоги его исследования были расценены скорее как отрицательные (отсутствие у рассматриваемых слов параллелей в славянском) В. В. Мартыновым, который интерпретировал блр. *салапець*, *высалапіць* и др. как результат осуществившегося еще до метатезы плавных лексического проникновения из балтийского, ср. лит. *sulpti* 'сосать, лизать', *sùlpyti* 'сосать, лизать, громко пить', лтш. *sulpît* 'облизывая сосать' [12] («слова крыніца **salpiti*») [13].

Последнюю гипотезу, пожалуй, можно сразу упрекнуть в некоторой поспешности выводов относительно внутриславянских соответствий. Об их отсутствии можно говорить лишь в том смысле, что те славянские формы, которые в первую очередь претендуют на роль подобных соответствий (см. выше у О. Н. Трубачева), обнаруживают значения, не совпадающие со значением 'высовывать, показывать (язык)' и другими (видимо, вторичными и менее существенными), обнаруживаемыми у интересующих нас слов. Но поскольку различие в значении, как известно, само по себе еще не является достаточным основанием для отрицания этимологического родства, то прежде

чем искать этимон в балтийском, нужно было бы показать, например, что значение 'ἅλλεσθαι, salīre', т. е. 'прыгать' (что, впрочем, в данном случае требует оговорок, см. ниже) никаким образом не может быть связано с 'показывать (язык)'. Кстати говоря, даже на уровне бытового сознания различие этих двух значений не столь уж велико и, например, позиция П. Скока, без дополнительной аргументации говорившего о сближении укр. *vysolopyty* (*jazyk*) 'hervorstrecken': ст.-слав. въслѣпати (Skok III, 279), едва ли может вызвать больше нареканий, чем позиция, без должной аргументации отвергающая (или, лучше сказать, не учитывающая) это (или ему подобное) сближение.

Сравнение укр. *висолопити* и др. со ст.-слав. въслѣпати 'salīre, прыгать' и близкими формами кажется нам правильным, но объяснение интересующих нас восточнославянских обозначений высовывания языка целесообразно начинать не с этого, а с другого сравнения, с участием ранее как будто не привлекавшихся в рассматриваемой связи фактов, как нам кажется, семантически стоящих к этим обозначениям ближе, чем ст.-слав. въслѣпати 'salīre' и др. Речь идет об укр. диал. (полесск.) *совпатис'* 'тыкаться, толочься' (ср. *Совпаjиц'ц'а* табы слыпоjе тыл'á; Ци́лый ра́нок *со́впаjус'* ко́ло печы; Мусыть пjаный идэ́, бо *со́впаjиц'ц'а*), *совпну́ти* 'ткнуть', (перен.) 'упрекнуть' (ср. jа jому́ ны раз *совпну́*, шо чырыз jогó мый ба́т'ко погы́бнув) и *совпну́тыс'* 'ткнуться; толкнуться' (ср.: ...вжэ́ совпнувся в двэ́ры)[14]. Принимая во внимание такие факты, как польск. *wytknąć* (*język*, *palec*, *rękę*, *nogę*) 'высунуть (язык, палец и др.)', собственно, '«выткнуть» (язык)' (Варшавский словарь 7, 1078; ср. упоминавшееся польск. *wysałapić język* как синоним этого выражения): рус. *ткнуться* (ср. и рус. *высунуть*: *сунуться*), мы полагаем, что, например, укр. *висолопити*, блр. *высалапіць* лучше всего объясняются из праслав. диал. *(*vy*)*solpiti* (*ęzykъ*) со значением вроде '«(вы)ткнуть»; «(вы)толкнуть» (язык)', сохранившимся mutatis mutandis в полесск. *совпатис'*, *совпнути*(*с'*) ('тыкаться; толочься' и др.), на основе которых мы реконструируем соответственно праслав. **sъlpati sę*, **sъlpnǫti*(*sę*). Это решение, не говоря уже о его семантической оправданности, как будто соответствует инновационному характеру, который, надо думать, имели на общеславянском фоне формы типа *(*vy*)*solpiti* (*ęzykъ*), и вполне согласуется с географией соответствующих образований. Обоснование же праславянских реконструкций, которые могут быть предложены на основе этого решения для круга фактов, представляемых блр. *высалапіць*, укр. *висолопити* (преимущественно каузативов с праславянским корневым *-о-*, а также *-е-* вокализмом, ср. **vysolpiti* и другие реконструкции, приводимые О. Н. Трубачевым, см. выше) и примыкающих сюда полесск. *совпнути*(*с'*), *совпатис'* (< **sъlpnǫti*(*sę*), **sъlpati sę*), должно быть получено за счет сравнения названных фактов с уже упоминавшимся ранее ст.-слав. слѣпати ἅλλεσθαι, salīre', рус.-цслав. слѣпати 'течь, бить ключом' и других связанных с ними форм. В числе последних назовем еще, в частности, ст.-слав. сльпати 'течь', рус.-цслав. сльпати, сълпати 'течь'; ст.-слав. слапъ 'fluctus', рус.-цслав. слапъ 'волна; водоворот', с.-хорв. *slȁp* 'волна; быстрина;

водопад', словен. *slâp* 'водопад; вал; волна', болг. *слап* 'волна', макед. *слап* 'водопад' (И—С, 466)[15] или еще рус. *Солпа*, озеро в бассейне Оки, и другие гидронимы[16]. Наиболее удачное объяснение этих форм видим в реконструкции на их основе соответственно праслав. **selpati* (> ст.-слав., ц.-слав. слѣпати), **sьlpati* (> рус.-цслав. слъпати), **solpъ* (ст.-слав. сланъ 'fluctus' и др.), **sьlpa* (> рус. *Солпа*), трактуемых как расширения на *-p-* индоевропейского корня **sel-* 'прыгать' (ср. особенно лат. *saliō*, греч. ἅλλομαι, см. Pokorny I, 889), в котором мы усматриваем, вслед за О. Н. Трубачевым, не более чем семантическую разновидность (однако, достаточно автономную) единого и.-е. **sel-* двигаться', ср. еще **sel-* 'ползти' в словаре Ю. Покорного (см. Pokorny I, 888)[17]. Очевидно, что значение типа 'прыгать' как таковое засвидетельствовано у соответствующих славянских слов довольно слабо (ср., например, ...въслѣплють долъфини... 'выныривают из воды', Панд. Ант. XI в., см. Срезневский I, 411), и в большинстве случаев речь идет о (быстром) течении воды, потоке, волне, водопаде и проч. (ср. еще. ..πηγὴ ὕδατος ἀλλομένου...: ...источьникъ воды вьсльпаѭштѧѩ..., Зограф. ев.). Выигрышность сближения только что приведенных славянских форм именно с и.-е. **sel-* 'прыгать' (существенного и для взаимоотношений внутриславянских фактов, например, **selpati*: **solpъ*, см. также далее) мы усматриваем скорее не в непосредственной засвидетельствованности значения 'прыгать' у продолжений этих форм, но в большой типологической вероятности семантического перехода 'прыгать' ⇒ '(бурно) течь, струиться', собственно, 'прыгать (о воде)', едва ли уступающем по распространенности переходу 'бежать, нестись' ⇒ 'течь' (ср. рус. *течь* 'fließen' < 'бежать'), весьма полно представленному в известном словаре К. Д. Бака (Buck[1], 677—678). Не говоря уже о том, что переход 'прыгать' ⇒ 'течь, струиться' обнаруживают так или иначе отдельные неславянские продолжения и.-е. **sel-* в указанном значении, например, лат. *salīre* и его рефлексы в некоторых романских языках (ср. Et multum *saliens* incitat unda sitim, Ovid. Remed. amor 632 из большого числа сходных примеров, но и прованс., катал. *sallir* 'бить ключом, бурлить' < лат. *salīre*, см. Meyer-Lübke[4], 623—624), сошлемся хотя бы на отношения ст.-лит. *skasti* 'прыгать': лат. *scateō*, архаич. *scatō* 'вытекать, бить ключом' (: и.-е. **skēt-*, **skət-* 'прыгать; вытекать', Pokorny I, 950); греч. θρῴσκω, θρώσκω 'прыгать': др.-инд. *dhārā* 'поток' (и др.) (: и.-е. **dher-*, **dhor-*, **dhₑr-* 'прыгать', Pokorny I, 256) и особенно слав. **pręsti* 'прыгать; резко двигать; дергать (рукой)', **prędati* 'скакать, трясти' (ср. рус. *прядать* 'прыгать, скакать' и др.): **prǫdъ* 'быстрое, стремительное течение'[18] (ср. польск. *prąd*, чеш. *proud*, словац. *prúd*). Похоже на то, что славянские факты (**selpati*, **solpъ* и др.) ближе стоят к исходной семантике ('прыгать') и лучше сохраняют ее, чем их наиболее точные соответствия в балтийском в лице лит. *salpà* 'затопляемая часть побережья, где скапливаются наносы, пойма' (LKŽ XII, 59[19]), *sal̃pas* 'небольшой залив реки или озера, заводь, отмель' (LKŽ XII, 59)[20]. В том же духе мы понимаем и принимаемое для полесск. *совпа́тис'*, *совпну́ти(с')* (< праслав. **sьlpati sę*, **sьlpnǫti(sę)*) и восточнославянских обозначений высовывания языка,

представленных блр. *высалапіць* (< праслав. **vysolpiti* (*ęzykъ*)), исходное значение типа 'тыкать(ся); толочь(ся)', которое самым естественным образом может рассматриваться как своеобразный вариант 'прыгать' (: и.-е. **sel-*), едва ли более удаленный от первоначальной семантики, чем, скажем, значение франц. *sautiller* 'подпрыгивать' от значения лат. *salīre* 'прыгать'. Таким образом, ориентация на исходную семантику типа 'прыгать' позволяет генетически отождествить две довольно большие группы славянской лексики, тяготеющие к совершенно разным понятийным областям, ср. 'течь, струиться', с одной стороны, и 'высовывать (язык)' ('смотреть бессмысленно; хлебать' и проч.) — с другой. Сюда, однако, должна быть присоединена и еще одна группа слов, представленная, в частности, болг. *слап* в значении 'крутой, неглубокий лог в горной местности' (БТР, 935), с.-хорв. *slȁp* 'седловина в горах' (RJA XV, 429), с.-хорв. *preslȁp* (Skok III, 279), болг. *прѐслап* 'седловина, перевал' [21], *пр'ъ̀слъп* 'седловина, через которую проходит тропа' [22] (праслав. **solpъ*, **persolpъ*). Возможность того, что значения вроде 'перевал; проход в горах' (как и значения 'поток; течь; бить ключом' перечисленных выше слов) восходят в данном случае к 'прыгать' (или, точнее, 'прыжок'), лучше всего подтверждается семантическим развитием лат. *saltus* 'прыжок' (: лат. *salīre* 'прыгать', см. выше), затем также 'узкий проход; ущелье; горное пастбище' и проч.[23], на что уже указывал Р. Бернар [24]. Ниже мы приводим в порядке опыта (не претендуя на полноту) отдельные праславянские лексемы, которые, как нам кажется, могут быть реконструированы за счет объединения трех указанных групп лексики:

**selpati*: рус. *силипать* 'высовывать язык; пить' и др., блр. *селепаць* 'проворно черпать' ~ ст.-слав. слѣпати 'ἅλλεσθαι, salīre,' рус.-цслав. слѣпати 'течь';

**solpa* (= лит. *salpà*) : с.-хорв. *slȁpa* 'pljusak vode, koji pokrene vjetar' (RJA XV, 430);

**solpati*: блр. *солупаць* 'высовывать язык' ~ словен. *slápati* 'течь, испаряться' (Pleteršnik II, 507), с.-хорв. *slàpati* 'ударять (о воде)' (RJA XV, 430);

**vysolpati*: блр. *высолупаць* 'высовывать язык';

**solpěti*: блр. *салапець* 'высунуть язык' (ср. *асалапець* 'опешить'), укр. *солопіти* 'смотреть бессмысленно' ~ словен. *slapẹ́ti* 'стекать вниз' (Pleteršnik II, 507);

**solpějь*: укр. *солопій* 'ротозей' ~ болг. *слапей* 'волна' (БТР, 935), макед. *слапеј* 'высокая волна, вал' (И-С, 466), *слапей* то же [25];

**solpiti*: рус. *солопить* 'высовывать язык', укр. *солопити* 'высовывать язык' ~ с.-хорв. *slápiti* 'пускать пар' (RJA XV, 431). Используя отношение вроде рус. (диал.) *прудить* 'сносить струей' (картотека Печерского словаря [26]): *прудить* 'тормозить, удерживать собачью нарту' (Богораз, 21) (о праслав. **prǫdъ* см. выше), можно было бы попытаться привлечь сюда ц.-слав. (въ)слапити 'удерживать, укрощать' (ср. отношение этого слова к слѣпати 'течь'), см. о нем выше у А. А. Шахматова. Ср. еще **sьlpъ* (см. ниже);

*vysolpiti (sę): блр. высалапіцца 'высунуться', блр. высалапіць 'высунуть (язык)', укр. висолопити то же;

*solpъ (= лит. sal̃pas): ст.-слав. слапъ 'fluctus', болг. слап 'волна', н.-луж. słop [27] и др. ~ с.-хорв. slȁp 'седловина в горах';

*persolpъ: с.-хорв. preslȁp, болг. прѐслап 'седловина, перевал' и др. (см. выше);

*sъlpati (sę): полесск. совпатис' 'тыкаться, толочься' ~ ст.-слав. слъпати 'течь', рус.-цслав. слъпати, съпати 'течь';

*sъlpa: рус. Солпа, гидроним (см. выше). Сюда же можно отнести рус. диал. (псков.) солпа 'штанина' (< 'куда толкают, суют ногу', ср. полесск. совпатис'?), 'голень' (Даль[3] IV, 383; картотека Псковского областного словаря [28]). (Иначе и вполне правдоподобно см. Фасмер III, 714: к сопля 'штанина');

*sъlpъ: укр. совп 'снаряд для ловли рыбы' (Гринченко IV, 164), с.-хорв. sȗp 'род запруды для ловли рыбы' (RJA, sv. 71, 23) [29], ср. рус. запруда ('то, что сдерживает течение'): праслав. *prǫdъ.

Несколько замечаний относительно отдельных балтийских фактов. Едва ли больший вес, чем случайное совпадение блр. асалапець: лит. apsal̃pti (см. выше у А. Е. Супруна), имеет «соответствие» вроде укр. солопій 'ротозей' (см. выше и другие семантически сходные nomina agentis вроде солупайла): лит. жемайт. (Gegrėnai, Plungės rajonas по данным LKŽ, см. ниже) selpė 'зевака' (LKŽ XII, 355). Независимо от этимологии литовского слова (ср. еще sel̃pis 'мямля, неряха', selpìne 'лентяй', LKŽ XII, 355), очевидно, что семантика укр. солопій сформировалась совершенно независимо от него в рамках славянского (< *solpějь ∽ *solpěti, *solpiti и др.). По поводу лит. sul̃pti, súlpyti (ср. siul̃pti, sulpė́ti), лтш. sulpît, привлекавшихся В. В. Мартыновым для сравнения с блр. салапець и др. (см. выше, там же значения указанных балтийских слов с семантическим стержнем 'сосать'), отметим только возможность их сопоставления с лит. sel̃pti в значении 'тянуть воздух сквозь зубы' (LKŽ XII, 355, ср. Ko selpì, kaip karštos košės užrijęs?). Значение 'сосать' тогда объяснялось бы из 'втягивать (в себя)', ср. в качестве параллели греч. σπάσις 'тяга; втягивание (в себя)': σπάσει πίνειν 'пить всасывая, сосать жидкость' (ср. σπάω 'вытягивать; всасывать' и др.) [30].

Предложенные выше семантические интерпретации славянских фактов нам не кажутся единственно возможными. Но мы считаем в то же время несомненным сам факт генетического единства трех упоминавшихся понятийно удаленных групп славянской лексики, на котором и основывается реконструкция генетически единых (а не омонимичных) праславянских лексем вроде *sъlpati (sę), *solpěti, *solpějь, *solpъ и др.

К генетическим связям блр. *ружа* 'суша'

При рассмотрении белорусского слова ружа 'суша' (ср. Цi ты йшла па ружы, цi па балоту, см. Касьпяровiч, 271 [31]), ранее, как будто, не этимологизировавшегося, в голову приходят прежде всего

такие фонетически сходные или тождественные славянские факты, как рус. диал. *ружа* 'хворост; ветка высохшего дерева' (см. ниже у Ж. Ж. Варбот), рус. диал. *ружь* 'внешность; образ; вид; облик', *ружа* 'просвет; наружная сторона' (Даль³, 1733; Опыт, 193)[32], ср. также рус. *наружу*, *снаружи* и др. или еще словен. *rûž* 'шелуха; стручок', *rúžiti* 'чистить; снимать кожуру; лущить' (Pleteršnik II, 446). Несмотря на очевидные семантические различия этих слов, их сопоставление кажется нам правильным, но для лучшего понимания блр. *ружа* представляется целесообразным сначала взглянуть на это слово «со стороны», привлекая некоторые балтийские факты, как они интерпретировались Б. Егерсом. Для анализа блр. *ружа* 'суша' допустимо привлечь, в частности, такие слова, как лит. *ráugti* 'квасить', лтш. *raûgt* 'заквашивать', лтш. *raûdzêt* 'квасить', лит. *ráugas* 'закваска', лтш. *raûgs* то же, прус. *raugus* 'сычуг', лит. *rũgti* 'киснуть', лтш. *rûgt* 'бродить' и др., прус. *ructan dadan* 'кислое молоко' (ср. лит. *rūgãpienis*, *rũgpienis*) и некоторые другие, семантически тесно связанные с ними балтийские факты (см. Fraenkel, 705; (Mühlenbachs—Endzelīns III, 485—486). Согласно убедительному анализу Б. Егерса, эти факты восходят к и.-е. **reu-g-* 'рвать; драть; тянуть' (: и.-е. **reu-* 'рвать', Pokorny I, 868 и след.), причем значение 'кислый' осмысляется как 'стягивающий, сводящий рот (неприятным вкусом)', ср. лтш. tik skābs, ka *sav̨elk* muti 'такой кислый, что сводит рот' (ср. лтш. *savìlktiês* 'стягиваться; скисать'[33]), греч. στύφω 'стягивать; иметь вяжущий вкус': χεῖλεα στυφθείς 'со сведенными (от кислоты) губами'[34], хотя, наверное, допустимо думать и об осмыслении 'кислый' = '«стянувшийся»; сгустившийся' (что отчасти допускает и Б. Егерс), ср., например, др.-исл. *þettr* 'густой' : исл. *þētti* 'кислое молоко', ср.-ирл. *tēcht* кислый (и.-е. **ten-k-* 'стягиваться, скисать', Pokorny I, 1068). Учитывая эти соображения а также тот факт, что суша нередко именуется по признаку 'твердый; крепкий' (в частности, в противоположность болоту, что в данном случае существенно, ср. выше Ці ...па *ружы*, ці па балоту у М. И. Каспяровича[35]), например, нем. *festes Land*, итал. *terra ferma* и др., блр. *ружа* 'суша' можно попытаться возвести к праслав. **ruža* (< **rugja*), осмысляя семантику 'суша' как '«стянувшаяся», «тугая»', т. е. 'крепкая, твердая (земля); твердь' (: **rugja* ~ и.-е. **reu-g-* 'рвать; тянуть', ср. выше у Б. Егерса), ср. рус. диал. *тужи́ть* 'о земле: делаться тугой, твердоватой' (подробней см. Васнецов, 321), укр. диал. (полесск.) *тужа́ты* 'твердеть'[36], укр. *тужа́вiти* 'густеть, крепнуть' (Гринченко IV, 292—293) (: **tǫžiti*, **tǫžati*, **tǫžavěti*, ср. **tęgnǫti* ~ и.-е. **ton-gh-*, **ten-gh-*: и.-е. **ten-* 'тянуть') или греч. στύφω 'стягивать, иметь вяжущие свойства' (ср. выше у Б. Егерса): στυφελός, στύφλος 'твердый, крепкий' (например, ἡ γῆ 'земля'), а также 'терпкий, кислый'[37], 'строгий', ср. еще ἡ στυφότης 'плотность, твердость'. Очевидная при такой трактовке блр. *ружа* 'суша' ('«стянувшаяся», твердая (земля)') семантическая близость этого слова к упомянутым балтийским фактам со значением 'кислый; киснуть' (но отчасти и другим балтийским продолжениям и.-е. **reug-* 'тянуть; рвать', см. ниже) может быть подкреплена еще такими параллелями

связи значений вроде 'киснуть; свертываться' и 'становиться прочным, твердым', как например, др.-инд. *styāyate* 'свертывается', но и 'становится прочным, твердым'; *mūrchati* 'свертывается; твердеет' (ср. *mūrtá* 'свернувшийся; ставший твердым'); норв. *størkne* 'gerinnen', др.-исл. *storkna* 'gerinnen' (но и 'твердеть'): гот. *gastaúrknan* 'застыть, засохнуть'; норв. диал. *sterkja* 'gerinnen lassen': нем. *stark* 'сильный, крепкий' (Falk—Torp² II, 1200, 1159). Особенно показательна связь греч. τρέφω 'уплотнять, свертывать' (например, γάλα 'молоко'): τρᾰφερή 'плотная земля; суша' (субстантивированное прилагательное, ср. τρᾰφερή γῆ), ср. ἐπὶ τραφερήν τε καὶ ὑγρήν 'по суше и по воде' (Il. 14. 308, Od. 20. 98) Pokorny I, 257)[38].

Традиционная этимологическая интерпретация рус. диал. *ружь*, *ружа* 'внешность, наружность' (подробней о значениях см. выше) сводится к реконструкции на основе указанных форм праслав. диал. **ružь* (форму *ружа* О. Н. Трубачев [см. ниже] считает морфологическим новообразованием, однако некоторые факты, в частности рассматриваемое блр. *ружа* 'суша', позволяют говорить и о праслав. диал. **ruža* < **rugja*, о чем см. далее), которое сопоставляется с лтш. *raũdzît* 'смотреть, наблюдать', лтш. *raũgs* 'глазное яблоко; зрачок', греч. ῥουγός· πρόσωπον (Гесихий)[39]. Мы полагаем, что приведенное объяснение в целом может считаться правильным, но нуждается в некоторых модификациях и дополнениях, в частности, с учетом новых результатов, которые были получены в последнее время в изучении тех фактов, которые обычно сопоставляются (или могут быть сопоставлены) с рус. диал. *ружь*, *ружа* или их предполагаемыми (см. выше) соответствиями.

Прежде всего следует упомянуть о попытке опровергнуть традиционную этимологию рус. диал. *ружь*, *ружа* 'наружность', 'внешность'. Эти слова Ш. Ондруш сопоставлял со словац. *naporúdzi* (ср. ниже у Ф. Ришанека чеш. диал. *naporúzi*) '(иметься) под рукой; (быть) наготове, в распоряжении', а также польск. *na dorędziu* то же, реконструируя на этой основе эволюцию рус. *ружь* < **rudj-* < **roudi̯-* с отождествлением рус. *ружь*: гот. *ludja* 'лицо' как вариантов некоего единого и.-е. **reudh-/*leudh-* 'расти' (с допущением для русского слова семантического развития 'расти, родиться' > 'лицо; внешность', ср. рус. *рожа* < **rodja*)[40]. Данные построения являются крайне спорными. Из претензий к ним можно указать на то, что семантическое отождествление вроде 'наготове; под рукой' : 'внешность, наружность; лицо' и основанное на нем возведение словац. *naporúdzi*, польск. *na dorędziu* к **reudh-/*leudh-* 'расти' отнюдь не очевидно и нуждается в подтверждениях (отсутствующих у Ш. Ондруша). Повисает в воздухе тезис о чередовании *r/l* в анлауте и.-е. **reudh-/*leudh-*. Неясно, наконец, почему из сравнения рус. *ружь*: словац. *naporúdzi*: польск. *na dorędziu* выводится реконструкция **roudi̯-* (< рус. *ружь*), хотя польская форма недвусмысленно указывает на ринезм в корне. Уже составителям Варшавского словаря (см. Варшавский словарь III, 46, s. v. *na dorędziu*) было ясно близкое к правильному членение *na + do + orędzie* (точнее, видимо, *na + do + -rędzie*), из которого становится очевидным тот факт, что морфемы

-ręd- и *-rud-* в соответствующих польском и словацком словах продолжают праслав. **rǫd-*, которое, конечно, не имеет ничего общего с и.-е. **reudh-* (ни тем более с **leudh-*) 'расти' и не может быть понято вне связи с праслав. **ręd-/*rǫd-*[41], ср. чеш. *řad*, польск. *rząd* 'ряд', 'строй' (< *ręd'ъ), чеш. *řídit*, польск. *rządzić*, *rzędzic* 'управлять, руководить' (< 'располагать в ряд', ср. **rędъ*, **ręditi*). Связь значений 'располагать (в ряд)' и '(быть) в распоряжении, под рукой' (< *'быть тем, чем распоряжаются, руководят') элементарна, ср. хотя бы отношение франц. *disposer* 'располагать, размещать': *disposition* 'расположение', но и 'распоряжение' (ср. *être à la disposition* 'быть в распоряжении' ~ словац. *k dispozícii=naporúdzi*), 'приготовление' (ср. 'наготове' как одно из значений словац. *naporúdzi*, польск. *na dorędziu*). Ср. и рус. *распоряжение*, *в распоряжении* (=*ряж-*<**rędj-* ср. ряд<**rędъ*), даже если на этом слове сказалось влияние франц. *disposition*[42].

Факт несостоятельности данной Ш. Ондрушем этимологии рус. *ружь*, *ружа* вновь возвращает нас к традиционному кругу соответствий этих русских слов (см. выше). Одним из наиболее важных результатов, достигнутых в изучении форм, обычно сопоставляемых с ними, является убедительное доказательство Б. Егерсом факта вторичности значений 'смотреть', 'наблюдать' лтш. *raũdzît* (ср. еще *-raugt* в *ieraugt* 'увидеть' и др.) и 'глазное яблоко; зрачок' лтш. *raũgs*, представление о первичности которых, видимо, играло немаловажную роль в сопоставлении данных слов с рус. диал. *ружь*, *ружа*, а также греч. ῥουγός· πρόσωπον[43]. Начать с того, что круг значений лтш. *raũdzît* не сводится только к 'смотреть; наблюдать', но включает также и такие смыслы, как 'пробовать; проверять; искать' (см. Mūlenbachs—Endzelīns III, 485). 'Смотреть; наблюдать', в данном случае, естественно объясняется как 'пробовать; искать (глазами)'. Интерпретируя 'пробовать; искать' как первоначальное '(ощупывая), пробовать, искать' (ср. весьма распространенное употребление *raũdzît* в значении 'щупать', например, *raũdzît* pieri, vai nesāp 'ощупывать лоб, чтобы узнать, не болит ли голова', *apraudzit* meitai pupus 'die Brüste des Mädchens betasten' или еще *pa-raugi* manu ruoku 'посмотри' (собственно, 'пощупай, потрогай мою руку') с последующим осмыслением 'щупать' как 'стягивать пальцы (при щупании)'[44] (ср. лат. *contrectāre* 'касаться; щупать; ощупывать' : *tractāre* 'тянуть'; *tentāre*, *temptāre* 'ощупывать' : *tendere* 'натягивать') Б. Егерс[45] сумел сблизить лтш. *raũdzît* 'смотреть; наблюдать; пробовать' и др. с и.-е. **reu-g-* 'тянуть; рвать', уже упоминавшимся выше в связи с блр. *ружа* 'суша' и некоторыми балтийскими соответствиями этого слова (ср. семантические реконструкции 'стягивать рот [кислым]' или 'стягиваясь, сгущаться' и 'стягивать пальцы [при щупании]').

Несмотря на то, что данные соображения Б. Егерса, как будто, подрывают возможность сохранения этимологии рус. *ружь*, *ружа* 'внешность, наружность' : лтш. *raũdzît* 'смотреть; наблюдать', по крайней мере, в ее традиционном виде (см. выше), мы полагаем, что эта этимология, все-таки, может быть сохранена, но лишь постольку, поскольку русские слова, наряду с лтш. *raũdzît* и блр. *ружа*,

а также некоторыми другими словами, рассматриваемыми далее, являются продолжениями семантически емкого и.-е. *reu-g- 'тянуть; рвать'. Для доказательства этого положения можно обратиться для начала к остроумной догадке Б. Егерса, согласно которой лтш. *raũgs* 'зрачок; глазное яблоко' (ср. выше лтш. *raũgs* 'закваска') первоначально значило, собственно, 'то, что сужается, стягивается (от проникновения света)' (: и.-е. *reug- 'рвать; тянуть')[46], мы сказали бы: суживающийся от света «прозор». Одной этой догадки оказывается достаточно для того, чтобы возникла мысль сопоставить рус. *ружь*, *ружа* 'внешность, наружность' с и.-е. *reu-g- 'тянуть; рвать', рассматривая засвидетельствованное для рус. *ружа* значение 'просвет' (см. выше толкование этого слова: 'просвет; наружная сторона' в словаре В. И. Даля) как исходное для интересующих нас русских слов. Для подтверждения близости значений 'зрачок', 'смотреть' и 'просвет' можно сослаться, например, на отношения рус. *зрачок* 'pupilla': болг. *зирка* '(смотровая) щель' (ср. 'просвет'), *зѝркам* 'высматривать через (смотровую) щель' или болг. *пролука* 'през дето се прозира или проникна светлината' (отсюда вторичные значения 'щель; [узкий] проход; промежуток'): и.-е. *leuk- 'светить; видеть'[47]. Уточнение исходной семантики '(просвет)' а с ней и этимологии рус. *ружь*, *ружа* 'внешность, наружность' (доказательство единства значений 'просвет', 'прозор', 'внешность', 'вид', 'наружность' не вызывает никаких затруднений[48]) осуществимо на славянской почве, где для рассматриваемых слов отыскиваются и ближайшие параллели, отчасти уже указывавшиеся ранее. Речь идет о рус. диал. (олон.) *ружа* 'хворост; ветка высохшего дерева', чеш. диал. *karužina* 'прут', польск. *suchoręż* 'сухая ветка; засохшее дерево', (Варшавский словарь VI, 502), словен *rûž* 'шелуха; стручок', *ružína* 'зеленая ореховая скорлупа', *ružine* 'пустые стручки стручковых растений', *rúžiti* 'чистить, снимать кожуру, лущить' (Pleteršnik II, 446)[49], которые, как показывают приведенные Ж. Ж. Варбот семантические параллели слав. *(s)korupa : *čerti 'драть', слав. *luska/ *luskъ : лит. *lùskis* 'оборванец', чеш. диал. *drápelí* 'хворост': *drapati, *drapiti 'рвать; драть', могут быть беспрепятственно возведены к праслав. *ruž-/*rǫž- (ср. назальность в польск. *sucho-ręż*) и, далее, к и.-е. *reu̯- 'драть; рвать'[50], мы уточнили бы — к и.-е. *reu-g- 'рвать; драть; тянуть', уже неоднократно упоминавшемуся выше. Исходя из этих соответствий, значения которых ('сухая ветка', 'прут', 'сухостой', 'скорлупа'), как показала Ж. Ж. Варбот, объединяет идея 'то, что сдирается, срывается, прореживается', семантика 'просвет', принимаемая нами за исходную для рус. *ружь*, *ружа* 'внешность', 'вид; наружность', легко объясняется (на основе исходного и.-е. *reu-g- 'рвать', 'драть', 'тянуть') как 'прореженное, «продранное», очищенное (например, от веток, сухостоя) пространство (в лесу); пространство, через которое может проникнуть свет', ср. итал. *radura*, *radore* 'просека; прогалина; просвет (в лесу)' или убедительный (вопреки Э. Френкелю, см. ниже) анализ лтш. *stañpa*, лит. *tárpas* 'промежуток' на основе исходного значения, близкого к 'расчищенное место в лесу' в цитировавшейся выше работе Б. Егерса[51].

Таким образом, рус. *ру́жь* < праслав. **ružь* < **rugjь*[52], рус. *ружа* 'просвет; наружная сторона' (как и блр. *ружа* 'суша', рус. *ружа* 'хворост') < праслав. **ruža* < **rugja* ~ и.-е. **reu-g-* 'рвать; драть; тянуть'.

Помимо слов, указанных выше, в ряд продолжений и.-е. **reu-g-* 'рвать', 'тянуть' в славянском можно попытаться включить также такие праславянские и общеславянские образования, как **rygati*, **rigati*[53] (первоначальный итератив, относительно вокализма *-i-* см. ниже), ср. ст.-слав. рыгати сѧ, болг. *ри́гам* 'харкать; блевать', с.-хорв. *rìgati* 'рыгать', словен. *rígati* 'блевать; рыгать', макед. *рига* 'рыгать', польск. *rzygać* 'блевать; рыгать', кашуб.-словин. *řãgăc* 'блевать', н.-луж. *rygaś* 'отрыгаться', в.-луж. *rihać* то же, чеш. *říhati* 'блевать', рус. *рыгать*, укр. *ригати*, блр. *рыгаць* 'rülpsen' и др.[54], ср. также праслав. **ryga*/**riga*, **rygal-*/**rigal-*, **rygnǫti*/**rignǫti*, **rygъ*/**rigъ*, **ryžiti* (см. ниже). Корневой вокализм *-i-* некоторых из приведенных реконструкций отнюдь не препятствует их сопоставлению с и.-е. **reu-g-* 'рвать', 'тянуть', поскольку этот вокализм объясняется из *-ēu-* (**rēug-*, презентная основа с восходящей интонацией, ср. **rygati* < **rūg-*), т. е. **rēug-* > **rjūg-* > **rig-*[55]. Мотивировкой возведения слав. **rygati*, **rigati* и ближайшим образом связанных с ними семантически славянских (и некоторых других, см. ниже) форм к и.-е. **reu-g-* 'рвать; тянуть', на наш взгляд, может служить для начала тот факт, что такие процессы, как рвота, отрыжка имеют судорожный, непроизвольный характер. Обозначение судороги, корчи словами со значением 'рвать; стягивать' является самым распространенным явлением, ср. хотя бы приводившееся выше лтш. *savìlkt*(*iês*) (*savìlkt muti* 'сводить рот', *savìlktiês čokurā* 'скорчиться'), рус. диал. *сволокчи* 'стянуть (судорогой)', греч. σπάσμα, σπασμός 'судорога': σπάω 'вытянуть; вырывать; стягивать судорогой' или еще рус. *судорога* (: *дергать*). Именно в этом ключе и следует, видимо, понимать возможную связь **rygati*, **rigati* ~ и.-е. **reu-g-* 'тянуть; рвать', а также семантические параллели, подтверждающие допустимость этой связи, например, рус. (*меня*) *рвет*[56], *рвота*[57] : *рвать* (ср. лтш. *saraut* 'порвать; разорвать', например, *saraut pavedienu* 'разорвать нитку', в контекстах вроде krampji *sarāva* kāju 'судорога стянула, свела ногу' при том, что лтш. *raut* 'рвать' этимологически тождественно рус. *рвать*, праслав. **rъvati*), нар.-лат. **vascāre* 'корчиться; изгибаться': исп. *basca* 'отвращение', португ. *vasca* 'тошнота' ('то, что «корчит», «стягивает» тело') (Meyer-Lübke[4], 764)[58]. Аналогичное объяснение мы предполагаем и для надежных и давно установленных индоевропейских соответствий слав. **rygati*, **rigati* (о называемых в числе этих соответствий лит. *rū́gti*, лтш. *rûgt* 'киснуть' и близких балтийских формах со значением 'киснуть; кислый' см. выше), ср. хотя бы греч. ἐρεύγομαι 'изрыгать', лат. *ē-rūgō* то же, арм. *orcam* 'рыгать', 'блевать', лит. *riaugė́ti* 'рыгать' ('скисать') и др. (см. Trautmann 244, s. v. *rēugmi* 'stoße auf'; Fraenkel 705; Mūlenbachs—Endzelīns III, 485—486; Pokorny I, 871; Skok III, 139—140 и др.).

В заключение—несколько слов о рус. *ругать* (< **rǫgati*) и

близкородственных славянских формах, в числе которых следует назвать, в частности, ст.-слав. ѫгати сѧ ἐμπαίζειν, καταγέλαν, с.-хорв. *ругати се* 'насмехаться' (< **rǫgati sę*), словен. *ręgati* 'лопнуть' (< **ręgati*), болг. диал. *ружим* 'бранить', *ружѫ* 'обезображивать' (Геров 5, 89), с.-хорв. *rúžiti* 'обезображивать' (RJA XIV, 357),(< **rǫžiti*). Вопреки М. Фасмеру и другим ученым, связывавшим указанные формы с лат. *ringor* 'скалить зубы', прус. *rānctwei* 'красть, воровать' (Фасмер III, 512, с дальнейшей литературой), В. Пизани усмотрел в рус. *ругать*, праслав. **rǫgati* и др. образования, родственные рассматривавшимся рус. *рыгать*, праслав. **rygati*; лат. *ērūgō* и др. (праслав. **rǫgati* < **rungati*, т. е., собственно, **ru-n-gati*, с носовым инфиксом), ссылаясь при этом на итал. *rugare* 'бранить; ворчать' (лат. **rūgāre* в том же значении [59]). Однако гипотеза В. Пизани, по всей видимости, должна быть отклонена, в частности потому, что она не учитывает некоторые важные особенности славянских данных. Следует иметь в виду, главным образом, вторичность значений 'бранить, ругать, оскорблять (словесно)' праслав. **rǫgati*, которые, как это было недавно показано [60], являются обособлениями более емкого первоначального значения 'оскорблять словом и действием' (ср. болг. *ръгам* 'бодать; пырять (ножом)', др.-рус. *ружьный* 'безобразный, обезображенный', рус. диал. (устюж.) *изругать* 'испортить', *изругаться* 'испортиться; изломаться', блр. *наруга*, *поруга*, *уруга* как обозначение побоев, пытки, мучений и др.), в свою очередь, тесно связанного со значениями 'ударять; бить; трескаться' (ср. словен. *ręgniti* 'трескаться', например, *rana je regnila* — 'треснула, разошлась'), наиболее характерными для продолжений корня **ręg-*/**rǫg-* в славянских языках. В этой связи едва ли есть смысл подвергать сомнению, вслед за В. Пизани, практически безупречное и фонетически и семантически сопоставление рус. *ругать* с лат. *ringor* 'скалить зубы' (видимо, 'расходиться, «трескаться», о лице', ср. выше словен. *ręgniti*, но и факты вроде словен. *ręga* 'гримаса') и прус. *rānctwei* 'красть' (ср. *ranguns*, part. perf. act. от *rānctwei*). Прусское слово первоначально значило, по-видимому, нечто вроде 'пакостить; безобразить; гадить', ср. в качестве семантической параллели лтш. *zagt* 'красть': лит. *žàgti* 'пачкать', *apžàgti* 'опоганить; осквернить; оскоромить' [61]. Для реконструкции более глубокой семантической предыстории праслав. **rǫgati* (и, шире, других форм, входящих в гнездо праслав. **ręg-*/**rǫg-*), а также лат. *ringor*, прус. *rānctwei*, могут быть существенны, далее, восточнобалтийские факты, указывавшиеся В. А. Меркуловой: лит. *reñgti* 'готовить; устраивать; одевать; раздевать', *rangýti* 'изгибать; завивать', *rangùs* 'ловкий; гибкий' [62].

Не претендуя на полноту, мы приводим далее в качестве выводов список некоторых родственных праславянских лексем, как мы полагаем, продолжающих, наряду с блр. *ружа* 'суша' и некоторыми балтийскими фактами, и.-е. **reu-g-* 'рвать; драть; тянуть' (в разных апофонических вариантах данного образования), для реконструкции которых могут быть существенными некоторые из приводившихся выше соображений.

*ruža: блр. *ружа* 'суша' (< 'твердь', '«стянувшаяся», «тугая» земля'), рус. *ружа* 'просвет; наружная сторона' (< 'просвет; «продранное», очищенное (от веток, сухостоя) пространство, через которое проникает свет', ср. лтш. *raũgs* 'зрачок', первоначально 'стягивающийся при проникновении света «прозор»'), рус. *ружа* 'хворост; ветка высохшего дерева' (< 'то, что сдирается, отрывается'). (*ruža < *raugja ~ лтш. *raûga* 'закваска, дрожжи');

*r'ugati sę: словен. *rúgati se* 'рыгать' (с отвердением начального *r'*-) [63] (*r'ugati sę ~ и.-е. *rēug-);

*ružiti: словен. *rúžiti* 'чистить, снимать кожуру, лущить' (*ružiti ~ лтш. *raũdzît* 'щупать; пробовать; смотреть', лит. *raugìnti* 'делать кислым', LKŽ XI, 284);

*naruživъ(jь): чеш. *náruživý* 'страстный' (: *reu-g- 'рвать; тянуть', ср. рус. *рвать*: *рвение*[64]);

*ružina, *ružinьje: словен. *ružína* 'зеленая ореховая скорлупа', *ružinje* = *ružine* то же (Plur.). (*ružina, *ružinьje ~ лит. *rauginė* 'горшок, сосуд для закваски теста');

*ružь : рус. *ружь* 'внешность, облик; образ; вид' (< 'то, что можно видеть (через просвет, «продранное» в лесу пространство)', ср. выше — *ружа* 'наружная сторона' < 'видимая сторона'), словен. *rûž* 'шелуха' (< 'то, что сдирается, счищается'). (*ružь < *rugjь ~ лтш. *raũgs* 'зрачок; глазное яблоко', *raûgs* 'закваска', лит. *ráugas* то же);

*ružьnъ(jь): словен. *rúžen* 'крепкий', ср. *rúžno vino* ('терпкое, сводящее рот' или «дерущее»?);

*ryga/*riga: словен. *rîga* 'отрыгивание; часть земли, вдающаяся в поток; мыс; перешеек' (т. е. '«отрыгнутая» в воду земля'); сюда, очевидно, рус. диал. *рига* 'что-нибудь несносное, тяжкое' (Опыт, 191), ср. рус. *тошный* : *тошнить*, *тоска*, нем. *ekelhaft* : *ekeln*, португ. *vasca* 'тошнота' : *vasca da morte* 'смертельный страх' и др. (Meyer-Lübke[4], 764) и проч. (*ryga ~ лат. *rūga* 'морщина', если последнее к *reu-g- 'тянуть', 'рвать', см. выше у Б. Егерса);

*rygati/*rigati: болг. *ри́гам* 'харкать; блевать', болг. *ригам* 'распускать вязание, дергая за нитки' и др. (см. выше). (*rygati ~ лит. *rūgti* 'киснуть' и др.);

*rygal-/*rigal-: словен. *rígalica* 'отрыгивание', *rigálo* 'тот, кто рыгает' (Pleteršnik II, 426), с.-хорв. *rigalac* 'vomitor' (RJA XIII, 949). К *rygal- ср. лит. *rūgãlis* 'засоня' (LKŽ XI, 883), к значению ср. лит. *rū̃gti* 'киснуть; долго спать' (LKŽ XI, 904—905: *rū̃gsta, rū̃gsta lig pietų!*) или еще *rū̃gla* 'брюзга; засоня': *rū̃gti* 'киснуть'[65]; ср. еще лит. *rū̃galas* 'дождливая погода' (LKŽ XI, 883) < '«кислая», промозглая';

*rygnǫti/*rignǫti: словен. *rígniti*, с.-хорв. *rignuti* 'стошнить, вырвать', макед. *ригне* 'рыгнуть', кашуб.-словин. *řãgnouc* 'стошнить, вырвать', чеш. *říhnouti*, др.-рус. *ригнꙋти* 'отрыгнуть', рус. *рыгнуть* и др.;

**rygъ/*rigъ*; словен. *rîg* 'der Rülps' (Pleteršnik II, 426). К **rygъ* ср. лит. *rũgas* 'угрюмец; брюзга' (LKZ XI, 883) < '«кислый», нахмуренный';

**ryžiti*: рус. диал. *рыжить* 'тошнить' (Мельниченко, 178).

---

[1] Данная форма взята из книги: *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903, 96; ср. еще здесь же укр. *обселепитися* 'напиться', *селепитися* 'пристать, привязаться'. Спорным является привлечение в рассматриваемой связи приводимых здесь форм с начальными *и-*, *ст-* вроде рус. диал. *цолупнуть*, *стеляпать*, *стилипнуть* и др. (см. 94—95, 102, 105, 109; см. также: Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. — ИОРЯС, т. VII, кн. 2, 1902, 269 и др.).

[2] Беларуска-украінскія ізалексы (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1971, 49.

[3] См. еще: Белорусско-русский словарь. М., 1962, 100. Едва ли стоит сомневаться в правомерности включения блр. *асалапець* в ряд рассматриваемых слов, о чем см. не вполне определенно: *Супрун А. Е. Асалапець.* — Веснік БДУ, сер. IV, 3, 1970, 58—60.

[4] См.: *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969, 362. Ср. еще блр. *солупайла* 'кто облизывает жидкость с носа', *солупка* (уменьшительное к предыдущему), *салапяка* 'размазня, разиня, ротозей', *солап*, *салэпа*, *салапайка* то же (см. *Супрун А. Е.* Указ. соч., 58).

[5] Автору настоящей работы приходилось слышать экспрессивный вариант *салабон*.

[6] Конечно, заимствование из белорусского (ср. *высалапіць*), о чем не говорит В. Махек, сопоставляющий польское слово с рус. *солопить*, см.: *Machek V.* Рец. на кн.: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. II—III. Heidelberg, 1955—1958. — Slavia, 18, 2, 1959, 272.

[7] Похоже на то, что ономатопеическое объяснение рус. *салыпнуть*, *силипать*, *солопить* относится к числу тех случаев когда «ce genre d'explications (scil. ономатопеических) parait. . . trop facile» (*Jacobsson G.* L'histoire d'un groupe de mots balto-slaves. Göteborg, 1958, 15).

[8] *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876, 206 (сноска).

[9] *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный Съезд Славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, 177; см. еще отчасти: *Skok* III, 279, s. v. *slăp* [2].

[10] *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. Пг., 1915, 151.

[11] См. подробнее: *Супрун А. Е.* Указ. соч., 58—60. Здесь же указывается, что «цікавым супадзеннем з блр. *асалапець* з'яўляецца лит. *apsal̃pti* 'самлець'». Не вполне ясно, как это наблюдение относится к приведенным выше тезисам цитируемой работы, не говоря уже о том, что лит. *sal̃pti* правильнее связывать, вслед за Э. Френкелем (см. *Fraenkel*, 760), с лит. *al̃pti*, принимая неорганический характер начального *s-*. Иначе, как опечатку, трудно понять и.-е. **kolp-*'губа, заліў', в котором усматривается (проблематичный) «адпаведнік» слав. **solp-* (с. 59). Ср. ниже о лит. *salpà*, *sal̃pas*.

[12] Ср. еще лит. *siul̃pti* 'сосать; лизать; лакать; хлебать', *sulpėti* (= *sùlpyti*), см. *Fraenkel* 788, *Mūlenbachs- Endzelīns* XXXV, 1119—1120.

[13] Беларуска-украінскія ізалексы. . ., 49 (ср.: «спробы знайсці адпаведнікі гэтай групе унутры слав. моўнай тэрыторыі нічога не далі», с последующей ссылкой на упомянутую работу А. Е. Супруна, почему-то под другим названием и с другой пагинацией), см. еще ЭСБМ II, 182.

[14] См.: *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 68. Ср. здесь же полесск. *солопјáка* 'тот, кто высовывает язык', см. о подобных формах выше, или еще полесск. *соло-*

пэка 'тот, кто «высолапливает» язык', см.: *Никончук Н. В.* Из лексики полесского села Листвин. — В кн.: Лексика Полесья, 90.

15 О взаимных связях перечисленных форм см., в частности: *Miklosich* 291, 307; *Meillet A.* Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL 14, 4, 1907, 377; *Trautmann*, 256 (: «Schon die Ablautsbewegung im Slav. weist auf hohes Alter der Sippe»).

16 *Vasmer M.* Wörterbuch der Russischen Gewässernamen. Berlin-Wiesbaden, Lief. 11, 1967, 347. См. также: *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena II. Ljubljana 1961, 189.

17 *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 1—7. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, 2, 1957, 36. Для тезиса о едином и.-е. **sel-* 'двигаться' (и.-е. **sel-* 'прыгать' & **sel-* 'ползти') особенно существенно соответствие слав. **sьlěti (sę)* (> рус. *шляться*) ~ лит. *selěti* ~ лат. *salīre*, греч. ἅλλεσθαι. В довольно близком смысле о корне **sel-* 'двигаться' (главным образом на основе балтийских фактов) писал К. Буга, см. *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии — РФВ 67, 1912, 244—245 = Rinktiniai raštai (далее RR) I. Vilnius 1957, 333, см. еще RR II, 554, 584, а также: *Trautmann* 255, s. v. **selō* 'schleiche'. (О мнении К. Буги см. также далее).

18 Данные реконструкции см.: *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 92—93.

19 Ср. отчасти по значению н.-луж. *słop* (< **solpъ*): 'затопляемая при таянии снегов, долгое время находящаяся под водой, преимущественно глиняная почва, затвердевающая после отхода воды', см.: *Muka* II, 435.

20 Нередко привлекаемое в данной связи (помимо прочего) лит. *išselpinėti* 'разойтись, разбрестись' (см. *Буга К.* — RR I, 333, а также цитировавшийся выше тезис доклада О. Н. Трубачева на V съезде славистов) этимологически не бесспорно и даже в случае родства с лит. *sal̃pas*, *salpà* и их славянскими соответствиями (как одно из продолжений единого и.-е. **sel-* 'двигаться') семантически удалено от них, ср. более точное определение семантики лит. *išselpinėti*: 'alkaniems, apsilpusiems išsivaikščioti', 'kurį laiką alkanam išvaikščioti' (см. LKŽ XII, 355; ср. здесь же, конечно, и *sel̃pinėti*, *selpinėti* 'alkanam vaikštinėti, gangaruoti, badmirauti'). К. Буга, уделявший много внимания некоторым из рассматриваемых фактов, в других работах подвергал связь типа *sal̃pas:išselpinėti* сомнению, ср. его мысль о родстве последнего с лит. *sìlpnas*, *sìlpti* (см. *Buga K.* Kalba ir senovė. Kaunas, 1922, 280 = RR II, 305 и особенно Die Metatonie im Litauischen und Lettischen. — KZ 52, 1924, 284 = RR II, 463, где, однако, неправомерно привлекается для сравнения лит. *sal̃pti*, см. о нем выше). Впрочем, этимология лит. *sìlpti*, *sìlpnas* не ясна, см. *Fraenkel*, 785.

21 *Младенов М. Сл.* Из лексиката в Кюстендилско. — В кн: БД VI, 147.

22 *Ковачев Н.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — В кн.: БД V, 70. Из многочисленных форм такого типа ср. еще в семантическом плане болг. диал. (Разлог) *пре́ᵃслап* 'удобный проход из одного леса в другой', см. ниже у Р. Бернара.

23 *Ernout-Meillet* ³ II, 1041.

24 *Bernard R.* Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d'apres le t. XLVIII du Сборник за народни умотворения и народопис. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на ак. Ст. Романски. София 1960, 376, здесь же и богатый болгарский диалектный материал.

25 См.: *Ристоски Бл.* Зборови од Тиквешко. — MJ, III, 1—2, 1952, 48.

26 Цит. по выписке, сделанной В. А. Меркуловой для картотеки ЭССЯ.

27 Ни с н.-луж. *słop* (значение см. выше), ни с рус. *силипать* 'пить, высунув язык' и другими фактами, рассматриваемыми в данной работе, ничего общего не имеют на вид весьма сходные н.-луж. *slapaś* 'лакать', *slaptaś* 'лакать; жрать; болтать' и др., *słapaś* 'глотать жидкие блюда' (*Muka* II, 445, 229), в.-луж. *slapotać*, *šlapotać*, *slapotować* 'жрать с шумом' (*Pfuhl*, 645), а также н.-луж. *slapotaś* 'болтать' (*Muka* II, 436), не отделимые от в.-луж. *lapać*, *lapotać* 'хлебать' (*Pfuhl*, 330), н.-луж. *lapaś* 'лакать, лизать' (*Muka* I, 803), звукоподражательного происхождения.

28 Цит. по выписке, сделанной В. А. Меркуловой для картотеки ЭССЯ.

[29] Сближение украинского и сербохорватского слов см.: *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. О полногласии. . ., 96, 132, а также: *Ляпунов Б.* Из наблюдений над языком древнерусских и старославянских памятников. — In: Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908, 678. В виду наличия украинского соответствия менее убедительной кажется точка зрения, связывающая с.-хорв. *sûp* со ст.-слав. сѫпъ 'cumulus', с.-хорв. *sìpati*, рус. *сыпать*, прус. *suppis* 'мельничная запруда' (см.: *Buga K.* RR II, 610; *Skok* III, 240). К реалиям см.: *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian, I. Warszawa, 1967, 84 и след.

[30] Из значения вроде 'потягивать; посасывать' объяснялись бы тогда и лит. *sel̃pti* 'болеть, ныть', *selpëti* то же (отсюда значения этих же слов 'желать; хотеть', см. LKŽ XII, 355), ср. франц. *tirailler* 'подергивать' (ср. tirer): *tiraillement* 'sensation de malaise éprouvée dans certaines parties interieures du corps et comparée a un tiraillement' (Литтре), ср. j'ai des tiraillements au creux de l'estomac = рус. *у меня сосет под ложечкой.*

[31] К этому слову никакого отношения не имеет приводимое здесь же блр. *ружа* 'мальва лесная' заимствованного происхождения (ср. польск. *róża* 'роза').

[32] На возможность связи блр. *ружа* 'суша' и рус. *ружь*, *ружа* 'наружность; вид' и др. уже указывал О. Н. Трубачев, см.: *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. . ., 182.

[33] Ср. рус. диал. *сволокчи* (**sъvolkti*) ∾ лтш. *savìlkt*(*iês*) 'стянуть (судорогой)' при том, что в указанном контексте лтш. *savìlkt* обозначает именно судорожное, не контролируемое действие.

[34] Подробней см.: *Jēgers B.* Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. — KZ 80, 1966, 141 и след., а также *Fraenkel* 705—706; *Schmalstieg W. R.* Studies in Old Prussian. The Pennsylvania University Press. 1973, 278—279.

[35] Ср. наименования болот по признакам 'трясущееся; зыбкое; топкое; вязкое' см.: *Куркина Л. В.* Названия болот в славянских языках. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969, 136, 139, 140.

[36] *Выгонная Л. Т.* Полесская земледельческая терминология. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 126.

[37] С отношением греч. στύφω : στυφελός, στυφλός 'твердый (например, о земле); терпкий; кислый' позволительно сопоставить отношение и.-е. **reu-g-* 'тянуть; рвать': блр. *ружа* 'суша' (как мы полагаем, 'твердь'): словен. *rúžen* 'крепкий', ср. *rúžno vino* (< 'терпкое; сводящее рот'?). Ср. еще параллели к связи значений 'киснуть': 'крепкий', см. ниже. Впрочем, учитывая семантическую предысторию словен. *rûž*, *rúžiti* (см. о ней ниже), можно думать и об осмыслении словен. *rúžen* как 'деруший' (*rúžno vino* 'вино, которое «дерет»').

[38] К связи идей 'свертывания молока' и 'суши; тверди; земли' ср. еще богомильские легенды о происхождении земли из морской пены, отождествляемой с молочной пеной, ср.: господом была взята сметана ѿ воды, и съсири сѧ (ср. болг. *съсирва се* 'скисать'), из этой «створоженной», т. е. уплотненной пены / сметаны (молочного жира) и была сделана земля, см. подробнее: *Судник Т. М.*, *Цивьян Т. В.* О мифологии лягушки (балтославянские данные). — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1982, 151 и др. На эту работу автору любезно указала А. А. Пичхадзе.

[39] *Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, 76. См. ранее: *Zubatý J.* Slavische Etymologien. — AfslPh XVI, 1894, 410; *Грюненталь О.* Этимологические заметки. — ИОРЯС 8, 4, 1914, 142; Mūlenbachs-Endzelīns III, 485, 487; Фасмер III, 545; *Buga K.* — RR II, 526. Сюда примыкает точка зрения Ф. Безлая, который к сопоставлению рус. *ружь* : лтш. *raũdzît* добавляет еще словен. *rûž*, *rúžiti* (см. выше) и при этом принимает для словенского семантическое развитие вроде 'обнаружить' > 'очистить от шелухи', см. подробнее: *Bezlaj F.* Eseji., 136; *Безлай Ф.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, 4, 52.

[40] *Ondruš Š.* Slovanské etymológie. VI—VIII. — В кн.: Studia slavica, VII. Budapest, 1961, 187—191.

[41] Относительно наличия ступени -ǫ- (*rǫd-) в славянском см. теперь убедительно: *Петлева И. П.*: Этимологические заметки по славянской лексике.

XI. Континуанты *rǫd (к *-ręd-). — В кн.: Этимология. 1980. М., 1982. 36—41. Ср., между прочим, приводимое здесь укр. диал. *напорудити* 'научить; наставлять' (< *naporǫditi): словац. *naporúdzi*, чеш. диал. *naporúzi* (как мы полагаем, из *naporǫd-).

42 Не настаивая на приведенной этимологии словац. *naporúdzi*, польск. *na do-rędziu*, мы все-таки убеждены, что эти слова не имеют ничего общего с рус. *ружь*, *ружа* 'вид; наружность'. Мысль о сопоставлении этих слов, кажется, возникла только у Ш. Ондруша. Ф. Ришанек (см. *Ryšánek F. Naporúdzi.* — Acta Universitatis Carolinae, 196, 3, 1962, 463) едва ли убедительно выводил словац. *naporúdzi*, а также чеш. диал. *naporúzi* из *po rucě, о чем см. скептически (вслед за В. Махеком): *Vey M.* Рец. на кн.: Acta Universitatis Carolinae. — Philologica 3. 1962. — Slavica pragensia IV. — BSL 59, 2, 1964, 16.

43 Вторичным оказывается, по Б. Егерсу, и значение греческого слова, для которого он предполагает исходную семантику 'искажение (стягивание) лица; гримаса', на основе чего это слово, вместе с лат. *rūga* 'морщина', возводится к *reu-g- 'тянуть; рвать' (ср. лит. *raũkas* 'морщина', в котором усматривается продолжение и.-е. *reu-k-, вариантного к упомянутому *reu-g-), см. подробней *Jēgers B.* Op. cit., 142, *Fraenkel* 705—706.

44 Ж. Ж. Варбот, которой автор обязан целым рядом ценных критических замечаний по настоящей работе, обратила внимание на тот факт, что данная семантическая реконструкция Б. Егерса не является единственно возможной (как и в случае с лтш. *raũgs* 'зрачок'='то, что сужается, стягивается от проникновения света', см. ниже). Возможно, например, 'щупать'='протягивать руку (чтобы коснуться, пощупать)'.

45 Подробней см.: *Jēgers B.* Op. cit., 141, а также *Fraenkel* 705—706.

46 *Jēgers B.* Op. cit., 142, сноска. Б. Егерс не приводит здесь семантических параллелей, которые бы подтверждали его догадку. Учитывая, что речь идет о возведении лтш. *raũgs* 'зрачок' к корню со значением 'тянуть; драть' (*reu-g-), в качестве таких параллелей можно попытаться привлечь, например, прус. *dereis* 'смотреть' (2 л. Sing. Imper., ср. *endyrītwei*, *endeirīt*; к близости значений 'зрачок' и 'смотреть' ср. рус. *зрачок*: *зреть*, см. также ниже), лит. *dyrëti* 'оглядываться': рус. *продирать*, *драть глаза* (ср. *лупить глаза*), см.: *Jēgers C.* Einige baltische und slavische Verwandte der Sippe von lit. *dirti*. — Studi Baltici, 10, 1969, 81 (цит. по: *Schmalstieg W. R.* Op. cit., 255; см. также: *Топоров.* Прус. яз. А — D, 330—331). Ср. еще, может быть, словен. *trmẹ́ti* 'stieren, starr ansehen' (*Pleteršnik* II, 693): словац *trmat'* 'дергать; драть,' укр. *термосити* 'рвать; дергать; тормошить' и др. (Иначе о словенском слове см.: *Bezlaj. Eseji*, 150).

47 Подробней см.: *Bernard R. Пролоука* 'conduit, passage étroit'. — RÉS 39, 1961, 104—105.

48 По всей вероятности, переход от 'просвета' к 'наружности', 'виду' осуществился через промежуточную ступень 'то, что доступно зрению (свету); что можно видеть (в просвет)', ср. единство значений 'светить', 'смотреть' как общее место семантической структуры самых различных языков. В рассматриваемой связи стоит вспомнить о подтверждаемом многими примерами тезисе, согласно которому «почти все слова со значением 'вид' являются производными от слов со значением 'видеть' или 'смотреть', причем многие из них используются также для обозначения 'внешности; наружности' (см. *Buck*[1], 1040—1045, s. v. 'sight; appearence').

49 Сюда же, может быть, и словен. *žurina* 'стручки', *žuriti* 'лущить; освобождать от скорлупы' (*Pleteršnik* II, 975).

50 *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 34—36, с дальнейшей литературой. Относительно праслав. *karužina (чеш. диал. *karužina*) см. теперь также: ЭССЯ 9, 154 (*karužina, *karǫžina).

51 *Jēgers B.* Op. cit., 55; *Fraenkel*, 1061 (в пользу этимологии Ф. Шпехта: к лат. *terminus*, *termen* из и.-е. *ter- 'достигать').

52 Едва ли *rugi-.

53 Здесь и далее реконструкции с корневыми -*y*- и -*i*-, каждая из которых, как правило, поддерживается фактами славянских языков, так или иначе разли-

чающих эти фонемы, показалось допустимым давать как вариантные ввиду совпадения рефлексов -*y*- и -*i*- в других славянских языках.

[54] Отдельные славянские формы (главным образом русские и словенские), обнаруживающие переносное от 'рыгать' значение, ср. рус. диал. *отрыгаться* 'возобновиться', *отрыгнуться* 'вновь вырасти (: о траве); дать ростки', словен. *ríga* 'отрыгивание; мыс; перешеек', приводятся и комментируются в работе: *Куркина Л.* Заметки по словенской этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1980. М., 1982, 278—280. См. здесь также относительно вокализма праслав. **rigati*, см. ниже.

[55] См. подробней: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, I. Lyon, 1950, 123—124; III, I, Paris, 1966, 243. См. здесь же о параллелизме отношений **rygati* : **rigati*, **rykati* : **rikati*. См. также: Trautmann, 244—245. В ином ключе и менее убедительно (мена *i* (*i̯*) : *u* (*u̯*)) объясняет отношения **rygati* : *rigati* Я. Отрембский, см.: *Otrębski J.* Studia indoeuropeistyczne. Wilno, 1939, 17.

[56] Быть может, данную безличную конструкцию с аккузативом допустимо сопоставить с конструкциями вроде лит. *niežti mi* 'у меня зудит, свербит', которые, в соответствии с убедительным анализом, могли восходить к «безличным обозначениям активно действующей силы, враждебной человеку», см. *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 122, 123.

[57] В ситуации, когда для рус. *рыгать* допускается исходная семантика 'рвать; тянуть', совершенно излишней представляется и без того натянутая попытка оторвать рус. *рвота* от *рвать* и выводить это слово из **ru̯-o-g-ta*, ср. **ryg-*: *рыгать*, см.: *Schütz J.* Zur Abstufung und Erweiterung in diphthongischen Wurzeln im Slavischen und Baltischen. — WdSl, VIII, 1963, 343.

[58] Другие семантические параллели (наряду с рус. *рвать*), правда, менее убедительные, приводит Б. Егерс (*Jēgers B.* Op. cit., 143): лтш. *riêbt* 'ekeln; zuwieder sein': норв. *ripa* 'обрывать' (вслед за Я. Эндзелином, см. *Mūlenbachs-Endzelīns* III, 542—543, s. v. riêbt I), др.-в.-нем. *giruspit*, ср.-в.-нем. *riuspern*, *riuspeln*' *rūspern* 'сильно кашлять; räuspern' (< * 'царапать в горле') (согласно Ю. Покорному, к и.-е. **reu-* 'рвать' см. *Pokorny* I, 871). Этимология праслав. **rygati*, **rigati*: и.-е. **reu-g-* 'рвать; тянуть' отчасти поддерживается также тем, что предполагаемая этой этимологией внутренняя форма данных славянских обозначений понятий 'sich erbrechen', 'rülpsen', ср. болг. *ри̂гам* 'блевать', оказывается тождественной внутренней форме таких фонетически тождественных фактов, как болг. диал. *ри̂гам* 'распускать вязание, дергая за нитки' (*Кънчев И.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — В кн.: БД IV, София, 1968, 139), 'разбридвам; очиствам зеленината на цвеклов лист от дръжката и ребрата' (*Младенов М. Сл.* Лексиката на ихтиманския говор. — В кн.: БД III. София, 1967, 156), 'распускать; раздергивать вязание' (*Шапкарев И. К.*, *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор. — В кн.: БД III. 271), [беспрепятственно допускающих возведение к и.-е. **reu-g-* 'рвать', 'тянуть' (праслав. **rygati*/**rigati* > болг. *ри̂гам*), ср. выше лтш. *saraut pavedienu* 'разорвать нитку'.

[59] *Pisani V.* Рец. на кн.: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 15—18. — Paideia XII, 1, 1957, 56.

[60] См.: *Меркулова В. А.* Русские этимологии. I. — В кн.: Этимология. 1976, М., 1978, 96—97.

[61] См.: *Endzelīns J.* Piezīmes par prūšu valodu: — В кн.: *Endzelīns J.* Darbu izlase III, 1, Rīgā, 1979, 117. Ср.: «латыши и прусы рассматривали воровство как нечто нечистое, нечестивое».

[62] *Меркулова В. А.* Указ. соч., 97.

[63] Анализ словенского слова см.: *Куркина Л. В.* Заметки. . ., 278—280.

[64] Приведенное объяснение чешского слова (вопреки В. Шауру) см. в работе: *Варбот Ж. Ж.*, *Куркина Л. В.* Рец. на кн.: Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historicko-srovnavací slovanské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 182. Ср. с другой стороны (к возможной связи с *рыгать* и др.) родство др.-рус. *тъщати* (< **tъščati*) 'иметь усердие' с рус. *тошнота* (**tъščьn-*), *тоска* (**tъska*).

[65] См.: *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, 164.

А. М. Камчатнов

О НЕИЗВЕСТНОМ ОМОНИМЕ СЛОВА *бразна*

Изучение лексического варьирования, которое мы находим в многочисленных списках какого-либо памятника языка, открывает широкие возможности для разного рода лингвистических наблюдений: для уточ ения значения слов, для открытия новых значений, для изучения синонимических средств выражения, процессов архаизации слова и т. д. В этой заметке будет показано, как привлечение поздних списков к изучению лексики Изборника Святослава 1073 г. позволило установить, что в древнерусском языке у слова *бразна* существовал ни семантически, ни этимологически не связанный с ним омоним.

В рукописи Изборника 1073 г. на л. 69 г имеется следующий текст: Жена зъла мѫжоу грѣшьноу дастьсѧ. акы горько въздаания былиѥ дастьсѧ емоу. бразны грѣховьныя погоублѧюшти [1], т. е. «Злая жена, погубляющая греховные *бразны*, даётся грешному мужу в качестве горького лекарства воздаяния». Не совсем понятным остается здесь слово *бразны*. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского это слово имеет единственное значение 'борозда' (Срезневский I, 165); среди цитат, иллюстрирующих это толкование, приводится и известная нам цитата из Изборника Святослава 1073 г. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» слово *бразна* толкует как 1) 'борозда' и 2) 'межа' и иллюстрирует эти значения не вызывающими сомнения текстами (СлРЯ XI—XVII вв. I, 314). И как ни странно и ни непонятно звучит метафора 'греховная борозда', с этим можно было бы и смириться: в древнерусских текстах встречаются и более замысловатые вещи.

Однако прочтение этого места в других списках обнаруживает любопытную картину варьирования слова *бразна*, что открывает новые возможности для анализа семантики этого слова. В Ег. (ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98 № 745, перв. четв. XVII в.) *бразна* заменяется словом *бразда*; это, казалось бы, только подтверждает уже известное толкование слова. Но в Тл. (ГПБ, собр. Толстого, Q.I.208, XV в.) и в КБ-1 (ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 5/1082, XV в.) вместо *бразна* употреблено слово *глѣнъ*, а в Рм. (ГБЛ, собр. Румянцева, ф. 256, № 6, XV в.) в этом же контексте употреблено слово *страсть* [2]. Теперь уже было бы большой натяжкой утверждать, что 'греховная борозда' и 'греховная страсть' значат одно и то же. Может быть, *бразна* восходит не к праславянскому **borzda*, а имеет какое-то другое происхождение?

В некоторых русских диалектах есть глаголы *браздаться* со значением 'пачкать, возиться в мокром, брызгать' (Даль [4] I, 123) и *брязгать* 'грязнить, пачкать' (Иванова. Подмоск., 44); в словенском языке *brazdati* 'пачкать' (Pleteršnik, 52); в словинском языке *brãzĕc* 'пачкаться' (Lorentz Sl. Wb. I, 65). Исходя из этого мы можем предположить, что *бразна* — производное существительное с суф. *-na* [3]

от глагола ***brazdati* : ***brazdna*. Последующая утрата конечного смычного в корне, свойственная некоторой группе славянских образований с этим формантом [4], привела к возникновению формы *brazna* > *бразна* 2 со значением 'влага; грязь; слизь', может быть, даже 'экскременты'. К сожалению, нигде в словарях славянских языков и диалектов это слово с данным значением не зафиксировано. Лишь в качестве отдаленной параллели можно привести кашубские формы *brëzga* 'ненастье, слякоть', *brëzgavica*, *brëzgocëna* 'грязь на дорогах', *brëzgolina* 'плохо сделанное масло', *brëzgula* 'пузырь на воде' (Sychta I, 68), восходящие к **bryzg-*. О. Н. Трубачев, соотносящий **brazd-* (**brazg-*) с **bryzg-*, объясняет неустойчивость корневого вокализма экспрессивностью этих слов (ЭССЯ 3, 11).

То, что возможность образования слова *бразна* 2 была действительно реализована в языке, доказывается лексическими заменами этого слова в поздних списках Изборника 1073 г. Ведь слово *глѣнъ* имело в древнерусском языке примерно те же значения 'мокроты, влаги, слизи' (Сл РЯ XI—XVII вв. 4, 32), 'желчи' (Срезневский I, 523), а в других славянских языках и более широкий спектр значений: 'подонки; глина; тина; экскременты; плесень; ил; помет; грязь' (ЭССЯ 6, 120). С прилагательным *грѣховьныи* слова *бразна* 2 и *глѣнъ* употребляются метафорически, обозначая отвлеченное понятие непотребного, недостойного нравственного поведения, как это имеет место в рассматриваемом отрывке из Изборника 1073 г. Не удивительно поэтому, что в Рм. вместо метафоры употреблено абстрактное существительное *страсть* с тем же определением *грѣховьныи*. Вместе с тем эти вариации показывают, что в XV в. слово *бразна* 2 'грязь' перестает употребляться в языке, по-видимому, как раз вследствие своей омонимичности слову *бразна* 1 'борозда' и заменяется в переписываемых списках Изборника 1073 г. синонимами. Писцу списка Ег. (XVII в.), наверное, известен уже только один из омонимов со значением 'борозда', которое он заменяет его более употребительным синонимом *бразда*.

Наконец, греческий текст Изборника (ГБЛ, Архив О. М. Бодянского (ф. 36), карт. 6, № 5) показывает, что др.-рус. *бразна* заменяет греч. ὁ χυμός 'влага, сок', образованное от глагола χέω 'лить, струить, проливать': τοὺς χυμοὺς των ἁμαρτιῶν ἀναλίσκουσα. Такой перевод был бы возможен, очевидно, лишь в том случае, если слово *бразна* действительно имело значение 'влага; грязь'.

---

[1] Цит. по изд.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1973 г. СПб., 1880.

[2] Выбор именно этих списков не случаен: они являются представителями групп типологически сходных между собой списков. См. об этом: *Камчатнов А. М.* Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г.

[3] См.: *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969, 75.

[4] См.: *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 234.

М. Ф. Мурьянов

К ВОЗНИКНОВЕНИЮ СЛАВЯНИЗМА ДРАГОЦѢНЬНЪ

Перечисляя слова, традиционно считающиеся старославянскими, но отсутствующие в старославянских рукописях, Р. М. Цейтлин дает в этом ряду и прилагательное драгоцѣньнъ. Она относит его к словам, «которые, по всей вероятности, не употреблялись в старославянском языке»[1]. Ранее ею же высказано мнение, обоснованное материалом словарных картотек Института русского языка АН СССР, что слово *драгоценный* — исконно русское и «появилось в русском языке, по всей вероятности, в XVI в.», а распространенным стало еще позже[2]. Это дает прелесть новизны увещаниям Кирибеевича:

Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!

— тем более неожиданную, что «Песня про купца Калашникова. . .» отнюдь не была плодом ученых занятий, она написана на Кавказе в 1837 г., Лермонтов «набросал ее от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволяющей ему выходить из комнаты»[3].

Понятие, выражаемое двухкорневым словом, почти адекватно может быть выражено и свободным словосочетанием его компонентов, в новое время достаточно устойчивым, чтобы быть зафиксированным в лексикографии: «*Дорогой ценой досталось* — о чем-либо добытом, достигнутом в результате значительных усилий, лишений и т. п.» (БАС). Не укладывается, впрочем, в эту дефиницию пример из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»:

Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.

Насколько в данном случае словосочетание древнée, чем сложное слово? Существующие словари и картотеки будущих словарей ответа на этот вопрос не дают. Но в неопубликованной Цветной Триоди XII в. (ГИМ, Воскресенское собрание, № 27, л. 29об—30) находится стихира великого четверга, восьмого гласа, начало которой — Даньсь Июда нищелюбия мещеть лице и лихоимьства отъкрываеть образъ. Этот гимн представляет собой как бы медитацию о тридцати сребрениках, выторгованных Иудой за величайшее из предательств. Христопродавец, по мысли гимнографа, не драго сътваряеть цѣноу нъ ꙗко раба бѣжавъшааго продаеть.

Действительно, 30 тетрадрахм, равные 120 динариям, составляли в новозаветное время 435 г серебра[4]. Такой же была при судебных разбирательствах средняя цена раба (Исход 21, 32), такая сумма составляла стоимость 120 человеко-дней при работе на винограднике (Мф. 20, 2).

Старославянское не драго сътваряеть цѣноу соответствует греческому οὐκ ἀκριβολογεῖται τὴν τιμὴν[5]. В печатном церковнославянском

тексте — не ск8пъ іавлаѥтсѧ къ цѣнѣ [6]. Справщики, отказавшиеся от древней редакции перевода, не знали того, что лексема ἀκριβο-, в классическом греческом языке подразумевавшая понятия точности, скупости, к кирилло-мефодиевской эпохе претерпела расширение значения, включив в себя и понятие дорогой цены, высокой стоимости (Chantraine I, 51).

---

[1] *Цейтлин Р. М.* О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 70.
[2] *Цейтлин Р. М.* К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, 184.
[3] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, 411.
[4] *Kretzenbacher L.* Verkauf um 30 Silberlinge. — Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 57. Bd. Basel, 1960, 1—17; *Reiner E.* Thirty Pieces of Silver. — In: Essays in Memory of E. A. Speiser. New Haven, 1968, 186—190; *Colella P.* Trenta denari. — Rivista Biblica Italiana, t. 21. Roma, 1973, 325—327.
[5] Τριῴδιον κατανυκτικόν. Ἐν Ῥώμῃ, 1879, 657.
[6] Триодь постная. М., 1975.

Г. К. Венедиктов

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Происхождение подавляющего большинства новых слов в литературных языках имеет спонтанный характер, и установить, кто именно из носителей этих языков и когда создал (составил, сочинил, придумал) и впервые употребил то или иное новое слово, практически невозможно. Лексиколог нередко вынужден в лучшем случае довольствоваться только установлением первой (наиболее ранней) фиксации новых слов в печатном или рукописном тексте [1], которая сама по себе еще не может быть свидетельством того, что их создателем является автор данного текста. Вместе с тем лексикология не отказывается от выявления слов, обязанных своим возникновением словотворчеству конкретных лиц — писателей, ученых, журналистов и других представителей интеллигенции. Определение вклада того или иного лица в обогащение лексики литературного языка составляет хотя и не главную, но важную и во всяком случае весьма интересную задачу в изучении истории лексики литературного языка.

Вопрос о словотворчестве болгарских писателей и других лиц в болгарской лексикологии поставлен давно, но сделано в этой области не так много. Еще в середине 50-х годов крупнейший историк болгарского литературного языка Л. Андрейчин писал: «Очень слабо изучено самостоятельное словотворчество наших книжников эпохи Возрождения» [2]. За истекшие с тех пор три десятилетия изуче-

ние этого вопроса несколько продвинулось вперед. Он рассматривается во многих работах, посвященных характеристике языка и стиля ряда писателей и других видных деятелей эпохи национального Возрождения болгар (Софроний Врачанский, Анастас Кипиловский, Георгий Раковский, Петко Славейков и др.), писателей конца XIX—начала XX в. (Иван Вазов, Пенчо Славейков и др.). Значительное внимание уделяется ему также в работах, характеризующих пуристическую деятельность борцов за чистоту болгарского языка (Иван Богоров, акад. А. Теодоров-Балан и др.). В них приводятся целые списки слов, созданных и введенных в болгарский язык, как полагают исследователи, конкретными представителями болгарской культуры. Не все из этих слов закрепились в литературном языке. Многие из них не вышли, вероятно, за рамки употребления их создателей, и лишь незначительная их часть входит в лексический фонд литературного языка наших дней.

Однако результаты, полученные в изучении словотворчества определенных лиц, таковы, что сейчас еще рано говорить о реально установленном, а не о выдаваемом за реальный вклад отдельного писателя или иного лица в обогащение лексики литературного языка. Далеко не все слова, признаваемые творением соответствующих деятелей, в действительности созданы ими. «Авторская атрибуция» целого ряда таких слов оказывается ошибочной. Она нередко базируется на ограниченном материале, без изучения лексики, зафиксированной в сочинениях предшественников и современников тех деятелей, которым приписывается создание тех или иных слов. Обращает на себя внимание и то, что, как это будет видно и из настоящей статьи, авторы некоторых работ, признавая отдельных писателей или других деятелей культуры создателями каких-либо слов, проходят мимо данных, содержащихся в давно изданных словарях болгарского языка и явно этому противоречащих. Нельзя не отметить также и того, что при характеристике вклада отдельных лиц в обогащение лексики болгарского языка нередко приводятся без критической проверки те же слова, которые указаны в ранее опубликованных трудах других исследователей или, наоборот, не учитываются данные других работ. Все это, а также слабая изученность истории лексики современного болгарского литературного языка (особенно в период его формирования) заставляет критически относиться к высказанным в литературе суждениям о словотворчестве тех или иных писателей и других деятелей культуры и подвергать эти суждения проверке на конкретном материале. Необходимость такой проверки диктуется также и тем обстоятельством, что целый ряд слов, неосновательно приписываемых словотворчеству конкретных лиц, переходит из исследовательских работ в учебные пособия и иные сочинения, адресованные массовому читателю, и этим в сознании многих читателей закрепляется превратное представление о заслугах данного лица в обогащении лексики родного языка. Одним из последних примеров этому может служить обширная статья «Вълшебното огледало» популярного писателя Николая Хайтова, недавно опубликованная в литературном журнале «Септември», а затем вы-

шедшая и отдельным изданием. В ней Н. Хайтов, повторяя высказанное ранее мнение специалистов-исследователей, в качестве примеров удачных лексических новообразований («сполучливи самокройни думи») известного болгарского пуриста И. Богорова (ок. 1820—1892) приводит *вестник*, *чакалня*, *часовник*, *сричка*, *околност*, *бележка*, *връзка*, *сегашен* [3]. В действительности, однако, только *сричка* и *чакалня* пока, до более обстоятельного изучения лексики болгарского литературного языка первой половины XIX в., еще можно, по-видимому, считать новообразованиями И. Богорова. Что же касается *вестник*, *часовник*, *околност*, *бележка*, *връзка*, *сегашен*, то они употреблялись в болгарском языке и до начала литературной деятельности И. Богорова [4], и, следовательно, считать их результатом его собственного словотворчества нет оснований. В этой же статье Н. Хайтов называет и ряд слов, созданных, по его мнению, крупнейшим болгарским писателем Иваном Вазовым (1850—1921): *влак*, *дрешник*, *дървосад*, *излет*, *кръжило*, *паровоз*, *плочник* [5]. В действительности, как будет показано ниже, по крайней мере некоторые из этих слов считать новообразованиями И. Вазова также нет оснований.

Подобного рода ошибок в «авторской атрибуции» целого ряда слов, в том числе и слов, закрепившихся в литературном языке, в болгарской лексикологической литературе накопилось, к сожалению, немало, и их следует исправить. В настоящей статье речь пойдет о некоторых словах, которые разными исследователями ошибочно или без должных оснований признаются новообразования И. Вазова.

И. Вазов, как известно, сыграл значительную роль в окончательном становлении норм современного болгарского литературного языка. В области лексики его заслуги состоят прежде всего в том, что он содействовал упрочению ее народно-разговорной основы и обогащению ее новыми словами народного и книжного происхождения. Исследователи отмечают, что в стремлении обогатить лексику литературного языка И. Вазов прибегал и к словотворчеству. Однако относительно места словотворчества в обогащении им лексики мнения исследователей существенно расходятся. Л. Андрейчин полагает, что «к самостоятельному словотворчеству Вазов прибегал сравнительно редко» и что Вазов является «автором известного числа новых слов, до сих пор еще не собранных и не изученных» [6]. Э. Пернишка, автор ряда работ о лексике И. Вазова, также констатирует, что «в целом Вазов не проявляет сильной склонности к словопроизводству» и что количество его собственных лексических неологизмов невелико [7]. Другие исследователи результаты словотворчества этого писателя оценивают иначе. По мнению Р. Русева, «в языке Вазова слов, образованных им самим, довольно много» [8]. С. Младенов считает, что «Вазов сам создал много новых слов, одни из которых теперь забыты, а другие украшают родную речь» [9]. В другом месте он пишет: «Слов, которыми Иван Вазов обогатил болгарский словарь, — не несколько десятков, а несколько сотен, но их выявление — дело очень трудное, а в немалом числе случаев

и просто невыполнимое»[10]. В ранней статье о языке И. Вазова в оценке его словотворчества С. Младенов был более осторожен. «Нет сомнения, — писал он в 1921 г.,— что новая болгарская литература обязана Вазову определенным, наверное, не совсем незначительным числом новых слов»[11]. Примерно также оценивал словотворчество И. Вазова несколькими годами до него Б. Ангелов. Указав на то, что И. Вазов в целом меньше создает новых языковых средств, чем избирает их из разных диалектов, Б. Ангелов писал: «При всем том есть немало случаев, в которых Вазов выступает как творец новых слов, причем такой творец, который не лишен здравого чутья свойств и духа болгарского языка»[12].

В опубликованных работах исследователей приводятся следующие списки слов, считаемых лексическими новообразованиями самого И. Вазова.

По мнению Б. Ангелова, И. Вазов создал следующие слова: *дворище*, *плетище*, *долище*, *горище*, *хорище*, *шептеж*, *пламтеж*, *топеж*, *болеж*, *летеж*, *разядка*, *преядка*, *платка*, *укривка*, *ръковод*, *почтенство*, *хвърчач*, *изкусник* 'артист', *квак*, *грак*, *еклив*, *всемир*, *отгатка*, *лепост*, *хвалбив*, *пушлив*, *пенен*, *травен*, *любен*, *упоен*, *изглузен*, *уперчен*, *гъстък*, *бистролеен*, *богомолен*, *злосмутен*, *противоскучен*, *неповолец*, а также *плисък* и *прасък*, о которых Б. Ангелов замечает, что их скорее следует рассматривать как редко встречающиеся, чем новые, т. е. созданные И. Вазовым[13], слова.

С. Младенов в статье 1921 г., приведя ряд слов из числа тех, которые Б. Ангелов считает творениями И. Вазова, указывает, что исчерпывающее изучение лексики всех стихотворных и прозаических произведений писателя показало бы, что список его новообразований, возможно, следовало бы пополнить словами *захлас*, *лаеж* вместо *лай*, *летеж* (приводится и Б. Ангеловым), *напън*, *избух*, *поклат*, *бъбър*, *настръхен* (в форме мн. числа: *настръхни ужаси*), а также и *накип* в сб. «Люляка ми замириса» (1919). О *накип* С. Младенов делает оговорку, что он не имел возможности проверить, не употреблено ли оно кем-либо уже до И. Вазова, но тут же добавлял: «похоже, что оно тоже (творение) Вазова»[14]. В статье 1950 г. С. Младенов приводит гораздо больший список слов, которые он с большей или меньшей уверенностью относит к числу собственных новообразований И. Вазова. Таковы *безисход*, *бълнувач*, *вариклечковска българúя*, *вовчоваме се* или *вовчуваме се*, *деблив*, *денгубство*, *жизнедарен*, *жизнелюбивост*, *жизнерадостност*, *жълтоуст*, *зазвездя*, *издиг*, *кипежен*, *млечногърди*, *мурголик*, *настръх*, *настръхни*, *нахлув*, *ногоболие*, *пастърмян*, *поклат*, *рукло*, *сърцеядец*, *талазлив*, *ухораздирателен*. В статье приводится и ряд других слов без каких-либо оговорок или указаний на их народно-разговорное или старинное происхождение: *гръмот*, *злочинство*, *кучеловец*, *избух*, *окаяник*, *шумаче*, *мързелец*, *ливадяк* вместо *ливадак*, *златорус*, *черномур*, *отплаксателен*. Очевидно, эти слова С. Младенов тоже рассматривал как новообразования самого И. Вазова[15].

По мнению Л. Андрейчина, к словам *шептеж*, *пламтеж*, *топеж*, *летеж*, *захлас*, *неповолен*, *укрúвка*, *хвалбиво*, *разядка*; *избух*, *плоч*-

ник, *изкусник*, приведенным в статье Б. Ангелова (впрочем, *плочник* у него отсутствует), могут быть добавлены следующие новообразования И. Вазова: *примеждлив* (*път*), *създавници*, *влагалица* (*на науката*), *усетна* (*загуба*) и другие, не названные им, слова [16].

Р. Русев приводит следующие слова, созданные, как он полагает, И. Вазовым: *търгувач*, *возач*, *подсвиркач*, *излетач*, *зъбоизваждач*, *резач* (*на човешко месо*), *показвач* (*на кукли*), *паляч* (*на фитил*), *карантинопазец*, *кучеловец*, *черпител*, *задирник* (*на хубавите жени*), *дохват*, *издиг*, *излив*, *нахлув*, *настръх*, *суровщина*, *дивашкост*, *смешност*, уменьшительные *барица*, *димец*, *радостчица*, (*розово*) *мирче*, *крясчета*, *крикчета*, прилагательные *железничен* (*мост*), *огнищен* (*светлик*), *ханска* (*порта*), *бариерна* (*барака*), *сладкови* (*лъжички*), *стаен*, *петостаен*, *славейчески* [17].

В числе новообразований И. Вазова «наиболее распространенными» Э. Пернишка считает сложные слова *турколюбец* 'туркофил', *славянолюбец* 'славянофил', *вестникопродавец* 'продавец газет', *восъкоцветен*, *мурголик*, *ухораздирателен* 'острый, пронзительный', *тронопохитител* 'узурпатор', *игрословие* 'игра слов, каламбур', *гръбнаколомение* 'раболепие', *бикоглавство* 'твердолобость', *сърцепленяващ* 'увлекательный', *хитрословец*, *сърцеобилен*, *космонастръхвателен* 'страшный, ужасный', *труповонен* 'смрадный', целый ряд простых слов — *излетач* 'турист', *бълнувач* 'мечтатель', *спъвало* 'преграда, препятствие', *набедник* 'клеветник', *съслужник* 'коллега', *бедуване* 'мука, страдание', *заможник* 'богатей', *дрехарница* 'гардероб', *премеждлив* 'опасный', *отблъсквателен*, *оттласквателен* 'антипатичный', *настръхен*, *тронувам* 'царствовать', *питливо* 'вопросительно' (или 'вопросительное'), *съгласително* 'утвердительно' (или 'утвердительное'?) [18].

Единичные примеры новообразований И. Вазова указывают С. Попов — *благовремие*, *лютост*, *топлик* (в повести И. Вазова «Немили-недраги», 1883—1884) [19], Е. Георгиева — *синева*, *стремеж* [20]. В ряде работ Р. Русинова приводится часть слов, указанных в работах его предшественников, — *шептеж*, *пламтеж*, *топеж*, *летеж*, *захлас*, *плочник*, *неповолен*, *укривка*, *разядка*, *избух*, *изкусник*, *примеждлив* (*път*), *създавници* [21], *захлас*, *синева*, *плочник*, *стремеж*, *пламтеж*, *летеж* [22], а в совместном труде Р. Русинова и С. Георгиева к новообразованиям И. Вазова, по-видимому, отнесены *стремеж*, *синева*, *летеж*, *влак* [23]. М. Москов иллюстрирует словотворчество И. Вазова словами *пламтеж*, *топеж*, *шептеж*, *дворище*, *плетище* [24], а С. Василев, кроме них, также и словами *кипеж*, *ехтеж* [25].

В действительности далеко не все приведенные здесь слова являются лексическими новообразованиями И. Вазова. Даже случайно собранный нами материал показывает, что целый ряд из них встречается в болгарском языке не только до выхода в свет конкретных произведений писателя, где то или иное якобы им созданное слово было впервые употреблено, но и до начала его литературной деятельности и даже до его рождения. Ниже рассматриваются в алфавитном порядке некоторые из таких слов.

Б л а г о в р е м и е. Это слово, вопреки мнению С. Попова, употреблялось в болгарском языке уже задолго до выхода в свет не только повести И. Вазова «Немили-недраги», но и первых его сочинений. Так, оно неоднократно встречается в книгах, изданных разными авторами в середине 40—начале 50-х годов — П. Пиперовым [26], А. Гранитским и П. Кисимовым [27]. См. также: Чудесата на вселенската система. . . подавали му [учителю] безпрестанно *благовремie* да просвѣти словесностьта на своите ученицы (Нар. пр., 37). Встречается *благовремие* и в письмах болгарского революционера В. Левского [28], казненного османскими властями за двадцать лет до выхода в свет повести И. Вазова. Слово это зафиксировано уже в словаре И. Богорова (Бог. Б.-ф. р., 13). К. Ничева относит *благовремие* к словам, «слабо распространенным в эпоху Возрождения» [29], т. е. во второй половине XVIII—70-е годы XIX в. Действительно ли это так, сказать без соответствующей проверки обширного материала трудно. Но из сказанного совершенно ясно, что И. Вазов не был создателем слова *благовремие*.

В л а к. Мнение о том, что *влак* 'поезд' создано (Н. Хайтов) или введено в болгарский язык (С. Георгиев, Р. Русинов) И. Вазовым, неверно, поскольку слово это встречается в болгарском еще до того, как его стал употреблять И. Вазов. Хронологически первая, известная нам фиксация *влак* 'поезд' относится к 1873 г., что отмечено уже в словаре А. Дювернуа с указанием и источника — чеш. *vlak*: Каква е сила-та на парѫ-тѫ това лесно може да се разбере, ако ся поглядне прьвый *влакъ* по желѣзницы-ти „Лѣтоструй", 1873, 195—Дювернуа, 248). Мы не знаем, когда именно *влак* 'поезд' было впервые употреблено И. Вазовым, но можем сказать, что в его сочинениях, изданных до 1874 г., оно не встречается, и, следовательно, нет никаких оснований ставить ему в заслугу создание данного слова.

Г р ъ м о т. О *гръмот* С. Младенов пишет, что это производное от *гръм*, *гърмя* слово «не встречается в болгарских словарях, но имеет, уже получило „право гражданства" в болгарском литературном языке, ибо оно использовано И. Вазовым в [романе] „Нова-земя"» [30]. В действительности *гръмот*, как уже отмечал и Р. Русев [31], встречается в т. I словаря Н. Герова, вышедшем за год до публикации названного романа И. Вазова. Н. Геров — в соответствии с принятой им орфографией — пишет *гръмотъ*, поясняя его словом *гръмотевица* (у него — *грьмотевица*) и примером «*Грьмотъ* отъ топовы» (Геров I, 255). Пример Н. Герова и значение 'вик, глъч, гръмлявина, гърмеж, гръмот, гръм, трясък, шум, шамата, гюрултия' (т. е. 'грохот, шум'), свойственное слову *гръмотевица*, которым Н. Геров поясняет *гръмот*, свидетельствуют о том, что по своему значению *гръмот* у И. Вазова не было новым для болгарского языка словом. Последний толковый словарь литературного языка приводит *гръмот* с пометой «диалектное» и ссылкой на Н. Герова (РБЕ III, 436). Есть все основания, таким образом, полагать, что *гръмот* — не новообразование И. Вазова, а народное болгарское слово.

Д в о р и щ е. В том, что это слово создано И. Вазовым (Б. Ан-

гелов, С. Василев, М. Москов), заставляет сомневаться уже его фиксация в словаре А. Дювернуа с примером из статьи Х. Данова, опубликованной в 1869 г., т. е. до написания первых сочинений писателя: Той гы научи да непрьскатъ тора (гюбрето) по дворищата си («Летоструй», 1869, 132 — Дювернуа, 469); ср. и более поздний пример из того же ежегодника за 1876 г.: да прекара презъ *дворища-та* имъ една рѣка (с. 54). В приведенных примерах, правда, выступает форма не ед. ч. *дворище*, а мн. ч. *дворища*, которую Х. Данов вероятнее всего соотносил с формой ед. ч. *двор*, поскольку именно *двор*, а не *дворище* употреблено им дважды в продолжении цитированного выше примера: по *двора* имъ всякога е нечистота и смрадъ, по всякой да ископае по единъ трапъ на странѫ въ *двора* си (ср. у Дювернуа, 1655: *плетища* при *плет* с примерами на форму мн. ч. *плетища*, *плетиштата*, *плѣтеща*). Поскольку, однако, А. Дювернуа приводит *дворище* в качестве заглавного слова, можно полагать, что в его коллекции примеров, видимо, была и такая форма. Однако бесспорным подтверждением того, что слово *дворище* было известно в болгарском языке уже до рождения И. Вазова, является его наличие в ряду слов на *-ище*, приведенных еще в 1844 г. И. Богоровым [32].

Д е б л и в. С. Младенов отмечает, что «в болгарских словарях нет прилагательного *деблив* от корня общеизвестного глагола *дебя*» [33]. Такое прилагательное, которое он характеризует как «хорошо образованное» («добре стъкмено»), использовано И. Вазовым в романе «Нова земя» [34]. С. Младенов, однако, ошибается. Прилагательное *деблив* приводится в изданном за четверть века до этого словаре И. Богорова, где оно переведено фр. guetteur (Бог. Б.-ф. р., 71). Очевидно, что считать И. Вазова создателем этого слова нет оснований.

Д е н г у б с т в о. Отсутствие этого слова в «Пълен българо-английски речник» К. Стефанова (1914) С. Младенов расценивает как доказательство того, что оно создано И. Вазовым, употребившим его в романе «Нова земя» (ср. у С. Младенова: «Вазовото *денгубство*»)[35]. Между тем *денгубство* зафиксировано уже в словаре И. Богорова, где оно переводится фр. la fripponnerie, la coquinerie (Бог. Б.-ф. р., 72). Данные словаря И. Богорова, таким образом, свидетельствуют против приведенного мнения С. Младенова.

Д р е ш н и к. Если Н. Хайтов (возможно, и С. Василев) уверенно относит *дрешник* 'гардероб' к новообразованиям И. Вазова, то М. Москов [36] и К. Попов [37] совершенно определенно считают, что оно создано известным болгарским филологом акад. А. Теодоровым-Баланом (1859—1959) [38]. Поскольку в работах названных авторов время первого употребления слова *дрешник* А. Теодоровым-Баланом и И. Вазовым или того их сочинения, где оно употреблено ими впервые, не указывается, то установить, кто из них — А. Теодоров-Балан или И. Вазов — употребил *дрешник* раньше другого, можно лишь после соответствующего изучения лексики их текстов. Сам факт употребления этого слова одним из них раньше другого, естественно, еще не означает, что оно создано именно им, а не кем-то другим до него. В связи с этим отметим форму мн. ч. *дрешницы*

в «Автобиографии» Г. Пырличева, написанной в 1884—1885 гг.: «Днескы ты не си добро прѣкрьстилъ» и въ единъ мигъ много жандармы се всунѫхѫ въ кѫщѫтѫ, отворихѫ лавицы и *дрешницы*, и разбихѫ ковчезы (СбНУ, 1894, XI, 374). Очевидно, формой ед. ч. этого слова у Г. Пырличева является *дрешникъ*, хотя в принципе словообразовательно и семантически возможна как будто и *дрешница* (ср. написания *дрешницы* и *лавицы* в приведенном примере при несомненной форме ед. ч. *лавица*, но и *ковчезы* при ед. ч. *ковчегъ*). Приведенный пример — наиболее ранний из известных нам случаев фиксации слова *дрешник*. Употреблено ли оно в текстах И. Вазова и А. Теодорова-Балана до написания «Автобиографии» Г. Пырличева, мы сказать пока не можем [39]. К сказанному надо добавить, что, как писал в 1921 г. С. Младенов, словом *дрешник* в Софийской народной библиотеке уже давно называлось «место, где хранятся одежда и шляпы посетителей» [40]. Ср. также и мнение Л. Селимского, полагающего, что А. Теодоров-Балан, вероятно, взял слово *дрешник* из народных говоров [41].

Относительно *дрешник* есть все основания полагать, что это народное по своему происхождению слово. Доказательством этому служат известные факты достаточно широкого употребления его в народных говорах. Составители этимологического словаря указывают (со ссылкой и на диалектные источники конца XIX в.) на употребление *дрешник* в говорах районов Дрянова, Старой Загоры, Чирпана, Чаталджи, Адрианополя (БЕР I, 426), что следует понимать как подтверждение ими не книжного (индивидуально-авторского), а народно-разговорного происхождения этого слова. В этом отношении особенно важно, что *дрешник* 'долап за дрехи' зафиксировано в говорах, расположенных на территории Европейской Турции сел Тарфа (р-н Чаталджи) и Софулар (р-н Адрианополя), где возможное влияние болгарского литературного языка следует, по-видимому, полностью исключить. Новые работы по диалектологии фиксируют *дрешник* и в других говорах в значении 'стая, където се държат дрехи, постели, завивки' (с. Тодевци, р-н Елены) [42], 'оградено място за подреждане на постелките и завивките' (Добруджа) [43], 'малка стая, която обикновено е без прозорец и е предназначена за дрехи, покъщнина и пр.' (р-ны Варны, Ямбола, Видина) [44]. В лексикографии *дрешник* впервые было отмечено, по-видимому, лишь в 1908 г. в дополнении к словарю Н. Герова (Геров VI, 103).

Ж ъ л т о у с т. О прилагательном *жълтоуст* С. Младенов писал, что, возможно, его употребил кто-то и до И. Вазова, использовавшего его в романе «Казаларската царица» (1903), но что до издания полного болгарского словаря («всебългарски речник») следует считать, что оно, должно быть, «создано Вазовым в одном из поздних его произведений» [45]. Из двух предположений С. Младенова верным оказывается первое: слово *жълтоуст* действительно употреблялось в болгарском языке еще до начала литературной деятельности И. Вазова, например: Па тукъ сега не знае чловѣкъ кого прьвѣ да жяли и да окайва: да ли стары-ты . . . или пъкъ млады-ты и *жлътоусты-ты*, кои-то еще за въ ничто не рѣкли: Боже помози! («Летоструй», 1869,

124). Этот пример (в сокращённом виде) приведен в словаре Дювернуа 635, что, как видим, не попало в поле зрения С. Младенова.

Л ю т о с т. С. Попов, указавший это слово в числе новообразований И. Вазова в повести «Немили-недраги», видимо, полагает, что писатель впервые употребил его именно в этом произведении. В действительности же *лютост* употреблено И. Вазовым уже в стихотворении «Борът», написанном в 1870 г.: Алъ какъ побѣдитель, що врага си гледа | бездушенъ въ крака си слѣдъ славни борби, | безъ гордость, безъ *лютость*, забравя побѣда | и дава му почесть и даже скърби («Периодическо списание», 1872, 5—6, 203). Но *лютост* употреблялось в болгарском языке задолго до этого. Отметим прежде всего, что оно было известно уже в древнеболгарском языке. Об этом свидетельствует в частности Супрасльская рукопись, где лютость встречается в двух значениях — 'жестокость, беспощадность, лютость' и 'суровость (природы)' [46]. Ср. *лютост на студа* в повести И. Вазова «Немили-недраги», которое имеет в виду С. Попов, и лютость въздоуха, Супр. 77, 25. Слово *лютост* широко употреблялось в новоболгарском языке XVII—XVIII вв., в чем убеждают данные памятников новоболгарской письменности того времени — дамаскинов Копривщенского (135), Котельского (9 об.) [47], Троянского (25, 206), Тихонравовского (14 об., 107 об, 170 об., 233), Свиштовского (399). Широко употребляется *лютост* и в сочинениях первой половины XIX в., например, в «Недельнике» Софрония Врачанского (1806) [48], в сочинениях И. Кырчовского (1814—1819) [49], у И. Богорова [50] и др.; ср. также: Обаче немыслете че добро дѣло може да стане съ *лютость* и гнѣвъ (Пр. сов., 2). Еще до опубликования стихотворения «Борът» И. Вазова слово *лютост* фиксируется в 1855 г. в словаре М. Павлева и А. Живкова, где оно дано в ряду с *ядъ*, *отрова*, *отрава*, *гнѣвъ*, *лютина* как болгарское соответствие турцизму *зехиръ* (Павлев—Живков, 22), и в 1871 г. в словаре И. Богорова, который *лютост* приводит с французскими соответствиями la violence, véhémence, férocité, cruauté, atrocité, immanité, fouge (Бог. Б.-ф. р., 186). Позже *лютост* 'лютба, лютина, яд, гняв, сертлик' фиксируется и в словаре Н. Герова (Геров III, 37).

Приведенные данные убеждают в том, что И. Вазова никак нельзя считать не только создателем, но и «возродителем» старого в болгарском языке слова *лютост*.

Н о г о б о л и е. С. Младенов считает, что И. Вазов «еще в начале нашего века исполнил свой долг ревнителя чистоты болгарской речи и перевел греческое слово *подагра* словом *ноголобие*» [51]. Приведя пример на употребление *ногоболие* в романе «Казаларската царица», С. Младенов замечает: «С тех пор как сам Вазов заменил *подагра* словом *ногоболие*, грецизм *подагра* потерял свое мнимое «право на гражданство» в болгарском литературном языке и может уступить свое место слову *ногоболие*» [52]. БТР и РСБКЕ *ногоболие* не фиксируют. С пометой «редкое» его приводит РРОДД 296, где приведен тот же пример из «Казаларской царицы» И. Вазова, который имеет в виду и С. Младенов. Что касается мнения С. Младенова, то оно неверно, ибо *ногоболие* 'подагра' употреблялось в болгарском

языке и до выхода в свет названного романа И. Вазова. Ср., например, в книге, переведенной А. Гранитским и изданной в 1858 г., когда И. Вазову было всего 8 лет: Всичкы-ти разрѧди отъ жители-ты кынезскы правѧть голѣмо употрѣбленїе чѧй и мыслѧть че сѧ избѣгва *ногоболїе*, камень въ мѣхура и коликы-ти (санджи-ти) въ почкы-ты (бѫбреци-ты) съ употрѣбленїе безъ мѣркѫ чѧй (Тр. рък., 233). Является ли этот пример первой фиксацией в болгарском слове *ногоболие* и, следовательно, является ли А. Гранитский его создателем или же оно могло быть ему известно из других источников, сказать пока трудно.

Паровоз. Н. Хайтов полагает, что слово *паровоз* создано И. Вазовым, который заменил им иноязычное *локомотив* 'паровоз' [53]. С. Василев также ставит в заслугу И. Вазова то, что он заменил *локомотив* словом *паровоз*, не подчеркивая, впрочем, что последнее создано именно И. Вазовым [54]. К какому времени относят Н. Хайтов создание, а С. Василев замену И. Вазовым *локомотив* словом *паровоз*, они не указывают. Если говорить о замене, то она, судя по наблюдениям С. Младенова, относится у И. Вазова, видимо, к концу XIX— началу XX вв., когда И. Вазов в ряде своих произведений «предпочитает» *паровоз* слову *локомотив* [55].

В действительности же ни созданием, ни распространением слова *паровоз* болгарский язык И. Вазову не обязан. В современном литературном языке это слово устаревшее: РСБКЕ вообще его не фиксирует, БТР приводит с пометой «устаревшее» (538), а РРОДД фиксирует *паравоз* и *паровоз* с пометами «книжное, устаревшее» (337, 338). Слово *паровоз* (*паравоз*) довольно широко употреблялось в болгарском языке уже до выхода в свет первых сочинений И. Вазова и в первые годы его творчества, когда в опубликованных его произведениях оно еще не встречается, например, у Г. Иошева (1861): По тыя [желѣзни] пѫтища ся прѣминува съ помощь-тѫ на *паровоза* до 100 чяса и повече въ едно денонощіе (Кр. вс. ист., 352); у Х. Данова (1868 г.): *Паровозъ* (локомотивъ) прѣминува въ чясъ 72000 лакти разстояніе (Числ., 74 — АВР); Конь-тъ врьви четыре пѫти по-полегка отъ *паровоза* (там же); *Паровозъ* (огненны кола) въ 1 секунда прѣминува 16 лактіе и 5 рупа (Там же, 222); у Й. Груева (1872 г.): Най-много пара ся троши по параходы-ты (вапори-ты) и по *паровози-ти* (локомотиви, огненны кола) (Физ., 104); *Паровозъ* по желѣзны пѫтища прѣкарва лесно и брьзо голѣмы товары въ далечны страны и то пò брьзо и отъ вѣтъра (там же, 101; этот же пример, но без указания сочинения Й. Груева приведен и в РРОДД, 358); Парата откакъ ся тури на работѫ по *паровозы* и пароплувы до толкова скѫси длъгыты пространства, чтото сега чловѣкъ може заобыколи земѭтѫ за 8 дни («Летоструй», 1871, 201—АВР); у И. Гюзелова (1874): Ето защо *паровози-тѣ* сѫ машини съ високо налѣганіе (Фзк., 194—АВР). Приведенные примеры показывают, что считать *паровоз* новообразованием И. Вазова нет никаких оснований.

К этому следует добавить, что *паровоз* (как и *паравоз*) в болгарском представляет не собственно новообразование этого языка, а заимствование из русского (БТР, 538; РРОДД, 338).

П л а т к а. В работах последних десятилетий *платка* в числе новообразований И. Вазова не приводится, но в них и не отмечается ошибочность мнения Б. Ангелова о создании И. Вазовым этого слова для рифмы со словом *сладка* в сборнике стихотворений «Поля и гори» (1884). В действительности же *платка* встречается в болгарских текстах, написанных за несколько десятилетий до издания названного сборника И. Вазова. Например, в значении 'плата, заработная плата' встречаем его в письме старозагорских чорбаджиев Неофиту Рильскому от 7.XII 1845 г. (еще до рождения И. Вазова): Заради това искали да ни отпишите сжсь коя *платка* годишна сте благодарни (Сб. БАН, 1926, 21, 271); в том же значении и позднее, уже в 70-е годы: да си поприказватъ за лошитѣ врѣмена, които гы сполѣтѣли поради умаляваніето на *платката* и подскжпваньето на катадневнытѣ имъ потреби («Читалище», 1874, 8, 219). В значении 'платеж, оплата' это слово неоднократно встречается у С. и X. Караминковых (1850): Господарь-тъ на мѣнителницж-тж трѣба тозь чясь да направи протесто срѣщо пріимателя, и да го принуди за *платкж-тж* ѝ (Дипл., 160); ср. здесь же и *неплатка*: тогава става друго протесто за *неплаткж-тж* ѝ (158); у А. Гранитского (1858): Корабленачялникъ-тъ не може да дрьжи въ корабль-тж си стокы-ты за *платкж* на наема си (Тр. рък., 139); у X. Данова (1869): *Платка-та* за прѣносъ (порто) на едно обыкновенно писмо за разстояніе от 100 часа е 60 пары («Летоструй», 1869, 47); За писмо по-тяжко отъ 3 драма плаща ся за всякой притуренъ драмъ половинж отъ *платкж-тж* на обыкновенно писмо (там же). Отметим, что *платка* 'плата, жалованье' приводится к словаре А. Дювернуа с примерами из поэмы Г. Раковского «Горски пътник» (1857) и ежегодника «Летоструй» за 1869 г. (Дювернуа, 1658), а еще ранее в словаре М. Павлева и А. Живкова как одно из болгарских соответствий (наряду с *плата*, *заплатка*) турцизму *хак* (Павлев—Живков, 54). Очевидно, Б. Ангелову фиксация *платка* в этих словарях не была известна.

П р е я д к а. Мнение Б. Ангелова о создании этого слова И. Вазовым, употребившим его в сборнике «Видено и чуто» (1901), не оспаривается и в наше время. В действительности же *преядка*, как это видно и из словаря А. Дювернуа, употребляется в болгарском языке до издания не только названного сборника, но и первых сочинений И. Вазова. См., например, в одной из статей X. Данова: А найлошы-ты сж лангыды и другы таковы прѣпрьжены *прѣядкы*, кои-то чясто докарватъ. . . на дѣтца-та проливъ или затворъ («Летоструй», 1869, 95); Слама-та е добра за *прѣядкж* на добыче-то (там же, 212). Словарь А. Дювернуа, кроме последнего примера, приводит еще два из изданий 1872—1874 гг. (Дювернуа, 1893). Ср. и пример на *преядка* (не позднее 1876 г.), приведенный с пометой «народное» в РРОДД, 389. Отметим также, что Н. Геров для *преядка* указывает два значения, одно из которых, именно 'сухо или студено ядене помежду другити ястия или след тях' (Геров IV, 392), имеет это слово и в примере из И. Вазова, рассматриваемом Б. Ангеловым. Очевидно, что *преядка* — не новообразование И. Вазова.

С ъ з д а в н и к. Мнению Л. Андрейчина о создании *създавник*

И. Вазовым противоречит тот факт, что это слово отражено уже в словаре И. Богорова с французскими соответствиями un createur, un père, также и в словосочетании *създавникъ всѣвышний* (*бог*)=фр. fabricateur souverain (Бог. Б.-фр., 414). В сочинениях И. Вазова, написанных до издания словаря И. Богорова, *създавник* не встречается. Является ли *създавник* новообразованием самого И. Богорова или же оно употреблялось и до него или было создано кем-либо из его современников, сказать без тщательного изучения соответствующего материала невозможно.

Т о п л и к. Относительно этого слова, относимого С. Поповым к числу новообразований И. Вазова в повести «Немили-недраги», надо заметить, что оно содержится в словаре Н. Герова, где указано пять его значений: 'топлото време през годината; топлина; топъл извор; място на река, дето зиме никога не замръзва; вир, длъбоко място на река, дето рибити прекарват зимата' (Геров V, 345). Наличие *топлик* в этом словаре уже может служить доказательством того, что данное слово не является новообразованием И. Вазова. Убедительным подтверждением этого служит и тот факт, что в словаре И. Богорова, т. е. еще до употребления *топлик* в названной повести И. Вазова, приводится *топлик* с французским переводом la chaleur (=русск. *теплота*), а также serre chaude (=русск. *теплица*); там же и *турям в топлик*=фр. enserrer (=русск. *помещать в теплицу*) (Бог. Б.-ф. р., 427). Отметим также, что А. Дювернуа фиксирует *топлик* 'теплый ключ' с примером, датируемым 1873 г. (Дювернуа, 2357). Приведенные данные показывают, что считать И. Вазова создателем слова *топлик* нет никаких оснований. Э. Пернишка относит его к словам диалектного происхождения [56].

Х в а л б и в. Мнение Б. Ангелова о создании И. Вазовым этого прилагательного поддерживается Р. Русиновым [57] и не оспаривается Л. Андрейчиным [58]. Согласно Б. Ангелову, *хвалбив* употреблено И. Вазовым в сборнике «Видено и чуто» (1901). Между тем уже за три десятилетия до этого оно было включено в словарь И. Богорова с французскими соответствиями vaniteux, fanfaron, jactancieux, suffisant, gascon и др. (Бог. Б.-ф. р., 454). Здесь же приведены и производные от *хвалбив* абстрактные существительные *хвалбивост* и *хвалбивство*.

Ш у м а ч е. Об этом уменьшительном существительном, употребленном И. Вазовым в одном из рассказов сборника «Драски и шарки» (1895), С. Младенов пишет, что его нет «в больших словарях болгарского языка» [59]. На самом же деле оно содержится в словаре А. Дювернуа с переводом рус. *рощица*, где дан следующий пример из переведенной И. Богоровым книги «Робинзон Крузо» (которая была издана в 1849 г., т. е. за год до рождения И. Вазова): Най сетнѣ съгледа нѣкои гѫсти растенія на една могилка, които бѣха като едно *шумаче* (Дювернуа, 2593). Этот пример показывает, что не только образование, но даже и введение (первое употребление) слова *шумаче* 'рощица (густая)', в литературный язык не может быть поставлено в заслугу И. Вазову.

* * *

Рассмотренный выше материал показывает, что в освещении личного вклада И. Вазова в обогащение лексики болгарского языка имеется много неверного. Вопрос о том, какие слова были действительно созданы этим писателем, еще нуждается в дальнейшем изучении, а это невозможно без тщательного учета лексики сочинений его современников и предшественников. Приведенные примеры мнимых вазовизмов лишний раз убеждают в правомерности неоднократно высказывавшихся предостережений от преждевременности безоговорочных заключений о создании тех или иных слов конкретными писателями и другими деятелями культуры.

---

[1] Так поступают, например, авторы нового толкового словаря болгарского литературного языка, в конце словарных статей которого в числе других сведений справочного характера указывается и наиболее ранний литературный источник употребления новых слов: *анекдот* — «Примери исторически» Петко Славейкова, 1868 (РБЕ, I, 267), *безкнижен* — «Любословие» Константина Фотинова, 1842 (там же, 481—482), *гном* — «Момина китка» Крыстю Пишурки, 1872 (там же, III, 241) и др. В принципе так же поступают и авторы этимологического словаря, в котором отмечается год самой ранней фиксации отдельных заимствований или автор, впервые их употребивший (БЕР, I, с. VII). Иногда, впрочем, автор указан здесь и при собственно болгарских (не заимствованных) словах. Например, в статье на *дея* при слове *деец* в скобках указана фамилия Богорова (БЕР, I, 351). Очевидно, авторы БЕР полагают, что *деец* впервые зафиксировано в каком-то сочинении И. Богорова.

[2] *Андрейчин Л.* Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето възраждане. — БЕ 1955, 4, 315.

[3] *Хайтов Н.* Вълшебното огледало. — Септември, 1980, 8, 36; *Он же.* Вълшебното огледало. София, 1981, 32.

[4] Соответствующий материал см.: *Венедиктов Г. В.* К истории болг. *часовник*. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, 81—89; *Он же.* К истории слов современного болгарского литературного языка. — Советское славяноведение, 1968, 3, 40—48; *Он же.* К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 5—38. — Истории болг. *вестник* 'газета' будет посвящена отдельная заметка.

[5] См. соответственно с. 37 и 32 указанных в сноске 3 изданий.

[6] *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му. София, 1950, 175; *Он же.* Иван Вазов — певец, строител и майстор на родния език. — В кн.: Език и стил на Иван Вазов. София, 1975, 18—19; *Он же.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977, 242. — Такой же точки зрения придерживаются и другие ученые. См., например: *Русинов Р.* Учебник по история на новобългарския книжовен език. София, 1980, 223.

[7] *Пернишка Е.* Общонародно и индивидуално в речника на Иван Вазов. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай 125-годишнината от рождението на писателя. Пловдив, 1976, 206.

[8] *Русев Р.* Бележки за езика на Иван Вазов. — БЕ 1960, 4, 352.

[9] *Младенов М.* Иван Вазов като образцов ревнител за български език и слог. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му, 296.

[10] Там же.

[11] *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност от езиковно-историческо гледище. — В кн.: Иван Вазов. Живот и творчество. За седемдесетгодишнината от рождението му. 2-ро изд. София, 1921, 149.

12 *Ангелов Б.* Стремежи и похвати за строителството в книжовния ни език в ново време. — В кн.: Сборник в чест на професор Л. Милетич по случай на 25-годишната му книжовна дейност (1886—1911). София, 1912, 3.
13 Там же, 3—7.
14 *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . ., 149—150.
15 *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 273—288.
16 *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език, 175; *Он же.* Иван Вазов — певец. . ., 18—19; *Он же.* Из историята на нашето езиково строителство, 242. — Некоторые из приведенных здесь слов указаны также в статье: *Андрейчин Л.* Ролята на Иван Вазов в изграждането на българския книжовен език. — БЕ 1970, 6, 511.
17 *Русев Р.* Указ. соч., 352—353.
18 *Пернишка Е.* Указ. соч., 206—207.
19 *Попов С.* Езиковно-стилни и синтактични особености на повестта «Немили-недраги», Ив. Вазов. — Език и литература, 1979, 6, 88.
20 *Георгиева Е.* Езикова култура и езиково обучение. София, 1979, 32.
21 *Русинов Р.* История на новобългарския книжовен език. Велико Търново, 1976, 178; *Он же.* Учебник по история на новобългарския книжовен език, 223.
22 *Русинов Р.* Речниковото богатство на българския книжовен език. София, 1980, 98.
23 *Георгиев С.*, *Русинов Р.* Учебник по лексикология на българская език, София, 1980, 44.
24 *Москов М.* Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. София, 1958, 85.
25 *Василев С.* Българският писател и развитието на книжовния и художествения език. — БЕ 1961, 5—6, 474. — То же см. в кн.: *Василев С.* Строители на родната реч. Кн. 3. Очерци върху езика и стила на наши писатели. София, 1966, 192.
26 *Ничева К.* Езикът на възрожденските преводи на «Приключенията на Телемаха» от Фенелон. — Известия на Института за български език, 1970, XIX, 600.
27 *Gutschmidt K.* Studien zum Wortschatz der früen bulgarischen Übersetzungsproza. Berlin (1966), 118 (ротапринтное издание); *Гутшмидт К.* Замечания о роли новогреческого языка в развитии лексики новоболгарского литературного языка. — В кн.: Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européenes. Sofia, 1968, 577.
28 *Русинов Р.* Езикът на Васил Левски в светлината на тогавашната книжовно-езикова практика. — Език и литература, 1977, 4, 33.
29 *Ничева К.* Указ. соч., 600. — Ср. с этим и мнение К. Босилкова, относящего *благовремие* к словам, «характерным только для традиционного литературного языка» (*Босилков К.* Разговорни и книжовни варианти в езика на възрожденската литература. — В кн.: Помагало по история на българския книжовен език. Възрожденски период. Съст. В. Попова. София, 1979, 39).
30 *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 275.
31 *Русев Р.* Указ. соч., 352.
32 *Богоров И.* Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, 23.
33 *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 275.
34 Там же.
35 Там же.
36 *Москов М.* За чист български език. София, 1976, 32.
37 *Попов К.* Научното дело на видни български езиковеди. София, 1982, 25.
38 По-видимому, к числу новообразований А. Теодорова-Балана относил слово *дрешник* еще в начале XX в. А. Протич, который в критической заметке о языке А. Теодорова-Балана приводит его в ряду слов, с его точки зрения, неправильно образованных (см.: *Москов М.* Борбата против чуждите думи в българския книжовен език, 66).
39 Отметим, что В. Василев слово *дрешник* среди лексических новообразований Г. Пырличева в «Автобиографии» не указывает. См.: *Василев В.* Към въпроса за езика на Гр. С. Пърличев. (Лексика на «Автобиографията»). — Известия на Института за български език, 1970, XIX, 615.
40 *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . ., 141.

[41] *Селимски Л.* Научно обоснован повик за чист български език. — Български език и литература, 1977, 5, 58.
[42] *Петков П.* Еленски речник. — В кн.: БД VII. София, 1974, 35.
[43] *Радева В.* Лексикалното богатство на българските говори. София, 1982, 24.
[44] Там же, 51.
[45] *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 277.
[46] *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 163.
[47] *Szymański T.* Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich tekstach XVII—XVIII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 128.
[48] *Ничева К.* Езикът на Софрониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965, 94.
[49] *Цойнска Р.* Към характеристика на лексиката и устойчивите съчетания на съвременния български книжовен език от началото на XIX в. (върху материали от съчиненията на Иоаким Кърчовски). — В кн.: Въпроси на съвременния български език и неговата история. София, 1980, 22.
[50] *Gutschmidt K.* Studien zum Wortschatz. . ., 88.
[51] *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 282.
[52] Там же, 283.
[53] См.: *Хайтов Н.* Вълшебното огледало. — Септември, 36; *Он же.* Вълшебното огледало. София, 1981, 37.
[54] *Василев С.* Българският писател. . ., 474; *Он же.* Строители на родната реч, 192.
[55] *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . ., 139.
[56] *Пернишка Е.* Указ. соч., 201.
[57] *Русинов Р.* Художествена литература и книжовен език. (Участието на писатели и поети в изграждането и развитието на българския книжовен език). Велико Търново, 1978, 9.
[58] *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език, 175.
[59] *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . ., 287.

Принятые сокращения источников

АВР — Картотека словаря болгарского языка эпохи Возрождения (Ин-т болг. яз. БАН, София).
Бог. Б.-ф. р. — *Богоров И.* Българско-френски речник. Виена, 1871.
Дипл. — *Караминкови С.* и *Х.* Диплография или как ся дръжят търговски книги. Цариград, 1850.
Кр. вс. ист. — *Иошев Г.* Кратка всеобща история и прости разкази ради юношества. Белград, 1861.
Нар. пр. — Народно просвещение за полза на болгарските наставници. Цариград, 1850.
Павлев—Живков — *Павлев М., Живков А.* Речник на думи турски и гръцки в языка българский. Букурещ, 1855.
РБЕ — Речник на българския език. I—III. София, 1977—1981.
РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. I—III. София, 1955—1959.
РРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.
Тр. рък. — Търговско ръководство за тъгуване, промишленост, мореплавание и за търговски делания. Превод А. Гранитскаго. Цариград, 1858.
Фзк. — *Гюзелев И.* Ръководство към физиката. Прага, 1874.
Физ. — Физика за главни народни училища от Д. Шуберт, преведена от Й. Груев. Виена, 1872.
Числ. — *Данов Х.* Теоретическа и практическа числителница. 2-ро изд. Виена, 1868.

Ю. П. Чумакова

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ЛЕКСИКЕ РЯЗАНСКИХ ГОВОРОВ

Объектом специального этимологического обследования может быть лексика группы говоров или, как уже писала об этом Ж. Ж. Варбот [1], одного конкретного говора. Такая ориентация в выборе материала по отношению к русским говорам полезна прежде всего (но не только!) в связи с задачей реконструкции праславянского словаря, поскольку, как выявляется в процессе работы над ЭССЯ, огромность территории, занимаемой русским языком, «позволяет говорить о праславянском фонде одной области» [2], где сохраняются как уникальные реликтовые слова, так и архаизмы, входящие в изоглоссные зоны. Последние, как известно, приобретают все большую значимость в уяснении процессов, связанных с формированием праславянских и древнерусских диалектных границ.

Определенный интерес с этой точки зрения представляет и архаическая лексика рязанских говоров. Не случайно рязанские диалектизмы все чаще привлекаются и рассматриваются специально в этимологических работах [3].

Предлагаемой заметкой мы продолжаем публикацию своих материалов по этимологии рязанской лексики [4].

неткиголовки

В Деулинском словаре приводится (только во множественном числе) любопытное сложное слово *неткиголовки* с не вполне определенной расшифровкой значения: 'о чем-л. самом лучшем' (341). Из примеров, однако, следует, что слово используется в говоре как средство высокой положительной оценки по отношению к домашним животным, отличающимся высокой продуктивностью: о корове, дающей много молока (. . . самыи *неткигалофки* многа малака дають); о лучших поросятах или свиньях, дающих лучший приплод (. . .иль свинья какая *неткигалофки* прасят хароших апрасила). Другими региональными словарями не отмечено.

Вторая часть этого образования прозрачна: уменьшительно-ласкательная форма *головка* может выступать в народном словаре со значением 'что-либо лучшее, отборное, высококачественное' (Филин 6, 306). Первая часть на материале русской лексики не этимологизируется. Между тем изолированность, семантическая неопределенность, утрата формы единственного числа — все это свидетельствует о реликтовом характере элемента *нетки*. Отсутствие соединительного гласного позволяет квалифицировать *неткиголовки* как сращение двух существительных в результате деэтимологизации первого слова.

Представляется возможным связать ряз. *нетки* (в единственном числе **нетка*?) с сербохорватскими глаголами ряда *-nijeti* (ср. *zàni-*

jeti 'понести, забеременеть'), которые О. Н. Трубачев рассматривает как отражение древнего супплетивизма глагольной парадигмы для значения 'нести' и на основе сближения с др.-инд. *náyati* 'вести', авест. *nayeiti* 'приносить', др.-перс. *a-naya* 'вел, приносил', ср.-перс. *nītan* 'вести, гнать', хетт. *nāi-* 'направлять, вести' — возводит через праслав. **něti* 'нести, приносить' к и.-е. корню **nai̯-* (или **noi̯-*) [5].

В этой связи более раннюю форму рязанского *нетка* можно представить в виде *нѣтъка* и истолковать темное слово как образование от причастия **ně-tъ* при глаголе **něti*, который уже в праславянском, по-видимому, развил дополнительное узкое значение 'приносить потомство'. В таком случае существительное *нетка* (а может быть, и прилагательное *неткий*) первоначально обозначало 'приносящий, -ая потомство; дающий, -ая продукт (о животном)'. Ср. *чуткий* имеющий острый слух, хорошо слышащий' и *чути* 'слышать'.

Мотивированное глагольной основой значение 'приносящий' развивалось далее, как можно предположить, по схеме: 'приносящий потомство' > 'дающий хороший приплод (о животном)' > 'высокопродуктивный; племенной (о скоте' > 'лучший (о скоте)'. Оценочное значение по мере архаизации и деэтимологизации образования *нетки* было усилено сочетанием его с другим словом — *головки*. Поучительным примером для понимания семантических истоков образования *нетка* может служить вовлечение в круг лексики, характеризующей продуктивные качества птицы, глагола *нести* и производных (*нестись*, *несушка*, *неская* 'дающая много яиц').

Если предложенное по поводу рязанского *неткиголовки* объяснение окажется верным, то праславянская реконструкция **něti* 'нести, приносить', опирающаяся на факты только сербохорватского языка, получит новое подтверждение.

зыбо

В говорах Захаровского района Рязанской области широко бытует предикативное наречие *зыбо*, обозначая состояние недоброжелательного беспокойства и выступая в качестве эмоционально-окрашенного синонима к *завидно*, *нелюбо*, *немило*. Примеры: Свекры мене любить, а ей *зыба*, зло разбираить; Ну што табе *зыба*, што ани ка мне ездиють; Люди есть такия плахия — у каво чё харашо, а йим *зыба*. В Деулинском словаре *зыбо* не зарегистрировано специально, но с тем же значением встречается в контексте при слове *лихостно* (нареч. к *лихостный* 'злобный, недоброжелательный, злопамятный'), ср.: . . .при сильной брани: *зыба*, *зыба*! Што лихасно. *Зыба* тае! (277). За пределами рязанских говоров это слово как будто не прослеживается и принадлежит к локальной рязанской лексике, хотя вряд ли является местным новообразованием. В данном случае интересны и семантика, и формальные показатели слова.

Несмотря на специфичность значения, *зыбо*, по всей вероятности, вышло из праславянского **zyb-*, послужившего базой целого гнезда лексики (преимущественно восточнославянской), которая отражает в своей семантике идею колебания: ст.-слав. и др.-рус. *зыбати*

'колебать, трясти', русск. *зыбь* 'трясина', *зыбкий* 'колеблющийся, шаткий', *зыбка* 'колыбель' и т. д.

Трудный в этимологическом отношении, этот праслав. корень интересно объяснила Сараджева Л. А. через сближение с др.-арм. *cup/p'* 'зыбь' и возведение к общей и.-е. основе **ĝeu̯-b-/*ĝū-b-* 'качаться, колебаться', возможно, связанной далее с исходным и.-е. корнем **ĝeu̯-/*ĝeu̯ə-* 'двигать, быть в движении' (др.-инд. *jávati* 'спешить', н.-перс. *zūd* 'скоро', авест. *zāvarə* 'сила')[6]. Она обратила внимание и на сходные особенности семантического развития этого корня в древнеармянском и древнерусском — переход из «сферы материальных процессов» к «сфере человеческой психики», ср. др.-арм. *cup/p'* также 'внутреннее смятение, волнение' (V в.) и др.-русск. *зыбежь* 'смятение, возмущение': На *зыбежи* суть и готови народи градниии (Срезневский, I, ст. 1009, XV в.). Эти факты весьма примечательны для объяснения ряз. *зыбо*, в семантике которого отчетливо вырисовывается один из оттенков того же вторичного, переносного значения. Актуальность семантической модели 'колебание' (физическое состояние) → 'волнение' (психическое состояние) для разных этапов истории русского языка подтверждается семантической историей книжных слов *волнение*, *потрясение* и семантической мотивацией новейших жаргонизмов типа *колыхать(ся)* 'волновать(ся), беспокоить(ся)'.

Формальные признаки диалектизма *зыбо* (наречие) заставляют предположить в качестве производящей основы несохранившееся прилагательное **зыбъ*, **зыбый*, употреблявшееся с тем же значением, что и вариант *зыбкий* (ср. *слабый*=диал. *слабкий*). Если это так, то такая архаическая особенность, как неосложненность основы, может свидетельствовать о глубоком, праславянском происхождении прилагательного (**zybъ(jь)*).

---

[1] *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино). — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, 255 и сл.

[2] *Меркулова В. А.* Некоторые проблемы лингвистической географии в связи с этимологией. — ZfSl, 24, 1, 1979, 89.

[3] Кроме упомянутой работы Варбот Ж. Ж., где рассмотрены рязанские архаизмы *тисляться*, *плено*, *сбрысить*, *уровище*, *полода*, *паскаль*, можно указать, например, на этимологическое истолкование рязанского (XVI в.) реликтового образования *яворъ* (*Трубачев О. Н.* Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *а*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 271), слов *каметь*, *скамезливый* (*Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III. — В кн.: Этимология. 1973, М., 1975, 28), *дрепать* (*Куркина Л. В.* Славянские этимологии. III. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 40), *оскредок* (*Меркулова В. А.* Украинские этимологии. I. — В кн. Этимология. 1973, М., 1975, 57) и др.

[4] См. *Чумакова Ю. П.* К этимологии некоторых диалектных слов в поэзии С. Есенина. — В кн.: Исследования по семантике, Уфа, 1980; *Она же*: Прилагательные со значением 'очень похожий' в русских (рязанских) говорах. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1983.

[5] *Трубачев О. Н.* Об одном случае глагольного супплетивизма: Праслав. *-*nĕti* 'нести, приносить'. — В кн.: В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му. София, 1980, 273—274.

[6] Известные в болгарском языке аористные формы типа *донех*, *занех*, по-видимому, не могут быть включены в эту группу как не отражающие последовательного корневого *е* и допускающие иное истолкование. См. об этом: *Венедиктов Г. К.* О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. — ВЯ, 5, 1957, 60—68.

[7] *Сараджева Л. А.* К этимологии праславянской основы **zybь* и древнеармянского *сир/р*' 'зыбь'. — В кн.: Этимология. 1976, М., 1978, 64—66.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДР.-РУС. *мечь*. I

В настоящей статье рассмотрен вопрос лишь о древнейшей истории и этимологии основного древнерусского оружейного термина *мечь*.

Прежде чем обратиться непосредственно к этому термину, отметим его древний исконный синоним **сѣчь* (от глаг. **sĕk-ti*), не обнаруженный как название меча ни в одном из славянских языков и не встречающийся в сохранившихся до нового времени восточнославянских рукописях, но давший древнерусское производное — прилаг. *сѣчьныи* 'относящийся к мечу': Сѣчеса со Ізлемъ і изби ѥ Ізль сѣчемъ сѣчнымъ (ἐπάταξεν αὐτὸν Ισραὴλ φόνῳ μαχαίρας percussit eum . . . nece gladii). Числ. XXI. 23—24 по сп. XIV в. (Срезневский III, 905—906). Исходя из этого контекста, где словоформа *сѣчнымъ* соответствует греческой μαχαίρας и латинской *gladii*, И. И. Срезневский справедливо реконструирует исконное др.-рус. слово **сѣчь* 'меч', приводя и иные значения этого существительного, иллюстрируемые цитатами. Другие контексты, где *сѣчныи* означало бы 'относящийся к мечу', неизвестны, и это указывает как будто на редкость употребления восточнославянского слова **сѣчь* 'меч', возможно, ставшего архаизмом уже в самый древний письменный период истории русского языка; недаром слово представлено в библейском тексте, который вообще наилучшим образом сохранял архаические явления языка. Об исчезновении следов этого термина к XVI в., вероятно, можно судить по замене прилагательного *сѣчныи* на *мечныи* в практически том же самом контексте, который мы обнаружили в одном из списков Пятикнижия Моисея: и изби а / Іилъ сечемь *мечнымъ* (Числа. 6, л. 362) [1].

Трудно сказать, можно ли связывать с появлением исконного термина **сѣчь* 'меч', так и не удержавшегося, впрочем, в употреблении, появление в XI в. в Киевской Руси мечей отечественного производства (ср. кириллическую надпись ковалъ людота на клинке фощеватовского меча, найденного недалеко от Киева) [2]. В связи с реконструкцией **сѣчь* 'меч' любопытно старорусское однокоренное с ним

слово *сѣчиво*, которым наряду с сущ. *мечь* и *ножъ* переводится в Лексиконе полоно-словенском 1670 г. старопольское *kord* 'короткий меч, заостренный с одной стороны; вообще меч и — что весьма вероятно, — большой нож' (Sł. stpol. III 345; Sł. polszcz. XVI w., X, 629); ср. болг. *сѣчиво* 'лезвие, клинок меча' (Геров V, 312)[4], с.-хорв. *сѐчиво* то же[5].

Правда, в церковно-книжных русских текстах *сѣчиво* и *мечь* четко различались: ни сѣчива. ни остроты желѣзных ноготь. нi мечи острыми. (Гр. Бог., XIV в., 134б. — Картотека СДР). Если *мечь* могло сочетаться со словами *божии*, *духовныи*, то *сѣчиво* обозначало хозяйственный топор — предмет, оскверняющий алтарь, на который запрещалось класть «сѣчиво» (Исход. Гл. 20)[6].

Внутренняя форма древнерусского **сѣчь* 'меч' прозрачна; так именовался господствовавший у восточных славян до конца X в. рубящий меч — «каролингского» типа, с длинным (ок. 90 см), широким, пригодным только для рубки (сечения) клинком. С конца X— начала XI в. такого типа меч вытесняется на Руси колюще-рубящим — романским («капетингским») с преобладанием у него, впрочем, рубящей функции[7].

Так как сама реалия к концу X—началу XI в. исчезла, исчез и термин, ее обозначавший, к началу письменной истории русского языка. Вероятно, этот исключительно восточнославянский термин, более поздний, чем общеславянское *мечь* — родовое, общее название данного вида колюще-рубящего оружия, — был видовым термином, указывавшим на особую (рубящую) разновидность меча, получившую в определенное время значительное распространение. Тем самым, термин **сѣчь* 'рубящий меч' отразил собой целый этап в развитии обоюдоострого рубящего (и колюще-рубящего) оружия.

Древнейшую фиксацию употребления слова *мечь* в русском языке следует относить к 1056—1057 гг. (в Остромировом евангелии): ꙗко на разбоиника ли изидосте съ мечи и дрꙋкольми. Ὡς ἐπὶ λῃστὴν ἐξεληλύθατε μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων (Л. XXII, 52)[8].

Хотя Остромирово евангелие скорее старославянский, чем древнерусский памятник письменности, но любопытно, что в других старославянских текстах Нового Завета — Зографском, Мариинском евангелиях, в апракосах — имеем в данном контексте (Лука XXII, 52), вместо мечи словоформу орѫжиемь, и это можно связывать с заменой обычного в старославянских евангельских текстах (Мк. VI, 27) слова в вин. пад. спекулатора или, по некоторым спискам, воина на словоформу мечьника 'палача' также только лишь в Остромировом евангелии (л. 288а)[9].

Установлено, что слово *mečьnikъ* свойственно древнерусскому (Срезневский II, 132—133; ср.: Тупиков 250: «Петръ Мечникъ, виленскiи мѣщанинъ». 1614)[10] и западнославянским языкам (польск. *miecznik*, чеш. *mečník*); оно засвидетельствовано в старославянской письменности лишь в Остромировом евангелии, притом в единственном употреблении (Slovník jaz. stsl. II, 204), и справедливо расценивается как мнимый старославянизм[11]. Оно не случайно отсутствует

в перечне старославянских существительных с формантом на -ьникъ у Р. М. Цейтлин [12].

Таким образом, указанная замена оржжие на мечь и сущ. спекулатор на мечьникъ в Остромировом евангелии, написанном, как известно, для новгородского посадника Остромира, принадлежит его писцу, отразившему активность термина *мечь* в речи древних новгородцев.

Слово *мечь* в Остромировом евангелии указывает на (холодное) оружие, которое может быть использовано как рубящее, судя по употреблению производного мечьникъ (σπεκουλάτωρ): посъла цр҃ь мечьника. Повелѣ принести главж его (голову Иоанна-крестителя. — *Г. О*). Мк. 6, 27.

Практически в таком же основном значении — 'старинное колющее или рубящее металлическое оружие, состоящее из прямого клинка и крыжа' — военный термин *меч* известен в русском языке и в наши дни [13] и, будучи праславянским [14], употребителен в других славянских языках: ср.-укр. *мечь* 'меч' (Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. I, 587), укр. *меч* и *міч*, род. п. *меча*, 'меч; сабля, украшенная цветами, шумихой, пучком калины, с горящей свечой, обвязанная платком, — употребляется в свадебном обряде' (Гринченко I, 421), ст.-блр. *мечь* (перв. четв. XVI в.: Слоўнік мовы Скарыны I, 320), блр. *меч*, род. п. *мяча*, 'меч' (БРС 448), ст.-польск. *miecz* 'рубящее оружие с широким острием и длинным клинком с рукоятью', gladius, ensis — и ряд других производных значений (Sł. stpol. IV, 201—202); 'короткий и широкий меч, тесак, кончар, корд, сабля, копье' (Reczek. Sł. 744); польск. *miecz*, редк. стар. *miekut* 'рубящее и колющее оружие, рапира, корд; плоская сторона меча' и ряд семантических производных (Варшавский словарь IV, 947—948), в.-луж. *mjec* 'меч' (Трофимович 121; Pfuhl 364), н.-луж. *mjac* 'меч' (Мука I, 903); полаб. *mec* (*mēc?*) 'меч' (там же) [15], чеш. *meč* 'меч' и производные значения (Jungmann II, 411), словац. *meč* (SSJ II, 118), ст.-слав. мечь, м. 'меч', μάχαιρα, ξίφος, ῥομφαία (Slovník jaz. stsl. II, 204), болг. *меч* 'нож, сабля, меч' (Геров III, 62), 'старинный воинский длинный обоюдоострый нож' (РБЕ II, 73), макед. *меч* 'меч' (Конески I, 412), др.-серб., серб.-ц.-слав. *мьчь* («ѡть сьмртьнонаго же мьча». Житие св. Саввы; ср. еще запись от 1330 г.: «Богдан мчаларь» — о деченском мастере по изготовлению мечей) [16], с.-хорв. *мâч*, м. 'меч' *ensis* (Iveković—Broz I, 650, RJA 24, 349), словен. *mẹ̀č*, род. п. *mẹ́ča* 'меч' (Pleteršnik I, 559).

Этот славянский термин связывают с готским *mēki* (им. пад. **mēkeis*) 'меч', встречающимся лишь однажды (в Ephes. 6. 17) в вин. пад. ед. ч., далее — с др.-сакс. *māki*, др.-англ. *mēce*, др.-исл. *mǣker* 'меч' (Balg 275) [17]; из готского финское *miekka* 'меч' (Berneker II, 30; Фасмер II, 612), сюда же карел. *миэкку* 'меч' [18]. Ср. еще тур. *mäč* (Радлов IV, 2106, с пометой: «из слав.») и лит. *mečius* 'меч' — также из славянского (Фасмер II, 613).

Слав. *мечь* (и *мьчь*) нередко возводили к гот. **mēkeis* (Meillet. Études, 184; Младенов, 295 — с оговорками [19]), но тогда трудно объ-

яснить *ē* > *е* или *ь*. Само германское слово лишено достоверных родственных связей, и возникло предположение о неисконности славянской и германской групп соответствий (см., например: Фасмер II, 613 [20]) и о неизвестном общем для них источнике заимствования, например, кельтском, дакском, сарматском (Berneker II, 30) [21], кавказском [22]. Так, по К. Г. Менгесу, гот. *mēki*, слав. **mečь* из дидойск., капуч., арчин. *mača* 'сабля', даже вопреки тому, что кавказская аффриката не могла быть источником для готского велярного: «Буква *k* в этом готском слове могла служить просто графической передачей — не обязательно совпадающей с живым произношением славянского *ч* из кавказского *č* или же кавказского *č* в случае прямого заимствования» [23]. Если это так, то непонятно, почему германские термины последовательно писались черес букву *k*, а не *t* (*mēti*, *māti*, *mæter*), что как будто лучше бы передавало аффрикату *č* (слав. *ч*); необъяснимо и редк. стар. польск. *miekut* 'меч', которое вряд ли можно отделять от слав. *mečь*, гот. *mēki*.

Скорее наоборот: кавказ. *mača*, *mīča* «могли быть заимств. из слова *мечь* через тюрк. (ср. тур. *mäč*) из слав.» (Фасмер II, 613). К. Г. Менгес возражает: «. . . не может быть и речи . . ., чтобы в языке народов, известных во все эпохи работами по металлу и изготовлением оружия, для обозначения того предмета, который имеется у них во всех своих разновидностях, использовалось бы иноязычное заимствованное слово» [24]. Здесь К. Г. Менгес говорит об оружии вообще, не конкретно о мечах. Но то, что турки заимствовали слав. *меч* (*mäč*), утверждают сами тюркологи (Радлов); от турок-завоевателей жители отдельных кавказских провинций и могли перенять этот термин. В «Повести о Дракуле» (по списку XV в.) мы имеем свидетельство, что турки использовали мечи еще в XV в. (Дракула, вооруженный мечом, был принят в бою за турецкого воина). Упускается из виду и удивительная техника выделки мечей высокого качества в древности именно в Центральной Европе (латенская культура), откуда были заимствованы мечи с длинным клинком (spatha, Schlachtschwert) воинственными римлянами периода империи [25].

Вряд ли приемлема и высказанная еще в 1875 г. и недавно осторожно повторенная версия о заимствовании славяно-германского термина из груз. *máχva* 'острый; меч', лезг. *maχ* 'железо' [26]: вокализм этих слов «представляет трудности» (Фасмер, II, 613).

С памирскими терминами рушанским *mēδǰ*, шугнанским и сарыкольским *mīδǰ* 'сабля, шашка; запоясный нож' сближает готское *mēki* О. Семереньи, выводя славянское *мечь* из готского. История названных восточноиранских языков, как сформировавшихся с определенными отличительными чертами, начинается с VIII—IX вв. н. э., а готское *mēki* засвидетельствовано в IV в. н. э., и речь может идти о заимствовании готами лишь из более древних, чем *mēδǰ*, *mīδǰ*, прототипов этих терминов, не обнаруженных в древне- и среднеиранских языках — из праформ **maδjaka*, **mēδkī* 'талия, пояс' → 'что-либо привязанное к поясу', где **mēδkī* > **mēkkī* > **mēkī* — источник заимствования [27]. Преобразование **mēδkī* > **mēkkī* автор, впрочем, не подкрепляет какими-либо иранскими аналогиями с ассимиляцией

$\delta > k$ перед *k*. Автор не принял во внимание польск. редк. стар. *miekut* 'меч', очевидное или весьма вероятное родство которого с *мечь*, гот. *mēki* нужно безоговорочно исключить для фонетической правдоподобности версии о заимствовании гот. *mēki* из восточноиранского, с последующей передачей заимствования славянами.

Неясны и пути заимствования. Если иран. **mēkī* (> гот. *mēki*) «было, несомненно, привезено странствующими купцами из Западной Сибири» [28], а слав. *меч* заимствовано только из др.-герм. источника [29], то это выглядит несколько искусственно.

Кроме того, оружейные термины обычно «переносятся воинами и пленными» (Machek[2], 357), а не купцами. Нет необходимости исключать возможность заимствования оружейных терминов по линии торговли, но это нетипично и для важнейших военных терминов, как *мечь*, *mēki*, неприемлемо. Характерно, что из заимствованных названий оружия, например, в русском языке XI—XVII вв., мы имеем больше всего германских, польских и тюркских слов или слов, пришедших через эти языки; в болгарском — турцизмов, древних германизмов, русизмов и т. д., т. е. оружейные термины заимствуются непосредственно от тех народов, с которыми имеются военные контакты, чаще всего многократные, длительные, в форме войн или военных союзов (в последнем случае заимствование идет обычно в направлении от более сильного и авторитетного союзника к другому.

Этимологическая версия О. Семереньи не помогает выяснить вопрос, почему гот. *mēki*, др.-англ. *mēce*, др.-исл. *mǣker*, др.-сакс. *māki* исчезли, а славянские слова *mečь*, *mьčь* > *мӑч* сохранились. Между тем вообще этимология и история заимствований, как известно, переплетаются, и историко-лексикологические данные здесь важны.

Слав. (др.-серб.) **mьčь* О. Семереньи считает первоначальной общеславянской формой (аналогично: Miklosich 208; Skok II, 345), исходя из отражения результатов раннего падения редуцированных в старославянских памятниках, что сомнительно: написание мьчь обнаружено лишь в сербских церковнославянских и хорватских глаголических памятниках при регулярном ст.-слав. мечь (Slovník jaz. stsl. II, 204). Кроме того, падение редуцированных в восточнославянских языках происходило приблизительно во второй половине XII в.[30], однако во всех древнерусских памятниках, включая датируемые XI веком, встречается последовательно выдержанное написание *мечь*. Форма **mьčь* является исходной лишь для древнего сербохорватского. О несостоятельности других этимологических версий (например, о связи слав. *mečь*, гот. *mēki* с лат. *mactō*, *-āre* 'убить, зарезать' или об их родстве со ср.-перс. *māgen* 'меч', а также о неоправданном сближении готского *mēki* с и.-е. корнем **(s)mēi-*, представленным в греч. σμίλη 'нож', др.-инд. *mékhalā* 'портупея', лит. *smaĩgas* 'дубина', лтш. *šmiga* 'палка, жезл') см.: Feist [3] (1939), 353; Фасмер, II 613; Fermeglia G. Op. cit., 124.

Возможно, в вопросе об этимологии слав. *mečь* (и *mьčь*), гот. *mēki* и проч. не лишне учесть, что «клинковое оружие издревле носило название б е л о г о оружия (разрядка наша. — *Г. О.*), blanke Waffe, arme blanche, armi blanche. О светлом блеске мечей говорит

древняя сага, упоминая о нем, как об источнике света в чертоге Водана»[31]. В средневерхненемецком эпосе XIII в. «Песнь о Нибелунгах» упоминается чудесный сверкающий меч Вельзунга и Зигфрида — Нотунг. Светлый, «белый» тон блестящего клинка позволил миннезингеру вложить в уста Роланда слова: «E! Durendal cum es e clere e blanche!»[32] («О! Мой Дурендал [меч], какой ты светлый и белый!»).

По наблюдению В. В. Арендта, эпитеты в древности неотъемлемы от оружия, и в средние века слово, обозначающее 'меч', обычно заменяется у европейцев его эпитетом. Таково др.-исл. *brandr*, др.-англ. *brand*, др.-в.-нем. *brant*, нем. *Brand* — с первоначальным значением 'головня, горящий на ветру факел' и затем поэт. 'меч (сверкающий)', образованное от герм. *brennen* 'жечь, палить, обжигать'. Из герм. *brant*, *brand* заимствовано ст.-франц. *brant* и поэтич. итал. *brando* 'меч' (Buck 1393, Grimm 2, 294)[33], франц. *brandir* (l'épée) 'потрясать, размахивать (мечом)'. Переводом нем. *Brand* на рус. было слово *пламенник* (после XVII в.) в Описи Московской оружейной палаты: «Меч пламенник немецкий XVI века» (неоднократно и всегда с уточнением «немецкий»)[34].

С появлением в германских языках преимущественно поэтического исконного *brand* 'меч' (например, в английском — с 1000 г.; в готском оно не отмечено [Grimm II, 294], будучи сравнительно поздним новообразованием) из этих языков исчезает, бесспорно более древний заимствованный термин англ. поэтич. *mēće*[35], др.-сакс. *māki*, др.-исл. *mǣker*, следовательно, семантически и по употреблению слова обоих рядов были очень близки между собой.

Полагают, что эпитет *brand* (*/-t*) «взят. . . от производства и понимался в свое время, вероятно, как 'рожденный пламенем; вышедший из пламеобработки; пламенный'»[36].

В немецких и английских словарях *Brand* 'меч' дается как вторичное от *Brand* 'головня, горящий факел', что очень интересно в связи с одним из древних европейских способов закаливания мечей — холодными струями воздуха: всадник садился на коня, брал в руку раскаленный меч, держа его поднятым вверх, как горящий факел, и в таком положении скакал на лошади во весь опор до полного охлаждения клинка[37]. Такая техника закаливания клинков должна была быть характерной в первую очередь для народа, славившегося как производством мечей, так и верховой ездой, откуда эта техника могла распространиться дальше. Таким народом в древности были в Европе кельты, от которых не случайно заимствованы названия лошадей славянами (*конь* < кельт. *konko*, по этимологии О. Н. Трубачева[38]), немцами (ср. термин *Pferd*, в формировании которого, как известно, большую роль сыграл кельтский элемент).

Отметим, что «собственно кельтские мечи были длинными», а в латенское время, в IV—III вв. до н. э. (ср. крупный склад длинных кельтских железных мечей, найденных у поселения La-Tène в Центральной Европе), они получают еще большую величину[39]; длинный же меч — оружие конника, для пехотинца он неудобен[40].

Известно, что кельты внесли исключительный вклад в европейскую металлургию и металлообработку, судя уже по их оружию, и прежде всего мечам, панцирям и т. д.[41] Как подчеркивает О. Н. Трубачев, «археологи прямо связывают с кельтами обычай (известный и у славян! — *Г. О.*) сгибания загробных даров и прежде всего — оружия, мечей. Невольно при этом вспоминается лексическая группа слав. **gybnǫti*, **gybělь* 'гибнуть; гибель' из первоначального 'сгибать; сгибание'» [42].

Если германцы, а через них славяне заимствовали у кельтов название нагрудного панциря (др.-в.-нем. *brunja*, праслав. **brъn'a*) [43], то не приходится удивляться и заимствованию ими у кельтов названием меча, по-видимому, одного из его эпитетов, ср. кельтскую глагольную основу *mecc-*, родственную лат. *micāre* и возводимую к и.-е. **meịk-*, **mik-* 'сверкать, искриться' (Vendryes 2, M-26), ср. брет. *mecet*, *micet* 'сверкать, блестеть, искриться', откуда *andemecet* 'честь, достоинство' и имя собственное *Kenmicet* (Fleuriot, 252), галльск. *ed-mygu* 'любоваться', *myged* 'восхищение' (Vendryes, там же), ирл. *de-mecimm* 'перетирать, портить' (Fleuriot, 256).

Окончания глагола *mecet*, *micet* ввиду их изменчивости, при таком их сближении с *мечь* и *mēki*, могут и не приниматься в расчет. Ср., кроме того, собственные галльские имена *Meccius* (на территории древней Бельгии) и *Maecius* (на территории Германии) [44], фонетически и территориально близкие готскому **mēkeis*, им. пад. Ср. еще древние кельтские имена собственные *Mici-o*, *Micia*, *Mic-ius* [45].

В отдельных случаях в качестве названия меча кельты, возможно, употребляли причастие настоящего времени от глагольной основы *mecc-* с помощью суф. *-nt* с предшествующим ему гласным непереднего ряда: **mec(c)ant* (или **mec(c)ont*) 'сверкающий', откуда уже приводившееся польск. редкое старое (конец XVII—первая половина XVIII в.) *miekut* 'меч' — возможно, из чешского после деназализации в последнем носовых гласных или же из польских диалектов, переживших деназализацию носовых.

Чередование корневого *e/i.* в кельт. *mecet/micet* облегчает объяснение двух славянских форм *mečь* и *mьčь* (< *mĭčĭ*), при этом возможность заимствования формы *mečь* непосредственно из гот. *mēki* мы не исключаем, учитывая, в частности, то, что фонематическое значение долготы гласных в готском, как отмечает и поддерживает это О. Семереньи, по результатам новейших исследований ставится под сомнение [46]. С приходом кельтов в Центральную Европу (Чехия, южная часть нынешней ФРГ) возник симбиоз их с местным населением (во 2-ой половине I тыс. до н. э.), который временами прерывался военными столкновениями между обеими сторонами. В результате этих столкновений часть славян была вытеснена на север, на территорию нынешней Польши. В военных контактах у кельтов со славянами и германцами длительное время приоритет был за кельтами, что создало наилучшие условия для рассматриваемого нами заимствования.

То, что славяно-германский термин в таком случае заимствовап из кельтского эпитета меча, а не из другого его названия (ср. ирл.

claideb, уэльск. *cleddyf* 'меч' и т. д. или ирл. *colg*, брет. *kalc'h* 'менее общее название меча' — Buck, 1392—1393), имеет надежную аналогию: ит. *brando* и ст.-франц. *brant* — из герм. эпитета *Brand*, хотя нем. *Schwert* 'меч', насколько известно, в романские языки не заимствовалось.

Когда военный авторитет кельтов в глазах германцев упал, особенно в IV—VI вв. н. э. при захвате германцами большей части Западной Римской империи, в которую входили покоренные Римом в I в. до н. э. кельты, потеряло актуальность, а затем и исчезло из германских языков это заимствование, слабо засвидетельствованное (единственный раз) уже в IV в. н. э. — в готском. В условиях очень длительных языковых контактов с кельтами, продолжающихся, как известно, и поныне, германцы создали и активизировали по образцу слова **mekeis* свой исконный эпитет меча *Brand*. Славяне же не покоряли кельтов и вместе с тем сохранили термин *мечь*.

---

[1] ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: F.I.1. XVI в.

[2] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли. IX—XIII вв. М.—Л., 1966, 41.

[3] ЦГАДА, ф. 381, Библиотека Синодальной типографии, № 1792, л. 85.

[4] См. также: *Шкриванич Г.* Оръжието в средновековна Сърбия от началото на XV в. до нейното падане (1459). — В кн.: Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна. София, 1969, 201.

[5] *Шкриванић Г.* Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, 1957, 35.

[6] Библия. Острог, 1581.

[7] Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. XVI. М., 1974, 587—588; *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. — В кн.: Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 4, 1946, 3—10; *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв. — В кн.: Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия. I, 1947, 80 и сл.; *Он же.* Вооружение новгородского войска. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 6. 1946, 557; *Кирпичников А. Н.* Русское оружие ближнего боя. (X—XIII вв.). Дис. канд. истор. наук. Л., 1963, 236, 239; *Bochnak A.* Nazwy białej broni w języku polskim i francuskim. — JP LV, N 5, 1975, 364.

[8] *Востоков А. Х.* Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий. СПб., 1843, 293.

[9] Там же; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, 291.

[10] Ссылка в кн.: *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969, 284 — на русскую фамилию *Мечников* должна учитываться с некоторыми оговорками. Если речь идет об известном бактериологе И. И. Мечникове, то он является прямым потомком Георгия Штефана Спэтарула (George Ştefan Spătarul) румына, эмигрировавшего в Россию вместе с Д. Кантемиром в 1711 г. Третий элемент его собственного имени указывал на придворный в Молдавии титул, означавший 'меченосец'. Ср. того же происхождения известную фамилию *Спафарий*, на что обратил внимание автора статьи О. Н. Трубачев. Г. Ш. Спэтарул перевел свой титул на русский, и соответственно стал именоваться Юрий Степанович Ме́чник, см.: *Unbegaun B. O.* Russian surnames. Oxford, 1972, 362. — Однако сама замена *Спэтарул* на *Мечник* свидетельствует о достаточной известности термина *мечник* в русском языке начала XVIII в.

[11] *Львов А. С.* Старославянское ли слово *мечьникъ*? — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, 180—184.

12 *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 76. — Слово *мечьникъ* образовалось при помощи суф. *-ик-ъ* от прилагательного *мечьныи*, активного в памятниках именно XI—XIII в., тогда как его словообразовательный синоним *мечевои* становится активным лишь в XIV—XV вв. См.: *Зверковская Н. П.* Параллельные прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ьн-*. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966, 229.

13 *Арсеньев Ю. В.* и *Трутовский В. К.* Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911, 312; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 282; Советский энциклопедический словарь. М., 1980, 809.

14 Так характеризовал это слово уже А. Будилович, см.: *Будилович А.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. 2, 1. Киев, 1885, 5.

15 См. также: *Shevelov G. Y.* A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, 457; *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, 134.

16 *Шкриванић Г.* Оружје. . ., 199—200.

17 См. также: *Holthausen F.* Gotisches etymologisches Wörterbuch mit Einschluss der Eigennamen und der gotischen Lehnwörter im Romanischen. Heidelberg, 1934, 70; Feist [1] 192; Meillet. Études, 184.

18 *Макаров Г. Н.* Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 1976, 67.

19 См. также: *Lottner C.* Ausnahmen der ersten Lautverschiebung. — KZ XI, 1862, 174; *Uhlenbeck C. C.* Die germanischen Wörter im Altslavischen. — AfslPh XV, 4, 1893, 489; *Веселовский А. Н.* Из истории древних германских и славянских передвижений. — Изв. ОРЯС V, 1, 1900, 22; *Brückner A.* Cywilizacya i język. Warszawa, 1901, 24—25; *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. II. Jena, 1906, 109; *Kostrzewski J.* Les Origines de la Civilisation Polonaise. Paris, 1949, 340; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, 374; *Шкриванић Г.* Оружје. . ., 35; *Bochnak A.* Op. cit., 364; *Skok* II, 345—346 (с допущением кавказской этимологии).

20 См. также: *Sławski F.* [Рец. на кн.:] С. Младеновъ. Етимологически и правописенъ речникъ. — RS XVI, 1, 1948, 92; *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, 217: не исключается заимствование в готском из славянского; иначе см.: *Fermeglia G.* Note in margine al lessico slavo. — In: Att del sodalizio Glottologico Milanese. Milano, 1979 (1981), vol. 21, 123—124: слав. *mečĭ* (*mĭčĭ*), не заимствованное из германского, и гот. *mēki* восходят к одному неизвестному источнику [предположительно к и.-е. корню **mē-*: гот. *mēki* < **mē-g-i̯o-*, слав. *mečĭ* (и якобы вторичный, возникший вследствие редукции *e* > *ĭ*, вариант *mĭčĭ*) < **me-qᵘi̯o*].

21 См. также: *Соболевский А. И.* Рец. на кн.: С. Младеновъ Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици (отпечатано от СбНУ XXV. София, 1910). — ЖМНП, 1911, май, 161. (В связи с гот. *mēki*, слав. *мечь*: «Надо иметь в виду, что германцы и славяне имели соседями одни и те же народы — кельтов, даков и сарматов»).

22 *Kiparsky V.* Op. cit., 138; *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, 198—202.

23 *Менгес К. Г.* Указ. соч., 199.

24 Там же, 200.

25 Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 282; Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Леера Г. А. V, 1. СПб., 1890, 158.

26 *Shevelov G. Y.* Op. cit., 169.

27 *Szemerényi O.* Germanica I (1—5). — KZ 93, 1, 1979, 110—111.

28 Там же, 112.

29 Там же, 114—117.

30 *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, 178.

31 *Арендт В. В.* О «мечах харалужных» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности ак. А. С. Орлова. Л., 1934, 340.

32 La chanson de Roland et le roman de Roncevaux des XII-e et XIII-e siècles. Paris, 1869, 71 (куплет № CLXXII).
33 См. также: The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. Complete Text Reproduced Micrographically. I. Oxford, 1980, 1055 (англ. *brand* 'меч' зафиксировано с 1000 г. и характеризуется как поэтическое по своему употреблению, «хотя в нынешнем (XX) столетии писатели-романисты используют это слово в прозе как архаизм»); *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana, II. Torinese, 1962, 358.
34 Опись Московской оружейной палаты, IV. 3. М., 1885, 75, 76.
35 *Campbell A.* Old English Grammar. London, 1959, 51.
36 *Арендт В. В.* Указ. соч., 341.
37 Подчеркивая древность такого способа закаливания клинка, В. В. Арендт добавляет: «Прием этого рода использовался еще не так давно на Кавказе, о чем мне любезно сообщил Е. В. Крупнов, сделавший запись об этом во время экспедиции Ингушского научно-исследовательского института краеведения в Горную Ингушетию в 1929 г. в ауле Эрзи» — там же, 341.
38 *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, 5, 10—11.
39 Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. XIX. СПб., 1896, 227—228; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 283. Ср. характеристику кельтских мечей среднего и позднего латенского периода в кн.: *Neustupný E.* and *J.* Czechoslovakia before the Slavs. London, 1961, 148: «Оружие (кельтов. — *Г. О.*) также было сделано из железа; прежде всего длинные обоюдоострые рубящие и колющие мечи, заключенные в ножны с декоративной оправой, и листовидные наконечники копий». (В разделе «Middle and Late La Tène: The Celts»).
40 *Рабинович М. Г.* Вооружение новгородского войска. . ., 558.
41 *Тиханова М. А.* Кельтская проблема в современной археологии. — В кн.: Кельты и кельтские языки. М., 1974, 10—11.
42 *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11, со ссылкой на Słownik starożytności słowiańskich I, 228, и работу Третьякова П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, 132—134. О перегнутых пополам мечах в восточнославянских могилах см. также: *Корхузина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. — СА XIII, 1950, 81—89; *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье. — СА XXIII, 1955, 131—143.
43 *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11.
44 *Whatmough J.* The Dialects of Ancient Gaul. Prolegomena and Records of the Dialects. Cambridge, 1970, 749, 967. — На эту работу любезно обратил внимание автора статьи В. П. Калыгин.
45 *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. II. Graz, 1962, 583.
46 *Szemerényi O.* Op. cit., 114 с литературой.

И. Г. Добродомов

ТРИ НЕВЫЯВЛЕННЫХ ТЮРКИЗМА РУССКОГО СЛОВАРЯ

(тюбяк, тюря, бандура)

Ведущиеся с первой половины XVIII в. исследования по обнаружению тюркизмов русского языка, успешно начатые В. Н. Татищевым и продолженные в дальнейшем многими русистами и тюркологами вплоть до наших дней, получили суммированное отражение в «Словаре тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой (Алма-Ата, 1976, 444 с.). Однако материал, обобщенный в этом словаре, требует

уточнений и дополнений, поскольку отдельные тюркские по происхождению слова пока остаются не соотнесенными со своими оригиналами, ибо те древние языки южнорусских степей, из которых заимствовались многие тюркизмы (половецкий, печенежский и др.), нам известны весьма плохо. Это последнее обстоятельство затрудняет выявление отдельных тюркизмов, которые в качестве таковых в этимологических разысканиях пока не рассматриваются. В данных заметках высказаны соображения в пользу тюркского источника для двух слов и предположение о тюркском посредстве в заимствовании из аланского источника третьего слова с учетом и его более глубокой предыстории. Поскольку многие из заимствований имеют характер бродячих слов, широко распространенных в целом ряде языков внутри своеобразных регионов, для выяснения сложных путей миграции подобных слов приходится использовать материал многих языков, где эти бродячие слова представлены. В связи с этим третья заметка начинается с вопроса о чеченском названии музыкального инструмента *pondar* и лишь в конце касается восточнославянского (преимущественно украинского) музыкального термина *бандура* и его этимологических дублетов в русском языке.

Изучение по письменным источникам истории проэтимологизированных слов, составляющее особую задачу, решение которой пока еще слабо подготовлено, может внести известные уточнения в предлагаемую схему, которая опирается лишь на возможности внутренней реконструкции истории слова с учетом относительной хронологии явлений в фонетической истории слова.

тюбяк

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера (Фасмер IV, 134) приведено темное, по мнению автора, казанское слово *тюбя́к* ‘влажный участок земли около леса, заросший сорняком’ [1].

Своей фонетической стороной (*тю-/*) слово ясно говорит о его иноязычном происхождении, что следует выяснять на основе языков соседних народов, но решение вопроса сразу же наталкивается на неполноту словарных данных, которыми может располагать исследователь.

Ничего не дает обращение к большому «Татарско-русскому словарю» 1966 г., где есть устаревшее слово *төбәк*, весьма подходящее фонетически для объяснения загадочного русского диалектизма *тюбяк*, но оно толкуется как ‘район’ или ‘участок (деление судебных органов)’, что не подходит для объяснения рус. *тюбяк*. При этом второе значение татар. *төбәк* оказывается не вполне ясным.

Мало помогает и «Диалектологический словарь татарского языка», где слово *төбәк* отмечено для говора уральских татар Пермской области, а также для бирского говора Башкирии в значении ‘один конец деревни’ и для мензелинского говора в значении ‘чья-либо сторона’ (в темниковском говоре ему соответствует диалектизм *йага* ‘сторона’) [2].

Недавно вышедший третий том «Толкового словаря татарского языка» слово *төбәк* трактует почему-то как два многозначных омонима:

төбәк I 1) ʻподземельеʼ; 2) ʻчасть республики, края, области или большого города; районʼ; // ʻконец населенного пункта, улицаʼ; 3) *разговорн.* ʻцентр страны, области, района и т. п. — город или большой населенный пунктʼ.

төбәк II *диалектн.* 1) ʻоткрытое место в лесу, полянаʼ; 2) *старин.* ʻдно колыбелиʼ [3].

Слово имеет параллели в других тюркских языках: башкирск. *төбәк* 1) ʻизлучина (реки)ʼ; 2) *диалектн.* ʻучасток, район, местоʼ [4]; *диал төбәк* ʻполянаʼ (литер. *аҡлан*), ʻокрестностиʼ [5]; каракалп. *түбек* 1) ʻгоршочек, прикрепляемый к люльке ребенка, для стока мочиʼ; 2) переносно: ʻглушь; отдаленный, глухой (о месте)ʼ [6]. Есть подобные слова и в других тюркских языках.

В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (т. III. СПб., 1905, 1599) из этого гнезда приведено лишь два казахских омонима: [1]*тӳбӧк* ʻмаленький луг, полуостров (на реке)ʼ и [2]*тӳбӧк* ʻкошма, которую кладут в люлькуʼ, что сохранено и в двухтомном «Толковом словаре казахского языка», но подано в ином порядке: *түбек* I ʻкошма, которую кладут в люльку ребенкаʼ и *түбек* II ʻполуостровʼ [7].

Как видно из изложенного, недостаточная полнота старых тюркских словарей и неполнота их определений весьма существенным образом отражалась на этимологизации русского слова, которое удалось объяснить лишь на базе материала стремящегося к полноте «Толкового словаря татарского языка» как заимствование из татарского языка.

тюря

В последнем выпуске «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского рассматривается слово *тю́ря* ʻрод хлебной окрошки с водой или с квасомʼ с производными *тю́рька* ʻразмоченный горячей водой с сахаром белый хлеб для детейʼ; *тюрить* ʻкрошитьʼ; *втю́рить* ʻвсыпать; вовлечь, втравить (особ. во что-л. неприятное)ʼ; часто *втю́риться* ʻсильно влюбитьсяʼ и белорусским соответствием *цюра́* (Носович, 694). Этимологические соображения Преображенского остались неутешительными: «Неясно. По Н. В. Горяеву (Сл., 383), к *тереть*. Значение могло бы согласоваться, но в звуковом отношении затруднительно; от *тереть* было бы **тёря* (ср. *тёрка*) или **торя* (ср. *отбо́ря* при молотьбе). К *тереть* у нас есть *тёрево* ʻвынутая из-под терки свекловицаʼ и обл. кстрм. *тетеря* ʻтюряʼ . . .; *тюря*, *цюра* напоминает лит. *týras* или *tỹrė* ʻкашаʼ. Не заимствовано ли наше *тюря* из лит. (Относ. лит. *týras* и нашего *терево* ср.: P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala — Leipzig, 1912, 462 и д.» (Преображенский. Окончание, 31).

Нерешительные соображения Преображенского о балтийском происхождении русского слова *тюря* не могут быть приняты, поскольку долгое литовское *ī* (орфограф. *y*) не могло быть передано как

русское *у* с предшествующей мягкостью (орфограф. *ю*) [8]. Кроме того, семантическое отожествление тюри с кашей также выглядит натяжкой.

М. Фасмер почему-то совсем не обратил внимания на балтийскую этимологию Преображенского, ошибочно приписав ему совсем другие, но тоже маловероятные сближения и указав на территориальную ограниченность слова нижегородскими и казанскими говорами со ссылкой на Даля (хотя у последнего слово дано без территориальных ограничений), а также на южновеликорусские говоры со ссылкой на РФВ. 75, 239: «Едва ли связано с *тереть* (Горяев, 383), но едва ли также родственно греч. τῡρός м. 'сыр', др.-инд. *tūras*, авест. *tūiri* — ср. р. 'створожившееся молоко' вопреки Преображенскому (Труды I, 31)» (Vasmer III, 165, Фасмер IV, 137). Однако в указанном месте у Преображенского, как видим, содержалось совсем другое предположение.

Тем не менее в последнее время этимологические соображения о зависимости русского *тюря* от литовского *tỹrė* 'каша' получили вне связи с именем Преображенского широкое распространение в лингвистической литературе [9], и слово *тюря* стало рассматриваться без всяких оговорок в качестве литовского заимствования русского и белорусского языка.

Ю. А. Лаучюте, специально занимавшаяся сбором и выявлением (без особой, впрочем, дифференциации) балтийского вклада в славянских языках, к традиционному материалу добавила ряд новых данных: блр. *цурá* и диал. (копыльск.) *цюра*, а также рус. псков. *тюрé* 'холодный суп из сухой рыбы, лука, хлеба, льняного масла', оставив их без объяснения, которое было бы особенно желательно по поводу несколько неясной белорусской литературной формы *цурá*. Псков. *тюрé* можно было бы объяснить влиянием созвучного *пюрé*. Вырос у Ю. А. Лаучюте и материал балтийских языков: наряду с лит. *tỹrė* привлечены лтш. *ķura* 'суп из корок хлеба', *čuruls* 'еда из воды, хлеба и лука', хотя эти формы едва ли стоит ставить в один ряд из-за семантической несопоставимости литовских и латышских слов также при их значительном фонетическом различии. Заслуживают внимания сомнения в итоге: «Хотя большинство исследователей источником заимствования считает литовский язык, однако фонетически и семантически к славянским формам ближе слова латышского языка» [10]. Эти справедливые слова требуют уточнения в том плане, что латышские слова следует рассматривать как заимствование из русского (или белорусского), а лит. *tỹrė* 'каш(иц)а' вообще сюда не относится ни семантически, ни фонетически, как это было показано раньше в комментариях к гипотезе А. Г. Преображенского.

Важно учесть также мнение Г. Ф. Вешторт о том, что белорусские названия для кушанья из хлеба, покрошенного в воду или квас с солью и маслом, типа *цурá*, *цюра* (наряду *мурцоўка*, *рулі*, *мочё(у)нки*, которые известны также и русским говорам) на основании данных лингвистической географии должны рассматриваться как заимствования из русского языка [11], хотя для русского *тюря* Веш-

торт принимает традиционное заблуждение о литовском происхождении русского слова.

Для определения этимологии слова *тюря* представляется важным учесть, что существенным компонентом соответствующего кушанья является к р о ш е н ы й хлеб.

В качестве первоисточника в этом случае гораздо лучше рассматривать тюркское название для крошки *тӱйӱр* в стяженной форме типа **тӱ̄р*, аналогичное представленным в современных тюркских языках типа ногайск. *туьйир* 'крошка, крупица, крупинка' (и переносно: 'немного, ничтожно мало'), башк. *төйөр* 'комок, комочек; желвак'), каракалп. *түйир* 'сгусток, комок; содержание, сущность', казах. *түйір* 'крошка, крупинка'. Следует отметить, что в лексике казахских рыбаков Аральского и Каспийского морей слово *түйір* обозначает кушанье из рыбного отвара с крошеным хлебом и луком [12].

Тюркское кыпчакское существительное *тӱйӱр* 'крошка, крупинка' представляет собой редкое отглагольное образование с суф. *-(ӱ)р* от широко распространенного в тюркских языках глагола *тӱй-* со значением 'толочь, дробить, крошить, ломать, рубить (на мелкие части) и т. д.': казах., каракалп. *түй-*, ногайск. *туьй-*, кумык. *тюй-*, узб. *туй-*, новоуйгур. *түгү*, татар., башк. *төй-*, азерб. *дөй-*, туркм. *дөв-*, тур. *döv-*, чуваш. *тӗв-* ∽ *тӳ-* и т. п. (Егоров, 264) [13].

В заключение представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что русское название крошева *тюря* генетически связано с тюркским **тӱ̄р* (из *тӱйӱр, тӱйир*) 'крошка' > 'кушанье из крошеного хлеба с водой', что русское слово впоследствии проникло в латышский и белорусский языки и что к литовскому *tỹrė* 'каша' оно никакого отношения не имеет. Здесь же можно поставить вопрос об отнесении сюда неясных русских диалектизмов: курск. и орл. *тюхтя* 'простокваша с подболткой гречневой муки' (Даль [2] IV, 452), а также колым. *туру́ша* 'вид кушанья из рыбы' (Фасмер IV, 125 со ссылкой на Богораза), псков. *тюбка, тюпка* 'тюря, тюрка на квасу, окрошка' (Даль [2] IV, 450, 451). Для последнего следует также отметить параллель — блр. *цюпкі* 'еда из крошеного хлеба в молоке' (Бялькевіч, 485).

Для Ю. А. Лаучюте осталась неизвестной попытка этимологизации рус. *тюря*, высказанная В. И. Абаевым в связи с осетинским названием жирного супа с мясом *turæ* (ирон.), *tura* (дигор.) (часто в сочетании *turæ bas*, где *bas* 'суп'): «Названия блюд легко переходят с одного на другое, и не следует удивляться, что в других языках это название применяется к молочному, а не мясному блюду: авест. *tūiri-* 'створожившееся молоко', греч. τῡρός 'творог', 'сыр', βούτυρον 'коровье масло' /. ./. Из северноиранского идет, возможно, рус. *тюря* 'похлебка из воды с крошеным черным хлебом, часто на квасе и луком'. Груз. (рач.) *tiori* название блюда (сообщение Ш. Дзидзигури) примыкает к дигорскому. Не ясно, как относится сюда тюркская группа *toraq* и пр. (Räsänen, 490), рус. *творог*, венг. *túró* 'творог'» (Абаев III, 319). Соображения В. И. Абаева едва ли могут быть приняты, прежде всего, по причинам семантическим, а также

и по фонетическим — из-за невозможности без дополнительных фактов объяснить мягкость согласных в русском слове даже по образцу груз. диал. *tiori*, поскольку аналогии нам неизвестны.

бандура

Разбирая судьбу хатт. *zinar*, употребляющегося в составе сложных слов, обозначающих музыкальные инструменты, в связи с аккадским обозначением лиры *zannaru* (инструмент богини Иштар) и хетт. *ippi-zinar* 'небольшая лира', которые рассматриваются в качестве хаттских заимствований, Вяч. Вс. Иванов привлекает сюда ряд северокавказских лексем: «Хатт. *zinar* во второй половине сочетания может фонетически соответствовать о.-адыг. *$P\check{c}^{h'}$ *эпа* кабард. *пшынэ* 'гармоника' (с возможным падежным окончанием *-р*), абхаз. (*а*)-*пхъь*-(*рца*) 'скрипка': где, судя по убых. *t°anə́* 'любой музыкальный инструмент' и общедагестанскому названию инструмента с начальным *$\check{s}w$- (авар. *швантIuxx* 'свирель' и т. п.), начальный губной согласный (как и в родственном нахском слове: чечен. *пондар* 'горская балалайка') может быть древним префиксом, либо результатом позднейшего развития, вызванного ранней делабиализацией начального комплекса, в хаттском уже осуществившейся» [14].

Не входя в анализ всего материала, где многое построено пока на соображениях ad hoc и нуждается в дополнительных аналогиях, которые пока еще не обнаружены, и не касаясь рискованности несколько поспешного подхода к названиям музыкальных инструментов в современных кавказских языках как к исконным лексемам, представляется необходимым решительно отделить от данного проблематичного ряда чеченское название горской балалайки *пондар*, поскольку оно явно входит совершенно в другой ряд миграционных (бродячих) терминов в связи с осетинским довольно универсальным названием музыкальных инструментов (скрипка, балалайка; гармоника, лира) *фæндыр* (дигор. *фæндур*). Осетинский термин получил хорошее этимологическое освещение В. И. Абаева: «Культурное слово, представляющее значительный исторический интерес. Свидетельствуется у греческих авторов со II в. н. э.: греч. πανδοῦρα 'трехструнный музыкальный инструмент, тип лютни' (Athenaeus), πάνδουρος (Athenaeus), φάνδουρος (Nicomachus Gerasenus. Harmonicum Enchiridium 4), πανδούριον. πανδοῦρις (Hesychius). Считают, что слово идет из Малой Азии из лидийского языка (de Lagarde. Gesammelte Abhandlungen, 1866, с. 274). Через греческий прошло и в некоторые европейские языки: лат. *pandura*, итал. *pandora*, *mandora* (откуда в дальнейшем итал. *mandolina*, франц. *mandoline*). На север от Малой Азии область распространения слова охватывает Кавказ и южную Россию. Помимо осет. *fændyr*, ср. арм. *pandir*, груз. (диал.) *panduri*, сван. *pandvir*, туш. *pandur*, чечен. *pondur*, ингуш. *pondær*. Сюда же укр. *банду́ра*, польск. *bandura*. Для датировки бытования слова в осетинском существенное значение имеет начальный *f*. Закон перехода *p* → *f* перестал действовать в осетинском весьма давно; такие старые слова, как *padcax* 'царь', *pyl* 'слон', *paida* 'польза', и др., вошедшие

в осетинский через посредство кавказских языков, сохраняют *p*. Поэтому мало вероятно, что *fændyr* усвоено из кавказских языков. Вероятнее относить его еще к до-кавказскому, т. е. скифо-сарматскому периоду истории осетин, когда был в полной силе закон $p \rightarrow f$. Предполагаемое существование слова в скифском пролило бы свет и на укр. и пол. *бандуру*. Считать последнее слово усвоенным из итальянского (Миклошич, Бернекер) вряд ли основательно: где посредствующие звенья?» (Абаев I, 448). На основании материалов весьма обстоятельного «Глоссария лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке», выпущенного ныне покойным И. Е. Гальченко в 1975 г. в Орджоникидзе, можно добавить, что эти преимущественно кавказские названия в русских текстах часто употребляются (в разных формах) при описании особенностей жизни и быта народов Северного Кавказа как своеобразные этнографизмы. Например, в связи с описанием реалий Чечено-Ингушетии встречается форма *пондар*:

Многие, *пондар*, тобой утешались,
Трогая звонкие струны твои. . . [15]

Реже употребляется форма *пондара*, которая возникла, скорее всего, под влиянием русского *бандура*, придавшего этнографизму грамматический женский род: «Ястреб превратился в красивого человека, сидящего на стуле с *пондарой* в руке. . .» [16]. В этнографической литературе встречаются также формы *пандыр* и *пандур* в качестве передачи местных названий для специфических горских музыкальных инструментов, что вызвано особенностями открытого гласного *о* в первом слоге чеченского слова.

Название аварского струнного музыкального инструмента *пандур* в русских текстах (оригинальных и переводных) употребляется чаще в форме, близкой к языку оригинала:

Замаячили несколько смутных фигур,
Разбредаясь из клуба попарно.
Простонал напоследок влюбленный *пандур*
Под рукою какого-то парня [17].

Реже употребляется возникшая под влиянием грамматического женского рода у русского слова *бандура* псевдоаварская форма *пандура*:

А по ночам, по крышам с *пандурою*,
Как джинн, бродил ты, не боясь упасть. . .[18]

Менее удачна подмена аварской формы грузинской *пандури* [19] (или их гибридизация): «Как-то под вечер в дом Умаани постучалась известная в ауле столетняя Нуцалай. В руках она держала большое *пандури*» [20].

Осетинское общее название для разных музыкальных инструментов *фæндыр* (ирон.), *фæндур* (дигорск.) в русские тексты чаще всего включается в форме *фандыр*, наиболее близкой к иронской, но встречается иногда и в несколько русифицированном облике *фандырь* [21], что отступает от формы *фандыр*, которую употреблял

в своем этнографическом труде об осетинах (1894) Коста Хетагуров [22].

Слово *бандура*, *bandura* как название специфического многострунного украинского музыкального инструмента известно в составе этнографической лексики почти всем современным славянским литературным языкам (укр., блр., рус., болг., с.-хорв., словац., чеш.), причем оно справедливо рассматривается как миграционный (бродячий) термин, однако его славянским первоисточником считается по неправильной традиции польск. *bandura*, которое, вопреки всем трудностям фонетического плана, выводится из итал. *pandura* (← лат. ← греч.).

В 1923 г. попытку уточнить этимологию для славянского слова *бандура* предпринял шведский лингвист Ханнес Шёльд, который высказал предположение, что на русскую (великорусскую, и особенно малорусскую, а также белорусскую) почву этот бродячий музыкальный термин принесен казачеством с Кавказа, где его первоисточником следовало бы, по мнению Х. Шёльда, считать груз. *пандури* с придыхательным начальным согласным *п-* (*ph-*) [23]. Однако эти соображения не могут быть приняты, прежде всего, по фонетическим причинам: сам Х. Шёльд не смог привести ни одного случая, когда придыхательный глухой подменялся бы при заимствовании звонким согласным в плане субституции.

Вместе с тем, можно принять за основу общее направление поисков источника для славянских слов на Востоке. Здесь следует вспомнить нехарактерность глухого анлаутного *п-* и полное господство *б-* (или *м-*) для большинства тюркских языков. Особенно ярко эта черта проявляется в современном башкирском языке, где в заимствованиях начальный согласный *п-* регулярно заменяется звонким *б-* (или в диалектах оглушенным — media lenis — *б-*) [24]. На основании ударения в восточнославянском слове *банду́ра* можно думать, что в основу его легла тюркская форма *бандур*, соотносимая не с греческим πανδοῦρα (поскольку в таком случае в слове *бандура* мы имели бы ударение на последнем слоге), а с аланской формой типа дигорской *fændur*. Последнее весьма вероятно, поскольку для аланского языка Северного Причерноморья характерны черты, объединяющие его именно с дигорским наречием (западным и северным) осетинского языка [25]. Конечный гласный в термине *бандура* легко объясняется как результат морфологической адаптации слова на славянской почве путем включения этого слова в число существительных женского рода, причем этот конечный гласный обычно не перетягивает на себя ударения [26].

Следует, однако, учесть, что заимствование украинским языком слова *бандура* имело место не из современных тюркских языков, которые такого слова совершенно не знают [27], а из старых языков, где сохранялась огубленность гласных непервого слога при неогубленности вокализма первого слога. Судя по личному половецкому имени *Алтунопа*, зафиксированному в «Повести временных лет» под 1103 г., таким свойством вокализма непервого слога после начального слога с неогубленным гласным обладал и половецкий язык

(ср. *алтун* 'золото' при *алтын* в подавляющем большинстве современных тюркских языков). В половецких документах XVI в. из Каменца-Подольского, написанных армянской графикой, уже отмечается колебание *алтун∾алтын* [28], что заставляет предполагать заимствование не позже этого времени. Кстати, в этих же документах встречаются и следы старого озвончения начального глухого согласного *п-* в славянских проникновениях в этот язык типа *базват*, *бозват*, *боставлені* наряду с более близкими к славянскому первоисточнику *позват*, *поставені*, *поставліну*. Следовательно, можно предполагать в качестве источника укр. *бандура* половецкий язык. С другой стороны, еще X. Шёльд отмечал, что на славянской почве музыкальный термин *бандура* не может быть очень старым, поскольку в начальном слоге не образовался носовой гласный *ǫ* (→ *у*), что было характерно для более старых заимствований (до X в.) [29].

Отсутствие слова *бандура* или его следов в современных тюркских языках и письменных памятниках тюркских народов, скорее всего, говорит о том, что это бродячее слово было ограниченно распространено лишь исключительно в тюркских языках Северного Причерноморья, но впоследствии было утрачено и этими языками. Примеры бесследного исчезновения из тюркских языков отдельных слов при их сохранении в языках соседних народов довольно многочисленны. Можно ограничиться в качестве примера названием боевой лошади крымских татар *бахмат* (из сочетания *бақма* 'домашний, ухоженный'+*ат* 'лошадь'), которое было широко употребительно в Северном Причерноморье, даже засвидетельствовано С. Герберштейном (XVI в.) и Г. Бопланом (XVII в.) как татарское слово, но современным тюркским языкам оно совершенно неизвестно [30].

Как специфически украинский этнографический термин *бандура* устойчиво фигурирует в западноевропейских языках, вступая, впрочем, в разного рода контаминационные связи с другими обозначениями музыкальных инструментов разных народов [31]. Разные фонетические и словообразовательные формы этого слова у разных народов зачастую служат для наименования своеобразных местных музыкальных инструментов [32], причем они обычно известны и на русской почве вместе с соответствующими инструментами. Кроме слова *бандура* следует в этом плане упомянуть *мандолина* (из франц. или нем.) — название, которое возникло на итальянской почве как уменьшительное от *mandola*, а последняя форма возникла в качестве неясного варианта к *pandora* — рефлексу лат. *pandura* (Dauzat, 454). В языке американских негров возникло из того же конечного источника название своеобразной гитары *банджо* (Dauzat, 72). Вероятно, сюда же относится латиноамериканский этнографизм *бандола* 'инструмент о десяти металлических струнах, употребляемый в Америке' [33].

Последний пример многократного этимологического дублирования одного и того же слова путем многократного заимствования из разных ближайших источников еще раз настоятельно требует тщательного учета истории всех этих слов на текстовом материале.

[1] Эти данные восходят к статье С. К. Булича «Материалы для русского словаря» (Изв. ОРЯС I, 2, 1896, 330; с. 37 отдельного оттиска): «*Тюбя́къ или *тюбячная земля*=заросшая сорной травой, влажная, около лесу. Каз. губ. Чистоп. у.» Звездочкой отмечены слова, ранее словарями не зафиксированные.
[2] Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, 159, 258, 441.
[3] Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, т. III, Казан, 1981, 241.
[4] Башкирско-русский словарь. М., 1958, 536.
[5] Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге, II. том. Өфө, 1970, 255.
[6] Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, 659.
[7] Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, II том. Алматы, 1961, 379. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (т. III. СПб., 1905, 1271) также содержится ошибочно огласованная казахская форма *тӧбӧк* 'урыльник для детей' восходящая к «Сравнительному словарю турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова: т. I. СПб., 1869, 384: «*дж. кир* توبك (*ö*) урыльник (употребляемый только для детей)».
[8] Можно отметить, например, экспрессивную лабиализацию и в слове *утю́н* 'боль в спине' (тихвинск.) при более обычном *ути́н* (Фасмер IV, 177), но это исконное слово. Лабилизация *и* > *ў* в заимствовании при субституции, кажется, не имеет аналогий.
[9] *Трубачев О. Н.* Из истории названий каш в славянских языках. — Slavia, XXIX, 1, 1960, 28; *Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 21; *Топоров В. Н.* Исследования по балтийской этимологии (1957—1961). — В кн.: Этимология. М., 1963, с. 260; *Urbutis V.* Dabartinės baltarušių kalbos lituanizmai. — Baltistica, V (2). Vilnius, 1969, p. 155; как дополнение см.: Фасмер IV, 137.
[10] *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 57. Автор касался слова *тюря* и в других своих работах, указанных частично в библиографии на с. 156.
[11] См.: Беларуска-рускія ізалексы (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1973, 17—18. Эти соображения у Ю. А. Лаучюте не учтены.
[12] *Досқараев Ж.* Арал, Каспи балықшыларының тіліндегі профессионалдық лексиканың материалдары. — Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. I. Алма-Ата, 1958, 132.
[13] См. также: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980, 270—272 (без учета образований с суф. -(*ў*) *р*).
[14] *Иванов Вяч. Вс.* К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — В кн.: Этимология. 1980. М., 1982, 160—161.
[15] Поэты Советской Чечено-Ингушетии. Сб. стихов. Пятигорск, 1937, 128. Стихотворение «Пондар» А. Нажаева, пер. с. чеченского.
[16] Чечено-ингушский фольклор. М., 1940, 149.
[17] *Гаирбекова М.* Слово горянки. Стихи и поэмы. Пер. с аварского. М., 1955, 69.
[18] *Гамзат Цадаса.* Уроки жизни. Стихи. Пер. с аварского. М., 1968, 51.
[19] Ср.: *Голетиани Г. Г.* Грузинская лексика в русском языке (Краткий тематический словарь). Тбилиси, 1972, 88. Ср. один из приведенных там примеров:

Седовлас, с *пандури* звонкой, в дом ликующий войдя,
Старец розами украсил дорогой портрет вождя.

(*Л. Асатиани.* Колхида).

[20] *Магомедов М.* Тайна старой сакли. Пер. с аварского. М., 1969, 229.
[21] Северокавказские этнографизмы в примерах с некоторыми уточнениями приводятся по: *Гальченко И. Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, 115, 116—117, с. 141; *Гальченко И. Е.* Лексика народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976, 70—73.
[22] *Хетагуров К.* Быт горных осетин. Этнографический очерк. Сталинир, 1939, 22.
[23] *Sköld H.* Lehnwörterstudien. Lund—Leipzig, 1923, 22—24.
[24] *Расянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955,

145—146; *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, 30—31.

[25] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, 259.

[26] *Добродомов И. Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках. — Советская тюркология, 1979, № 5, 15—16.

[27] Если не учитывать типичный украинизм *бандура*, отмечаемый, например, толковыми словарями туркменского, казахского и татарского языка, причем в толковом словаре татарского языка почему-то этот инструмент ошибочно именуется не только украинским, но и польским (?). В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (М., 1965, 107) приводится встречающееся в эпосе название колокола китайской кумирни *бандулу*, едва ли имеющее сюда какое-либо отношение.

[28] Документы на половецком языке XVI в. М., 1957, 384.

[29] Ср.: *Думка Л.* Звідки пішла назва *бандура*. — Жовтень. Львів, 1965, № 1, 108. Высказываемое здесь предположение, что славяне знали бандуру «вже в ранню добу своєї історії», принято быть не может. С точки зрения языка-источника, важно обратить внимание на заимствование этого слова от тюрков в период их теснейшего симбиоза с аланами.

[30] См. подробнее: *Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Советская тюркология, 1980, № 2, 21—29.

[31] На материале немецкого языка это показано в книге: *Опельбаум Е. В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971, с. 40—41.

[32] На основании наличия в Румынско-русском словаре (М., 1953, 80) лексемы *bandurár* 'бандурист', можно предполагать и для румынского языка соответствующее название музыкального инструмента, хотя в указанном словаре оно и не приводится.

[33] Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861, с. 68.

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. III (1—3)

1—2. Балто-балкан. **kět-*, **gaur-*

Относящиеся сюда слова не ограничиваются балтийским и балканским ареалами, хотя именно эти два ареала заслуживают особого внимания в связи с анализом обозначенных лексем. Дело не только в том, что балтийские (как и славянские) и балканские языки сохранили наибольшее количество соответствующих примеров (причем как раз из числа самых показательных), но и в том, что оба эти ареала обозначают пределы некоей зоны, соединяющей в меридиональном направлении Балтику с Средиземноморьем и характеризующейся, как было показано в ряде предшествующих работ, определенными этнолингвистическими и культурно-историческими связями уже с достаточно древней эпохи (ср., напр., исследования М. Гимбутас). Есть и еще одно основание вернуться к проблематике древних балто-балканских связей: анализ указанных лексем, относящихся, в частности, к обозначению ландшафта, позволяет заполнить языковыми фактами и промежуточное между юго-восточной Прибалтикой и Балканами пространство. При этом особо рельефно

выступает роль Карпат и смежных с ними областей, места, являвшегося в определенный и достаточно длительный период главным узлом, в котором сходились пучки балто-балканских изоглосс. Более того, можно предполагать, что именно в Карпатах продолжения *k*ĕ*t*- и **gaur*- фиксируют с наибольшей четкостью свою «ландшафтную» отнесенность. Тот факт, что Карпаты с их специфическими природными условиями образуют зону с высокой степенью эндемических языковых элементов, не противоречит целесообразности поиска соответствий некоторым бесспорным карпатизмам как к югу от Карпат, так и к северу от них.

В этой связи уместно вернуться к одному из наиболее известных и диагностически важных карпатских оронимов — рус. *Бескиды*, укр. *Бескиди*, *Бещади*, польск. *Bieskidy*, *Bieszczady*, венг. *Beszkéd* и т. п. В соответствии с последней и наиболее перспективной этимологией [1], это название восходит к иллирийскому сложному слову, обозначающему буковый лес, — **biz-kēt-* (*kit-*), ср. *Буковина* [2]. Название леса, содержащее тот же корень, представлено в связи с горой — τὸ Κέτιον ὄρος(Ptol. II, 14, 1; 15, 1), соотносимое с Венским лесом (на границе с Верхней Паннонией около Карнунтума), или *Citius mons* (Liv. 43, 21) в Эпире. Правдоподобна связь этих названий с такими, как *Citium*, местечко в Македонии, к югу от Эдессы (Liv. 42, 51), Κίτιον (лат. *Citium*), город на южном берегу Кипра [3], возможно *Citua* (Rav. IV, 19, вар. — *Situa*), местечко в Далмации и Паннонии (значение 'лес' в этом названии могло быть актуальным, о чем, возможно, свидетельствуют соседние названия с корнем **derv*- 'дерево' ('деревья' → 'лес'); собственно, *Citua* находится между *Derva* и *An-derva* [4]; -*u̯a* в *Citua* могло бы объясняться в связи с -*va* в топонимах с корнем **derv*-), и некоторые другие.

Разумеется, многое в связи с корнем **kĕt*- остается не вполне ясным. В частности, ни соответствия иллир. **kĕt*- (*kit*-) в других индоевропейских языках, ни тем более этимология этого элемента неизвестны. Более того, даже само значение 'лес' — при всем его правдоподобии — определяется лишь наощупь, сугубо условно. В наиболее надежных источниках элемент **kĕt*- сочетается с обозначениями горы (ὄρος, *mons*). Поэтому целесообразно попытаться выяснить семантическую мотивировку значения **kĕt*- и, следовательно, связать этот корень с надежным кругом апеллятивной лексики. Однако до этого стоит обратить внимание на этимологически темную группу местных и водных названий, также, видимо, восходящих к корню **kĕt*- и зафиксированных к северу от Карпат, в частности, в балтийском ареале. Прежде всего ср. прусские названия типа *Kethen*, 1387, *Keythene*, 1392, *Kyten*; *Kethein*, 1468, позже — *Köthen* [5] и, возможно, такие Nom. pr. как (*Mertin*) *Kettenyn; Ketawe*, 1364; *Kethow*, 1396 [6]. На основании этих примеров восстанавливаются сочетания корня **kĕt*- с суффиксами, в состав которых входят элементы -*v*- и -*n*-: **kĕt-en*-(-*ein*-, -*in*-) и **kĕt-av*-. Не исключено, что прусским фактам соответствуют восточно-балтийские топонимические и гидронимические примеры, остающиеся в изоляции и поэтому обычно не объясняемые. Ср. лит. *Ketãviškės*; *Ketūnai* [7]; *Ketū̃nka* [8]; лтш. *Ķętas*, *Ķetes*, *Ķetišķi*(?) [9]

и др.; верхнеднепр. *Четовка*, *Четово* и т. д.[10]; следует заметить, что в наиболее достоверных случаях первичным является водное название (а местное — вторичным), на что намекал уже К. Буга. Если балтийские факты восходят к тому же корню **kĕt-*, о котором говорилось в связи с карпатскими, балканскими (и даже восточносредиземноморскими)[11] параллелями, то существенной представляется совершенно новая сфера применения этого корня — гидронимия. Но уже раньше не раз демонстрировалось различие в отнесенности к частям ландшафта общих языковых элементов на Балканах и в Прибалтике, что, конечно, в значительной степени определялось резкими различиями в типе ландшафта. Впрочем эти различия, несколько усложняющие на первых порах установление семантического инварианта для столь разбросанных в «смысловом пространстве» конкретных примеров, на более поздней стадии исследования оказывают неоценимую помощь, позволяя идти вглубь (не останавливаясь на верных в принципе, но предварительных решениях) и ориентируя на наиболее строгое определение исходного значения — вне случайных и производных смыслов.

Помня о специфике этой ситуации, кажется соблазнительным связать указанные выше топонимические и гидронимические факты с апеллятивным корнем **kĕt-*, лучше всего отраженным в балтийском и — с известными ограничениями — в славянском. Прежде всего речь идет о двух литовских лексемах, которые при этимологическом описании оказываются разъединенными (см. Fraenkel 246—247), а именно о: 1) лит. *keterà* (*kẽtaras/keteria*, *keteris*), но и *sketerà*, *sketarà*, *skẽtaras* и др., ср. *sketẽlis*; сосуществование двух вариантов анлаута (*k-*, *sk-*) постоянно отмечается в этой группе слов), которое обозначает не только 'загривок; щетину на хребте; хребет (у лошади); грудь (у лошади)'[12], но и 'верхушку; вершину; гребень; конёк (навершие); удлиненную возвышенность на пашне («nutįsęs pakilimas dirvoje»); гребень борозды' («vagos viršus») и, более того, нередко употребляется, когда речь идет об обозначении возвышенных частей ландшафта (ср. *kalno ketera* 'горный гребень', *kalnų ketera* 'горный хребет; кряж; горная гряда', ср. Κέτιον ὄρος, *Citium mons* и другие убедительные примеры[13]), и о 2) лит. *kẽsti* (*kėčiu*, *kėčiau*; < **kėt-*, ср. *kėtóti* и т. п., с чем связано и слово, обозначающее 'зонт' — *kẽtis* (:*skẽtis* то же), также 'амплитуда; размах; охват'[14]) 'раздвигать; расширять; растопыривать; топырить; таращить; развертывать; раскрывать' и т. д. (см. LKŽ V, 644 и след. и *skẽsti* — LKŽ XII, 845—847)[15].

Учитывая семантику этих двух групп слов (верхушка, выступ, гряда как нечто выдающееся, торчащее, топырящееся, ощетинивающееся, взятое в размах, в расширении, в развороте и т. п.) и сосуществование двух вариантов корня **kĕt-*: **skĕt-*, приходится сделать заключение о несомненности связи этих балтийских примеров со слав. **čet-*: **ščet-* (из **sket-*), которые реализуют такие значения, как 'щетина; щетка; хвоя; кисти; грозди' и т. п. (ср. рус. диал. *щеть* 'частокол; тын из кольев, жердей стойком' (Даль) — при *щетить*). И балтийские и славянские примеры взаимно высвечивают и прояв-

ляют общие смыслы. Ср. лит. *sparnuoti pusnykai nusukę paaudrini* *plienines keteras* (LKŽ V, 648) при рус. *стальной щетиною сверкая...* у Пушкина (*ket-era*: **sket-ina > щетина*)[16] или определение элемента *щет-* в словаре Даля — «что топорщится, пырится как щетина» (IV, 1505) — при том, что 'пырится; топорщится' могут пониматься как значения лит. *kėsti* и, следовательно, давать основание межъязыковой figura etymologica: *kėt-* [*kėsti*] & [*s*]*kėt-* [*щетина*], т. е. 'щетиниться щетиной'. Эти же примеры открывают подход к семантической мотивировке иллир. **kēt-*, которое — в свете сказанного — должно пониматься, как то, что щетинится, топорщится образует выступы, гряду вершин и т. п. С этим определением, кажется, согласуются и лес (например, хвойный, с его островерхими, щетинообразными верхушками, образующими своего рода зазубрины, ср. с.-хорв. *čètina* (**ket-ina*) 'еловая, сосновая хвоя, иголка', но и 'щетина', чеш. *četina* 'хвоя; иголка', диал. *četyna* то же, словац. *četina, čečina* 'хвоя', польск. диал. *czaczina* 'хвоя; иголки хвойных деревьев'; болг. *чѐтина* 'можжевельник', но и 'щетина', макед. *четина* 'щетина'; в.-луж. *čeć* 'гроздь; связка (напр., орехов); кисть' и т. п.[17]; ср. также продолжения **ščet-* ('щетина; щетка; чесалка; кисть; ограда' и т. п.), в том числе довольно многочисленные примеры обозначения словами этого корня растений щетинообразного вида), и гора, точнее — гряда горных пиков, островерхих возвышений, серия выступов. Иначе говоря, корень **kĕt-*, видимо, связывается с комплексом горы, поросшей лесом, причем и в конкретных условиях в этом комплексе мог актуализироваться то первый (гора), то второй (лес) член, что хорошо известно и по другим примерам, в частности, из карпатского и балканского ареалов. Эта семантическая двойственность представлена и в основной лексеме для обозначения горы — слав. **gora* 'mons' — при болг. *горà* 'лес', лит. *girià* 'лес', прус. *garian* 'дерево' (ср. болг. *горун* 'вид дуба', с.-хорв. *горун*, рум. *goron, gorun*, заимствование из славянского, и т. д.). Такой семантической мотивировке элемента **kĕt-* в связи с обозначением поросшей лесом горы вполне соответствуют и мифопоэтические образы Карпатских гор и лесов, как они зафиксированы в народной словесности и в отдельных произведениях художественной литературы[18].

В случае, если объяснение иллир. **kĕt-*[19], приуроченного к Карпатам (ср. *Бескиды* и др.), верно, перед нами еще один типично карпатский архаичный ландшафтный термин, отраженный по обе стороны от Карпат — к югу и к северу. Интересно, что, оказываясь к северу, на равнинной, как правило, местности, такие термины подвергаются (по сравнению с карпатско-балканскими соответствиями[20]) некоторой перестройке с тем, чтобы сохранить связь с обозначаемой ими реальностью[21]. В только что разобранном случае существенно, что в балтийском ареале элемент **kĕt-*, чтобы соответствовать карп.-балк. **kĕt-*, нуждается в дополнительном определении «по высоте», ср. *k a l n o ketera*, т. е. гребень горы. Таких сдвигов немало и среди других терминов, описывающих ландшафт. Если же нет указаний на «вертикальную» ориентацию ландшафтного объекта, обозначаемого элементом **kĕt-*, то этот элемент на равнин-

ной местности мог, видимо, обозначать нечто, являющееся горизонтальной проекцией общей идеи, т. е. раздвинутое, расширенное, распространенное, растянутое вширь (это объясняло бы применение элемента **kĕt-* к обозначению озер, в частности, с обилием заливов, вдающихся в сушу) [22] или, наоборот, разнонаправленное, резко меняющее течение на относительно ограниченном участке пути (эта горизонтальная «щетинистость» (принцип «гармошки») могла дать основание для отнесения элемента **kĕt-* к соответствующему типу рек) [23]. Учет всей совокупности объектов, обозначаемых корнем **kĕt-*, дает возможность сформулировать инвариантное значение этого корня — некое расширение, захват, размах, выступ—выход за пределы. В некоторых вариантах при введении идеи быстрого (внезапного) энергичного движения возникают семантические мотивы агрессивности, угрозы, опасности, направленной изнутри вовне и т. п. ('щетиниться', 'ощетиниться'), которые, кажется, дают возможность объяснить еще одно применение корня **kĕt-*.

Речь идет о др.-греч. κῆτος (-εος), слове среднего рода, этимология которого остается неизвестной (ср. Frisk 1, 846 — «Unerklärt. Verfehlte idg. Etymologien sind bei Bq. und bei WP 1, 348»; Chantraine 2, 528 — «Et.: Inconnue»). Этим словом обозначалось огромное морское животное (уже у Гомера и поэтов), в частности, чудовище, угрожавшее Андромеде и убитое Персеем или Гераклом (Еврипид, Аристофан); у Аристотеля κῆτος обозначает 'кит', 'китообразное' (позже этим словом обозначалось соответствующее созвездие) [24]. Первоначальная связь κῆτος с обозначением морского чудовища не вызывает сомнения (в частности, она вытекает из анализа сложных слов с элементом κητ-, ср. κητο-φόνος 'убивающий морских чудищ', κητο-δορπος 'кормящий морских чудищ', μεγα-κήτες 'полный морских чудищ' (как эпитет к πόντος 'море', ср. Od. 3, 158, или δελφίς 'дельфин', ср. Il. 21, 22, или к кораблю с глубокими кормами, ср. Il. 8, 222; 11, 5; 11, 600), βαθυ-κήτης 'содержащий чудищ в глубине' (о море, Thgn.), πολυ-κήτης 'с многочисленными морскими чудищами' (Theoc. 17, 98/ и др.) [25]. Очень правдоподобно, что морское чудище могло обозначаться именно как щетинистое (**kēt-*); во всяком случае известные изображения чудовищ древнегреческой мифологии постоянно подчеркивают мотив агрессивного испускания из тела в направлении жертвы голов, рогов, шипов, конечностей и т. п.[26] Кит, как поразившее воображение «чудо-юдо», некая «сверх-рыба», был обозначен (и параллели к этому известны во многих традициях) словом, относившимся к мифологическому морскому чудищу («щетинистому»). Во всяком случае в народной традиции кит нередко описывается как морское чудовище, снабженное шипами, колючками и т. п.[27], что, между прочим объясняет попытки приспособления к обозначению кита слов, используемых в связи с рыбами соответствующего вида. Достаточно ограничиться одним примером: нем. *Walfisch* 'кит' в лютеровском переводе Библии в соответствии с *cete* в Вульгате) Бреткунас передает в своем литовском переводе пруссизмом *ešketras*, ср. прус. *esketres* (видимо, *esketras*), обозначающее осетра ('Stoer', Э 567). Недавно было показано, что Бреткунас, за неимением в тог-

дашнем литовском слова для обозначения кита, сознательно отклонился от оригинала, избрав в качестве замены название большой знакомой рыбы — осетра [28]; следует напомнить, что и позже у некоторых литовских лексикографов в XVIII—XIX вв. слово *erškẽtris* применяется в связи с *Balaena* (при обычном *bangìnis* 'кит'). Нужно полагать, что выбор названия осетра в качестве обозначения кита объясняется не только (и, может быть, не столько) величиной осетра, но и присущей всем осетровым «щетинистостью». Именно такое впечатление производят свойственные им пять рядов жучек и зернистые косточки и пластинки (то же можно сказать и о внешнем виде ерша [29]). В этих условиях название осетра, отличающееся этимологической прозрачностью (ср. лит. *erškẽtas* 'осетр' при *erškė̃tis* 'шиповник', от 'шип'), естественно могло быть перенесено на кита. Сходная ситуация могла иметь место и в древнегреческом языке, когда элемент **kēt-* был применен к обозначению морского чудовища, а потом и кита. Впрочем, и балтийские названия осетра и шиповника дают возможность поставить новый вопрос, который возвращает нас к тому же корню: не присутствует ли в этих названиях, известных в большом количестве фонетических вариантов и предполагающих, согласно мнению ряда ученых (см. Fraenkel, 123), разного рода контаминации, смешения и взаимовлияния, тот же элемент **kĕ̄t-* (**skĕ̄t-*), что и в др.-греч. слове, обозначающем кита («щетинистого»)? Сравнение названных литовских слов с их соответствиями в других индоевропейских языках делает особенно вероятным наличие в этих словах компонента **kĕ̄t-*, как раз и выделяющего их среди других параллелей [30].

Все эти рассуждения делают вероятным постулирование особого корня **kĕ̄t-*, не учтенного в словаре Покорного (качество согласного в анлауте зависит от возможных новых параллелей). Не исключено, что в этой перспективе получают разъяснения некоторые до сих пор темные слова в других индоевропейских языках [31].

* * *

В ряде отношений сходная ситуация обнаруживается и при анализе элемента **gaur-*, ареал которого охватывает прежде всего карпатскую зону, а также часть Балкан. Наиболее полно соответствующие факты представлены в восточнороманских языках. Ср. дакорум. *gáură* 'отверстие; дыра; щель; скважина; лощина; ущелье; долина, ограниченная высокими и крутыми горами' и т. п. (ср. *găureán* 'жители горной долины'); adj. *găurós*, *găuriciós*, *găurit* 'полый; дырявый; пробуравленный' и т. п.; vb. *găuri* 'сверлить; буравить', *îngăuri*, *zgăura* (о глазах), *zgăurí*, *zgăorí*, *zgîurí* и т. п; аромун. *gávra* то же (ср. в топонимии *Gávra Ursului*; в связи с возникающим здесь «медвежьим» (*urs*) мотивом стоит обратить внимание на народное название-кличку медведя — *Gavrílă*); мегл.-рум. *gáură* то же, также 'пещера'; укр. *гáвра* 'берлога', *гáвура*, *гáвора* считаются заимствованиями из румынского. Другой очаг форм с элементом *gaur-* находится в албанском ареале; ср. *gávër* 'дыра; отверстие; полость; скважина', *gávrë*, *sgáure*, *zgáure* то же, но и 'пещера; пустота; выемка', *zgáur*, adj.

gavrrúem, *gavrrúer*, *zgăvert*; vb. *zgavrói* и т. п. Сюда же могут быть присоединены восточнороманские формы, в которых выступает *n* (в чередовании с *r*): дако-рум. *găun*, *găúne* 'впадина, полость', *găúna* 'дыра в земле'; adj. *găunós* 'полный дыр', vb. *a găuní*; аромун. *găvunós*, *guvunós* и др. Наконец, известны формы без *-r-* или *-n-*: дако-рум. *zgău* 'дыра; uterus; anus; пустое место в горах; глубокая долина' и т. д; аромун. *gúvă*, *guvícă* 'дыра; пещера; могила'; мегл.-рум. *gúvă* 'дыра'; алб. *gúvë*, *gúvër* 'дыра, пещера'; adj. *guvnúer*, *govósh*, *guvósh* и т. д. [32] Ландшафтная приуроченность элемента *gaur-* очевидна не только из круга значений, но и из широкого употребления в Карпатах и Прикарпатье соответствующих топонимов, собранных М.-М. Рэдулеску: *Gáura Sîngerului* (Mureš), *Găureána* (Botoşani, Iaşi), *Găuréni* (Alba, Bistriţa-Năsăud, Hunedoara, Iaşi, Suceava), *Găuri* (Vrañcea), *Găuríciu* (Teleorman), *Gaura Fétei*, *Găurile* (Gorj), *Gávuri* (Hunedoara), *Găurícea* (Haţeg), *Găuríciul* (Bacău), *Găureánca* (Dorohoi), *Găureána* (Bacău), *Găureánul* (Tg. Ocna), *Găuréni* (Vlaşca), *Deálul-*, *Pîríul-*, *Şésul-*, *Válea Gauréncei* (Negreşti), *Gáura* (Bucegi), *Gáura Lúpului* (Alba, Drăganu, Românii) в Румынии; ср. в северо-восточных Карпатах *Gawra*, *Gaurov*; в Моравии *Gawra*, *Gaurowy*, *Gahura*, в Польше: *Gawor* (стар.) и др. Элемент *gaur-* представлен и в топонимии южных Балкан и Средиземноморья; ср. др.-греч. Γαυρίς, о-в к сев. от Памфилии, Γαύρειον, порт на о-ве Андрос (ср. Γαυρεύς, название северного ветра: Γαυρεὺς καλεῖται ὁ βορρᾶς. Arist.) и др., которым, однако, здесь не удастся уделить внимания (тем более, что остается неясным вопрос о возможной связи этих случаев с др.-греч. γαῦρος 'ликующий; веселый; резвый; гордый; надменный', ср. γαυρόομαι и т. п.) [33].

Представление о происхождении восточнороманских слов из латинских источников (*caulae* или **cavula*, от *cavus*), популярные в прошлом, нужно признать окончательно устаревшими и неспособными объяснить всю широкую и разнообразную совокупность лексем с корнем *gaur-*, выходящую далеко за пределы восточнороманских диалектов Прикарпатья и Балкан. Более верный путь был избран М.-М. Рэдулеску, который полагает, что дакийский (> румынские формы) и албанский сохранили в данном случае (как иранские языки, ср. пехл., н.-перс. *gōr*, *gur* 'могила', парачи *gūr*, сангл., ишкашим. *γār*, *γor* 'пещера', вазири *γōr* 'отверстие', *γār* 'пещера' и т. п. — все из **gaur-*) основу **gau-r-* или **ghau-r-* (из и.-е. **ghou-r-*) и что она отражается в ряде балтийских примеров — лит. *gvḗrỹnė* 'отверстие; дыра', *gvérti* 'распатываться; расхлябываться', а также *giáurė* 'холодная почва', лтш. *gaurs* 'рыхлый' (*gaura zeme*) [34]. Однако балтийские факты оказались отобранными неполно и не самым представительным образом; славянские факты вообще не привлекли к себе внимания. В результате история древнего и.-е. корня не была восстановлена хотя бы в наиболее важных ее частях, что и сказалось на отсутствии надежной семантической мотивировки слов с элементом *gaur-* во всем меридиональном поясе от Балтики до Балкан. Поэтому необходимо более полно привести данные из балто-славянской области и некоторые другие примеры. Наиболее точные соответствия обнаруживаются в североевропейских языках. Ср. лит. *gaũras*, *gauraĩ* 'космы; волосы; шерсть;

волокно; ресницы', *bríed-gaurė*, *bríed-gauris* 'твердая сухая трава, растущая на холмах' (ср. *gaurìnė* 'волосы', «čiupra»), *gaũrė*, *gaũris*, *gaurỹs* 'торица полевая' (как и в ряде других ботанических названий: *gaurenė*, *gaurūnėlis*, *gaurūnėlė*, *gaurūniniai*, *gauruõtė*, *gauruõčė*, *gaurūnė*, *gaurũča*, *gaurẽnis*, *gaurutė* и др.); 'космач' (ср. также *gaurỹs* 'kas niekus kalba'), *gaura* 'мочалка; рогожа', *gaurỹnė* 'твердая земля', *gaurũčas* 'Иванов червячок; светлячок'; *gaurúotas*, *gaurótas* 'косматый; мохнатый; шерстистый' (*gauruotìnė* 'косматая шкура'); сюда же должны быть отнесены и глаголы — *gauróti* 'обрастать; зарастать' (в частности, волосами, ср. *gaurẽtas*), *gaurẽti*, *apgáurėti*, *nugáurėti*, *prigáurėti* и т. п., а также с более специализированными значениями, ср. *gáurióti* «tik pavirŝium, prastai, nelygiai piauti šieną ar javus»; *gaurioti*, *prigaurióti* 'niekų prikalbėti', *gaũryti* 'сильно дуть; выть', но и 'идти' (ср. *gauroti*, 2), *gaurúoti* 'идти; ползти' и т. п. (см. LKŽ III, 169—172; ср. *giáurė*[35], *giaurỹs* 'Rallus acqaticus', III, 282). Из латышских примеров ср. *gauri* 'волосы на срамных частях', *gaũris* (*gaũrs*) 'Spergula arvensis' (*gaũŗi* 'семена сорняка, растущего среди льна'), *gaũris* 'нырок', *gaura* 'крохаль' (и обозначение злого человека), *gaûris* 'скряга', *gaũris* 'лентяй'; *gaurs* 'рыхлый', но и *gaura* 'болтовня', *gaurītis* (?) 'свисток'; *gaurât* 'гудеть; шипеть; бурчать', *gaũrêt* «sinnlos wiederholt schreien», *gaũruôt* 'реветь' и др. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 611—612). Показательны примеры с нулевым вокализмом корня: лит. *gùras* 'холм; бугор; выступ; вершина горы' (с постоянной связью со словом *kalnas*, ср.: *kalno gùras*, *gurẽlis*; *to kalno labai status gùras*. LKŽ III, 741), *gùras*, *gurùs* 'рыхлый; рассыпчатый; хрупкий' *gurinỹs* 'крошка', *gùrinti* 'крошить; бить, разбивать, разрыхлять', *gurẽti* 'крошиться', но и *gūrinẽti*, *gũrinti* 'идти согнувшись, сутулясь' (ср. *gũra* 'человек, который ходит с вытянутой шеей, держась, однако, непрямо'); лтш. *gũrât*, о медленном, неуклюжем, ленивом движении, походке (в частности, в согнутом положении, сгорбившись), *gũrinât*, *gũrnât*, *gũruôt* (: лит. *gūrúoti* 'идти поспешно, наклонившись вперед'), *gûŗât* и т. п. (Mūlenbachs — Endzelīns 1, 686), ср. также Fraenkel, 177—178. Сюда же следует отнести и довольно многочисленные местные названия на балтийских землях — лит. *Gaũrė*, *Gaurẽliai*, *Gaurỹliai*, *Gauráičiai*; *Gaũr-apievis*, *Gaurẽnai*, *Gaũrės*, *Gaurìnė*, *Gaurìškė*, *Gauruõtė*, *Gauruõtės*, *Gaurũkas*, река[36]; лтш. *Gaũra*, *Gaũras*, *Gauri*, *Gaũris*, *Gàuraks*, *Gaũrata*, *Gaũratiņa*, *Gaũratnieki*, *Gaũrene*, *Gàurine*, *Gaûriņi*, *Gaûriņš*, *Gaũruõta*, *Gaurode*, *Gaũra-grāvis*, *Gaũres-pļavas*, *Gauru-muiža*, *Gauru-pagasts*, *Gaũŗa-upe*, *Gauraka-kalns*, *Gaũratas-gals*, *Gaũrata-ęzęrs*, *Gaũrat-ęzęrs*, *Gaũręn-kalns* и др.[37]; куршск. *Govrene*, 1253, *Gaurenen*, 1291[38]).

В связи с приведенными балканскими и балтийскими словами славянские факты долгое время игнорировались или оставались на положении весьма дальнего и неясного фона. Отчасти это объясняется широким семантическим спектром славянских слов этого корня (впрочем, и балтийские примеры в этом отношении мало уступают славянским) и неясностью определяющих связей внутри всей совокупности примеров. Тем не менее и в славянских языках отчетливо выделяется некое ядро: с.-хорв. *гу̏рити*(*се*) 'сгибать(ся); корчить(ся); горбить(ся); съеживать(ся)' (ср. *гу́рати* 'толкать; пихать; совать;

втискивать'), *гу̀рав* 'горбатый; согнутый; искривленный', *гу̀ра* 'горб'; рус. диал. *гу́риться* 'виниться' (СРНГ 7, 238), т. е. сгибаться (кланяться), признавая свою вину. Другие примеры (обычно — обозначения движения), хотя и не входят в ядро, перекликаются с отмеченными балтийскими фактами; ср. болг. *гу̀рам* 'идти; уходить', макед. диал. *гуркам* 'таскаться, шляться', словен. диал. *gurati* 'медленно ходить' (при *gúrati* 'изнашивать; зазубривать; затуплять; мучить'); чеш. *hourati* 'качать'. Третья группа примеров отстоит от ядра еще дальше, и далеко не всегда ясны пути развития значения (болг. диал. *гу̀рам* 'купать' [о младенце], *гу̀рам се* 'купать; окунаться' и др.). Интересно, что и у слов, восходящих к корню с нулевой ступенью вокализма, обнаруживаются значения, уже отмечавшиеся в связи с балтийскими примерами: помимо разных вариаций мотива согнутости, изгиба (ср. словен. *gir*, *girin* 'сук', *gírjav* 'сучковатый', польск. диал. *gira* 'большая несгибающаяся нога', словац. *hýra* 'шишка' и др.), ср. в связи с балтийским обозначением волос, косм, чуприны и т. п. такие примеры, как укр. *гьі́ра* 'чуб; чуприна' (при *гі́ря* 'низко остриженный', *гиря́вый* 'человек с плохими волосами на голове', рус. диал. *гиря́вый* 'стриженый; безволосый' и т. п. *гі́ря* (курск.), то же), а в связи с лтш. *gaũris* 'лентяй' — рус. диал. *огурь* 'лень' и т. п.; ср. также продолжения праслав. **gvor-* [39]. Особый интерес представляют переклички балтийских и славянских слов в обозначении неясной речи (ср. **gvariti*: польск. *gwarzyć* 'болтать; невнятно бормотать' и др. при **gvarati*: болг. *гва̀рам* 'шлепать по грязи', с.-хорв. *гва̀рати*, ср. *guriti*, *-ati* и т. п., — в связи с приведенными выше балтийскими фактами).

Из параллелей в других и.-е. языках ср. норв. *kaure* 'завитый локон волос, шерсти', *kaur* 'завитая шерсть', др.-исл. *karr* 'завитый локон' (ср. подробнее — Pokorny 1, 398); ср.-ирл. *gūaire* 'волосы' (из первоначального — 'завитые волосы'); др.-греч. γῡρός 'круглый; изогнутый', γῦρος 'круг, окружность', γῡρόω 'искривлять'; арм. *kuṙn* 'спина'.

Все эти примеры позволяют сделать вывод о смысловом единстве исходной и.-е. формы **geu-r-* / **gou-r-* / **gūr-*. Несомненно, она обозначала нечто о т к л о н я ю щ е е с я от нормы, конкретнее — от нейтрально-р о в н о г о. Это отклонение можно определить как и з о г н у т о с т ь, реализующуюся в двух вариантах — в ы п у к л о с т ь (вверх, наружу) и в о г н у т о с т ь (вниз и внутрь). Эти два значения порознь или в сочетании друг с другом могут объяснить применение анализируемого комплекса к обозначению разных видов н е р о в н о г о ландшафта (выпуклого — в балтийском [гора, холм], вогнутого — в карпатско-балканских языках [пещера, яма, горная долина, ущелье, и т. п.]) или кудрявых волос, шерсти (балтийские, славянские, германские факты) [40]. Во всяком случае языковые данные неоднократно подтверждают объединение двух смыслов — изогнутости топографических объектов и кудрявых волос. Ср., напр., прус., ятв. *garbis* 'гора' при лит. *gar̃bus* 'человек с кудрявыми волосами' или *ку́чери* 'кудри', *кучеря́вый*, чеш. *kučera* 'локон', словац. *kučera* (из **kuk-er-* < **kouk-er-*, ср. рус. *ку́ка* 'крюк', лтш. *kauka* 'чуб') при лит. *kaũkaras* 'холм; бугор; вершина горы',

лтш. *kukurs* и т. п. Но, как и в первом случае (см. о **kĕt-*), судьба **gaur-* (< **gou-r/*geu-r-/*gū-r-*) развела карпато-балканский ареал с более северным балто-славянским. Противоположные идеи нашли здесь общее выражение: предельная в о г н у т о с т ь (пещера, яма, полость) — балкан. *gaur-*; предельная в ы п у к л о с т ь (пузырь, сфера) — слав. **gvorъ* (др.-рус., ц.-слав. *гворъ* 'дождевой пузырь', рус. диал. *гвóвор* 'пузырь на воде' и т. п.).

3. Др.-инд. *liṅga-* в индоевропейском контексте

Это слово, обозначающее знак, признак, примету, характеристику, эмблему, а также membrum virile (знак пола), остается до сих пор не объясненным удовлетворительно («Nicht überzeugend erklärt», согласно Mayrhofer 19, 101)[41]. Это обстоятельство в сочетании с некоторыми другими (*liṅga-* не отмечено в древнейших текстах, в частности, его нет в Ригведе; слово связано с ритуальными объектами — образами детородного члена в виде заостренного камня или колонны, часто выходящего из *yoni-* 'vagina' (таких каменных liṅga- в Индии насчитывалось до 30 миллионов), а фаллический культ обычно связывали с автохтонным неиндоевропейским населением Индии[42], в частности, в восточных и южных ее частях, которые подвергались арианизации существенно позже и в ряде случаев более поверхностно; наконец, непонятна семантическая мотивировка (внутренней формы) самого слова, его изолированное положение при том, что слово *liṅga-* принадлежит не просто к числу важных понятий, но и к сакрализованной ритуальной терминологии, и т. п.) заставило некоторых ученых искать объяснение этому слову в лексике автохтонных австронезийских языков[43], но и здесь убедительных решений не было найдено. Последнее слово в этой области скорее ориентирует на поиск ответа в индоевропейских данных: «Arischer — und indogermanischer — Ursprung des Wortes für «Merkmal» . . . ist prinzipiell glaubhaft» (Mayrhofer 19, 101). Однако путь к решению не указывается тем более, что принадлежность к этому кругу глагола *ā-liṅg-* ставится под вопрос («Fraglich»).

И все-таки именно глагол *liṅg-* оказывается наиболее надежным проводником в этом этимологическом лабиринте, в центре которого скрыта загадка др.-инд. *liṅga-*. Сам глагол *liṅg-* принадлежит к числу довольно редких и плохо исследованных. Поэтому уместно обозначить бесспорное. Глагольная основа *liṅg-* в бесприставочном употреблении появляется в Praes. *liṅgati* (1-й класс) и *liṅgayati* (10-й класс). Первая форма, отмеченная только в «Dhātupāṭha» (V, 48), обозначает 'идти' (можно предполагать, что речь идет о какой-то нестандартной, специфической манере походки)[44]. Вторая форма, засвидетельствованная там же (XXXIII, 65), обозначает 'расписывать красками; раскрашивать' (видимо, р а з н ы м и красками), но у Вопадевы, схолиастов и комментаторов также — 'и з м е н я т ь (снабжать флексией) имя существительное в соответствии с его родом (грамматическим)'. Несмотря на то, что эти разные значения закреплены за разными классами презентных основ, едва ли можно сомневаться

в лексико-семантическом единстве *liṅg-*, существенной чертой которого с избранной здесь точки зрения следует считать мотив о т к л о н е н и я от нормы (от нейтрального состояния), внесения р а з н о о б р а з и я (пестроты). Элемент *liṅg-* встречается и в сочетании с приставкой *ā-* в ряде текстов эпического и классического санскрита. Глагол *ā-liṅg-* (*ā-liṅgate*, med.) обозначает 'сжимать; соединять; (сводить) члены; обнимать; охватывать' (Махабхарата, Катха-саритсагара, Панчатантра и др.) или, напротив, 'распространять; растягивать' и т. п. (VarBṛSaṃh.); ср. также *āliṅga-*, род. барабана; *āliṅgana-* 'объятие', *āliṅgita-*, *āliṅgin-*, *āliṅgya-* но и *liṅgana-* 'объятие', *liṅgya* и т. п.[45] Бросается в глаза идея р а з н о н а п р а в л е н н о с т и — *ā-liṅg-* — сближение, соединение, сужение и удаление, разъединение, расширение. На этом основании можно думать о реализации в этом глаголе исходной семантической конструкции, которая могла обозначать движение в разных направлениях (туда и сюда, вперед и назад, внутрь и вовне, к и от), с отклонением от стандартного регулярного движения (по прямой), признаваемого за нейтральное, что-нибудь вроде 'качаться; раскачиваться; махаться' и т. п. Сходную семантику обнаруживает и фонетически близкий глагол *raṅg* (*rāṅgati*), описывающий разнонаправленное (туда и сюда) движение и возводимый иногда к и.-е. **leng-* (Pokorny I, 676) с надежными продолжениями в балтийском, славянском и албанском. Однако это слово в данном случае лучше оставить в стороне: во-первых, оно принадлежит к числу редких и поздних лексем, которые, по мнению некоторых специалистов, не имеют ничего общего с и.-е. **leng-* (Mayrhofer 18, 33); во-вторых, остается неясным отношение этого *raṅg-* с *raṅga-* 'олово' (ср. пракр. *raṅga-*, хинди *rā̃g/ā/*, непали *rāṅ* и др.) и с *raṅga-* 'цвет; краска; театр; сцена' (ср. н.-перс. *rang* 'цвет').

Впрочем, и без этих слов др.-инд. *liṅg-* с указанным спектром значений дает основание для указания достоверных индоевропейских параллелей и, главное, последние помогают определить семантическую мотивировку др.-инд. *liṅga-* и как слова для знака и как слова для membrum virile. Балтийские и славянские данные оказываются в этом отношении особенно ценными. Ввиду их многочисленности и многообразия придется ограничиться лишь частичными указаниями. Отмеченные выше значения др.-инд. *liṅg* (глагол прежде всего), как и реконструируемые на их основе исходные смыслы, связанные с обозначением нестандартного движения, находят точные (но более полные) параллели в этих примерах, как лит. *lingúoti* 'качать; качаться; колыхаться; шататься; сгибать(ся); кланяться; склоняться; с трудом идти' («lėtai, sunkiai, svyruojant eiti, važiuoti», ср.: *Jurgis jau l i n g a v o keliu ant Snaudžių*; *Barškėjo dvi arklių traukiamos grėbiamosios, į vieškelį l i n g a v o prikrauti vežimai*; *L i n g ú o j a s, l i n g ú o j a s ant vietos, nė eiti dorai nemok.* LKŽ VII, 529—530), 'работать согнувшись', *liñginti* 'идти качаясь, сгибаясь', *lingė́ti*, *lingénti*, *linginė́ti*, *lingti*, *lingurti*; *lingačiúoti*, *lingečiúoti*, *lingučiúoti*, *lingesčiúoti* (ср. также *léngti*, *leñgti* 'слабеть; никнуть; долго болеть', *léngėti* и под.)[46]; лтш. *lĩguôt*(*ies*), *lĩgât* 'качаться; колыхаться; колебаться; шататься;

идти покачиваясь; медленно работать; петь песни («лиго») и др. (Mülenbachs — Endzelīns II, 484; ср. *ļeñgât* 'шататься' и др.; *ļuodzît*, *ļuogât* 'zum Wanken bringen', *-tiês*); рус. *лягáть*, *лягáться* 'качать из стороны в сторону; махать; развеваться; двигать(ся) взад и вперед; сучить (ногами); биться в судорогах, конвульсиях; качаться; колыхаться; трепыхаться; пошатываться на ходу из стороны в сторону; болтаться; свободно свисать' и т. п. (СРНГ 17, 254—255, ср. *ля́гендать* 'трястись', *ле́гандать*, *леге́ндить*, *ле́гайдать*. СРНГ 17, 309, 310) и др.

Эти примеры, перекликающиеся с др.-инд. *liṅg-*, в отличие от последнего менее изолированы и входят в более крупные совокупности семантически и формально связанных лексем, где обнаруживаются и такие значения, которые не представлены др.-инд. *liṅg-*. Таковы, например, обозначения неустойчивой, колышащейся, тряской почвы (обычно болотистой или заполненной водой впадины, низины, выемки). Ср. лит. *lingýnas* 'klampi vieta, pelkė' (*Velniui ir... l i n g y n a ĩ vieškeliais nusėti*. LKŽ VII, 527), *léngė* 'дол; впадина; низина; углубление' и т. п. (ср. *lénkė* то же), — при *Ling-*, *Lang-* в обозначениях низко расположенных (в частности водных) объектов, ландшафта (лит. *Lángas*, *Lángabalė*, *Lángiaraistis*, *Langìnė*, лтш. *Lànga*, *Langa-purvs*, прус. *Langene*, *Langodis* и др. при: лит. *Lingis*, *Lìnga*, *Lingaraitis*; *Liñgė*, *Lingųmà* и др. [47]), ср. также лит. *lankà* 'луг' и т. п. Еще многочисленнее соответствующие славянские примеры, среди которых особенно показательны рус. диал. *ля́га* 'болотистое топкое место; болото; сырое место' («скопление воды в низком месте и само топкое место»); болотистая лужайка; поляна; лощина; впадина (обычно заполненная водой); яма, выбоина; рытвина (на дороге); лужа, грязь, слякоть; глубокое место в реке; омут, небольшой водоем, озеро; сухое место среди болота; неудобная земля; дырка, лунка; трава (болотная?), похожая на осоку', ср. *лягóтина*, *ля́готь*, *ля́гова*, *ляговúна*, *лягúрь*(?) и т. п. (СРНГ 17, 253—255) [48].

Но, конечно, более интересны не те примеры, которые находятся на периферии по отношению к др.-инд. *liṅg-*, особенно *liṅga-* и, так сказать, «экстенсивно» реализуют возможности, заложенные в словах этого корня. Несравненно существеннее те балтийские и славянские параллели (будь то отдельное слово или целые — пусть небольшие — контексты), которые фиксируют хотя бы частичное сходство с др.-инд. *liṅga-* как раз в сфере выражения смыслов, связанных с з н а к о в о с т ь ю. Среди различных типов семантической мотивировки слов, передающих идею з н а к а (ср. лат. *signum* 'знак' как н а с е ч к а (*secō*, *segmen* и т. п.), вырезанная на предмете отметка, придающая ему знаковый характер; или слав. **znakъ* — в связи с и.-е. **g'en-* 'рождаться; быть в родстве' и 'знак' (ср. также использование этого корня для обозначения частей тела — колено (ср. *поколение*), подбородок и т. п. [49]); или др.-греч. σῆμα как нечто воспринимаемое зрением, видимое), если σῆμα связано с др.-инд. *dīdhiti-* 'блеск, сверкание' и т. п. [50] к *dhyā-*), видное место занимает такой способ обозначения, при котором з н а к о м считается то, что подвешено (привязано или жестко укреплено) на высоком вертикальном предмете и обычно развевается, раскачивается, трепещет (ср. знамя, флаг, если говорить

о наиболее известных и доживших до наших дней знаках этого типа) или приводится движение путем размахивания. Будучи отмеченным как верхняя точка вертикали и находясь в движении, такой материальный субстрат знака оказывается особенно броским и легким для восприятия с помощью зрения (заметным). Поэтому конструкция этого рода более или менее повсюду используется для сигнализации. Такие примеры (см. СРНГ 17, 254), как рус. диал. *флаг лягается* (т. е. развевается по ветру) или *Три раза фонарем лягнул: парус снимать* (где *лягáть* значит «качнуть что-либо, махнуть, сигналя, предупреждая о чем-либо»), или, наконец, просто *лягнýть рукóй* (т. е. махнуть ею, подавая сигнал) и т. п., свидетельствуют со всей бесспорностью употребительность корня *ляг-* (слав. **lęg-* < и.-е. **leng-/*ling-*) при обозначении знака, сигнала[51], во-первых, раскрывают семантическую подоплеку такого обозначения (разнонаправленное движение объекта-знака), во-вторых, и доставляют точную параллель к др.-инд. соотношению *liṅga* 'знак': *liṅg-* (как обозначение разнонаправленного значения), в-третьих[52]. Если русские примеры бросают свет на то, каким образом такое действие трактуется как знаково обусловленное, то литовские факты относятся прежде всего к обозначению того объекта (длинный вертикальный предмет, служащий для подвешивания, нежесткого прикрепления к его верхней части чего-то раскачивающегося), который в других традициях может выступать как сам знак или его носитель («держатель»). Так, в связи с др.-инд. *liṅga-* заслуживают особого внимания лит. *lìngė* 'жердь или шест для подвешивания колыбели' (ср. *Reikia pritaisyt lìngė, kad būt kur lopšys pakabint*), но и 'рессора'[53], *lingȳnė* то же (*Lingȳnė yra kartis, ant kurios pakabintas lopšys kūdikio linguojas*), но и 'колыбель, люлька, качели' (ср.: *Reiks vėlai gulti reiks ankstie kelti,... lingynelę linguoti; Daug gražių mergelių lingynej linguojasi*), *lingstìs* и др. (см. LKŽ VII, 525, 527—528). Легко заметить, что обозначение шеста, жерди с помощью элемента *ling-* отсылает и к стандартной метафоре membrum virile, обозначаемого через соотнесение с указанными объектами или с соответствующими движениями (раскачивание, размахивание (ср. *махаться* в любовном словаре XVIII в., разумеется, с иной мотивировкой), приведение в вертикальное положение и т. п.)[54]. Следовательно, и др.-инд. *liṅga-* 'membrum virile' могло предполагать сходную мотивировку и не сводиться с непременностью к его производству от первичного *liṅga-* 'знак'. И уж во всяком случае др.-инд. *liṅga-* как мужской признак (знак мужчины, пола) получает благодаря проанализированным балтийским и славянским фактам не только надежные параллели, но обретает более или менее очевидный индоевропейский контекст — как языковой (он может быть более или менее существенно расширен хотя бы за счет таких потенциальных соответствий, как тох. АВ *länk-* 'pendere' (< и.-е. **leng-*), др.-греч. λαγγάζω 'ослабевать', может быть, хет. *lingāi-*, *lingan-* 'клятва', *linganu-*, *link-* 'клясться'[55], алб. *lëngor* 'гибкий', ср. также *lëngój* 'чахнуть, изнемогать; болеть', *lëngátë* 'болезнь; недуг' (ср. выше др.-греч. обозначение слабости) и т. п., не говоря уже о формах без *n*, выступав-

шего некогда как инфикс), так и ритуальный и специально знаково-культурный (ср. такую отмеченную категорию знаков par excellence, как мировое дерево (с функцией связи между космическими зонами, ср. лат. *ligare*: и.-е. **li-n-g-*) и разные его трансформации и снижения, нередко кодируемые элементом **ling/*leng-* и под., — столб, шест, древко, жердь, знамя в различных его исторически засвидетельствованных формах (хоругвь[56], бунчук с развевающимся конским хвостом, флаг, разные знаки римских легионов, вымпел и т. п.) и др. вплоть до membrum virile, знака мужчины и рода).

---

[1] См.: *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 281; *Он же.* Ранние славянские этнонимы. 1. Славяне и Карпаты. — Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, 56; *Он же.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, 52.

[2] Ср. чеш. *Ještěd*, название горы в Северной Чехии, трактуемое (см. названные работы) как **ask-kēt-* 'ясеневый лес'. Иначе трактуется чеш. *Ještětice*, название деревни около Rychnov'a (ср.: *Jan z Rzymycz. . . z Jesstietyz*, 1422 и т. п.), см.: *Profous A.* Místní jména v Čechách. Díl II, Praha, 1949, 136 (из Nom. pr. *Ješek* (от *Jech* < *Jan*) с помощью *-ęta* > *-'ata*).

[3] Ср. ветхозаветный Киттим (Числа 24, 24; Исайя 23, 12).

[4] К толкованию названия жителей Дервы как 'Waldleute' ср.: *Mayer A.* Die Sprache der alten Illirier. Bd. 1. Wien, 1957, 44.

[5] См.: *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin—Leipzig, 1922, 61 (автор предпочитает сравнивать эти примеры с такими Nom. pr., как прус. *Keite*).

[6] См.: *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, 44.

[7] См.: Lietuvos administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis. Vilnius, 1976, 132.

[8] См.: Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, 73.

[9] См.: *Endzelīns J.* Latvijas vietvārdi. I daļa. 2. sējms. K.—O. Rīgā, 1961, 211.

[10] См.: *Būga K.* Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1961, 61; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 212 и др. — Ср. др.-греч. гидроним Κέτος (в Эолии) (?).

[11] К ранее приводившимся балкано-карпатским и средиземноморским соответствиям, охватывающим не только отдельные факты, но и некие топонимические микроконтексты, можно добавить карп.-балк. **Karpat-* (Καρπάτης ὄρος и т. п.) & **kēt-* (**biz-kēt-/-kit-*, Κέτιον ὄρος и т. п.) — средиземноморск. (кипр.) Καρπασία, местечко на сев.-вост. оконечности Кипра (ср. также Κάρπαθος, о-в между Критом и Родосом, *mare Carpathium* как обозначение Эгейского моря и т. п.) & Κίτιον, *Citium* (**kēt-/*kit-*), на юге Кипра. Эта же пара **Karp-* & **Ket-* известна и в балтийском ареале.

[12] Ср.: *Balnas arklį suspaud ant keteros; Arklys nusigrandė sau keterą; Drožiau vilkui į keterą; Kai šuo lenda, tai katė tik kẽterą pastato ir prunkščia; Šunes jo užpakaly keteras pasiaušė; Prieš viens kitą keteras stato kaip katinai; Žiūri — viens ant kito keteras pastatę* и т. п. — LKŽ V, 648.

[13] Ср. особенно (в отнесении к горному ландшафту): *Nušvitusiam danguje aiškiai ryškėjo trys keteros* (три вершины); *Aušra juokėsi kalnų keterose* (на горных вершинах); *Jie atšliaužė į kalvos keterą* (на вершину холма); *Iš pietų — kreidinė kalno ketera* (горная вершина); *Iš už kalnų keteros* (из-за горной вершины) *pūtė vėsus vėjas; Kalnaj* (горы), *atstatę savo keteras* (вершины), *debesis rėmė* и т. п. См. LKŽ V, 648; XII, 847—849 (ср.: 'верхушка крыши; конек; вершина горы'; *Sėk nesėk — sketerõj niekas neauga; Vėjas šniokšdamas per parko viršūnes skriejo į ūkanotas kalnų sketeras* и др.).

[14] Ср: *Visas jo dirbtojo darbo kėtis toks platus, jog nė negalima, kad kalbos dalykus būtų aplenkęs* (LKŽ V, 651).

15 Прежде всего привлекают внимание метафорические образы с участием этого глагола в связи с «древесной» тематикой, ср.: *Auk, o b e l ė l e, aukščiau dvarò, kalėda, k ė s k i e š a k e l e s, plačiau dvaro, kalėda; M e d i s nuo šalčio k ẽ č i a s ir sprogsta; J is. . . k ė t ė rankas kaip m e d i s* (ср. также: *K e č i a s, k e č i a s pinavijos rūtelių darželiuos; Pumpurai k ė t ė s i, žydėjo* и т. п., LKŽ V, 644); *M e d i s, žiedas, lapas s k ẽ č i a s; Ąžuolo šakos s k ẽ t ė s* и др. (LKŽ XII, 846).

16 Характерно в семантическом плане само соотнесение двух формантов — литовского (*-era*) и русского (*-ина*).

17 См. ЭССЯ 4, 93, 99; Słownik prasłowiański 2, 179, 188 (с отсылкой к **ščetina, *ščetь*).

18 Значения, восстанавливаемые для корня **kẽt-* и реализующиеся в таких клишированных образах, как щетинистые верхушки деревьев или островерхих гребней в горах (эти образы часто используются для описания карпатского ландшафта в географической, природоведческой, краеведческой литературе), актуализируются с особой силой в архетипическом образе Карпат в «Страшной мести» Гоголя. По сути дела, «щ е т и н я т с я» г о р ы («. . . идут рядами высоковерхие горы. Гора за горою, будто каменными цепями, перекидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменной толщей. . . Идут каменные цепи. . . и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их. . . Чуден и вид их: не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны и они, окаменев, остановились недвижно в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромоздили собой землю? . . . а белая верхушка блестит и искрится при солнце. . . Горы этой нет выше между Карпатом, как царь поднимается она над другими . . .»), «щ е т и н я т с я» д е р е в ь я в л е с у («Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом, и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его . . .»), «щ е т и н я т с я» м е р т в е ц ы («Ворочал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата . . . И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы. Еще один всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах был этого сделать, так велик вырос он в земле; а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат . . .»). Но через образ щ е т и н ы (**sket- : *ket-*) описывается и колдун, отец Катерины, нашедший на Карпате свою гибель — «Но отчего вдруг стал он недвижим . . . и отчего волосы щ е т и н о ю поднялись на его голове? . . . Все пропало». — К мотиву «щетинящихся», «растопыривающихся» ветвей (см. выше у Гоголя) примеры уже были приведены. В литовском эти же атрибуты очень характерны и для рук, ср.: *rankas praskẽsti, išskẽsti* (*išskẽstomis rañkomis* и т. п. (LKŽ XII, 847—848); собств. — «ощетинивать руки».

19 Интересно, что «карпатская» форма этого корня с исходом на звонкий смычный (**kẽd-*), предполагаемая названиями типа польск. *Bieskidy, Bieszczady* и т. п. или чеш. *Ještěd*, согласуется с отмеченной в балтийском синонимичной (по отношению к **kēt-*) разновидностью **kēd-*, ср. лит. *kẽdoti* (*Kalbėdamas jis k ė d ó j a rañkomis* и т. п.): *kėtóti*; ср. Fraenkel, 246 (где указана форма *kėdóti*).

20 Ср. также название кипрского города Κίτιον, славившегося своими соляными к о п я м и (ср. рус. *копь* 'яма' — *копец* 'холм; насыпь' и т. п.). Очень похоже, что Κίτιον (< **Kēt-*) связано с тем кругом слов, к которому принадлежит не объясненное до сих пор др.-греч. κητώεις, значение которого предположительно восстанавливается как 'изрытый ущельями; изобилующий пропастями' и т. п. (см. также ниже).

21 Точнее было бы, отказавшись от фиксации исходного состояния, прибегнуть к установлению двух разных типов отношения между данным элементом (лексемой) и двумя разными — для севера и для юга — денотатами.

22 В другом месте был поставлен вопрос о возможности связи индоевропейского обозначения числа 4 (**k^u etu̯or-/u̯er-/ur-*) с идеей развертывания, разворачивания и т. п., выражаемой, в частности, балт. **kẽt-*. Это предположение согласо-

вывалось бы с обозначением объектов ландшафта с горизонтальным измерением.

[23] Использование корня **ket-/*sket-* в качестве Nom. pr. (см. выше прусские примеры) находит свои аналогии в примерах с эксплицированной семантикой, ср. *Щетина*, *Щетинин*, *Щетка* и т. п.; см. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, 377.

[24] См. *D'Arcy W. Thompson.* A Glossary of Greek Fishes. London, 1947, s. v.

[25] Элемент κητ- входит в состав Nom. pr.; ср. имя титаниды Κητώ, дочери Понта и Геи, сестры и жены Форкиса, матери Граий, Горгоны, Эхидны; имя чудовища, посланного Посейдоном для наказания Андромеды, Κῆτος (*Cētus*).

[26] См. *Fontenrose J.* Python. A Study of Delphic Myth and Its Origins. Berkeley — Los Angeles, 1959 (иллюстрации).

[27] Теоретически можно было бы думать о выборе корня **kēt-* в связи с названием кита как актуализации мотива его исключительных размеров (размах, расширение), но реальные аргументы в пользу этого предположения остаются неизвестными.

[28] См. *Žulys V.* Keleto retų žodžių istorija. — Baltistica 1, 1966, 152—153.

[29] Ср. старорусскую «Повесть о Ерше, Щетинникове сыне», в которой мотив «щетинистого» ерша (ср. колючки на жаберных крышках) опирается на соответствующую фольклорную традицию (само слово *ёрш* обозначает не только рыбу, но и зазубренный гвоздь, заостренный зубец остроги, торчащие (стоящие) волосы, ежа и т. п., см. СРНГ 9, 36). Ср., между прочим: Долго ерш еще кричал | . . .А проказника дельфины Все тащили за щетины. . . «Конек-горбунок»; не менее выразительно описывается здесь же и кит: Поперек его лежит Чудо-юдо рыба-кит. Все бока его изрыты, Частоколы в ребра вбиты. . .

[30] Исходным элементом могли бы быть, например, **eš-* (**erš-*) и **kĕt-*//**skĕt-*. Ср. показательный контекст — лит. pirštus susibadžiau į ešerio ketùrą «я уколол себе палец об колючки (гребень, плавник) окуня» (LKŽ V, 648), где как раз оба элемента *eš* и *ket-* соседствуют.

[31] Сугубо гипотетически (учитывая образования типа **ket-er/ar-*) можно поставить вопрос об обращении в этом контексте к таким неясным словам, вероятно, догреческого происхождения, как Κιθαιρών (лесистая гора на границе Аттики и Беотии) или κιθάρα 'кифара' и связанное с ним κίθαρος 'грудь; грудная клетка', но и 'плоская рыба типа камбалы' (метафорическое обозначение рыбы по музыкальному инструменту само по себе может свидетельствовать — с известным вероятием — о некогда имевшем место обратном процессе; ср. «распяленность», «растопыренность» кифары, обеспечивающая натяжение струн, или ряд колышков-выступов (κόλλαβοι) на перекладине (ζυγόν) и т. п.

[32] Весьма полное собрание примеров и их анализ см.: *Rădulescu M.-M.* Romanian Words of Dacian Origin. 1. Romanian *găură* and its family of words. — In: Studia Indoeuropaea ad Dacoromanos pertinentia. 1. Studii de tracologie. București, 1976, 105—117; ср. *Idem.* Daco-Romanian-Baltic common lexical elements. — Ponto-Baltica 1, 1981, 39—41.

[33] Название леса около хеттского города Тауриса ^{GIŠ}TIR *gauriya-* производят от хатт. *ur(a/i)* 'источник' и *ka-* 'на' (?) (вода этого лесного источника использовалась в обрядах бога Грозы Нерика). См.: *Haas V.* Der Kult von Nerik. Roma, 1970, 130—133; *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982, 15, 165. Ср. хатт. *gaurantiu* 'стоит над источником' (Friedrich, 317).

[34] В отношении определения и.-е. источника этих балтийских слов Рэдулеску расходится с Френкелем: если последний (Fraenkel, 150, 179) возводит эти слова к и.-е. **geu̯-/*gou̯-* 'выпуклый' или 'вогнутый; быть искривленным', то Рэдулеску склонен связывать их с и.-е. *ĝhēu̯- 'зиять' (Pokorny, 449: др.-греч. χάος и под.).

[35] Интересно, что есть мнение, согласно которому лит. *gaũris* могло обозначать и болото. См.: *Tarvydas S.* Lietuvos vietovardžiai. Vilnius, 1958, 42.

[36] Lietuvos. . . žinynas, II, 79; Lietuvos upių ir ežerų vardynas, 43; *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981, 109 (предполагается связь с лит. *gaũris*, *gaurỹs*, *gaũrė*).

[37] См. *Endzelīns J.* Latvijas vietvārdi I, 1, 304.

[38] *Kiparsky V.* Die Kurenfrage. Helsinki, 1939, 100—101.

[39] Подробнее о славянском материале см.: *Куркина Л. В.* Словенско-восточнославянские лексические связи. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 92—94; *Она же.* К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -*u*-. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, 66—67; *Skok* I, 634; *Bezlaj* I, 187; ЭССЯ 7, 177—178, 184 и др.

[40] Связь идеи изогнутости-искривленности с обозначением волос подтверждается многими примерами типа алб. *krip* 'волосы' при лит. *krỹpti* (*kreĩpti*) 'искривлять'.

[41] Майрхофер указывает основные попытки индоевропейской этимологии этого слова: «к иран. **ringa-*, реконструируемому на основании авестийского названия созвездия *haptō-iringa-* (совсем иначе — *Szemerényi.* — Innsbr. Tagg. 191, ср. *Filliozat.* — JA 250, 326); к гот. *leik-* 'тело', *ga-leiks* 'подобный', лит. *lýgus* и т. п. (WP II, 398—399); к др.-исл. *lim*(*r*) 'ветвь; член', лит. *liemuõ* 'туловище; ствол; основа' и т. п. (*Petersson.* Balt. u. Slav. 23); из др.-инд. *ny-aṅga-* 'знак' с диссимиляцией *n* > *l* (ср. *laṅgar-*; *Burrow.* Sarūpa.—Bhāratī 9: к *añj-*)» — с кратким резюме, относящимся ко всем этим предложениям: «Die vorgeschlagenen idg. Anschlüsse an *liṅga* . . . überzeugen jedoch nicht» (*Mayrhofer* 19, 101).

[42] Ср. двенадцать основных «линг» Шивы, пользующихся в Индии особым почитанием.

[43] См.: *Mayrhofer* 19, 101: «Przyluski, BSL 24, 118—120; Pre-Aryan 8 и сл.; Sur, ABORI 13, 151—152; ср. также Kuiper AO 16, 307 и др.».

[44] Этот вывод, между прочим, подтверждается такими словами, как *liṅgika-*, *liṅgita-*, обозначающими х р о м о т у, *laṅga-* 'хромой; хромота', *ati-laṅg-* 'хромать', *laṅgin* (хинди *lāgaṛ*, *laṅgṛā* 'хромой', ср. также *laṅg-*, *laṅkh-* 'gatau' (Dhātupāṭha). Соотношение *liṅg-*: *laṅg-* очень важно с точки зрения индоевропейской морфонологической модели (*e* : *o* : ∦). Следовательно, уже на этом этапе появляется серьезный аргумент в пользу принадлежности *liṅg-* (: *laṅg-*) к индоевропейскому слою.

[45] *О liṅg-*, *laṅg-* см.: *Mayrhofer* I, 80; 19, 86 (с литературой вопроса); *Turner R. L.* Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966, 629a, 641a и др.

[46] Ср. с другим вокализмом: *lunguoti* 'качать(ся)' и т. п., *lùnginti* 'махать' (*Šuva uodega l ù n g i n a.* VII, 687), *lungéntis*, *lùngytis*, *lùngtelėti*, *lùngčioti*, *lùngstelėti*, *luñgurti* и т. п. (LKŽ VII, 687).

[47] См.: *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981, 180, 192. Существенно, что примеры этого рода делают бесспорным включение в этот же круг лит. *lángas* 'окно', но и 'дыра; отверстие; впадина; лунка; окно' (очко в болоте) и подтверждают связь *lángas*, лтш. *luôgs*, прус. *lanxto* 'окно' с слав. **lǫgъ*, **lęgъ* (ср. рус. *луг*, польск. *łąg*, *łęg*, чеш. *luh* и т. п. топографические обозначения).

[48] В этом семантическом круге получает свою мотивировку и название лягушки (ср. рус. диал. *ля́га* и т. п.) и, видимо, некоторые другие слова с корнем *ляг-*, но сильно отклоняющимися значениями.

[49] См.: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, 154 и сл.

[50] Видимо, сюда же относится и другое название знака — др.-инд. *lakṣa*, *lakṣ-man-* (к *lakṣ-* 'замечать').

[51] Ср., впрочем, сходные предпосылки в литовском, напр.: *Moteris tik l i n g a č i ū o j a gálva, žiūrėdama an ažumuštą vaiką* (LKŽ VII, 525) и под.

[52] Можно пойти еще дальше, подчеркнув, что благодаря именно этим русским примерам соотнесение др.-инд. *liṅga-* и *liṅg-* приобретает особую доказательную силу.

[53] Лит. *liñgė* 'лунь', остающееся не объясненным, конечно, связано с анализируемой группой слов, хотя мотивируется это название птицы иначе — через особую белесоватость, тусклый блеск, характерный для Falko rusticolus (ср. *сед, как лунь*). Мерцающий блеск оперения луня как бы реализует мотив цветового (светового) к о л ы х а н и я, к о л е б а н и я, переливания (разнонаправленность зрительного эффекта). Уяснению семантических отношений в этом случае особенно помогают русские данные; ср. *лунь*, птица : *лунь* ж. р.

'тусклый свет; блеск; белизна' (ср.: *Он слеп, только л у н ь видит*. Даль II [4], 707—708): *луни́ться* 'светить; отсвечивать; тускло светлеться; светать', *луни́ть* 'светить слабым мутным блеском; хлопать глазами, выказывая бельма' и т. п. Ср. особенно в связи с значением 'membrum virile' рус. диал. *лу́но*, об окопечности детородного члена у жеребцов и меринов (*плёшка* и т. п.), ср. СРНГ 17, 196. Еще в прошлом веке было подмечено, что лтш. *līguôt*, особенно в песнях Ивановского цикла (24 июня), употребляется фактически для обозначения «игры цветов и света» в связи с характерной «игрой» солнца в этот день (ср., например, *parādies tu, s a u l ī t e, kuŗu vidu tu l ī g u o j i*; *l ī g u o s a u l e launagā, nuo launagā vakarā*. Mūlenbachs—Endzelīns II, 484; *L'e i g o j* bite, *l'e i g o j s a u l e* . . . и др.). См.: *Вольтер Э. А.* Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, 1. СПб., 1890, 44 и сл., не говоря уж о ряде более поздних исследований. Мотиву солнечной пляски (*saul-* & *līg-*) отвечали бы такие употребления глагола *луни́ться*, как: *С о л н ы ш к о зашло, а в окнах л у н и т с я*, т. е. «отражается слабым светом, тусклым отблеском» (СРНГ 17, 195), и, может быть, название пляски вроде казачка *лунёк*; ср. выше. др.-инд. *liṅgayati* 'расписывать красками' (='испещрять').

[54] Ср., напр., лит. *vir̃ptis* 'тычинка; шест', *várpa* 'колос', но и 'm e m b r u m v i r i l e', лтш. *var̃pa*, *varpiņa*, прус. *arwarbs* 'оселина; дрога' — при таких «коровайных» контекстах, как: *Ой, караваю, караваю, які жа ты в ы р а п а ю*; *Росты, караваю, росты, як хмель на тычини*; *Росці, караваю, выше столба медзяного* и т. п. и фаллических символах из теста, помещаемых на самом коровае. — К сексуальным ассоциациям рус. *ляг-* ср. характерное словоупотребление в частушке, возникшей в пореформенное время: *Сорок лет коровы нет, Маслом отрыгается, На дворе один петух С курочкой л я г а е т с я*. См.: *Елеонская Е. Н.* Сборник великорусских частушек. М., 1914, № 834. Бытование этой частушки в наше время в Ленинграде (Удельнинский парк) отмечено в статье: *Шаповалова Г. Г.* Деревенская частушка в городе. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада. Л., 1977, 86.

[55] Ср. слав. **klętva* : **klęti* при **kloniti* (т. е. наклоняться, сгибаться и т. п. как действия, выражающие, в частности, обряд принесения клятвы).

[56] Ср. монг. *oruŋgo*, *oruŋga* 'знак; знамя'.

О. Н. Трубачев

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ЭТИМОЛОГИИ

Θαμιμασάδας — 'Οκταμασάδης

С этими личными собственными именами, выступающими в «Скифском рассказе» Геродота, связано немало проблем. Первое из них — имя бога, эквивалентного греческому богу морей Посейдону: ὀνομάζονται δὲ Σκυθιστὶ. . . Ποσειδέων δὲ Θαμιμασάδας (вар. Θαγιμασάδας) (Herod. IV, 59). Перед этим там же Геродот говорит, что Посейдону приносят жертвы царские скифы, что, откровенно говоря, затрудняет нижеследующие соображения, однако не настолько, чтобы полностью перевесить сообщаемые нами далее наблюдения над конкретными моментами формы этого и парного с ним другого имени — 'Οκταμασάδης. Лицо, носившее это второе имя (Herod. IV, 80), не было богом и относилось не к скифам царским, а к другой, западной части Скифии, граничившей с Фракией (по Нижнему Дунаю), а также с землей агафирсов на западе. Отец Октамасада, местный скифский царь Ариапиф,

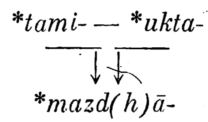
погиб от козней царя агафирсов Спаргапифа. Сыновья Ариапифа — Скил и Октамасад — родились от нескифских матерей: первый — от истрианки (т. е. видимо, гречанки), второй — от дочери фракийского царя Терея. При этом один носил выразительное имя Σκύλης, этимологически (если из ир., скиф. *skuδa-) тождественное одному из самоназваний скифов — Σκύθος (подробностей этимологии здесь не касаемся [1]), а второй получил имя, иранский, скифский характер которого отнюдь не достоверен. Такие авторитеты в исследовании скифских имен как Фасмер и Абаев не могли доказать иранско-скифскую принадлежность имени Ὀκταμασάδης: Фасмер, формально рассматривая это имя среди скифских реликтов, склоняется к мысли, что это скорее фракийское имя [2], а Абаев вообще не включает имена Ὀκταμασάδης, Θαμιμασάδας в свою известную работу «Скифский язык» (Абаев ОЯФ I, 147 и сл.), в новом издании называемую «Скифо-сарматские наречия» [3].

Нетрудно видеть парную связь этих имен — теонима Θαμιμασάδας и антропонима Ὀκταμασάδης. Этимологический анализ во всяком случае должен строиться на учете этой связи, которая уже априори, т. е. до начала собственно этимологического исследования, диктует условия и указывает, что оба имени двучленны, причем второй член у них общий (-μασαδας, -μασαδης), а первые члены — разные (Θαμι,- Ὀκτα-). Для иного членения эта яркая парность не дает оснований, поэтому, когда Фасмер ищет объяснение в фракийском, он, видимо, допускает подмену лингвистических аргументов брачными и династическими (мать Октамасада была дочерью фракийского царя), пытаясь же, далее, сблизить форму имени Ὀκταμασάδης с якобы фракийским именем Μηδοσάδης, он нарушает названное выше условие членения, заданное парностью обоих заинтересовавших нас имен, что неминуемо обрекает его анализ на неудачу [4].

После этого необходимого критического вступления мы не видим иной возможности объяснения имени Θαμιμασάδας (считая этот вариант чтения наиболее авторитетным), кроме как из индоарийского *tami-mazd(h)ā- 'мудрый (своим) молчанием', ср. др.-инд. tā́myati 'задыхаться, терять сознание, слабеть; утомляться; томиться' [5], родственное слав. *tomiti (иранские соответствия нам неизвестны) (Mayrhofer I, 495), а также — для второго компонента имени — ср. др.-инд. medhā́- мудрость', medhá- 'разумный' [6], до исчезновения в последнем z, ср. авест. mazdā̊ 'мудрый' (Mayrhofer II, 685—686) [7]. «Скифское» имя бога моря расшифровывается, таким образом, как 'мудрый молчанием' (см. также ниже). В свою очередь, имя Ὀκταμασάδης могло бы продолжать индоар. *ukta-mazd(h)ā- 'мудрый (своей) речью', второй компонент которого идентичен аналогичному компоненту первого имени. Иранское происхождение имени в целом менее вероятно, ему противоречило бы отличие форм (а в них — групп согласных), ср., с одной стороны, др.-инд. ukta- 'сказанный произнесенный; слово' [8], а с другой стороны — авест. ūhtō- (Mayrhofer I, 495). Кстати сказать, последняя (иранская) форма могла бы быть довольно адекватно передана средствами греческой графики как *Οὔχθα- или *Ὄχθα-, чего, однако, не произошло,

и мы имеем в действительности довольно характерную форму 'Οκτα-, принципиально более близкую индийскому, а не иранскому состоянию. Любопытно отметить, что фактически тождественную этимологию уже выдвигал Мюлленхоф, с тем существенным отличием, что, руководствуясь своей идеей иранской принадлежности скифского, он выдвигал ее в иранской версии, что встретило как раз критику с фонетической стороны у Фасмера [9]. При этом ни тот, ни другой не обратились к более точному индийскому соответствию.

Ценная для нас лексико-семантическая оппозиция Θαμιμασάδας — 'Οκταμασάδης подкрепляет предположение о наличии в первом из них основы со значением 'молчать', хотя прямо это значение не засвидетельствовано ни у др.-инд. *tam-*, ни у и.-е. родственных форм. Но индоевропейские глаголы со значением 'молчать' вообще все регинальны и обычно образованы путем инноваций, известны и примеры семантической эволюции 'слабеть' → 'молчать' (см. Buck 1258—1259: 'be silent'). Нельзя поэтому исключать принципиальной возможности развития местным древним диалектом своего термина 'молчать', отличного от др.-инд. *tūṣṇīm*, авест. *tušni-* тем более, что коррелятивное *ukta-* 'слово, речь' оставляет нам только эту возможность:

Остается весьма серьезная проблема отражения **mazd(h)ā* в виде -μασαδας, -μασαδης, т. е. передачи туземного *zd* через греч. σαδ. Казалось бы естественным ожидать передачи *zd* с помощью греч. ζ. Однако специальные исследования привели к заключению, что в ионическом и аттическом вариантах греческого языка ζ не произносилось как *zd* [10]. Правда, тот же исследователь отмечает произношение ζ = *zd* в лесбосском письменном варианте и — в традиции ученых грамматиков. Этой последней мы обязаны также случаями передачи др.-перс. *Artavazda* как 'Αρτάβαζος (Геродот) или *Auramazdā* как 'Ωρομάζης (Платон) [11]. Как бы то ни было, идентификация -μασαδας = -*mazd(h)ā* продолжает оставаться спорной именно в этом пункте.

Принадлежность Октамасада к скифской царской фамилии и одновременно — нескифские, индоарийские корни его имени не должны удивлять. Как раз здесь, в западной, или, по Геродоту, «Старой» Скифии царствовал раньше род Анахарсиса, отмеченный выразительно неиранской антропонимией с индоарийскими связями: Гнур, Анахарсис, Иданфирс, Савлий, Кадуидас [12]. Интересующий нас эпизод разыгрался здесь же, в непосредственной близости от Ольвии (у Геродота — Βορυσθενεϊτέων ἄστυ, πόλις 'город борисфенитов'), этой античной Одессы, совратившей своим эллинским духом Скила, вследствие чего он погиб от руки брата — Октамасада.

Сюда же тянулся и след бога моря скифов царских — Тамимасада, так как морем для скифов был Понт Эвксинский, наиболее доступный для них в своей северо-западной части. При всей гипоте-

тичности предложенной нами индоарийской этимологии имени этого бога, мы видим все-таки в ней способ объяснить все слово и его компоненты в контексте других близких имен, чего нельзя сказать об основанной на произвольном членении этимологии варианта Θαγιμασάδας в связи с ир. (авест.) *Yima-* и персидским *Джамшидом* [13].

**aulan-samsara-* 'шерстяной, волосяной мыс'

Так называемый «Равеннский Аноним» упоминает в своем списке прибрежных понтийских «городов» (civitates) некий *Aulansum* или *Anlansumsaram* других рукописей [14]. Новейший исследователь Т. Пекканен отмечает уникальность этого свидетельства, неизвестного из других источников [15]. Он склоняется к раздельному чтению и эмендации *Anlansum*, *Saram* [16]. Расходясь в этих деталях с нашим финским коллегой, мы предпочитаем слитную форму, фигурирующую в двух из трех списков «Анонима» и свою пробную эмендацию — *Aulansamsaram*, которая, как нам думается, помогает прояснить это темное и вместе интересное место, каких много в «Анониме», над гапаксами которого еще следует потрудиться науке. Предпринимаемая нами эмендация в общем незначительна (колебания *u*/*n* присутствуют в самих списках, как и слитно-раздельные варианты, существенно, пожалуй, только новшество *-sam-*, вместо *-sum-* в списках), а ее перспективность мы пытаемся показать в нижеследующей этимологии. Вообще списки городов этой анонимной раннесредневековой космографии поражают нас обилием «городов» на небольших участках черноморского побережья, которых, если верить «Анониму», оказывается в этих местах больше, чем их имеется там в наш урбанистический век. Но даже если сделать скидку, допустив, что это были по большей части не «города», а скорее названия мест, ценность этих сведений почти не уменьшается. В списках «Анонима» наряду с уникумами мелькают, к счастью, и известные уже из других источников названия, что дает нам в руки географический ориентир и контекст. Так, в интересующем нас месте «Равеннского Анонима» (IV, 5) перечислены «города» *Statuatum*, *Lamsacum*, *Ancarum*, *Aulansamsaram*, *Numuracum*, *Alecturum*, *Dandarium*, *Oluvium*. . . Очевидно наличие порчи также в других записях этого в принципе компилятивного текста; разгадав и исправив эти случаи порчи, мы безусловно смогли бы «привязать» к этногеографической карте Северного Причерноморья не одно название. Но есть и бесспорные или довольно ясные случаи, важные для абсолютной ориентации. В нашем отрезке списка это названия *Alecturum*, *Dandarium*, *Oluvium*. *Alecturum* тождественно античному φρούριον Ἀλέκτορος 'укрепление Алектора' (Дион Хрисостом, около 100 г. н. э.[17]). Этот оратор описывает данное место как расположенное около впадения в море рек Гипаниса и Борисфена, т. е. на Днепро-Бугском лимане. *Dandarium* — это название длинной Тендровской косы южнее входа в Днепро-Бугский лиман, со стороны открытого моря; об индоарийской принадлежности этого названия уже писалось [18]. «*Oluvium*. . . is clearly a repetition of *Olbiapolis*», — писал Т. Пекканен [19]. Дей-

ствительно, выше у «Анонима» уже назван *Olbiapolis*, т. е. город *Ольвия* при впадении Гипаниса (Ю. Буга). Такое соседство надежно привязывает наше *Aulansamsaram* к Днепро-Бугскому лиману. Но к какому месту конкретно? Неясность, таким образом, остается, и «Аноним» скорее усугубляет ее, сообщая названия без особого порядка и точности. Чтобы помочь ее развеять, мы предлагаем прочтение нашего названия как субстратного индоарийского сложения **aulan-samsara-*, где первый компонент идентичен др.-инд. *aurṇa-* 'шерстяной', а второй компонент образуют соответствия др.-инд. префиксу *saṃ-*(*saṇ-*) 'с, вместе' и *sara-* 'текущий'. В форме **aulan*(*a*)- 'шерстяной', таким образом, сохранился этимологический и.-е. *l*, что отмечалось и в ряде других примеров индоарийского субстрата Северного Причерноморья [20]. Мы отождествляем субстратное **aulan-saṁsara-* и прежде всего — его внутреннюю форму с внутренней формой названия Кинбурнской косы, или Кинбурнского полуострова, длинной и узкой полоской земли вдающегося в море при входе в Днепро-Бугский лиман. Кинбурн — это, собственно, тюрк. *kyl burnu*, что значит 'волосяной мыс'. Это сочетание, по отзыву специалиста-тюрколога (устная консультация Э. Р. Тенишева) представляется искусственным для тюркских языков, и мы, видимо, вправе предположить для него внешний импульс — передачу (перевод, кальку) значения более древнего, субстратного названия, которое тюркские насельники любопытным образом успели тут застать и даже вступить с соответствующим дотюркским этносом Едисана (тюркское, османское название этого района Северного Причерноморья) в преходящее двуязычие. Название **aulan-samsara-* 'волосяной мыс', если верна предложенная этимология, могло бы пополнить наши знания реконструируемого индоарийского субстрата, обогатив их апеллативом **ulana-* 'шерсть', откуда прилагательное **aulana-* 'шерстяной', ср. др.-инд. *ū́rṇā* 'шерсть' — *aurṇa-* 'шерстяной', но ир., авест. *varənā* 'шерсть'. Сюда же примыкает вскрытие еще одного примера глагольно-именной основы *sara-* 'текущий' с характерным неиранским сохранением *s*, неоднократно встречаемой нами в субстратных названиях Северного Причерноморья: **pari-sara-* 'обтекание', ср. *Palastra*, *Balisera*, старые названия Белосарайской косы на Азовском море (XV—XVII вв.) — др.-инд. *parisara-* 'округа, окружность', *parīsāra-* 'хождение вокруг', Παρίσαρα, город в Индии (Ptol. VII, 2, 23) [21]; **api-sara-* 'приток', которое можно реконструировать на базе крымского речного названия *Писара́*, притока Качи [22], ср. др.-инд. *api-sṛi-*; наконец, возможно, Μυσαρίς, восточная оконечность Ахиллесова бега (ныне Тендра) (Ptol. III, V, 2), если из субстратного **mukh-sari-*, ср. соседствующее у Птолемея греч. Κεφαλό-νησος, возможно, калькирующее субстратное название [23]. Определенная встречаемость образований от глагольно-именного корня *sr-/sar-* в роли обозначений прибрежных и водных объектов в Северном Причерноморье и довольно вероятная индоарийская языковая характеристика этих обозначений создают этнолингвистический фон нашей этимологии вероятного древнего названия Кинбурнского, «Волосяного» полуострова — **aulan-samsara-*.

ΜΑΤΑΣΥΣ. ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ

Этот этюд тоже посвящен западному району Северного Причерноморья, точнее — округе Ольвии, культурно-лингвистические данные которой уже неоднократно привлекали наше внимание в связи с вскрываемым субстратом. На этот раз речь пойдет о любопытном культурном памятнике — молибдии (письмо на свинцовой пластинке), найденном на острове Березань в Днепро-Бугском лимане. Открыватель и исследователь письма Ю. Г. Виноградов характеризует находку как древнейшее греческое письмо, датируя его VI в. до н. э.[24] Документ замечателен не только своей древностью, но и поразительной сохранностью: «не пропало не только ни одной строчки, но даже ни одной буквы текста» [25]. Эти формальные свойства немаловажны для нас и для нашей задачи: идентификации субстратных реликтов. Текст, который легко читается даже сейчас и в металле, и в прориси, гарантирует надежность определения и выделения слов и имен.

Однако 2500 лет, которые, видимо, отделяют время написания письма от нас, слитный характер письма (scriptio continua), ионический диалект и естественное наличие гапаксов в ономастике и апеллативной лексике делают понятным трудности, которые ждут каждого, кто возьмется прочитать это письмо. Письмо написано по-гречески, но в нем есть слова, которых нельзя найти в греческих словарях. В этих условиях, конечно, выводы исследователей могут разойтись, и любой из них испытает затруднения; не избежал этого и Ю. Г. Виноградов, несмотря на очевидную тщательность и на помощь компетентных консультантов. Должен признаться, что я расхожусь с автором в некоторых существенных деталях чтения греческого текста на свинцовой пластинке с Березани, найденной в 1971 г. и описанной в цитированной статье. Опуская здесь по соображениям краткости и из опасений отвлечься от темы «Indoarica» свое полное чтение березанского молибдия, как, впрочем, и чтение Ю. Г. Виноградова, упомяну лишь о своем несогласии с авторской трактовкой слова среднего рода τὸ φορτηγεσίο/ν/ как названия лица. Мне кажется, что этот гапакс обозначает грузовое судно (φορτηγεσίον, sc. l. πλοῖον), что как будто явствует и из состава слова (φορτ-ηγεσιον) и из содержания письма. Не могу, далее, согласиться с манерой чтения Ю. Г. Виноградова, при которой несколько произвольно то исчезает совершенно четкое местное название с предлогом ΕΝ ΑΡΒΙΝΑΤΗΙΣΙΝ (ясно в прориси да и на фото с пластинки, с. 76 статьи и рис. 1 на вклейке) 'в Арбинатах' [26], заменяясь на крайне маловероятную конъектуру ἐν ἄρ(τ)'ἵνα τῇισιν, не до конца ясную и самому автору; то явно апеллативное εὔνευρος (гапакс, неизвестный ни из лексики, ни из ономастики, но в общем понятный как нарицательное слово) превращается автором в имя неясного персонажа Εὔνευρος, что дополнительно затемняет конец письма. Такая исследовательская методика привела к перегрузке содержания письма явно несуществовавшими лицами, а слишком узкий подход к местной специфике документа не позволил увидеть туземный топоним ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ только потому, что в гре-

ческом отсутствовало слово, начинающееся на АРВ. Если быть последовательным, то надо было тогда не признать и имя ΜΑΤΑΣΥΣ, поскольку оно не зафиксировано в справочниках. Личное имя собственное ΜΑΤΑΣΥΣ, читаемое и автором цитированного исследования, фигурирует в Березанском письме три раза, и его форма практически не вызывает споров, несмотря на описки резца по писчему материалу. Это негреческое туземное имя человека, обидевшего составителя письма. Суть содержания письма (если опустить здесь моменты чтения, в которых мы расходимся с Ю. Г. Виноградовым) — это просьба некоего Ахиллодора к своему сыну Протагору и некоему Анаксагору (именно таков адрес, надписанный на обратной стороне пластинки) вступиться за него (Ахиллодора) перед неким Матасием, обидчиком и обманщиком; в конце письма отец передает Протагору, что его мать и братьев в Арбинатах он отправляет (велит отправляться) в город.

Перед нами неотправленное письмо, в этом можно согласиться с Ю. Г. Виноградовым. Прав автор и в том, что слова «в город» (ΕΣ ΤΗΜ ΠΟΛΙΝ) имели в виду Ольвию. Предприимчивый Матасий действовал, очевидно, тоже в Ольвии. Он не без успеха вел дела с местными греками, но сам греком не был. Не был он и иранским скифом (его имя не дает оснований считать его таковым), хотя время (VI в. до н. э.) было скифское. В этом случае, когда отказывают ресурсы греческого и иранского, мы предлагаем прочесть имя ΜΑΤΑΣΥΣ как индоарийское **mata-su-* 'умысливший доброе', хотя этимология звучит здесь злой иронией после ознакомления с письмом о проделках Матасия. Те же (или близкие) компоненты засвидетельствованы в ином порядке в древнеиндийской и шире — индоарийской лексике и антропонимии, ср. др.-инд. *su-matí-* 'благожелательность'[27] в качестве личного собственного имени *Śaumati* (с продлением врддхи в корне) у митаннийских индоарийцев в Передней Азии (Ср. Mayrhofer II, 564).

Ольвия была рано грецизирована, ее населяли греки по языку и культуре, они писали по-гречески и носили греческие имена. Рядом расстилалась Скифия, и ее взаимодействие с Ольвией (в том числе на языковом уровне) в общем известно. Но в самой Ольвии и окрестностях еще жил третий этнос и жил, как видим, активно, приспосабливаясь к новым условиям существования. Кроме имен людей, туземные следы третьего этноса сохраняла и хора (окрестности) Ольвии. Сюда относится местное название ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ, где находилась семья (жена и дети) упомянутого Ахиллодора. Это название тоже не греческое и не иранское (скифское), но оно очень живо напоминает древнеиндийские сложения со вторым компонентом *-nātha-*, ср. *bhūta-nātha-* 'властелин духов', также имя бога Шивы *Bhūtanātha-*, ср. уже отмечавшееся тождество последнего с эпиграфическим именем Βουτουνατος[28] на камне, найденном в Одессе, на Молдаванке. Текст последней надписи — посвящение от стратегов Ольвии — не оставляет сомнений в ее территориальной приуроченности. Имена ΒΟΥΤΟΥΝΑΤΟΣ (род. п.) и ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ объединяет как территориальная близость, так и, по-видимому, общая этнолингвисти-

ческая природа. Оба сложных имени имеют один и тот же второй компонент, тождественный др.-инд. *-nātha-* 'помощник, покровитель, господин'. Первый компонент в АРВІΝАТАІ мог бы быть отождествлен с др.-инд. *árbha-* 'малый, маленький, молодой' или, скорее, с соответствующей формой на *-i* женского рода, и хотя полное сложение др.-инд. **arbhi-nātha-*, что-то вроде 'покровитель малым', нам неизвестно, возможность существования такого индоарийского образования допустима. Что же касается греческой формы АРВІΝАТАІ Березанского письма, то это топонимический плюраль (от АРВІΝАΤΗΣ, ед. ч. м. р.). О дальнейшем — жилом или культовом — назначении места под этим названием близ города Ольвии можно пока только строить предположения.

---

1 См.: *Трубачев О. Н.* [Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». Обсуждение] — Народы Азии и Африки, 1980, № 5, 118.

2 *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. — In: *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, herausg. von H. Bräuer, Bd. I. Berlin—Wiesbaden, 1971, 116, 118, 120.

3 В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 272 и сл.

4 Фасмер осторожно ссылается для сравнения на имя «фракийца» Μηδοσάδης. Но именующийся так у Ксенофонта посланник фракийского владыки Севта вовсе не обязательно был сам фракийцем. Имя Μηδοσάδης не является специфически фракийским в языковом отношении, и специалисты обычно не включают его в фракийский ономастикон и лексикон. Вместе с другим структурно близким именем Παρισάδης, Παιρισάδης, Βηρισάδης оно откровенно тяготеет к индоиранской языковой области. С еще меньшим основанием предполагает Фасмер в Ὀκταμασάδης наличие суперлатива **auktama-* 'высший', обходя при этом молчанием как остающийся компонент, так и необходимость объяснить при этом парное имя Θαμιμασάδας (см.: *Vasmer M.* Op. cit, 118).

5 *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. 5. Auflage. Wiesbaden, 1976, 524; *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1978, 236.

6 *Grassmann.* Op. cit., 1063; *Кочергина.* Указ. соч., 521.

7 См. также: *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, 35, 90.

8 *Кочергина.* Указ. соч., 111; *Grassmann.* Op. cit., 1194.

9 Этимологии из ир. *uχta-+mazata-* 'прославленный властелин' (Мюлленхоф) и из ир. *uχta-+mazda-* (Миллер), см. отрицательно: *Vasmer M.* Op. cit.

10 *Teodorsson S.-T.* On the pronunciation of Ancient Greek zeta. — Lingua 47, 1979, 328.

11 Там же, 330, 331.

12 См. специально: *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» (Ἀρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ 1979, № 4, с. 35—36; *Он же.* Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. — ВЯ 1981, № 2, passim; *Он же.* Indo-Arica dans la Scythie. — Ponto-Baltica 1, 1981, 126.

13 Д. С. Раевский в кн.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, 181.

14 Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, 177 (IV, 5).

15 *Pekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas. — Arctos. Acta Philologica Fennica XIII, 1979, 117.

16 См. еще: Latin sources on North-Eastern Eurasia, by P. Aalto and T. Pekkanen, P. I. Wiesbaden, 1975, 39, 46.

17 *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, 172. О дальнейших (индоарий-

ских) истоках названия 'Αλέκτωρ — *Alecturum* — *Алатырь* см.: *Трубачев О. Н.* Из балто-славянских этимологий. — Этимология. 1978. М., 1980, 15 и сл.
18 *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 62—63.
19 *Pekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas, 117.
20 *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье . . . — ВЯ 1981, № 2, 14.
21 *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 57—58.
22 Словник гiдронiмiв України. Ред. К. К. Цiлуйко. Київ, 1979, 425.
23 *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 122—123.
24 *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань. — ВДИ 1971, № 4, 74 и сл., 76—77.
25 Там же, 75.
26 Так, между прочим, читают это несомненное место и другие исследователи, см.: *Брашинский.* Рец. на кн.: Wąsowicz A. Olbia et son territoire. Paris, 1975. — Советская археология 1977, № 3, 304; см. так же: *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья. — Советская археология 1981, № 1, 40.
27 Ср. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. Auflage. Göttingen, 1957, 231.
28 *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» ('Αρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне, 39.

Г. Т. Риков*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Др.-инд. *lā-* 'брать, схватывать', лув. *la-* 'брать'

Этимология др.-инд. *la-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *lāti*) 'брать, схватывать' до сих пор остается неудовлетворительной. Рену предположил связь с др.-инд. *rā-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *rāti*) 'давать', приведя в качестве семантической параллели др.-инд. *dā́-* 'давать': *ā́-dā* 'брать, взять' [1]. Эта параллель представляется ошибочной, так как семантическая оппозиция др.-инд. *dā-* 'давать': *ā́-dā-* 'брать, взять' обусловливается противопоставлением форм активного и среднего залога. Формы со значением 'брать, взять' всегда в среднем залоге; их первоначальное значение, как подчеркнул еще Грассман, было 'давать себе' (> 'брать, взять, получать' [2]). Единственным и, надо сказать, мнимым исключением являются активные формы древнеиндийского аориста *ā́-da-* (ед. ч. 1 л. *ā́dam*, 2 л. *ā́das*, 3 л. *ā́dat*), которые Вакернагель уже объяснил как возникшие на основе 3 л. ед. ч. *ā́-dat* < **ā́-da* (с нулевым вокализмом корня и с ведической вторичной флексией для 3 л. ед. ч. среднего залога *-a*) + *-t* (вторичная флексия 3 л. ед. ч. актива) [3].

Допущение, что *lāti* — форма, современная по отношению к древнеиндийскому *lábhate* 'берет' (Mayrhofer 19, 99), также не бесспорно. Так как *lā́ti* встречается впервые в *Dhātupāṭha*, Барроу с полным основанием сомневается в правильности этой гипотезы [4].

Мне кажется, что возможность более предпочтительного объяснения др.-инд. *lāti* открывается при сравнении этого древнеиндийского глагола с лув. *la-* (ср. 3 л. ед. ч. прош. вр. *la-(a)-at-ta*, *la-a-ad-da*), с редупликацией *lala-* (ср. 3 л. мн. ч. наст. вр. *la-(a)-la-an-ti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *la-(a)-la-at-ta*) [5]. Возможно, др.-инд. *lā-* и лув. *la-* — формы с различным индоевропейским вокализмом. Если исходной формой является и.-е. $*leH_1$-[6], лув. *la-* имеет, как и хеттские глаголы *hi*-спряжения, *o*-вокализм корня.

Следует отметить, что лув. *la-* 'брать' до сих пор не имеет надежной этимологии. Сравнение с хетт. *da-*, иер. лув. *ta-* 'брать' и гипотеза о фонетическом чередовании *d* : *l* в этом случае [7] не представляются вполне убедительными. В хеттолувийских языках раннего периода чередование *d* : *l* встречается преимущественно в словах неиндоевропейского происхождения; единственным бесспорным исключением является хетт. *laman* 'имя': иер. лув. *atiman-* 'имя'. Кажется, Кронассер не ошибался, предполагая, что это чередование появилось под влиянием преданатолийского субстрата [8]. Поэтому поиск других путей объяснения лув. *la-* представляется оправданным.

2. Индоиранское *yātu-* 'колдовство, волшебство'

Вед. *yātu-* 'колдовство, волшебство; колдун, призрачное существо, привидение' и авест. *yātu-* 'колдовство, волшебство; колдун' позволяют реконструировать общую индоиранскую форму **yātu-* со значением 'колдовство, волшебство', которая, по-видимому, является отглагольным существительным на *-tu-* [9].

Этимология индоиранского слова *yātu-* до сих пор остается неясной. Связь с др.-ирл. *áth* 'брод' и предположение о первоначальном значении 'брод' [10] представляется мало убедительной. Шмид считает, что **yātu-* можно объяснить в связи с др.-инд. *yā-* 'молить' [11]; эта этимология тоже является неудовлетворительной, так как в понимании примитивных людей магия является средством у п р а в л е н и я системой природных законов [12]. Койпер, допуская возможность иных объяснений, думает, что *yātú-* можно объяснить как производное из др.-инд. *yā-* 'вредить, повредить' [13].

Уже не раз отмечалось, что если в области фонетики и морфологии мы имеем возможности требовать последовательное соблюдение установленных закономерностей, то в области семантики этимология не имеет вполне надежного критерия истинности. Все же соображения, основанные на существовании семантических параллелей, являются до сих пор наилучшим аргументом этимологии в области семантики; таким образом, как и во всех случаях типологического сравнения, можно гарантировать определенную степень вероятности и исключить субъективность авторских представлений. Поэтому, ввиду таких случаев, как, например, др.-инд. *kṛ́tya* 'дело, действие, волшебство': с.-хорв. *čara* 'чары, колдовство', словен. *čára* 'чары, колдовство; колдунья', др.-рус. *чара* 'колдовство', которые являются производными от и.-е. $*k^wer$- 'делать' (др.-инд. вед. наст. вр. *karóti*, *kṛṇóti* 'он делает', аорист *ákar* 'он сделал';

ср. и лит. *kerëti* 'околдовывать, завораживать'), и ввиду большого числа сходных семантических параллелей в индоевропейских языках [14], представляется возможным объяснение индоиранского *yātu-* 'волшебство, колдовство' как производного на *-tu-* от того же индоевропейского глагола, который продолжается хетт. *iya-* (др.-хетт. 3 л. ед. ч. наст. вр. *i-e-iz-zi*, *i-e-zi*, мн. ч. *i-e-en-zi*, *ya-an-zi*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *i-e-it*) 'делать' и тох. А *ya-* (2 л. ед. ч. наст. вр. *yat*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *yas*) 'делать' [15].

---

[1] *Wackernagel J.*, *Debrunner A*. Altindische Grammatik. I: Introduction generale par Louis Renou. Göttingen, 1957, 121.

[2] *Grassmann H*. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1936, 587. Использование залоговых отношений для выражения семантических различий этого вида — известное явление в индоевропейских языках, ср. др.-гр. *αἴνυναι* 'беру, хватаю', тох. В мед. *ai-* (конъюнктив *aimar*, *aitär*, оптатив *ayīträ*) 'брать': тох. В акт. *ai-* (наст. вр. *aiskau* и т. д., конъюнктив *āyu*, *aiymo*) 'давать'; др.-гр. δανείζομαι 'беру взаймы': δανείδω 'даю деньги в рост'; ἐγχερίζομαι 'принимаю на себя': ἐγχερίζω 'вручаю, передаю, отдаю'; см.: *Бенвенист Э*. Активный и средний залог в глаголе. — В кн.: *Бенвенист Э*. Общая лингвистика. М., 1974, 191; *Schmidt K. T*. Die Gebrauchaweisen des Medius im Tocharischen. Göttingen, 1969, 360.

[3] *Wackernagel J*. Kleine Beiträge zur indischen Wortkunde. — Festgabe Jacobi, Bonn, 1926, 15; *Debrunner A*. Vedisch *má*. . .īsáta 'er soll nicht Macht haben'. — Die Sprache 1, 1949, 134; *Watkins C*. Indogermanische Grammatik. III, 1. Heidelberg, 1969, 99. Об этом способе образования активных форм см. также: *Wackernagel J*. Indisches und Italisches. — KZ 41 (1907), 305. и сл. Формы хеттского глагола *da-* 'брать' сложились, как и др.-инд. аорист *a-da-*, на основе форм медиального залога: 3 л. ед. ч. наст. вр. *dai* $<$ **da*+**-ei* $<$ **dH₃-o*+**-ei*, где **-o* и **-ei* являются, следовательно, медиальной и активной флексией; 3 л. ед. ч. прош. вр. *das* $<$ **da*+**-s* $<$ **dH₃-o-*+**-s* и т. д.; о вторичной флексии 3 л. ед. ч. *-s* см.: *Burrow T*. The Sanskrit Precative. — In: Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig. 1954; см. также: *Eichner H*. Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems. In: Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gessellschaft. Regensburg, 9—14 September 1973. Wiesbaden 1975, 94, где, однако, для объяснения хетт. *da-* предполагаются без оснований как существование приставки *ā* (=вед. *á*) и аугмента *a-*, так и деривация презентных форм из претеритальных в предыстории хеттского языка.

[4] *Burrow T*. Рец. на кн.: *Mayrhofer M*. Kurzefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lfg. 19—22. Heidelberg. — Kratylos 15, 1970 (1972), 55.

[5] О формах этого лувийского глагола см.: *Laroche E*. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1969, 61. — 1 л. ед. ч. прош. вр. *la-a-ú-un* KUB VII 1 III 20′ и сл. является скорее всего лувийской формой в хеттском контексте (см.: *Oettinger N*. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979, 67). Словоформа 3 л. ед. ч. наст. вр. *la-i* может означать либо 'он берет', либо 'он оставляет' (ср. хетт. *la-* 'оставлять', алб. *lashë* (аорист к *lë* 'оставляю'); об этой хетто-албанской изоглоссе см.: *Иванов Вяч. Вс*. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанских языков. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, 64; *Oettinger N*. Op. cit., 501.

[6] И.-е. *H_1 исчезает в этой позиции в анатолийских языках; специально о хеттском см.: *Eichner H*. Die Etymologie von heth. *mehur*. — MSS XXXI, 1973, 54 и сл.

[7] *Laroche E*. Op. cit., 61; *Kronasser H*. Die Etymologie der Hethitischen Sprache I. Wiesbaden, 1966, 64.

[8] *Kronasser H*. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, 64.

[9] *Kuiper F. B. J.* Four Word Studies. — IIJ XV, 1973, 184; ср.: *Wackernagel J.*, *Debrunner A.* Op. cit. II, 2. 665.
[10] *Havers W.* Zum Bedeutungsgehalt eines indogermanischen Suffixes. — Anthropos XLIX, 1954, 202.
[11] *Schmid W. P.* Vedisch imahe und Verwandtes. — IF LXII, 1956.
[12] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, 20 и сл.
[13] *Kuiper F. B. J.* Op. cit., 184.
[14] См., например: Berneker I, 137; ЭССЯ 4, 22 (с литературой).
[15] Здесь, возможно, надо добавить фриг. *αεζ* (=*aes*) 'он делал' (?). См.: *Kronasser*. Op. cit., 181.

В. Э. Орел

АЛБ. *ha*, *hëngra*

Этимологическое истолкование алб. *ha* '(я) ем' и его аориста *hëngra* '(я) ел' не только имеет самостоятельную научную ценность, но и способно, как станет ясно в дальнейшем, привести к существенным выводам относительно ареально-генетической характеристики албанского языка или опровергнуть их — в зависимости от того или иного этимологического решения.

То обстоятельство, что алб. *ha* является неправильным глаголом с весьма сложной и нестандартной парадигмой (помимо приведенных выше основных форм, укажем еще страдательное причастие *ngrënë*; имперфект, как и в других случаях, образуется от основы настоящего времени) [1], естественно, привлекло внимание этимологов и компаративистов. Первым, кто обратился к анализу алб. *ha*, *hëngra*, был Ф. Бопп [2]. Поскольку никто из ученых, в дальнейшем исследовавших это слово, по-видимому, не опирался на наблюдения Ф. Боппа и даже не упоминал их, здесь целесообразно вкратце изложить его точку зрения, в значительной части своей сохраняющую актуальность.

Рассматривая форму аориста *hëngra*, Ф. Бопп членит эту «единственную в своем роде форму» [3] на элементы *hë-* и *-ngra*, причем распознает в последнем («за вычетом назального форшлага» [4]) соответствие др.-инд. *girāmi* '(я) глотаю', т. е. и.-е. *g^{w}er- то же. Тот же корень Ф. Бопп выделяет и в причастии *ngrënë*. Не соответствующее современному понимание сравнительно-исторической фонетики далее привело Ф. Боппа к выводу, что начальный слог в аористе *hëngra* представляет собой результат редупликации *g^{w}er-, которое в том же виде отражено, по его мнению, и в форме настоящего времени *ha* (характерно, что *-h-* Ф. Бопп понимает как *aspirata*).

В настоящее время из всей этой, довольно сложной этимологической конструкции может быть принято прежде всего возведение сегмента *-gr-* в *hëngra* к и.-е. *g^{w}er- [5]. Именно эту (безусловно верную) точку зрения полвека спустя положил в основу своего анализа Х. Педерсен, обращаясь к анализу некоторых албано-армянских схождений [6]. Х. Педерсен, однако, пошел существенно дальше

Ф. Боппа, целиком сопоставив аористные формы арм. *eker* '(я) ел' — алб. *hëngra*. Тем самым было высказано предположение о том, что *hëngra* представляет собой древнюю реликтовую форму, сохранившую в албанском приращение и потому уникальную. Начальное *h*- при этом понималось как довольно характерная для албанского протеза [7].

Возможные последствия существования в албанском (пусть даже единичного) случая сохранения аугмента для определения места албанского в кругу других индоевропейских языков были осознаны значительно позже. Серьезное внимание обратил на это В. Пизани, который — хотя и весьма сдержанно — связал гипотезу Х. Педерсена с некоторыми другими албанскими фактами (в частности, с отражением в албанском индоевропейского отрицания **mē*), указывающими на близость албанского к армянскому, греческому и индоиранскому [8].

Полностью гипотеза Х. Педерсена была воспринята В. В. Ивановым, дополнившим ее положением о том, что начальное *h*- в *hëngra* прямо продолжает и.-е. $*h_1$ (в связи с более глубокой реконструкцией для аугмента прототипа $*h_1e$) [9].

Результаты, полученные при попытках этимологического осмысления формы настоящего времени *ha*, были если и не менее яркими, то, во всяком случае, менее существенными для ареально-генетических выводов. В то же время чисто фонетические трудности, возникающие при объяснении этого короткого слова, вполне очевидны. Именно ими объясняются как сложное и малоудачное этимологическое решение Ф. Боппа, так и практический отказ от этимологии у ряда его современников [10]. То обстоятельство, что начальное алб. *h*- может отражать, преимущественно, лишь и.-е. **sk*- и **ks*-, вызвало к жизни этимологии Г. Мейера (*ha* сопоставляется с др.-инд. *khādati* '(он) ест', но для анлаута в *ha* предполагается *s* mobile) [11] и В. Пизани (*ha* возводится, в конечном счете, к и.-е. **ghes*-, ср. др.-инд. *ghas*- 'есть, питаться', но для *ha* постулируется нулевая ступень огласовки корня **gzh*-) [12]; каждое из этих решений имеет и некоторые достоинства, и вполне очевидные слабости, довольно ясно показывая, что проблема албанского *ha* может, по независящим от этимологии причинам, еще долгое время оставаться неразрешенной [13].

Предложенное в самое недавнее время сравнение *ha* и тох. *śwā*- 'есть' [14] должно быть отклонено, поскольку *śwā*-, как показал Х. Педерсен, восходит к и.-е. **g(i̯)eu*-, **ĝ(i̯)eu*- 'жевать' [15], а начальное **g*, **ĝ* или тем более **gi̯*-, **ĝi̯*- ни при каких условиях не могли отразиться в алб. *h* [16]. Этого соображения достаточно, чтобы опустить здесь разбор несогласующегося с тохарским албанского вокализма в *ha*.

Не претендуя на окончательное решение в том, что касается формы настоящего времени (это, как было сказано выше, не более, чем частная этимологическая проблема), мы считаем весьма важным рассмотрение вопроса об аористе *hën-gra* и о том, действительно ли отражен в *hëngra* аугмент. Решение этого вопроса в ту или иную сторону не только может оказаться важным для характеристики албанского

как одного из индоевропейских диалектов, но и в значительной мере предопределяет концепцию албанской глагольной морфологии в ее диахроническом аспекте.

Нарушая хронологический порядок, рассмотрим прежде всего предположение о сохранении в начальном *h*- слова *hëngra* ларингального $*h_1$. В основе этой гипотезы лежат два допущения: одно из них — о возможности реконструировать для аугмента исходный вид $*h_1e$ — находится, естественно, за пределами данной работы. Другое представляет собой теорию Э. Хэмпа, пытавшегося систематически доказать, что албанский отразил некоторые ларингальные в виде *h*- [17]. Э. Хэмп, однако, не смог привести в пользу своей точки зрения сколько-нибудь убедительных доказательств, поскольку, по его мысли, в албанском в виде *h*- сохранился как раз тот ларингальный, который никак не отразился в хеттском, и наоборот. Методически несостоятельная, эта концепция еще могла бы быть поддержана этимологически убедительными сопоставлениями, однако они в рассматриваемой работе отсутствуют или немногочисленны. Примером может служить алб. *hedh* '(я) бросаю', со времен Г. Мейера относимое этимологами, включая, кстати, и самого Э. Хэмпа [18], к и.-е. **sk̂eud-*, ср. герм. **skeutan*, англ. *to shoot* со значениями 'быстро двигаться, толкать', далее — 'стрелять'. Пытаясь доказать свой тезис, Э. Хэмп сравнивает *hedh* с греч. ἄγω 'толкать, вести' [19] и под. Это, однако, исключено, так как для пары *hedh* — аор. *hodha* бесспорно восстанавливается чередование в корне **e(u)* : **ē(u)*. Мы ограничиваемся здесь лишь одним примером, поскольку весь материал и вся совокупность аргументов Э. Хэмпа уже критически рассмотрены Л. Г. Герценбергом, опровергнувшим теорию Э. Хэмпа в целом [20]. Логических оснований для реконструкции ларингального в этом слове нет.

Следующий вопрос, который заслуживает рассмотрения, — это вопрос о морфемном составе *hëngra*, в частности, о «назальном форшлаге» (если пользоваться выражением Ф. Боппа) и его роли в слове. Существование причастия *ngrënë* (албанское причастие парадигматически связано с системой аориста) и соотносительного с *ngrënë* глагола *grij* 'резать или разбивать на мелкие кусочки, разрушать, изгрызать, разъедать, поедать' [21], также восходящего к $*g^{w}er$-, позволяет ответить на этот вопрос со всей определенностью: элемент *-n-* в *hëngra* является закономерным и типичным для албанского глагола отражением индоевропейского префикса **en*, ср. пары *dal* 'выходить, возникать' — *ndal* 'останавливать', *dritë* 'свет' — *ndrit* 'сиять' и т. п.[22]

Как нетрудно заметить, этот факт, подтверждаемый имеющими массовый характер соотношениями в албанском глагольном словообразовании, вступает в непримиримое противоречие с гипотезой Х. Педерсена. Можно было бы в этой связи указать на некоторые фонетические соображения (неожиданное поведение **e* аугмента перед другим гласным), однако они излишни ввиду более существенного обстоятельства морфологического характера: гипотеза Х. Педерсена означает, что в *hëngra* аугмент предшествовал префиксу **en*. Между тем хорошо известно, что «аугмент всегда стоит непосред-

ственно перед. . . глагольной формой»[23], следовательно, после префикса (когда он есть), и это подтверждается не только данными хорошо изученных индоевропейских языков, но и, например, свидетельством фригийского, где также имеется приращение[24]. Из сказанного следует, что в *hëngra* нет следов аугмента и что гипотезу Х. Педерсена принять нельзя.

Каким же образом можно объяснить *hë-* в *hëngra*? Представляется вполне вероятным, что ответ на этот вопрос прямо связан с супплетивными отношениями внутри парадигмы *ha* — *hëngra*[25]. Выражаясь более точно, соответствие тоск. *hëngra* — гег. *hângra*, допускающее реконструкцию предшествующего (общеалбанского) состояния **hangra*, наводит на мысль о том, что появление *hë-* (общеалб. **ha-*) в *hëngra* (общеалб. **hangra*) объясняется тенденцией к устранению супплетивизма и служит объединению форм настоящего времени и аориста на правах производных одного «корня» — *ha-*. Таким образом, инициальное *hë-* в аористе является неэтимологическим или, точнее, народно-этимологическим образованием. Подобное «скрещивание» в пределах супплетивной парадигмы, разумеется, не является каким-то исключительным явлением: в качестве примера можно указать на ср.-англ. *geode* 'шел', контаминацию соответствующего инфинитива (ср.-англ. *gān* 'идти') и основной формы претерита — *ēode*[26]. Следовательно, обращаясь к реконструкции, мы можем элиминировать указанную контаминацию и восстанавливать аористную форму **ngra*, относящуюся к причастию *ngrënë* в целом так же, как и в парах *zë* '(я) захватил' — прич. *zënë*, *dhâshë* '(я) дал' — прич. *dhënë* и т. п.

Основной вывод настоящей работы — отсутствие аугмента в *hëngra*. Это, однако, не означает, что в албанском языке вообще нет следов аугмента; представляется, что поиски тех или иных рефлексов приращения полностью не исключены. С этой точки зрения вызывает интерес, в частности, сигматический аорист *dhashë* '(я) дал', восходящий к и.-е. **dō-* 'давать' (настоящее время в албанском образовано от другой основы — *(j)ap* '(я) даю'). Развитие начального **d-* > алб. *dh-* имеет аномальный характер, что уже вызвало попытку объяснить его появление через сандхи[27], что, однако, решает проблему лишь в самом общем плане. Поскольку в интервокальной позиции переход и.-е. **d* в алб. *-dh-*, напротив, вполне закономерен[28], представляется возможным предположить, что в данном случае интервокальная позиция обеспечивалась присутствием аугмента, который затем должен был исчезнуть в безударном положении. Тем не менее, окончательное решение невозможно за отсутствием других примеров.

Гипотеза Х. Педерсена об аугменте в алб. *hëngra* должна быть отклонена. Вопрос же о следах аугмента в албанском остается открытым.

---

[1] Сведения о парадигме *ha* в литературном языке и диалектах см. в следующих грамматиках и словарях: *Leotti A.* Grammatica elementare della lingua albanese (dialetto tosco). Heidelberg, 1915, 150; *Cipo K.* Gramatika e gjuhes shqipe

për klasat e V[ta] VI[ta] VII[ta] të shkollave shtatëvjeçare. Tiranë, 1949, 208; *Mann St. E.* An Historical Albanian-English Dictionary. London—New York—Toronto, 1948, 151, 154, 158 (далее — *Mann* Dict.); *Kristoforidhi K.* Fjalor shqip-greqisht. Tirana, 1961, 131; *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937, 322.

[2] См.: *Bopp F.* Über das albanesische in seinen Verwandtschaftlichen Beziehungen. Berlin, 1855, 82.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Мысль Ф. Боппа о связи форм *ha* и *hëngra* (разумеется, в ином ключе) будет обсуждаться далее.

[6] См.: *Pedersen H.* Albanesisch und Armenisch. — KZ, 1899, XXXVI, 341 (далее — *Pedersen* Alb.).

[7] В целом, протетическое *h-* в албанском — нередкое явление, ср. например, варианты *arushë* и *harushë* 'медведица', *arrë* и *harrë* 'орех' и т. п. Вместе с тем возможна и утрата непротетического *h-*, ср. уже у Гьона Бузуку *uoj*=совр. *huaj* 'чужой', см. *Mann* Dict., 162.

[8] См.: *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Scritti scelti. Torino, 1959 (далее *Pisani* Saggi).

[9] См.: *Иванов В. В.* Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, 59; *Он же.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 185 (далее — *Иванов* Глаг.).

[10] См., например: *Гильфердинг А.* Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853, 27.

[11] Этимология Мейера (*Meyer*, 144) не рассмотрена Чабеем, оставившим за пределами своего словаря *ha* и традиционно трактующим *hëngra*, см.: *Çabej E.* Studime gjuhësore. Prishtinë, I, 1976, 306.

[12] См.: *Pisani* Saggi, 110, вслед за Бругманом (*Brugmann* Grundriß I, 759). Суть этой этимологии, очевидно, в том, чтобы возвести *ha* к праформе с консонантным комплексом, развивающимся в албанском в *h* (**gzh-*, как **ks-*). Поэтому неверно думать, что Пизани возводил *h* «к звонкому индоевропейскому гуттуральному» (см. *Иванов* Глаг., 185) — такого развития в начале слова албанский не знал.

[13] Перспективнее других гипотеза, согласно которой *ha*, ст.-алб. *a* восходит к **odō*, от и.-е. **ed-* 'есть' (*Pedersen* Alb., 401; дальнейшее обоснование см.: *Cimochowski W.* Zur albanischen Wortforschung. — LP, IV, 1953, 198—199). Такая реконструкция предполагала бы исключительное совпадение албанской и армянской форм по тембру корневого гласного. Не исключено, однако, что *ha* продолжает не **odō* (так как интервокальное **-d-* выпадало в позиции перед старым ударением, см.: *Орел В. Э.* Вопросы сравнительно-исторической фонетики албанского языка. I—III. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1982), а **edō* с выпадением начального безударного **e*. Ср. далее отглагольное гег. *hae*, *hē* 'еда' < **odā*.

[14] См.: *Иванов* Глаг., 185.

[15] См.: *Pedersen H.* Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944, 43; *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. I. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, s. v.

[16] См.: *Çabej E.* Hyrje në historinë e gjuhës shqipe. Fonetika historike e shqipes. Prishtinë, 1960, passim; *Mann S. E.* The Indo-European Consonants in Albanian. — Language, XXVIII, 1952, 33—35.

[17] См.: *Hamp E. P.* Evidence in Albanian. — In: Evidence for Laryngeals. London—The Hague—Paris, 1965, 123—141. Следы ларингалов в албанском постулируются также в работе *Minshall R.* Initial voiced laryngeal plus */y/* in Albanian. — Language, XXXII, 1956, 627—632.

[18] См.: *Хэмп Э.* Miscellanea. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 269—270.

[19] Ср.: *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. A—K. Paris, 1968, 18.

[20] *Герценберг Л. Г.* Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций. В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979, 15; *Он же.* Вопросы реконструкции индоевропейской

просодики. Л., 1981, где см. подробный разбор ряда хеттских параллелей к албанским словам, использующимся Э. Хэмпом.

[21] См.: *Mann* Dict., 133; *Buchholz O., Fiedler W., Uhlisch G.* Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977, 163.

[22] Подробно об этом префиксе см.: *Xhuvani A., Çabej E.* Parashtesat e gjuhës shqipe. — Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore, 1957, № 4.

[23] См.: *Schwyzer E.* Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. München, I, 1939, 651 (исключения типа ἐχαθεζόμην '(я) сел', имперфекта от καθέζομαι '(я) сажусь' безусловно являются вторичными и поздними). Об аугменте в индоиранском см.: *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, 283—284; *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909, 93—94. Данные армянского языка, в силу действующих в нем правил функционирования аугмента, в интересующем нас плане непоказательны.

[24] Помимо известных примеров обращает на себя внимание фриг. *ENEPARKES* с не ясным до конца значением, в котором предполагается как раз последовательность префикса **en* и аугмента, см. *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 99. Альтернативные (и, в целом, не менее правдоподобные) объяснения М. Лежена и О. Хааса см. там же.

[25] Роль супплетивизма в этом глаголе напоминает аналогичные отношения арм. *utem* '(я) ем' — *eker* '(я) ел', о чем см.: *Pisani* Saggi, 110; вслед за ним: *Иванов В. В.* Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — В кн.: Balcanica. . ., 59.

[26] См.: *Конецкая В. П.* Супплетивизм в германских языках. М., 1973, 55. Об аналогичных процессах в германском глаголе бытия см. Сравнительная грамматика германских языков. М., IV, 1966, 421—423.

[27] См.: *Cimochowski W.* Recherches sur l'histoire de sandhi dans la langue albanaise. — LP II, 1950, 220—255.

[28] *Mann S. E.* The Indo-European Consonants in Albanian. — Language, XXVIII, 1952, 32.

Г. А. Климов

ЕЩЕ ОДНА ИНДОЕВРОПЕЙСКО-СЕМИТСКО-КАРТВЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что поиски индоевропейско-семитско-картвельских лексических параллелизмов, обусловленных ареальным взаимодействием древних представителей этих языковых семей в Передней Азии, превратились в последние два десятилетия в одно из интереснейших направлений сравнительного исследования, значение которого обещает выйти далеко за пределы языкознания. В ряде работ были уже отмечены картвельские соответствия индоевропейским и семитским обозначениям таких реалий и понятий, как 'вино', 'канал', 'ярмо', 'серебро', 'жертвоприношение', 'лев', 'запирать' > 'ключ', 'шесть', 'семь' и др. В настоящей заметке обращается внимание еще на одну подобную параллель, отражающую культурные контакты носителей этих языков в древности, констатация которой была по существу уже давно подготовлена сопоставлениями, предлагавшимися в рамках соответствующих отраслевых литератур.

Как известно, еще с именем Н. Я. Марра связано обнаружение

общей для всех картвельских языков лексемы со значением 'сумка, бурдюк (для продуктов и жидкостей)': ср. груз., мегрел., лазск. *guda* при сванск. *gudra*, последнее из которых переводилось им как 'кожаный мешок' [1]. Это слово хорошо засвидетельствовано уже в древнегрузинских литературных памятниках, неоднократно встречаясь здесь в значении 'сума (дорожная), бурдюк (для жидкостей)'. Ср., например, его употребление, в частности, в переводах библейских текстов: nuca *guda* moigot! 'не берите с собой сумы!' МФ 10_{10}; štadva igi orta *gudata* 'положил (он) его в две сумы' Царей 5_{23} [2]. В толковом словаре Сулхана Саба Орбелиани оно объясняется как обозначение кожаного вместилища и приводится старое производное от него *sagudal-i* 'предназначенное для сумы, бурдюка' [3].

Обозначаемая лексемой реалия по сей день весьма характерна для Закавказья (а также Северного Кавказа), где она продолжает использоваться в своих традиционных функциях (ср. груз. *γvinis guda*, лазск. *γiniš guda* 'винный бурдюк', груз. *gudis qveli*, мегрел. *gudaš 'vali* 'сыр из бурдюка'). Она очень хорошо известна произведениям картвельского фольклора, например, грузинским и мегрельским сказкам. Эти обстоятельства внушают мысль о ее принадлежности к числу характерных атрибутов древней культуры картвелов, что и отмечалось в ряде специальных работ [4]. Соответствующим образом рассматривается в лексикологических исследованиях по картвельским языкам и сама лексема [5]. Так, есть основания полагать, что ее употребление восходит еще к грузинско-занскому хронологическому уровню. Что же касается ее сванской разновидности, то здесь слово, по всей вероятности, уже усвоено из других картвельских языков в несколько более позднее время. На это указывает, в частности, нехарактерное для фонетического облика общекартвельских лексем сохранение вокализма *a* в исходе его основы; в то же время вставка *r* обязана здесь, по-видимому, подключению слова в единый ряд с широкой группой сванских субстантивов с деривационным суф. *-ra* (ср. сванск. *zez-ra* 'мешок', *zek-ra* 'сруб', *ḳap-ra* 'челюсти' и т. д.).

Вместе с тем рассматриваемое слово стоит в картвельском корнеслове по существу изолированно: при отсутствии у него картвельской этимологии оно ложится в основу только небольшой группы производных (ср. диминутивное *guduna* 'бурдючок', диалектное *guda-pšuḳa* 'род гриба'). Любопытно и то, что большинство из числа его грузинских синонимов (ср., например, *ṭiḳ-i* и *rumb-i*) оказываются заимствованиями и лишь *txier-i* — собственное производное от *txa-* 'коза' [6]. Очень широкое распространение различных разновидностей самой реалии не только на Кавказе, но и на всем Ближнем Востоке, а также в обширном ареале южной Европы (особенно — Балканы, Италия, Испания), позволяет предположить, что в картвельских языках лексема может быть достаточно древним культурным заимствованием.

Действительно, интересные с этой точки зрения аналогии картвельской лексеме обнаруживаются, с одной стороны, в индоевропейских языках и, с другой — в семитских.

На ее вероятные индоевропейские соответствия в лингвистической литературе уже неоднократно обращалось внимание [7]. При этом указывалось на продолжения индоевропейского **gudo-m* 'кишки, внутренности', представленные санскр. *guda-ḥ* кишка, anus', др.-макед. γοδα 'кишки, внутренности', др.-н.-нем. *küt* 'кишки, потроха' (Mayrhofer I, 339; Pokorny I, 393). Сюда, однако, не может быть отнесено арм. *gədak̩* (диал. *gudak̩*) 'шапка, вместилище', которое рассматривается в арменистической литературе в качестве средневекового заимствования из неясного источника (Ачарян I, 529—530), хотя оно, с другой стороны, обнаруживает закономерное фонетическое соотношение с рассматриваемыми картвельскими словами (ср. в этой связи арм. *dəmak̩* 'курдюк' при груз. *duma* то же). Хотя континуанты приведенного архетипа прослеживаются лишь в трех ветвях индоевропейских языков, его исконность для общеиндоевропейского состояния обычно не вызывает сомнений — он увязывается с индоевропейской глагольной базой **gū* : *geū* 'изгибаться, гнуться'. В частности, А. С. Мельничук рассматривает эти продолжения в качестве лексем, обнаруживающих древнейшие и необусловленные фонетическим положением отношения параллелизма *o* и *u* в однокорневых словах исторически засвидетельствованных языков [8].

В пользу возможности сопоставления приведенных картвельских и индоевропейских фактов говорит и то обстоятельство, что промежуточные звенья в семантике слова прослеживаются в германских языках, где оно наряду со значениями 'кишки, потроха' имеет и значения 'сумка, кошелек'. Экстралингвистической предпосылкой реальности такого семантического чередования может служить широко известный факт изготовления определенных разновидностей бурдюков не из кожи, а из кишок скота (подобная практика и поныне сохраняется в некоторых регионах Ближнего Востока [9]).

Если приведенное сопоставление корректно, то соображения семантического плана подсказывают гипотезу о проникновении слова из индоевропейских языков в картвельские: если в первых — это прежде всего принадлежность номенклатуры частей тела, как будто обнаруживающая даже отглагольное происхождение, то в последних оно имеет лишь узкое специальное значение некоторой культурной реалии. Бросается в глаза и то обстоятельство, что подобно другому старому индоевропеизму картвельских языков *nusa-* 'невестка, сноха' и здесь историческая основа на *-o* оказалась преобразованной в основу на *-a*.

Не менее интересные семитские параллели рассматриваемому картвельскому слову были отмечены в одной из работ Й. Губшмида, считающего его древним восточным заимствованием. По его мнению, это слово едва ли возможно отделить от аккадского *gūdu*, а также арамейского *gowdā* 'бурдюк для воды' [10]. Наконец, предлагалось в литературе и прямое сопоставление соответствующего индоевропейского и семитского материала. В виду имеется приводимое Л. Бруннером сопоставление индоевропейского **gudo-m* 'кишки, внутренности' с обоими приведенными выше семитскими словами, которым оно, впрочем, трактуется как общее наследие в рамках поддержива-

емой автором гипотезы родства индоевропейских и семитских языков [11]. Поскольку и в семитских языках соответствующая лексема характеризуется узкой функцией обозначения некоторой культурной реалии и, к тому же, неизвестна в их основном массиве, то и здесь естественно предполагать для нее индоевропейский источник (попытка найти дальнейшую параллель индоевропейскому слову в абхазско-адыгских языках [12] не убеждает ввиду возникающих фонетических трудностей; к тому же называющиеся при этом адыг. *чIэтIый* и абхаз. *а-кьатей* 'кишки', по-видимому, имеют адыгскую этимологию).

В заключение остается заметить, что рассмотренная здесь параллель может быть отнесена к единой системе древнепереднеазиатских обозначений реалий, непосредственно связанных с производством и обработкой винограда.

---

[1] *Марр Н. Я.* Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). 1. — Известия Академии наук, Пг., 1915, 773.
[2] *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, 98 (на груз. яз.).
[3] *Сулхан Саба Орбелиани.* Произведения. IV_1. Тбилиси, 1965, 178 (на груз. яз.).
[4] *Джавахишвили И. А.* Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964, 66 (на груз. яз.).
[5] *Чикобава А. С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, 93, 167 (на груз. яз.); *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, 66.
[6] *Marr N.* et *Brière M.* La langue georgienne. Paris, 1931, 640; *Vogt H.* Рец. на кн.: *Bouda K.* Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949. — In: Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, B. XVII, 1954, 546.
[7] *Джаукян Г. Б.* Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, 64; *Керкадзе И. К.* Зоологическая лексика в грузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, 118 (на груз. яз.); *Климов Г. А.* Несколько картвельских индоевропеизмов. — В кн.: Этимология, 1979. М., 1981, 171.
[8] *Мельничук А. С.* О генезисе индоевропейского вокализма. — ВЯ, 1979, № 5, 9; ср. также: *Перознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 172.
[9] Ср. *Наумкин В. В.*, *Порхомовский В. Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981, 17.
[10] *Hubschmied I.* Schläuche und Fässer. Berlin, 1955, 132—133.
[11] *Brunner L.* Die gemeinsamen Wurzeln des semitischen und indogermanischen Wortschatzes. Versuch einer Etymologie. Bern und München, 1969, 153.
[12] *Кварчия В. Е.* Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981, 120.

А. К. Шагиров

О ТЮРКИЗМАХ В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, составитель этимологического словаря конкретного языка имеет дело не только с исконной лексикой, но и с материалом иноязычного происхождения. Этимолог стремится выделить этот материал и указать источники заимствований. И тут он нередко попадает под огонь критики, чаще всего устной, со стороны носителей родного языка. Последние, иногда даже языковеды-специалисты,

упрекают его в том, что он «отдал» соседям слишком много слов. Споры разгораются особенно, когда в число заимствований оказываются включенными «престижные» слова типа лексем, связанных с духовной и материальной культурой народа, этнонимов, топонимов и т. п. В случае с тюркскими заимствованиями в языках Кавказа к этому добавилось и другое: нас критикуют за то, что источники тюркизмов мы ищем прежде всего в турецком, крымско-татарском, а не в соседнем карачаево-балкарском языке. В предисловии к книге М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа», вышедшей в 1980 г. в Черкесске, читаем: «Как и прежде, в научных исследованиях господствует неверная точка зрения, будто большинство тюркизмов в осетинском, абхазо-адыгских, мегрельском и сванском языках не результат влияния древнекарачаево-балкарского, а наследие турецкого, татарского, половецкого и других языков. Мы не отрицаем определённого влияния турецкого, крымско-татарского, ногайского, половецкого и т. д. языков на лексику языков Западного Кавказа. Однако изучение заимствований приводит к бесспорному выводу о том, что подавляющая часть тюркизмов языков Западного Кавказа по значению, звучанию, составу, грамматическим признакам и употреблению восходит к карачаево-балкарскому языку. Поэтому не стоит строить догадки о возможном заимствовании слова из какого-то другого языка. Карачаевцы в подобных случаях говорят: «Хотя охотник и видит самого медведя, но почему-то ищет его след».

Это высказывание тюрколога, доктора наук, носителя языка производит странное впечатление. Странно и то, что автор иногда изобретает несуществующие языковые факты. Так, на 117 с. книги говорится, что карачаевцы и балкарцы именуют и именовали себя всегда этнонимами *алан* и *ас*; см. также на с. 109 и 115. Другие носители языка не подтверждают наличия самоназвания *ас* у современных карачаевцев и балкарцев. Да и аланами они называют себя лишь косвенно, при обращении друг к другу. Что касается предков карачаевцев и балкарцев, то М. А. Хабичев не представил по сути дела никаких свидетельств существования у них этнонимов *алан* и *ас* как самоназваний.

Разумеется, нет оснований утверждать, что, например, в абхазо-адыгских языках подавляющая часть тюркизмов восходит к карачаево-балкарскому источнику. Автор своей монографией этого не доказал, и цифровые данные, приводимые им в заключении (с. 147) для осетинского, абхазо-адыгских и сванского языков, а также мегрельского диалекта (700 карачаево-балкаризмов и 100 с лишним заимствований из других тюркских языков), никак не отражают действительного положения вещей. Тюркизмы стали проникать в абхазо-адыгские языки, по-видимому, очень рано, по крайней мере, после захвата хазарами Северо-Западного Кавказа (конец VII в.). Тюркских элементов, заимствованных в древнюю и позднейшую эпоху, в этих языках, на наш взгляд, сравнительно немного. Большинство тюркизмов попало к абхазо-адыгам, надо думать, из турецкого и крымско-татарского языков в период турецко-крым-

ской экспансии на Северо-Западном Кавказе (XVI—XVIII вв.) [1].

Карачаево-балкаризмами М. А. Хабичев объявляет часто лексемы, усвоенные явно из других тюркских языков, а во многих случаях — и исконные слова или заимствования не из тюркского источника. Нам, в отличие от автора, не кажется правомерным возводить к карачаево-балкарскому материалу, например такие абхазо-адыгские лексемы, как: абхаз.-абаз. *ан/аны*, убых. *нэ*, кабард.-адыгейск. *анэ/ан(э)* 'мать', кабард.-адыгейск. *адэ/ат(э)* 'отец' (ср. тюрк., в том числе карач.-балкар., *ана* 'мать', *ата* 'отец'; лексемы идут из детской речи и встречаются в самых различных языках [2]), *тхьэмадэ* (кабард.) / *тхьаматэ* (адыгейск.) 'тамада; старший'; (черк.) 'ухажер, жених' (в карач.-балкар. *тамада*, *тамата* — якобы *там* 'дом'+*ата* 'отец'; по В. И. Абаеву, адыгское слово получено из перс. *дамад* 'зять; жених, ухажер' через тур. *damat*, *damad-* 'зять' (см. Шагиров, № 1251) [3]), абхаз.-абаз. *а-къIыркъIы / къIыркъIы* 'горло, глотка' (ср. карач.-балкар. *къыркъы* то же; из-за звукоподражательного происхождения слова тут трудно говорить о заимствовании), кабард. *гуэл* 'озеро' (ср. тур. *göl* при карач.-балк. *кёл* то же), кабард.-адыгейск. *къIамыл / къэмыл* 'камыш, тростник' (ср. татар. *камыл*, чуваш. *хăмăл* 'стебли; стерня, жнивье', карач.-балкар. *къамиш* 'камыш, тростник'), кабард. *мэракIуэ* 'земляника, клубника' (ср. балкар. *мароко* 'земляника'; во второй части *мэракIуэ* можно видеть причастие от *кIуэн* 'идти', а первую часть допустимо увязать с осет. дигор. *мæрæ* 'поляна', ирон. *мæр* 'почва, земля'; вслед за Х.-М. И. Хаджилаевым [4] балкар. *мароко* мы считаем усвоенным из кабардинского / Шагиров, № 892/), кабард. *нартыху*, адыгейск. *натрыф* (< *нартыф*), абаз. *нартыху*, убых. *натыф*, *нартыф* 'кукуруза' (на адыгской почве надежно разъясняется как «нартовское просо» [5]; в абазинском и убыхском лексема идет отсюда; карач.-балкар. *нартюх* 'кукуруза' до М. А. Хабичева [6] вполне резонно признавалось кабардинизмом [7]), кабард.-адыгейск. *адакъIэ / атакъэ*, убых. *такхъэ* (< адыгейск.) 'петух' (ср. балкар. *адакъа* то же; в адыгских языках, несомненно, исконное слово с *адэ/атэ* 'отец' в первой части, у балкарцев — заимствование из кабардинского [8]), адыгейск. *къакъэ* 'яйцо' (ср. карач.-балкар. *гакκы* то же; «детские слова», чем и объясняется их созвучие), кабард. *серчэ*, абаз. *саркьа* 'уксус' (ср. татар. *серкä* при карач.-балкар. *сирке* то же), кабард. *хъэнчIал*, *хъынчIэл*, абаз. *хъынкIьал* 'суп-лапша молочный', адыгейск. *хъынчIыл* 'хинкал' (восходит к аварскому источнику, ср. авар. *ххинкI* 'галушка, клецка, хинкал', родит. п. *ххинкIил*, множ. ч. *ххинкIал*; слово заимствовано адыгами и абазинами едва ли через тюркское посредство [9]), кабард.-адыгейск. *хьэнтхъуыпс / хьантхъуыпс* 'пшенный суп' (ср. карач.-балкар. *хантус* то же; на адыгской почве здесь справедливо находят *хьэ* 'ячмень', *тхъуы* 'масло топленое' и *псы* 'вода' [10], *н* — фонетическое наращение), кабард. *пIкъIоу // быкъIоу*, адыгейск. *пкъэу* 'столб' (ср. карач.-балкар. *быкъы* 'столб с деревянными гвоздями для вешания мяса, привязывания домашних животных'; М. А. Хабичев произвольно

относит сюда же кабард.-адыгейск. *бгыкъІу / бгыкъу* 'балка, перекладина', где в первой части как будто бы *бгы* 'спина'; *адыгское пІкъІоу / пкъэу* производят от *пІкъІы / пкъы* 'корпус, остов' [11], в карачаево-балкарском лексема может восходить к кабард. *быкъІоу*; Х.-М. И. Хаджилаев считает источником *быкъы* абхаз. *а-быкъІу* 'бревно, пилястр' [12]); кабард. *къІэптал*, адыгейск. *къэптан* 'бешмет, кафтан' (ср. карач.-балкар. *къабдал* при кумык. *къаптал*, ногайск. *каптал* то же, чагат. *каптан* 'кафтан, верхнее платье'; правда, в карачаево-балкарском имеем и форму *къаптал* [13]), кабард. *лэудан* — 'вид шелковой ткани' (ср. карач.-балкар. *лаудан* — 'род шелковой материи'; по Х.-М. И. Хаджилаеву, из кабардинского [14]; во второй части кабард. слова справедливо усматривают *данэ* 'шелковая ткань, шелковое полотно' [15]), кабард. *боз* 'бязь' (ср. ногайск. *боъз*, калм. *бос*, каракалп. *бозь* при карач.-балкар. *мёз* то же), кабард.-адыгейск. *нахътэ*, *нахъутэ / нахъут*, абаз. *нахъута* 'недоуздок' (ср. татар. *нукта*, чуваш. *нăхта* при карач.-балкар. *нохда*, *нохта* то же), кабард. *топ* 'мяч; пушка', абаз. *топ* то же, адыгейск. *топ* 'пушка' (ср. кумык., ногайск., кирг. *топ* при карач.-балкар. *тоб* 'мяч; пушка'), абхаз.-абаз. *а-чъага / чъага* 'мотыга, тяпка' (ср. карач.-балкар. *чага* то же; по-абхазски лексема членится на *чъа-* 'копать, разрыхлять' и инструментальный суффикс *-га* [16]), кабард. *ба*, абаз. *ба* 'поцелуй' (ср. карач.-балкар. *ба* то же; звукоподражательное слово из детской речи, поэтому предположить здесь заимствование рискованно), адыгейск. *йэрмэлыкъ*, кабард. *жэрмычІэ*, абхаз.-абаз. *а-джьармыкІьа / джьармыкІьа* 'ярмарка' (все эти формы М. А. Хабичев возводит к карач.-балкар. *джармалыкъ* то же [17], но даже адыгейск. *йэрмэлыкъ* идет скорее из укр. *ярмалок* 'ярмарка', чем из *джармалыкъ* или ногайск. *ярмалык* то же, см. Шагиров, № 495, 569), кабард. *къІэлэн* 'обязанность; обязательство', абаз. *къІалан* 'задание; обязательство' (ср. др.-тюрк. *калан* при карач.-балкар. *къалын* 'налог'), кабард.-адыгейск. *делэ* 'глупый' (ср. тур. *deli*, крым.-татар. *дели* при карач.-балкар. *тели* то же) и пр.

Довольно часто карачаево-балкарские формы, даваемые М. А. Хабичевым как непосредственные источники абхазо-адыгских слов, совпадают с формами других тюркских языков. Кроме указанных выше случаев с лексемами для матери и отца, ср.: карач.-балкар. *тамакъ* 'глотка, горло' (с. 20) — татар., ногайск. *тамак* [18], кумык. *тамакъ*, то же, карач.-балкар. *къат* 'слой, пласт' (с. 23) — кумык. *къат*, тур. *kat*, татар., башк., узб., кирг. *кат* то же, карач.-балкар. *къуйу* 'колодец' (с. 23) — тур. *kuyu*, крым.-татар. *куйу* то же, карач.-балкар. *булан* 'лань' (с. 36) — кумык., казах. *булан* то же, карач.-балкар. *къаз* 'гусь' (с. 38) — тур. *kaz*, ногайск. *каз*, кумык. *къаз* то же, карач.-балкар. *къаплан* 'тигр' (с. 38—39) — тур. *kaplan*, ногайск., караим. *каплан* то же и др.

Автор не считается с тем, что, поскольку абхазо-адыги вступали в контакт со многими тюркскими народами, в приведенных и аналогичных случаях выделить конкретный тюркский язык-источник заимствований невозможно или почти невозможно.

Сплошь и рядом М. А. Хабичев связывает отношением заимствования из карачаево-балкарского языка очевидно несопоставимые единицы: карач.-балкар. *эгеч* — абхаз.-абаз. *а-йахьушьа/ахъшьа* 'сестра' (с. 17; см. Шагиров, № 1054), карач.-балкар. *быгъын* 'бедро, пах' — абхаз.-абаз. *а-бгъа / бгъа* 'спина, поясница', кабард.-адыгейск. *бгы* 'спина ближе к талии; пояс, талия' (с. 18), карач.-балкар. *къарта* — абаз. *кIьатIи* 'кишка' (с. 19; см. там же, № 1448), карач.-балкар. *сакъал* 'подбородок, борода' — кабард.-адыгейск. *жъачIэ/жачIэ*, убых. *жакIьэ*, абхаз.-абаз. *а-жакIьа/жакIьа* 'борода' (с. 20; см. там же, № 592), карач.-балкар. *айаз* 'прохладный, пронизывающий ветер' — абаз. *кхъуыжь* 'горный ветер, ветер с гор', кабард. *акъIуыжь* 'утренний или вечерний прохладный южный ветер' (с. 20—21; см. там же, № 16), карач.-балкар. *агъач* 'дерево' — кабард.-адыгейск. *жыг/чъыгы* то же, абхаз. *а-джь*, абаз. *джьчIуы* 'дуб' (с. 26; см. там же, № 579), карач.-балкар. *джюджек* 'цыпленок' — кабард. *джэджъей* то же (с. 44; кабардинское слово состоит из *джэд* 'курица' и уменьшительного суффикса *-жъей*), карач.-балкар. *ууаныκ* 'молодой бык' — кабард. *уэнэш* 'верховая лошадь' (с. 47; в кабардинском якобы переосмысление, но ведь *уэнэш* из *уанэ* 'седло' и *шы* 'лошадь'!) и т. д.

Стремление в исследовательской работе «услужить» своему родному языку «за счет» других языков — занятие непривлекательное. Языковые факты следует подавать и истолковывать строго объективно.

---

[1] Мы не принимаем здесь во внимание новейшие турецкие лексические заимствования в речи абхазо-адыгов, проживающих ныне в Турции.

[2] Нам трудно понять, почему такое разъяснение данных слов, по мнению М. А. Хабичева, «не может быть принято всерьез» (см. *Хабичев М. А.* Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, 14).

[3] Нельзя не указать и на то, что *там* 'дом' имеем в туркменском, каракалпакском, азербайджанском (в последнем *дам*) языках, но, насколько удалось выяснить, оно не представлено в современном карачаево-балкарском.

[4] *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, 115; см. также: Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Под ред. А. Ю. Бозиева. Нальчик, 1962, 180.

[5] *Mészáros J.* Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934, 295; *Яковлев Н., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941, 231; *Шагиров А. К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, 28; *Балкаров Б. Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, 56—57; *Абаев* II, 161.

[6] См.: *Хабичев М. А.* Взаимовлияние. . ., 34—35.

[7] Материалы и исследования. . ., 181; *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки. . ., 115; *Абаев* II, 161.

[8] См.: *Шагиров*, № 6; *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки . . ., 115. М. А. Хабичев этимологизирует балкар. *адакъа* как «папенька» — уменьшительно-ласкательная форма карач.-балкар. *ата* 'отец' (*Хабичев М. А.* Взаимовлияние. . . 35). Но ведь суффикс звучит *ка*, а не *къа*. Кроме того, не объяснено наличие *ада-* вместо *ата-*.

[9] Карачаево-балкарское *ханкал, хынкел* 'суп-лапша молочный; хинкал' М. А. Хабичев разлагает на *хан* < *хант* 'пища' и *кал, кел*, ср. маньч. *халу* 'тонкая лапша из рисовой муки' (*Хабичев М. А.* Взаимовлияние. . ., 55).

[10] См.: *Kuipers A. H.* Phoneme and Morpheme in Kabardian. 's-Gravenhage, 1960, 78—79. У Х.-М. И. Хаджилаева (Очерки. . ., 115) *хантус* рассматривается как кабардинское (кабардино-черкесское) заимствование. А по М. А. Хабичеву (Взаимовлияние. . ., 55), перед нами карач.-балкар. *хант* 'пища'+*ус*, ср. монг. *ус* 'вода'.

[11] *Кумахов М. А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика, I. Нальчик, 1964, 126.

[12] *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки. . ., 116.

[13] См. Русско-карачаево-балкарский словарь. Под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М., 1965, 42, 222.

[14] *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки. . ., 116.

[15] См.: *Абаев В. И.* Из истории слов. Русское и украинское *лудан*. — В кн.: Этимология. М., 1963, 118—119.

[16] *Шакрыл К. С.* Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961, 96—97; см. также *Ломтатидзе К. В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы (на груз. яз., резюме на русск.). Тбилиси, 1976, 168.

[17] *Хабичев М. А.* Взаимовлияние. . ., 89.

[18] Различия в написании не учитываются.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. V, zesz. 4(24): Łożny—*Łuzgnąć. Kraków, 1979, c. 249—376

Новый выпуск польского этимологического словаря Ф. Славского содержит дальнейший алфавитный отрезок с начальным *Ł-* и характеризуется уже привычной обстоятельностью трактовки слов и литературы о них, особенно их истории и географии. Праславянская реконструкция заняла прочное место на страницах этого словаря, в частности, увеличилось число словарных статей с заглавными формами под звездочкой, т. е. реально не засвидетельствованными; одна из них даже вынесена на титул нового выпуска как завершающая позиция — **Łuzgnąć*. Детально исследуются словообразовательно-этимологические гнезда, достаточно перечислить статьи, начинающие выпуск: *łożny*, *łożowy*, *łożyczko*, *łożyć*, *łożysko*, **łóg*, *łóżko*. Возросшая обстоятельность привела к тому, что словарные статьи объемом в 2—3 страницы (напр. *łój*) стали скорее правилом, чем исключением. Внимательно освещаются и внешние этимологические связи. Так, относительно праслав. **logъ* сообщается, что балтийское соответствие не засвидетельствовано (с. 257). Это утверждение стало бы понятнее, если добавить, что балтийские языки практически не обнаруживают и производящей основы — и.-е. **legh-* 'лежать, лечь', ср. праслав. **ležati*. На с. 264 в числе сравнений приводится рус. *ясни́ться*, по-видимому, — опечатка, вместо *лосни́ться*.

Интерес представляет лексическая изоглосса, связывающая польск. диал. (цешин.) *łubania* 'кора деревьев' с с.-хорв. диал. *lùbanja*, словен. *lubánja* 'череп', куда автор относит и *łeb*, праслав. **lъbъ* (см. с. 271). Постоянно привлекается смежная ономастика, напр. *Łubianka*, распространенный топоним и гидроним (с. 273). Автор с прежним интересом следит за старыми диалектизмами, ср. польск. диал. *łuka* 'бельмо', только польское, архаизм, возводимый к праслав. диал. **luka* от и.-е. **leuk-* 'светить; светлый' (с. 305). Кашубское *łukać* 'икать; кричать (о сове)', характеризуемое как «Dźwkn.» (с. 307), т. е. звукоподражание, имело бы смысл связать также с гнездом польск. *łkać* 'рыдать', *łykać* 'глотать'. Польск. диал. *łupich* 'живодер', имя деятеля от глагола *łupić*, интересно своей полной словообразовательной аналогией старопольскому *żenich* 'жених', праслав. **ženixъ* (с. 327). Праславянскую форму **lupkati* (с. 343), если вообще принимать вероятие ее существования, правильнее давать как **lupъkati*.

При рассмотрении обширного гнезда слов *łuska*, *łuskać*, *łuspina*, *łusta* (и родственные) с семантикой 'шелуха, шелушить; корка и т. п.' кажется естественным исходить из корня **lup-* с глагольными (прежде всего) детерминативами *-sk-*, *-st-*. В таком случае форма *lusp-* представляется ассимилятивным преобразованием первоначального **lup-sk-* и тогда не потребуется прибегать к более сомнительному детерминативу *-p-* (так см. с. 362), а отношения *-sk-* : *-st-* (*łuska*, *łusta*) оказываются чередованием вроде рус. *пускать* : *пустить*. Отношения с балтийскими соответствиями во всех этих случаях (см. о них у автора) еще нуждаются в дополнительном изучении. Во всяком случае обращает на себя внимание слабая представленность соответствующих глагольных слов как раз в балтийском. В свете изложенного выше ясно, что мы считаем **luskati* производящей в отношении **luska* основой, а не наоборот (как Славский). Совершенно аналогично представляется отношение звонкого варианта: **luzgati* → **luzga* (иначе Славский, с. 376). Кстати, польск. диал. *łuzać się* («z Litwy», с. 374) и лежащее в его основе блр. *лузáць* 'лузгать, шелушить', укр. *лузáти* то же отражают ареальную аспирацию задненебного и упрощение сочетания *zg* > *zh* > *z*, и, следовательно, реконструировать для них праязыковое **luzati*, вариантное к **luzgati*, нет оснований.

О. Н. Трубачев

Этимологические исследования. Уральский государственный университет имени А. М. Горького. Свердловск, 1981, 171 с.

Свердловский сборник «Этимологические исследования» является прекрасным продолжением серии сборников по этимологии, начатой Уральским государственным университетом. Первый сборник «Этимология русских диалектных слов» вышел в Свердловске в 1978 г. и сразу завоевал популярность в широком кругу читателей-лингвистов. Новый сборник, как и первый, отличает большая корректность исследований, привлечение значительного лексического материала, ранее не изученного и собранного самими составителями, интересные этимологические решения, а также широта проблематики — от финно-угорских, тюркских заимствований до анализа исконной славянской лексики, этимологий жгонских слов, экспрессивных образований и т. д.

Сборник открывается статьей О. В. Вострикова «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья». В ней на основе анализа этнотопонимов этой территории доказывается, что в русской среде долгое время существовал финно-угорский этнический компонент: наряду с русским населением существовали племена мери и чуди. Работа в целом посвящена рассмотрению не изучавшихся специально финно-угорских лексических элементов на территории Волго-Двинского междуречья. Финно-угорские по происхождению слова классифицируются автором по их распространению и источнику (прибалтийско-финские, саамские, пермские заимствования, а также заимствования, восходящие к вымершим финно-угорским языкам; выделена группа заимствований, имеющих параллели одновременно в прибалтийско-финских и саамском языках).

Здесь можно отметить особую ценность используемых автором материалов Севернорусской топонимической экспедиции, четкость в построении словарной статьи, как правило, широкий охват диалектных словарей, на основании которых определяется географический ареал слова, интересные этимологические решения, впервые вводимые в научный оборот.

В разделе «Прибалтийско-финские заимствования» к статье о слове *кулига* (8—9 с.) можно добавить из этимологической литературы еще статью Ю. И. Чайкиной «Еще раз о слове *кулига*» [1].

Востриков предлагает этимологию для слов *мя́коник*, *мя́кки* 'небольшой круглый хлеб, каравай' — из прибалтийско-финских языков: фин. *möykky* 'большой каравай', карел. *möйkkü* '(хлебный) комок, хлебный каравай' (с. 10—11). С этой точки зрения, возможно, представляют интерес также: иркут. *мя́гки* 'какая-нибудь стряпня из пшеничной муки: хлебы, булки', нерчин. *мя́гкое* 'пшеничный хлеб, 'пшеничные лепешки', сиб. *мягкие* 'пшеничные пироги, булки и шаньги' (Цомакион 141, 63, 27), новосиб. *мя́гки* 'свежевыпеченные изделия из кислого сдобного теста' (Новосиб. словарь. 308); яросл., волог. *микота́на*, *микоша́на* 'ситный хлеб', перм. *мико́тка* 'ситная лепешка; ржаная лепешка' (Филин 18, 159); тобол. *мякоти́ны* 'мягкие, только что вынутые из печи булки' (Цомакион 181), также калин. *мя́гко* 'тесто' (Калининск. словарь, 131), которое, впрочем, может быть реконструировано и как **tękъko*. Автор прав, вероятно, утверждая, что образование различных диалектных форм в данном случае могло происходить под воздействием слова *мягкий*. Олон. *мя́гкочки* 'окунья икра' (Куликовский 69) также может быть заимствовано из прибалтийско-финских языков; ср. карел. *mökkü* '(хлебный) к о м о к, хлебный каравай'; ср. в формальном отношении заимствованное из финского новгор. *кю́ккочка* 'пирожок с кашей и луком' (Филин 16, 35).

К статье о слове *сузём* 'дальний лес; глухой ненаселенный лес', которое объясняется из прибалтийско-финских языков (с. 13), можно добавить еще и печор. *сузе́мье* 'глушь, лесная глушь; возвышенное пространство, поросшее лесом' [2].

Слово *упаки* 'ступни, лапти без обор; старые разношенные ступни', 'вообще старая обувь' объясняется автором как заимствование «вероятно, из фин. *upokas* 'широкий башмак, сапог без голенища'» (с. 13—14). Может быть, из карельского? Об этом, как нам кажется, говорит записанный в кольских говорах контекст к слову *упаки* (ед. *у́пака*) 'сапоги с загнутым носком' «*Упаки* бы́ли — коре́льско сло́во, но у на́с употребляли́; а по фински ке́ньги» (Кандалакша); *упаки* в этом говоре также — 'опорки, обувь с отрезанными голенищами' (Мер-

курьев 167). В новосибирских говорах также отмечено слово *упáки* в значении 'валенки', может быть, принесенное из Вологодской губернии переселенцами. «Катаники — тоже в Вологодской губернии *упак*, *упаки*, здесь вечно пимы в Сибири называли» (Новосиб. словарь 555). В форме *чупакú* и значении 'валенки, особенно обшитые кожей' слово отмечено Далем в вологодских говорах (Даль³ IV, 1378).

У слова *хóлуй* 'островок на реке; нанос из песка', 'куча мусора' может быть также этимологическое решение на славянской почве. Ареал слова гораздо шире, нежели только говоры русского Севера и пермские: слово *холуй* представлено в рязанских говорах в значении 'опилки, отруби, высевки низшего сорта' [3], а также с вторичным значением 'бездельник, лентяй' (Деулинский словарь 587). Вне русского языка слово есть в чешском, польском, словацком и нижнелужицком языках; оно возводится к корню **xol-* < **ksol-/*skol-*; ср. **xoliti*. «В основе всех частных значений лежит значение 'стричь, резать'» (ЭССЯ 8, 65). Есть и ст.-рус. *холѹи*, хотя значение его неясно: приводится Срезневским без значения, с вопросом: «Ни горы, ни холъма видѣти, ни холѹѧ, ни етеры землѧ (Іо. Злат. о Іос. Прекр. по сп. XV в.) (Срезневский III, 1385—1386). Срезневский предлагает для сравнения вят. *халуй* 'нанос от разлива, коим заволакиваются луга'.

Ю. П. Чумакова считает, однако, что славянская этимология *холуй* не бесспорна и указывает на наличие близких фактов в пермских языках и диалектах (ср. общеперм. корень **kȯl-* 'маленькое озеро, залив'). Вместе с тем она не исключает возможности заимствования и из западнофинского источника [4].

Кроме этимологии, предложенной Калимой и принимаемой Востриковым для рус. *хорь*, *хорёк* 'островок на реке, мель' — из прибалтийско-финских языков (ср. фин. *kari* 'морской утес, песчаная мель и т. д.') (с. 14—15) можно предположить и иное этимологическое решение — отнесение к *корь*, *корёк*. Такая этимология предложена О. Н. Трубачевым для картотеки ЭССЯ. Ср. значения слова *корёк*: ряз., тульск., волог., смол., новосиб., моск., калуж. 'кустарник; куст, растущий от пня дерева; заболоченное место, поросшее низким кустарником; группа деревьев среди поля на низменном месте; небольшой пруд, болото, расположенное на лугу или в поле; лес на острове; сухое место в лесу' (Филин 13, 86). Ср. также чеш. диал. *křok* 'куст' (< **kъrъkъ*) (Bartoš 165). В подмосковных говорах *корь* — 'лесной остров', 'высокий кустарник' (Иванова. Подмоск. 222). Из значения 'лес на острове' могло развиться значение 'островок на реке'. Ср. упоминаемые Востриковым (с. 11) *мя́нда* 'плохая, болонистая сосна' и *мя́нда* 'топкое болото' (т. е. место, поросшее *мяндой*'). О географическом термине *корь/корёк* см. также статью Смолицкой [5].

К географии слова *ня́ша* 'грязь со снегом; лед и снег, плывущие по реке' можно было бы добавить еще забайкал. *ня́ша* 'трясина, ил, грязь с тиной, жидкое топкое дно озера; грязнуля, замарашка' (Элиасов, 247).

Слово *ямурúна* 'яма (в реке, на покосе, в лесу)', которое, согласно А. К. Матвееву (и Вострикову — с. 18), возникло в результате метатезы арханг. *яромина*, *ярма* 'яма в реке', интерпретируемого с помощью саамских или прибалтийско-финских данных, представлено в форме *яморúна* и значении 'неглубокая яма' в кольских говорах (Меркурьев 183). Ср. также камчат. *ямурúна* 'яма, рытвина' (Камчат. словарь 194), тобол. *ямýрина* и *ямýринка* 'яма, ямка', нерчин. (*е*)*имурúна* 'сорная яма' (Цомакион 169, 53, 57), забайкал. *ямýрина* 'низкое место, котловина, место, которое заливается водой при паводках' (Элиасов 470). Эти данные расширяют географический ареал слова.

При этимологизации слова *курья́* 'заводь, залив в реке; старое русло реки; яма в реке' (с. 22—23) можно было бы упомянуть еще точку зрения Б. А. Серебренникова, который видел в этом слове заимствование в конечном итоге (через коми *kurja* 'речной залив') из мансийского *хур* 'край, кайма, борт'+*jā* 'река' [6].

Востриков, вероятно, прав, указывая на то, что *челпáн/чолпáн* 'круглый хлеб; горка' представляет собой контаминацию исконного и заимствованного слов (с. 25). Сюда можно добавить еще соликам. *челпáн* 'вершина горы; небольшая гора округлой формы; холм, курган; шишка, небольшая опухоль или водяной подкожный пузырь; круглый хлебец из ржаной муки' (Соликам. словарь 676); том. *чолпáн* 'сопка', тобол. *челпан*, *челпашек* 'гребень холма' (Цомакион 199, 130), новосиб. *чолпáн* 'бугор, возвышенность' (Новосиб. словарь 588); сюда же волог. *чувпáн* 'пирог овсяник, челпан' (Даль³ IV, 1367).

На существование первоначального **челп/*чолп* в значении *'возвышенность, столб', возможно, указывает также олон. *очалпе́ть* 'остолбенеть'; ср. и иркут. *чильпе́ть* 'быть, находиться где-либо, т о р ч а т ь' (Иркут. словарь III, 123). Ср. укр. *чо́лпа* 'лопатка, поставленная под углом к ручке, для выемки соли из соляных озер' (т. е. что-то торчащее?) (Гринченко IV, 469). Все это можно возвести к праслав. **čьlpъ* 'гора, холм' и далее к *(*s*)*kel*- 'резать'. Рус. *челпа́н, чолпа́н* могло контаминироваться, вероятно, также со словом *ч*(*е*)*алпан* сиб. 'кожаный мешок, в который буряты наливают масло', 'пузырь', (Цомакион 35), иркут. 'кутырь, кожаный мех или требуха, на сало, масло, пузырь' (Даль[3] IV, 1302), забайкал. *челпа́н, чалпа́н* и *чулпа́н* 'кусок жира весом в 8—10 кг; пузырь для хранения масла' (Элиасов 452), ср.-обск. *челпа́н* 'замороженное в форме цилиндра масло', *чулпа́н* 'род вместилища для перевозки сала' (Словарь Оби. Дополнение II, 264, 270). Возможно, это заимствование из тюркских языков?

К статье о галич. *Ва́ся-мо́ля* 'мелкий окунь' (Востриков высказывает предположение, что компонент *Вася* может восходить к какому-либо финно-угорскому языку, субстратное слово сближено с рус. *Васька*. — с. 27) можно добавить еще арханг. *васю́ха* 'форель, обитающая в ручьях, ручейная форель', 'мелкая рыбка'. «Так называется маленькая, особого рода рыбка, обитающая в лужах, лывах, лягах и т. п. водохранилищах» (Филин 4, 67); ср. еще название божьей коровки *ва́ся* в донских говорах (Донск. словарь I, 56). Любопытно, что в Костромской же губернии (на Ветлуге, 1894 г.) записаны прозвища, одним из компонентов которых является имя *Вася*: *Ва́ся-тарарушка* 'прозвище человека, без умолку и часто говорящего, тараторящего', *Ва́ся-тяник* 'прозвище слабого, тщедушного человека'; *Ва́ся-Ганя* (значение неизвестно), *Ва́ся-мигало* 'прозвище часто мигающего человека', *Ва́ся-пена* 'прозвище слюнявого человека', *Ва́ська-обручник* 'прозвище человека, набивающего обручи (на бочки и кадки)' (Филин 4, 67). Название мелкого окуня *Ва́ся-мо́ля* выстраивается как бы в один ряд с этими прозвищами. Мотивы употребления имени *Вася* в этих прозвищах не ясны. Ср. также неясное употребление этого имени в контексте, записанном мною в Калининской области: «Съешь все, оно и Вася» (обращение к ребенку).

Название *Ва́ся-мо́ля*, с другой стороны, можно связать с названием *вся-рыба* 'рыба Abramis leuckartii Heckel, сем. карповых (без указ. места), название помеси плотвы (Rutilus rutilis) и леща (Abramis brama) на Днепре, а также воблы и леща на Волге' (Филин 5, 224), где компонент *вся* может быть заимствованием.

Слово *то́хта, тохта́* 'дерево с гнилой сердцевиной, пыль, отлетающая от зерна, когда его мелют на мельнице; лежалый заплесневелый продукт; отходы при обмолоте овса, ржи, клевера и т. д.' объясняется Востриковым (с. 37) как заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин. диал. *tohka* 'всяческие вещи, разнообразные товары, хлам, мусор, пыль, крошки' и т. д. В забайкальских говорах известно также слово *тухта́* 'ложный слух, ложные сведения' (Элиасов, 419).

Слова *харавѐй, харовѐй, хоровѐй, ха́равесь, ха́раветь* 'иней на деревьях, появляющийся после оттепели в сильный мороз; иней от дыхания человека, животного' и *захараве́ть, захарове́ть, захорове́ть* 'покрыться инеем', объясняемые автором как заимствованные из прибалтийско-финских языков (ср. фин. *härmä* 'иней, пена (пивная) и т. д.') могут иметь этимологию и на славянской почве: к и.-е. *(*s*)*ker*- 'резать' [7]. Ср. волог. *закоро́веть* 'замерзнуть (о грязи, замерзающей осенью в первый раз, еще без снега)' (Филин 10, 154); ленингр. *коро́вина* 'кора', олон. 'шершавое место на доске' (Филин 14, 352). Слово *харавей* (*харовей, хоровей*) может быть также сложением *хоро* (*коро*) и *вей*, а *ха́рьвесь* < *хоро* (*коро*)+*весь*; ср. тороп. псков. *лохове́с* (< *лохо*+*вес*) 'растяпа, ротозей, дуралей' (Филин 17, 163); ср. блр. *ні́віць* 'иней' [8], укр. *наві́са* 'свесившийся с деревьев и пр. снег' (Гринченко II, 470). Интересно также пермское наречие *сбе́й-харавѐй* 'неосновательно, легкомысленно, наугад, без толку': «Он сделал шкаф *сбей-харавей*» (Даль[3] IV, 39).

К статье на слово *хи́ва, хвия* 'ржаная мякина', которое Востриков объясняет как заимствование из какого-либо субстратного языка (ср. фин. *juvä, juväs* 'хлебные закрома' и т. д. — с. 40), можно добавить моск. *хива́* в значении 'сброд' (запись моя. — *Т. Г.*). Вероятна связь слова *хи́ва* 'ржаная мякина' с арханг. *хиво́к* 'легкий ветерок' (Подвысоцкий 183) и *хивить* 'слегка волновать воду' (Даль[3] IV, 1181).

Чáгра 'мелкий густой труднопроходимый лес на сыром месте' связывается Востриковым с рус. диал. *согра*, *шогра* и *шохра* (с. 41). При этом можно упомянуть этимологию *согра*, предложенную Б. А. Серебренниковым: из манс. *tärəγ* 'сосна' (хант. соответствие — *tegər* 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель') [9].

Слово *шакшá*, зафиксированное СТЭ в значениях 'снег и лед, плывущие по реке; снег, смешанный с водой, месиво из мокрого снега на весенней дороге, грязный сырой снег; отходы при обмолоте клевера или конопли', автор связывает с арханг. *шакшá*, *сакша* 'мох на деревьях', причем отмечает, что в олонецких говорах *шакшá* — 'остатки от топленого масла; засохшая грязь'. Он считает, что эти слова восходят к различным формам финно-угорских языков [ср. коми-зыр. *шактар* 'древесный хлам, сор (нанесенный весенним половодьем), накипь', *šakta*, *šasta*, *šašta* 'вид мха Stikta pulmonaria' и т. д. (с. 41—42)]. Сюда можно добавить псковское *шакшá* — 'нагромождение льда с острыми гребнями; донный лед, всплывший на поверхность', *шакшúны* — 'полосы столкновения льдин, замерзших и занесенных снегом, возникающие до окончательного смерзания поверхностных слоев воды' [10]. К географии слова *шалýга*, *шалыга* 'лужайка, поляна в лесу, открытое чистое место в лесу', которое, по мнению автора, может быть связано с каким-то вымершим финно-угорским языком (с. 43) можно добавить еще подмоск. *шалыга* 'поляна с травой, пригодной для покоса' (Иванова. Подмоск. 544).

Статья А. С. Кривощековой-Гантман посвящена одному из аспектов актуальной темы — взаимодействие русского языка с языками народов СССР, а именно: коми-пермяцким заимствованиям в русских говорах Верхнего Прикамья. Это еще один плодотворный шаг в освещении вопроса. Коми-пермяцкие заимствования выявляются автором при анализе различных диалектных материалов по русским говорам Верхнего Прикамья, собранных пермскими диалектологами; использованы, в частности, данные картотеки «Словаря говора д. Акчим Мутихинского сельсовета Красновишерского района Пермской области» (Пермский гос. ун-т). В статье приводится 70 коми заимствований, известных русским говорам на территории Верхнего Прикамья. Впервые анализируются такие заимствования, как *вополь*, *зюлёк*, *ижман*, *калтык*, *курка*, *норос*, *нятя*, *пелькеши*, *пыром*, *тупка*, *шуль*. При этимологизации слова *чаром* 'легкий наст, обледеневшая корка на снегу' (с. 50), может быть, следовало бы упомянуть также форму *чарым* перм., сиб. 'легкий наст' (Даль² IV, 583).

Слово *лыч* 'стебли корнеплодов' Кривощекова-Гантман сравнивает с коми-перм. (сев.) *лыч*, кудым. *выч* 'ботва картофеля, репы, брюквы', коми-зыр диал. *лыч* то же и отмечает, что направление заимствования неясно (с. 54). Слово *лыч* 'стебли корнеплодов' кроме говоров Верхнего Прикамья известно многим другим: это вят., волог., калин. *лыч* 'листья и стебли, ботва корнеплодов, овощей (брюквы, моркови, репы, свеклы)', вят., свердл. 'листья и стебли картофеля', калин., волог. 'листья и стебли свеклы', калин. 'листья и стебли брюквы', новгор. 'листья и стебли репы', вост. 'листья и стебли редьки'; казан. *лычи* 'огуречные листья и стебли', смол. *лычики* 'ботва свеклы' (Филин 17, 227, 228); ср.-урал. *лыч* 'стебли картофеля, огурцов, гороха, хмеля, тыквы' (Сл. Сред. Урала II, 107). В московских говорах записано *лучóвина* 'ботва картофеля и свеклы', *лучóвье* то же, в воронежских — *лучóвье* то же, 'стебли гороха; огуречные плети' (Филин 17, 212). Как мы видим, ареал слова слишком широк для того, чтобы считать его узким локальным заимствованием. Возможно, что оно связано со словом *лыко* (которое далее родственно др.-инд. *lúñcati* 'рвет, дергает, обдирает, шелушит' — Фасмер II, 541) и первоначально значило 'то, что отделяется'. Сюда же, видимо, укр. диал. бойк. *лúч'е* (**lyčьje*) 'твердая внутренняя оболочка гороха или фасоли» [11].

При этимологизации слова *чемёр* 'головная боль; сверхъестественная сила, которая, по суеверным представлениям, забирается в голову и вызывает головную боль', выводимого автором (вслед за Лыткиным) из коми *чомōр* с исходным значением 'дух, бог хозяйства, бог урожая, земледелия, семейного благополучия' (с. 57), нужно принять во внимание также возможность объяснения его происхождения на славянской почве (ЭССЯ 4, 52—53). Ср. хотя бы донск. *чемéрь* 'боли в животе у лошади' (Донск. словарь III, 189); болг. *чéм'ър* 'дьявол' [12].

Прикам. *шиликун*, *шуликан*, *шуликун* 'тот, кто наряжается в кого-либо во время святок' автор связывает с коми-перм. *кулюшун* 'водяной дух', предполагая метатезу и диссимиляцию гласных (с. 57—58). Материал можно расширить за счет арханг. *шалйка(у)н* 'окрутник, наряженный о святках' (Даль³ IV, 1392), нерчин. *шелюкун*, *шелюк* 'так называют ряженых на святках, надевающих маски', забайкал. *шилйкуны* 'группа играющих детей', *шуликáн* 'святочный пирог' (Элиасов 463).

Этимологии двух русских диалектных слов предлагаются в статье А. К. Матвеева. Рус. диал. *тйха* в значении 'старица', записанное Севернорусской Топонимической экспедицией в говорах по правому притоку Северной Двины, объясняется автором как прибалтийско-финское заимствование (ср. фин. *tiikki*, диал. *tiikka*, *tiiki*, эст. *tiik*, ливск. *dīk̗*), восходящее в конечном итоге к германским источникам (точная параллель в нем. *Teich* 'пруд'). В связи с этим любопытно отметить, что в среднем Поочье записано название озера на месте старого русла реки — *Тишь*: «Озеро Переметское съ истокомъ, что идет въ бол‹ь›шую Тишь. . ., озеро *Тишь* городцкая, гдѣ бывала старая рѣка Ока. . ., озеро Тишь Яселова съ истоки и съ протоки (Кн. п. Ряз. II, 505. XVII в.). Оз‹еро› *Старое Тишь* (МГМ). Гидр. Оки, 126 XVIII в. На основании этих данных Г. П. Смолицкая реконструирует апеллатив *тишь* в значении 'пойменное озеро, старица подковообразной формы' [13].

Во второй части своей статьи А. К. Матвеев затрагивает проблему этимологизации трудного рус. диал. *шихáн* 'крутой холм; вершина горы; льдины, нагроможденные ветром; лесная глушь с оврагами', связывая его с рус. *шиш*, *шишка*; не исключая, впрочем, возможности заимствования, в первую очередь из тюркских языков. Здесь можно добавить, что слово *шиханы* в значении 'холмы, бугры из льда, образующиеся на море, причем льдины встают большою кучею друг на друга в самых разнообразных положениях' записано в уральских говорах [14]; в забайкальских говорах *шихáн* — 'льдина, стоящая ребром', *шахáн* 'ребристая скала, встречающаяся под золотоносным слоем песка' (Элиасов 464, 460). Нельзя ли считать источником заимствования киргизский язык (ср. кирг. *šīкан* 'чирей' — Радлов IV, 1067)? С другой стороны, ср. печор. *ших* 'самый верхний позвонок птицы' [15].

М. Э. Рут в своей статье достаточно убедительно этимологизирует севернорус. *тярега/кярега* 'ремешок из ивовой коры, которым привязывают косу к ручке' из вепс. *käŕe*, *käre*, *käŕɛ* 'завертка косы', *käŕeg* 'вязка, завертка' от *käŕda*, *käŕdä* 'завертывать, обертывать'; по аналогичной модели ('завертывать' → 'завертка косы') возникли, по мнению автора, и *инега*, *нидега*, *мидега* 'то же, что кярега' (ср. фин. *nioa* 'вязать, связывать, прикреплять; плести', *nie*, *nije*, *nive* 'завязка, крепление ручки косы' и т. д.). Термин *корега* 'полоска ивовой коры или жести, крепящая косу к косовищу' находит по мнению Рут соответствие в вепс. *koŕeg* 'ремешок в хомуте, которым связывают хомутину и клещи хомута вместе'.

Статья С. М. Стрельникова посвящена интересной теме — этимологии жгонских слов. Это продолжение исследований жгонского языка, предпринятых ранее Н. Виноградовым, А. И. Поповым, В. Д. Бондалетовым, С. М. Стрельниковым. Автор приводит новые данные о заимствованиях в арго шерстобитов-отходников из удмуртского и марийского языков, при этом им использованы записи жгонского языка, сделанные Севернорусской топонимической экспедицией. Группа арготизмов *жгонить* 'бить жерсть', *жгон* 'шерстобит', *жгóнка* 'отхожий промысел пимокатов' и т. д., по мнению автора, восходит к удм. *ыж гон* 'овечья шерсть', 'шерстяной', а выражение *жгонский язык* переводится им буквально как 'шерстяной язык'.

В статье Т. Н. Дмитриевой рассматриваются тюркизмы в русских говорах Нижнего Прииртышья. Этимологизируются тюркизмы, записанные во время экспедиций (СТЭ) Уральского университета в этом районе в 1975—1976 гг., многие из них зафиксированы впервые, причем анализируются заимствования преимущественно узколокального распространения, не известные вне региона и близлежащих территорий. Автором подчеркивается, что большинство заимствований — из диалекта западносибирских татар.

Ж. Ж. Варбот в своей статье рассматривает потенциальные лехитские заимствования в русском языке. Она отмечает, что есть большие перспективы в сопоставлении русской лексики с лексикой лехитской группы, не-

смотря на изученность вопроса. Автором анализируются рус. диал. *сýльчина* 'сырое пресное тесто' и *шаромыга*, *шеромыга* 'любитель поживиться на чужой счет, жулик, обманщик'. Новгородский диалектизм *сýльчина* объясняется Ж. Ж. Варбот как заимствование из польского языка (ср. польск. *sulać* 'мять, давить, стискивать' и *sulka* 'шарик из теста'). Для рус. *шаромыга*, *шеромыга* автор считает источником заимствования польский или кашубский язык: ср. польск. *siermęga* 'сермяга', кашуб. *šerḿąga*, *šurḿąga* 'бродяга, оборванец, кляча'. Значение кашубского слова, по мнению Ж. Ж. Варбот, вторично по отношению к значению 'грубая ткань; одежда из грубой ткани'. Для польск. *siermęga*, кашуб. *šerḿąga*, *šurḿąga*, укр., блр. *сермяга* предполагается заимствование из гнезда лит. *šìrmas* 'серый, сивый'.

И. П. Петлева в статье «К этимологии рус. *колошматить*» анализирует происхождение этого глагола, представленного и в других восточнославянских языках. Подчеркивая изолированный характер данного глагола в украинском и русском языках, автор предполагает его возникновение на белорусской почве как производного от прилагательного *калашматы*, с дальнейшим распространением в соседние русские и украинские говоры. Блр. *калашматы* 'лохматый' интерпретируется автором как образование от *лахматы* 'лохматый' с помощью архаичного префикса *ко-*, *ка-* (иллюстрируемого многочисленными материалами из славянских языков).

Ю. В. Откупщиков в статье «О происхождении слова *верига*» полемизирует с И. Г. Добродомовым, который предполагает тюркское происхождение слова. Автор уточняет в словообразовательном и семантическом отношении этимологию слова *верига*, относя его к праслав. **ver-ti* 'вить' < и.-е. **ver-* 'вить' [ср. *верáть* 'плести (лапти, корзины, сети и т. п.)' в олонецких говорах]. При этом уточняется этимология некоторых других родственных слов. Ср. еще рус. диал. *шеверенька* 'корзина', которое также восходит к праслав. **ver-ti* 'вить' [16].

В статье «К этимологии слова *стерлядь*» В. А. Чернова дается интересное решение происхождения этого слова на славянской почве и отвергается версия о заимствовании из германских языков. При этом формы *sterlet* (польск.), *sterled'* (чеш.), *sterlet* (англ.), *Sterlet(t)* (нем.), *sterlet* (франц.), *Sterlett* (швед.) трактуются В. А. Черновым как заимствованные из русского языка. Автор приводит убедительные доводы против того, что слово *стерлядь* может восходить к нем. *Störling*, используя при этом данные зоогеографии. К числу достоинств статьи относится то, что исконность происхождения слова аргументируется экстралингвистическими данными. Слав. **sterlędь* возводится В. А. Черновым к и.-е. **stьr-* или **tьr-* 'стоять', 'торчать' → 'шип' (т. е. 'нечто торчащее'). В основу названия рыбы, по мнению автора, было положено представление о чем-то заостренном (имеет заостренную голову и хвост).

В статье «Заметки по русской диалектной лексике» В. А. Меркуловой даются этимологии нескольких русских слов. Это употребленное в северных сказках, записанных Н. Е. Ончуковым, слово *щевер* 'дурной запах и треск от горения', которое относится Меркуловой к ст.-слав. скврā 'чад сжигаемого жира, запах сжигаемых жертв' вместе с родственным *щеврица* 'вид жаворонка'.

Второй этюд статьи посвящен этимологии слова *кроя́ное* 'приданое; свадебные гостинцы', которое связывается автором со ст.-слав. крити 'купить', крьнути 'купить, покупать'. При этом автор прослеживает последовательно обрядовые свадебные отношения, в которых большое значение имел выкуп. По мнению Меркуловой, *кроя́ное*, *кроя́ны* образовано путем субстантивации отглагольного прилагательного *кроян-*. Здесь можно было бы упомянуть и этимологию Даля В. И., который связывал исследуемую лексему с *кройть* (Даль² II, 200).

В третьем этюде автор рассматривает слово *обрóча* 'бархоут (дощатая обивка судна с наружной стороны, делаемая в два, три или более рядов, смотря по вышине судна)'. Оно связывается с **оброчить* (ср. *рочи́ть веревку* 'задеть, зацепить; привязать, закрепить', *рачи́ть* 'задевать' и т. д.); **ročiti* же трактуется как слово, восходящее к и.-е. **ark-* 'гнуть, вязать, плести'.

Завершает статью Меркуловой этимология севернорусского глагола *шáять* 'гореть без пламени, тлеть'. Реконструируемый предположительно праслав. глагол **šajati* 'совершать колебательные движения, двигаться (о струях теплого воздуха); растворяться, таять, плавиться', восходит, по мнению автора, к и.-е. **skēi-* 'приводить в движение, быть в движении'. Здесь можно указать еще ва-

риант *шаять* — *чаять*, записанный в иркутских говорах: «Адна́ галавёшка астайбцца и *чяйат*» (Иркут. словарь III, 132).

Л. В. Доровских в своей статье этимологизирует рус. прост. *ошмёток*, *ошмётки* 'остатки лаптей, обуви; рваные, изношенные лапти', 'комки грязи или снега, земли и т. п.' Первоначальной формой, по мнению автора, является *осметок*, которое далее рассматривается в ряду слов с корнем *мет-* (*метать*, *мести*). Автор использует в статье богатый диалектный материал.

Пяти русским словам посвящена статья Л. В. Куркиной «Заметки по русской этимологии»: *изнахратить*(*ся*) 'испортить(ся), изломать(ся)' (толкуется как продолжение в фонетически измененном виде глагола *кретать*, *крятать* 'двигать, трогать с места'); кубан. *изляк* 'узел' (возводится к слав. **lęk-* 'кривой, изогнутый'); вят. *клопик* 'род сохи, отваливающей пласт земли только на одну сторону, косуля' (связывается с глаголом *клепать* 'ковать (холодное железо); отбивать молотом', ср. близкое соответствие в словенском языке: диал. *klop* 'название нижней части плуга'); полесск. *сморжкы* 'скрученная нитка, перекрученная пряжа, собирающаяся в неровности' (трактуется как образование от глагола, представленного рус. *сморгать*, *шморгать*' шмыгать, очищать прут от листьев; веревку от костры', укр. *шморгати* 'дергать, ощипывать, очищать', блр. *сморгаць* 'часто шмыгать носом'); тамб., казан., курск. *зябь* 'продольная трещина на дереве от сильного мороза' (архаичное образование, по мнению автора, от глагольной основы **zęb-*, представляемой ст.-слав. зѧбѫ κατάξαινω, др.-рус. *зѧбнѫти* βλαστάνω с первоначальным значением 'раздирать'). К последнему толкованию ср. также словен. *razzęba* 'трещина вследствие мороза; что-либо выветрившееся', *razzębsti* 'треснуть от мороза' (Хостник, 258).

В статье З. С. Мусихиной «Историко-семасиологические наблюдения над некоторыми северно-русскими диалектизмами» анализируются особенности развития семантических процессов в словах из сферы бытовой лексики. В статье использованы материалы СТЭ, в собирании которых участвовала сама З. С. Мусихина; приведен для сравнения большой диалектный материал и данные других славянских языков.

Т. В. Матвеева в интересной статье «Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности» рассматривает ряд экспрессивных мотивированных глаголов в их семантических взаимоотношениях с мотивирующими лексемами экспрессивными и неэкспрессивными. Автором подчеркивается, что оценочная сторона семантики мотиватора — важное средство в образовании производных экспрессивных глаголов.

Сборник завершается статьей Н. И. Зубова «О теониме *Мокошь*». Автор считает, что для *Мокошь* вероятна первичная форма *Мокочь*, которая могла восходить к праслав. **mokutь*, заимствованному из иран. **măkantis* (**mekantis*) 'сок деревьев; жидкость, находящаяся в деревьях'. Н. И. Зубов приводит несколько белорусских топонимов: *Мо́кшава Бало́та*, *Маку́ти* (*Маку́ты*) от фамилии *Макут*, *Мо́киш*, *Мокуть* как реальные соответствия праслав. **mokutь* из иран. **măkantis* (**mekantis*). Параллельно с *Мокошью* автор рассматривает этимологию теонима *Мора* (имя божества, стоящего, по его мнению, очень близко к *Мокоши*), связывая его с праслав. **mor-* в значении 'болото, стоячая вода'.

Учитывая глубину предлагаемого в статьях анализа как заимствованной русской лексики, так и русской лексики исконно-славянского происхождения, следует отметить, что сборник «Этимологические исследования» представляет большой интерес для специалистов по истории и этимологии русского и других славянских языков.

---

[1] *Чайкина Ю. И.* Еще раз о слове *кулига*. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 176—185.

[2] *Ивашко Л. А.* Картотека Печорского областного словаря (ЛГУ).

[3] *Будде Е.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, XXVIII, 1892, 67.

[4] *Чумакова Ю. П.* О семантической мотивации топонимов с основой холуй. — В кн.: Исследования по семантике (семантические классы единиц). Уфа, 1980, 51.

[5] *Смолицкая Г. П.* Географический термин *корь/корёк.* — В кн.: Местные географические термины. М., 1970.
[6] *Серебренников Б. А.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 209.
[7] *Горячева Т. В.* Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов. — В кн.: Этимология 1977. М., 1979, 104—105.
[8] *Арашонкова Г. У.* У слоўнік народнай мовы. — В кн.: Народнае слова. Минск, 1976, 19.
[9] *Серебренников Б. А.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 211.
[10] *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 114.
[11] Картотека ЭССЯ.
[12] *Ковачев Н. П.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — В кн.: БД V, София, 1970, 48.
[13] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1981, 29.
[14] *Маштаков Л. П.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 115.
[15] *Иванко Л. А.* Картотека Печорского областного словаря (ЛГУ).
[16] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике II. — В кн.: ОЛА 1972. М., 1974, 208—211.

Т. В. Горячева

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1979—1981.

Четырьмя небольшими сдвоенными выпусками начал выходить в свет «Словарь сравнительной ономасиологии» (далее ССО), оригинальный труд, издаваемый заслуженным профессором Гамбургского университета Й. Шрепфером. Пока перед нами только небольшая часть масштабного издания, продолжающего традиции широко известного словаря К. Д. Бака (C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago 1949; 1965; 1971). Вышедшие в свет выпуски ССО содержат, помимо пространного введения, лишь небольшое количество непосредственных материалов словаря — несколько десятков словарных статей из 300 или 500, составляющих содержание первого тома. При этом речь идет даже не о готовых статьях, а о компонентах статей (Stichwortteile 0, I), образующих серию A (Ausgabe A) ССО, за которой позднее появится серия B, включающая дополнительные компоненты этих статей (Stichwortteile II, III, IV). В полной мере о новом труде можно будет судить лишь по мере выхода очередных выпусков.

Как и «словарь синонимов» Бака, ССО, в самых общих чертах, представляет собой взятое из различных языков собрание синонимов для обозначения признаваемых «ключевыми» понятий, с привлечением сведений по этимологии или истории этих синонимов. Предполагается, что новый словарь получит весьма разнообразное применение в лингвистике, и в частности, в этимологии, а также в смежных дисциплинах. Этимология должна будет найти в лице ССО, помимо прочего, источник сведений по семантической типологии, удовлетворяющий ее потребность в знании возможных или наиболее вероятных, повторяющихся семантических связей (ср. «Die Kenntnis. . . über das, was semantisch . . . möglich ist», S. XIV—XV). Не нуждается в доказательствах тот факт, что такой справочник относится к числу наиболее значительных дезидерат этимологии и общеизвестная потребность в нем теперь далеко не удовлетворяется (и не удовлетворялась с самого начала) словарем Бака. Этот словарь стал, по сути дела, лишь первой апробированной в науке попыткой найти подходящую форму для указанного справочника, и для нас существенно, что ССО пошел по пути развития варианта этой формы, найденного словарем Бака, хотя в свое время О. Н. Трубачевым было показано, что этот вариант не является единственно возможным (см. ниже).

Особенности строения ССО оправдываются своеобразными задачами нового труда. В отличие от словаря Бака, опиравшегося на материал всех основных индоевропейских языков с ограничением числа синонимов, привлекаемых из каждого отдельного языка (ср. «selected synonyms»), ССО концентрируется на данных относительно узкого языкового региона, а именно, региона Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы, предполагая построить, за счет возможно более полного использования фактов каждого привлекаемого языка, ономасиологическую картину, достаточную не только для последующих обобщений, существенных для семантической типологии, но и для того, чтобы стать особым сравнительно-ономасиологическим описанием указанного региона и, в частности, тем, что Й. Шрепфер называет первым параллельным словарем («Parallelwörterbuch») славянских и балканских языков. Для этой цели сначала строится особая идеографическая система, в самых общих чертах близкая в аналогичным системам словаря Бака и известных идеографических трудов Дорнзайфа и Касареса. В этой системе выделяется примерно 3000 понятий (ср. 1500 у Бака), которые и будут разрабатываться ССО на основе возможно большего числа обозначений — синонимов для каждого выбранного понятия в 28 языках, входящих в регион «Mittel-, Ost- und Südosteuropa» или некоторых примыкающих к нему. Эти синонимы составляют раздел I (Stichwortteil I) словарных статей ССО, соответствующих числу выделяемых понятий. «Словник» ССО, список синонимов, приходящихся в каждом языке на одно понятие, как можно судить по первым выпускам словаря, действительно, несравненно полнее «словника» Бака. Например, наиболее богатая в разделе I статьи 'много' (по индексу ССО: 1.3.2.0. viele/much, many — Buck 13.15) рубрика русского языка (S. 61 и след.) приводит 51 синоним, в числе которых можно найти, между прочим, и такие, как 10 *страсть/жуть/ужас/страх сколько* (с пометой: разг.), 11 *хоть отбавляй*, 12 *деть/девать некуда* (разг.) . . ., 17 (*хоть*) *пруд пруди*. . . 24 *по горло*. . ., 37 *вагон* (разг.), 38 *воз* и проч. Где это возможно, указываются (в цитируемой ниже статье словаря не всегда последовательно) и нелексические средства обозначения, ср. например, в рубрике латышского языка статьи 'долженствовать' (1.4. 4.3.1. müssen/must — Buck 9.94), помимо 1 *vajadzēt*, также 2 Debitiv, и в рубрике латинского языка той же статьи, помимо 1 *opus est*, 2 *oportet* и проч., также 9 Partizip: *-endum/-andum*, 10 *habere+-ndum* и др. (S. 146). В дополнение к разделу I в серии В (Ausgabe B) ССО выйдет раздел IV, включающий, по возможности, синонимический материал территориальных и социальных диалектов соответствующих языков. Любопытным новшеством ССО оказывается стремление эксплицитно показать межъязыковые связи, сложившиеся в результате определенных культурно-исторических контактов и влияний. Для этой цели 28 «главных» языков при подаче материала разделяются на две группы, главным образом по признаку соотнесенности либо с «латинско-германской», либо с «греческо-восточноевропейской» сферами культурного влияния.

Интерпретация основных ономасиологических материалов ССО, т. е. списка синонимов раздела I, осуществляется в разделах 0, II и III статей словаря. Раздел II, «Motivationsteil» (мы судим о нем пока, главным образом, по пробной статье 'понимать' (7.1.4. verstehen/to understand — Buck 17.16, помещенной во введении, S. LXXXI—XCII), приводит этимологическое значение («Deutewert») синонимов раздела I, ср. в качестве примера выдержку из указанной статьи (рубрика русского языка): раздел I (S. LXXXIX) — 1 *понимать*, 2 *мекать*, 3 *смекать*, 4 *домекать*, 5 *постигать*, 6 *соображать*, 7 *приложить ум*. . ., 8 *схватывать* (*ýмом*), (неверно ударение. — *А. А.*), 9 *тямить*; раздел II (S. LXXXVIII, противоположная страница разворота) — 1 erfassen, 2—4 ein Zeichen machen (?), 5 erreichen, 6 zusammen+gestalten, 7 den Geist anwenden . . ., 8 erfassen, 9 undurchsichtig. Для большей обозримости материалов словаря, обоснование «Deutewerte» переносится в раздел III («Kommentarteil»), в котором предполагается также, кроме прочего, делать обобщения, существенные для семантической типологии, с выборочным привлечением фактов языков, не входящих в число 28 «главных». Аналогичные обобщения и наблюдения можно найти и в разделе 0 («Allgemeines»), содержащем также характеристику рассматриваемого в статье понятия как элемента идеографической системы словаря и прочую информацию, иногда не имеющую непосредственного лингвистического характера, ср. в качестве примера тезис о том, что «Im volkstümlichen Verständnis

bedeutet die «drei» etwas Positives: «aller guten Dinge sind drei» (статья 'три', 'третий' с громоздким индексом, S. 177 и след.).

Здесь было бы затруднительно входить в детали продуманного (и сложного) строения ССО, позволяющего словарю сочетать обширность эмпирической базы с обозримостью материалов и разнообразием затрагиваемых проблем. Имеющие самостоятельную ценность богатые списки синонимов по языкам, дополняемые диахронической (этимологической) интерпретацией, должны будут сложиться в картину, способствующую выработке более наглядных представлений об отношениях языков рассматриваемого в словаре региона. Трудно будет упрекнуть ССО, если эта картина окажется несколько односторонней, например, в силу отбора понятий главным образом по признаку частотности их языкового выражения в немецком языке или преимущественного внимания к литературной лексике. Как и предполагалось, ССО, конечно, станет и источником сведений по семантической типологии, приводя в качестве «Deutewerte» множество возможных мотивировок обозначений того или иного понятия и обобщая эти сведения в соответствующих разделах словарных статей. Остается только пожалеть, что ССО, подобно словарю Бака, правильно обращаясь к этимологии как к «поставщику» подобных сведений, кажется, недостаточно учитывает тот несомненный факт, что для семантической типологии полезны только более или менее достоверно установленные этимологией (или исторической семантикой) случаи семантической эволюции. Случаи такого рода О. Н. Трубачев в свое время предлагал представлять в виде рубрик типа 'дуть' ⇒ 'говорить; думать', с непременным указанием наиболее важной формально этимологической аргументации и библиографических справок всякий раз под соответствующей рубрикой, небезосновательно, на наш взгляд, считая собрание таких рубрик наилучшей формой специального словаря-справочника по семантической типологии [1]. По-видимому, подобная форма не подходит для ССО, поскольку этот словарь не является как раз специальным справочником по семантической типологии, решая многие другие задачи. Но все-таки хотелось бы, чтобы словарь всегда давал возможность определить, не обращаясь к другим источникам, в какой мере те или иные его материалы могут быть использованы в качестве семантических параллелей. С этим связано и пожелание не уделять слишком много внимания обозримости материалов в ущерб формально-этимологической (и другой) аргументации, без которой «Deutewerte», «Merkmale» и другие чисто семантические построения, сами по себе абстрактные, рискуют просто повиснуть в воздухе, ср. например, «Deutewert» 'ein Zeichen machen' для рус. *мекать*, *смекать*, *домекать*, проблематичность которого признает и сам словарь (см. выше, со знаком вопроса) или «Merkmal» 'hingesetztes' для слав. **město* (статья 'место' — 1.3.5. Ort/place, spot — Buck 12.12). В той же статье прус. *deicktas* 'место' без всякой аргументации приписывается «Merkmal» 'Richtung', 'gezeigte'. Между тем, давно установленная достоверная этимология этого слова (: лит. *díegti* 'колоть', лтш. *diẽgt* и проч.) указывает на исходное значение 'то, что проколото; укол; точка'. Семантической параллелью к прус. *deicktas* 'место' является не др.-инд. *diś-*, *diśā-*, *deśá-*, как пишет ССО, а, например, франц. *point* 'точка; место' (: лат. *púngĕre* 'колоть') (см. подробнее Топоров. Прус. яз: A—D, 316—317). Недостаточное внимание к собственно этимологическим данным проявляется при объяснении рус. *туча* 'Wolke', которое восходит к **tǫča* (ср. польск. *tęcza*) и не связано со ст.-слав. *tyti* 'fett werden'. Вообще ССО придется уделить максимум внимания укреплению своей этимологической базы, поскольку словарю, учитывая «всеохватывающий» характер списков синонимов, понадобится дать справку об этимологии огромного числа фактов, относящихся к лексическим слоям заведомо самого различного происхождения и различной хронологии в нескольких десятках языков с разной (иногда слабой) степенью этимологической разработки, при том, что сведения этимологического порядка предполагается давать и для диалектных данных в разделе IV словарных статей. В этой связи отметим, что ССО было бы весьма полезно использовать новейшие этимологические словари славянских языков, в частности, ЭССЯ. Например, для предлагаемой ССО (S. XXXVI) связи греч. ὄνομαι 'порицать, осуждать' с индоевропейским названием имени пригодились бы соображения, излагаемые ЭССЯ 8, 227—228, s. v. **jьmę*. Едва ли ССО стал бы интерпретировать слав. **čęstь* 'часть' как 'Abgebissenes' (S. 83), ознакомившись с критикой сближения слав. **čęstь* : **kǫsъ* в ЭССЯ 4, 107—108. Из других замечаний

относительно этимологической литературы отметим, что все необходимые элементы объяснения греч. ἁλίβας 'уксус; мертвец; река мертвых' как 'anderswohin Gegangener' (ἁλί-βας, ср. βαίνω, S. XXXVI [2]) уже были даны О. Н. Трубачевым [3]. О. Н. Трубачеву принадлежит и заслуга обоснования связи и.-е. **g'en-* 'знать' с и.-е. **g'en-* 'рождать' [4], не учитываемой ССО (S. LXIV—LXV).

Не приходится говорить, что именно от полноты и наглядности этимологического обоснования в значительной степени будет зависеть эффективность обширных материалов ССО, актуального и, в перспективе, видимо, полезного издания.

---

[1] См. *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, 100—105. Эта работа, видимо, осталась неизвестной Й. Шрепферу, как и дискуссионный отклик на нее Э. Гавловой (см.: *Hаvlová E.* O potřebě slovníku sémantických změn. — Jazykovědné aktuality 1965, 4, 3—4), тем более интересный, что упомянутые предложения О. Н. Трубачева сравниваются в нем с предложениями самого Й. Шрепфера (см. *Schröpfer J.* Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels. — Proceedings of the Seventh International Congress of linguists. London 1956, 366—371), отчасти нашедшими отражение в ССО. Заметим, что мнение Э. Гавловой по этому вопросу полностью расходится с нашим.

[2] См. подробнее: *Schröpfer J.* Über Benennungen des Essigs in einigen indogermanischen und anderen Sprachen. — In: Semantische Hefte I, 1973/1974, 162 и след.

[3] *Трубачев О. Н.* Рец. на: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Lief. 1—3. Heidelberg, 1954—1955. — ВЯ, 1957, 3, 157.

[4] *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, 154 и след.

А. Е. Аникин

Phaedon Malingoudis. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981 (= Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1981, Nr. 3)

Молодой греческий славист из города Фессалоники Фаэдон Малингудис, уже известный трудами по средневековой южнославянской эпиграфике (Ph. Malingoudis. Die mittelalterlichen kyrillischen Inschriften der Hämus-Halbinsel. Teil I. Die bulgarischen Inschriften. Thessaloniki, 1979), посвятил себя главным образом исследованиям по славянской исторической ономастике, прежде всего — славянской топонимии Греции. Освоение Греции — финальный и важнейший этап балканской миграции славян второй половины I тысячелетия н. э. Этот этап замечателен целым рядом особенностей в глазах науки. Привлекает внимание периферийность Греции в масштабах всей балканской миграции славян, интересная теми потенциальными особенностями процесса, которые обычно находят выражение именно на периферии (например сохранность архаизмов), уникальность этого эпизода этнической истории славянства, специфика славяно-греческих отношений, в ходе которых греческий этнос вначале уступил ряд позиций во всей стране, чтобы затем полностью вернуть себе все утраченные позиции, ассимилировав местное славянство. Последнее в силу тогдашнего своего уровня культуры не оставило письменных памятников на собственном языке или языках. Почти исключительный документ славянского периода истории Греции — это местные названия славянского происхождения. Очень знаменательно, что за эту тему взялся греческий лингвист, который сам откровенно признает, что еще совсем недавно обращение к теме «Славянский элемент в Греции» расценивалось бы не иначе как оскорбление национального достоинства эллинов

(«Предисловие» к рецензируемой книге, с. 5). Весьма отрадно, что автору чужды эти эллинофильские крайности и что он выступает перед нами как современный, объективный исследователь проблемы. Перед Ф. Малингудисом стояла сложная задача. Надо отметить, что он решал ее трезво и реалистично. За сорок лет до выхода книги Малингудиса был опубликован во многих отношениях классический труд М. Фасмера «Славяне в Греции», используемый греческим ученым на каждом шагу. Малингудис в общем правильно оценил сильные и слабые стороны книги Фасмера. Так, он сделал правильный вывод, что суммарный обзор с преимущественным уклоном в макротопонимию не сулит интересных конкретных результатов (в общем и результаты Фасмера, по наблюдениям автора, не гарантировали воссоздания в деталях точной картины славянизации Греции), поэтому Малингудис выбрал в качестве объекта исследования микротопонимию. Он произвел полное обследование небольшого района, который на карте Пелопоннеса занимает участок вдоль морского побережья Мессенского залива на юго-запад от Спарты. Этот район называется Мани или мессенская Мани. Всего обследованы двадцать деревень, вернее — названия их урочищ, по-немецки — Flurnamen или, как принято говорить у нас, — микротопонимы. Такой метод представляется автору наиболее эффективным, потому что, как он полагает, лишь наличие «славянской микротопонимической системы» позволяет заключить о длительности славянского заселения, в противном случае имела место непрерывность греческого заселения (когда отдельные славянские названия или даже ряд названий и их элементы фигурируют лишь в устах греческого населения, не образуя системы тематических групп топонимии и лексики). Как констатирует Малингудис в конце работы, на с. 178, такая славянская система существовала в топонимии этого участка средиземноморского побережья.

Почти весь материал был собран на месте, в результате чего получены формы названий в нынешнем живом греческом языке, включая ударение, что все вместе представляет ценность для исследования. Исследуемые формы сравниваются с близкими формами в книге Фасмера и других доступных письменных источниках разных эпох по Греции, с остальной славянской топонимией.

Выбор автора неслучайно остановился на этом самом южном уголке материковой Греции. Доступные источники определенно свидетельствуют о пребывании здесь славянского населения с IX по XV в. В IX—X вв. в южной части Пелопоннеса упоминаются славянские племена мелингов и езеритов, причем езериты непосредственно соседили со Спартой, а мелинги обитали на западной стороне хребта Тайгет, т. е. их область совпадала с районом Мани, исследуемым автором [1]. От XV в. дошло удивительное свидетельство греческого путешественника Кананоса Ласкариса, посетившего страны по берегам Балтийского моря, который сообщает, что к западу от Пруссии и Данцига есть страна Σθλαβουνία со столицей Любеком, откуда происходят якобы пелопоннесские зигиоты, потому что во многих деревнях этой Стлавунии говорят на том же самом языке (Malingoudis, с. 21).

По замыслу автора, в центре его внимания — этимология топонимов (см. Malingoudis, с. 5). Основной раздел его книги (II) — алфавитный словарь славянских микротопонимов, занимающий свыше ста страниц текста. Внимательное чтение лишь убеждает в том, что исследователя славянской ономастики в Греции ждут по-прежнему большие и специфические трудности. Средне- и новогреческое языковое состояние резко отличалось от современного ему славянского, отсутствие звонких смычных, шипящих, наличие своих окказиональных метатез плавных в греческом сообщало большую зыбкость и приблизительность отражению формы славянского слова или имени, не меньшую, чем это, например, известно из ранних славяно-венгерских языковых отношений времен венгерского «занятия родины» и, возможно, большую, чем та, которая имела место при окончательной романизации Дакии. Разумеется, эти объективные трудности делают относительными или проблематичными те или иные выводы Малингудиса, его реконструкции формы славянских слов.

На базе местного названия Αλμπάσιτσα автор реконструирует слав. **Albošica* (с. 22), славянская принадлежность которого явствует из участия характерных формантов *-oš-ica*; корень **alb-* квалифицируется как дометатезная, видимо, праславянская форма, синонимичная слав. **bělъ* 'белый'. Но в основном отражено **bělъ*, ср. производное Μπελέχας или сложение **Bělegradъ* (Μπελεγράδι),

с. 23 книги. Как видим, в последнем случае представлена также послеметатезная форма южнославянского типа *gradъ*. Вообще следует отметить, что, несмотря на свою периферийность, славянские формы, отраженные топонимией Мани, демонстрируют достаточно продвинутое языковое состояние и не отличаются особым архаизмом. Ср., напр., исключительное наличие *i* на месте этимологического *y*: **Bilišta* (Μπίλιστα) < **Byliša*, с. 24. Топоним Γλουμπινά (*Glubina*) отражает уже проведенную деназализацию, но вместе с тем древнее место ударения, ср. русск. *глубина́* (с. 40—41).

Разбирая отражения слав. **gora* 'гора' в греческой топонимии, Малингудис считает случай Ποδογορά греческим гибридным сложением из греч. πόδι 'нога' и (слав.) γορά (с. 45). Болгарская рецензентка его книги Д. Михайлова (БЕ XXXII, 3, 1982, 239) правильно указывает ему на возможность здесь чисто славянского сложения с предлогом — приставкой *podъgora*. Странно, что сам автор не обратил при этом внимания на широкие славянские аналогии этого типа, приводимые в работе М. Карася о топонимах вроде польск. *Podgóra*, *Zalas*, хотя эта монография ему известна (см. перечень литературы, с. 10). Неточностью словообразовательной характеристики польск. *karczunek* 'раскорчеванное место' можно считать авторское членение *-un-ek* (с. 60), следует говорить здесь о едином форманте *-unek*, как в *ratunek*, *rabunek*. Осталось неясным, зачем нужно в топониме Νεροβίσκια предполагать греческую метатезу из *nevor-* и реконструировать слав. **Nevorište* (с. 73); топонимы славянского происхождения с корнем *rov-* известны в этом районе, причем именно в сложении с префиксами. Помимо **Nerovište*, которое мы бы восстановили из Νεροβίσκια, можно назвать гидроним (название источника) Ποροβός, которое, конечно, целиком отражает слав **porovъ*, ср. польск. *parów* 'овраг' (автор, с. 98, реконструирует только **Rovъ*). Ошибочно мнение автора о том, что слав. *obora*, *oborъ* 'загороженное место, хлев' образовано от *borъ* 'сосна' (с. 77, сноска 17); здесь, конечно, представлено сложение *ob-vor-*. Вовсе не обязательно в топониме Ἀρκίτοβα (*Orkitova*) видеть посессивное прилагательное с суф. *-ov-* от личного имени собственного (с. 78 книги). Это старая модель прилагательных от названий деревьев **berzovъ*, **lipovъ*, **orkytovъ*, совершенно обычная в топонимии. При объяснении топонима Ἀγκλιστή (*Qglište*, с. 82) необходимо привлечь апеллатив болг. *въглища* мн. 'уголь'. Очень опрометчиво искать в названии Πανίτσοβα (*Panicova*) «праслав. *panъ* 'dominus'» (с. 83), которое, во-первых, имело в праславянскую эпоху вид **gъpanъ*, а во-вторых, было неизвестно южным славянам. Случайной ошибкой можно счесть утверждение автора, что Псел — «первый (erster) приток Днепра» (с. 94). Излишни сомнения автора в том, что славянские насельники в Греции имели (элементарное) судопроизводство (Gerichtsverfassung), см. с. 108. Наличие праслав. **sǫdъ* и других юридических терминов положительно свидетельствует в пользу этого допущения.

Изучение славянской топонимии в Греции затрагивает целый ряд больших проблем разных языковых уровней. Из словообразования достаточно назвать производные с суф. *-ica*. Существование славянских названий с этим суффиксом несомненно, в том числе в пелопоннесской области Мани (там есть довольно много убедительных примеров сочетания *-ica* со славянскими корнями, с другими славянскими суффиксами, с точными соответствиями в ономастике и апеллативной лексике других славянских стран). Вместе с тем проблема генезиса форманта -ιτσα в греческом далеко перерастает не только крохотную область Мани, но и рамки всей материковой Греции, в чем легко убедиться из знакомства с обширной монографией: Demetrios J. Georgacas. A Graeco-Slavic controversial problem reexamined: the -ιτσ- suffixes in Byzantine, Medieval, and Modern Greek: their origin and ethnological implications. Αθηναι = Πραγματειαι της Ἀκαδημιας Ἀθηνων, τομος 47), 1982.

Весьма интересен вскрываемый фонетический облик славянской топонимии Мани, ср. напр. Τσοῦζος (*Čužь*), этимологически — из праслав. **tjudjь* 'чужой', но не с болгарскими, а с восточнославянскими рефлексами *tj* и *dj* (с. 29). Ср. также Λιμποβίζια (*Liboviž'a*), четко относимое к притяжательному праслав. **L'ubovidja* от личного имени собственного, т. е. опять-таки не с болгарским рефлексом *dj* > *žd* (ожидалось бы ζδ), а с «русским» *ž* (Malingoudis, с. 63). И в этом Малингудис существенно дополняет и усложняет картину, нарисованную Фасмером. Сложность заключается в том, что болгарский рефлекс

tj > *št* представлен также достаточно многократно, но это не должно заслонять случаев неболгарского рефлекса *dj* > *ž* (с. 148—149). Этот вывод сформулирован автором впервые (см. также с. 180), он дает право на более широкую славянскую атрибуцию данного пласта топонимии Греции и представляет интерес для этногенетических исследований. Эти наблюдения автора смыкаются с его же констатацией ряда случаев соответствий топонимам Мани не в болгарской (или даже шире — не в южнославянской) лексике и ономастике, а в других частях славянской территории. Ср. **Moltьce*, восстанавливаемое на базе маниотского местного названия 'Εμαλτσός, и точное соответствие в чешском топониме *Mlatce* (с. 70—71). Название 'Αμπροντολός (*Obrъ dolъ* < **Obrjь dolъ*) находит соответствие в чеш. *Obří důl*, в Исполинских горах (Malingoudis, с. 77). Реконструируя *Prǫdъ* на базе топонима Πράντος, Малингудис специально указывает на отсутствие этого апеллатива в болгарском (с. 92). *Smuga*, реконструируемое на основе маниотского Σμούγα, находит соответствие в западнославянском и восточнославянском апеллативе *smuga* 'полоса' (и близкие значения), в южнославянском это слово встречается крайне редко (с. 101—102).

Как известно, М. Фасмер, живший в эпоху преимущественного господства монолитной концепции как южнославянского, так и других частей славянского языкового пространства, в своей книге «Die Slaven in Griechenland» обычно оставлял без объяснений подобные выпадения из однородной схемы, скажем, болгарской или южнославянской языковой принадлежности славянского пласта топонимии Греции. С этим пришлось столкнуться и мне во время работы над темой «Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян» (см. ВЯ 1974, № 6, с. 63, где критикуются примеры такой исследовательской практики Фасмера, зачислявшего сепаратные западные или восточнославянские соответствия славянским топонимам Греции в разряд исключений или случайностей, которые, однако, в наших глазах, символизируют реальную сложность славянского этноса в Греции). Малингудис постоянно полемизирует с Фасмером и в этом аспекте. Собственный материал исследователя славянской топонимии мессенской Мани также подсказывает ему более адекватную концепцию вероятной этноязыковой многокомпонентности. В своей одновременно с книгой опубликованной статье «Die Bulgaren im byzantinischen Reich. Kritische Bemerkungen» («Balkan Studies» 22, 2. Thessaloniki, 1981, S. 247 и сл.) Малингудис живо полемизирует со сторонниками старой теории языкового монолита и принимает сторону концепции этноязыковой сложности славянства в Греции, изложенной мной в упомянутой статье.

Работа о маниотской славянской топонимии опубликована как № 1 в серии авторских «Исследований по славянским местным названиям Греции». На том же конкретном уровне микротопонимии Ф. Малингудис намеревается обследовать примыкающую к Мани с северо-востока область мессенской низменности. Можно надеяться, что и эта будущая работа принесет автору интересные результаты.

---

[1] Если относительно езеритов можно допустить, что они носят славянское имя ('озерные') и принесли его с собой, видимо, издалека на Пелопоннес, который как будто не богат озерами, то этноним другого славянского племени удивляет нас своим неславянским видом. Автор толкует, вслед за Д. Георгакасом, этноним Μηλιγγοί < Μελιγκοί от греч. прилаг. μελιγκός 'медовый' (якобы о цвете волос этих славян, в отличие от местных греков). См. с. 18 книги Малингудиса. Заметим, однако, что область племени Μηλιγγοί и район Мани (н.-греч. Μάνη) взаимно покрывают друг друга, ср. Malingoudis, с. 17. Топоним Μάνη, Μαϊνη (засвидетельствован с середины X в. у Константина Багрянородного) автор признает не имеющим до сих пор этимологии, см. Malingoudis, с. 130, примеч. 9. Нет ли связи между топонимом и этнонимом в том смысле, что второй из них — суффиксальное производное от первого (с промежуточной диссимиляцией согласных)?

О. Н. Трубачев

Йордан Еленский. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, ун-т «Кирил и Методий», 1980, 293 с.

Благодаря многочисленным разысканиям по истории и этимологии отдельных слов русского языка и целых тематических лексических групп, по лексике отдельных древнерусских памятников письменности, благодаря, далее, таким лексикографическим трудам, как «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1—9. М., 1975—1982), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. I—IV, М., 1964—1973), «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)» под ред. О. Н. Трубачева (1—9. М., 1975—1982), в настоящее время возникла возможность некоторых (пусть в известной мере предварительных) обобщений в области русской исторической лексикологии.

Эта возможность еще в 1975 г. была успешно реализована В. Кипарским [1], а в 1980 г. — Й. Еленским в рецензируемой монографии [2].

Хотя оба труда написаны как вузовские пособия, они заслуженно вызывают большой интерес у всех исследователей истории русской лексики и вполне могут быть использованы в качестве справочников специалистами-славистами. Не будет преувеличением сказать, что книга Й. Еленского знаменует собой заметное явление в науке об истории русской лексики.

По своему построению и принципам подачи материала книга Й. Еленского очень близка к монографии В. Кипарского: не задаваясь целью изложить в небольшом томе всю историю формирования и развития словарного состава русского языка, автор как бы штрихами обозначил основные ее моменты. Каждое рассматриваемое слово описано предельно лаконично: представлены его графико-орфографический вид, семантика; указан возраст лексемы и, если она не исконная, то источник заимствования. Слова объединяются по тому или иному признаку и даются списками. Каждому из списков предпосылаются некоторые общие соображения автора.

В этом отношении от монографии В. Кипарского книга Й. Еленского существенно отличается, пожалуй, лишь специальным рассмотрением (в 1-м разделе) исчезнувшей лексики разного происхождения и возраста (такого раздела нет у В. Кипарского), и это связано с различием авторских концепций развития словарного состава, о чем ниже мы скажем особо.

Монография построена следующим образом: предисловие (2—3); введение (4—53); раздел I — исчезнувшая лексика: А — слова индоевропейского происхождения (54—67); Б — слова балто-славянского происхождения (67); В — слова праславянского происхождения (68—74); Г — общевосточнославянские слова (74—79); Д — слова с невыясненным происхождением (79—82); заимствования (82—105); раздел II — унаследованная лексика: А — индоевропеизмы (106—159); Б — слова балто-славянского происхождения (160—170); В — слова праславянского происхождения (171—195); раздел III — заимствованная лексика: общие сведения (196—197); 1) заимствования допетровской эпохи (197—238); 2) заимствования XVIII—XIX вв. (239—286); список цитированной литературы (287—290).

По-видимому, идя по пути жесткого ограничения своих задач, автор не останавливается специально на разных способах словообразования и не дает списка морфем русского языка, в противоположность В. Кипарскому.

Процесс развития словарного состава, считает Й. Еленский, выражается «в пополнении новыми словами, неотступно сопровождающемся устареванием и исчезновением других слов» (50; разрядка наша). Это в общих чертах верно, хотя следует иметь в виду, что не всякое появление нового слова неотступно влечет за собой архаизацию и последующее исчезновение другого слова. Так, появление уже в древнерусском языке тюркизма *лошадь* не привело к исчезновению из нашего языка общеславянского термина *конь*; заимствование латинизма *дефект* (через немецко-польское посредничество) и германизма *брак* ('о плохом качестве изделия') не привело к исчезновению русских синонимов *изъян*, *недочет*. Произошло лишь определенное сужение в употреблении исконных слов. Ориентализм *сабля* не вытеснил близкое ему по значению слово *меч(ь)*. Из подобных фактов явствует, что Й. Еленский склонен несколько преувеличивать степень подвижности сло-

варя. Автор пишет: «. . .Темп и, что важнее, характер «движения» различных уровней (фонетического, фонологического, морфологического, синтаксического, словарного, стилистического) различны. Одни преобразования осуществляются постепенно, крайне медленно, другие, наоборот, протекают бурно и в короткий срок приводят к радикальным изменениям» (48); «подвижность словаря по сравнению с подвижностью других уровней языка отличается интенсивностью» (49).

Как видим, автор формулирует точку зрения, которой придерживаются многие лексикологи-русисты. Но дело в том, что если русских фонем всего четыре десятка, а морфем — сотни, то лексем сотни тысяч, и о темпах изменения языковых единиц на разных «уровнях» нужно судить исходя не из абсолютного количества новых явлений здесь и там, а из пропорционального соотношения этих новых единиц и остальных единиц на каждом данном языковом уровне. В результате такого корректного сопоставления приходят к весьма правдоподобному выводу о том, что различия в темпах и интенсивности развития лексики по сравнению с другими уровнями языка до сих пор явно преувеличивались [3]. Не чем иным, как одним из отражений такого преувеличения является мысль о графическом изображении, по В. Кипарскому, развития лексики русского языка в виде перевернутой пирамиды. Й. Еленский поддерживает высказанную нами в 1977 г. критику этой концепции: «Считается, что слов, исчезнувших и замененных другими, несравненно меньше новопоявившихся (так! — *Г. О.*). Некоторые ученые сравнивают развитие словаря с перевернутой пирамидой (Кип.: 16). Однако количество исчезнувших — величина неизвестная, и поэтому такое сравнение вряд ли удачно» (50). Эта позиция Й. Еленского связана с большим вниманием его к исчезнувшей лексике, в противоположность В. Кипарскому, к сожалению уделившему архаизмам чрезвычайно мало места. Тем самым Й. Еленский более объективно реконструирует состав древнерусской лексики.

Говоря о задачах исторической лексикологии, автор подчеркивает, что она «использует терминологию и теоретические достижения современной лексикологии (так не совсем удачно названа лексикология современного русского языка. — *Г. О.*), поэтому она не занимается общей теорией слова, или, например, теорией системности лексики и пр.» (8).

Такое утверждение вряд ли следует приветствовать. Д. Н. Шмелев, выясняя различия между лексикологией современного русского языка и исторической лексикологией, отнюдь не считает привилегией первой из них разработку теоретических основ исследования лексики, упоминая эти вопросы д о и п о с л е рассмотрения задач каждой из двух этих дисциплин, очевидно, полагая, что теоретические вопросы должны в равной мере учитываться и разрабатываться как при синхроническом, так и при диахроническом исследовании лексики [4].

Думается, что разработка теоретических проблем в той или иной форме имеет место в любом серьезном лексикологическом исследовании; концентрированно же все эти проблемы должны рассматриваться в о б щ е й (или теоретической) лексикологии. Определение о б щ а я в этом случае ясно выражает, что теоретические проблемы в равной мере должны учитываться и разрабатываться на конкретном языковом материале как в исторической, так и в неисторической лексикологии. Несмотря на всю очевидность этого, исследователи в области русской исторической лексикологии, отдавая много сил и времени поискам свежих, неописанных лексических материалов (например, рукописных), к сожалению, нередко считают себя свободными от теоретического осмысления добытых данных. Между тем такое осмысление дает возможность видеть не только языковые факты, но и аргументированно раскрыть закономерности их формирования и развития. Например, историку-лексикологу многое дает системный подход к изучению лексики, рассмотрение его материала по лексико-семантическим группам; однако в этом случае исследователь должен выяснить, что представляют собой эти объединения, как это сделал в свое время Ф. П. Филин [5], и по каким объективным признакам отдельные слова должны входить в одну подобную группу, в отличие от слов, которые либо входят в другую аналогичную группу, либо не входят ни в одну из лексико-семантических групп [6]. Исходя из этого, исследователь неизбежно приходит к вопросу о том, системна ли лексика, и выяснит, что она ярко системна в центральной своей части, в которой представлены наиболее употребительные слова; по мере удаления от этого центра системность лексики постепенно становится все менее ярко выраженной и практически утрачивается

на самой периферии языка (куда мы относим крайне редкие, а также «чужие» слова, «варваризмы», так и не ставшие заимствованиями, еще не вошедшие в активное употребление неологизмы и т. д.). Системное изучение лексики помогает описать историю многих «темных» слов и выяснить лингвистические (а не только экстралингвистические) причины и условия исчезновения тех или иных слов из русского языка.

Й. Еленский выделяет несколько задач исторической лексикологии: определение лексического значения слов и их семантической эволюции; выяснение причин исчезновения из языка одних лексем и врастания в его систему других; изучение «внутреннего перемещения» слов по «стилистической шкале»; установление периодизации развития словарного состава (9—10). При этом стилистический аспект исследования автор считает самым важным (10), что сомнительно, если иметь в виду историческую лексикологию в целом; автор и сам ниже пишет, что движение по «стилистической шкале» должно быть «предметом исторической стилистики» и потому он это движение в своей работе не прослеживает (51).

К сожалению, в разделе «Предмет и задачи исторической лексикологии» автор не говорит о других задачах исторического изучения лексики — генетической (этимологической), историко-диалектологической, экстралингвистической (предварительное обращение к самим реалиям, которые обозначены рассматриваемыми словами), достоверности отдельного засвидетельствованного в источнике слова, а также о задаче выявления наиболее активных (продуктивных) для конкретной языковой эпохи словообразовательных моделей. Впрочем, в других разделах книги автор обращается к диалектологическому, словообразовательному и этимологическому аспектам изучения лексики.

Большую часть обширного введения занимает очерк, посвященный источникам исторической лексикологии, где автор, естественно, уделяет основное внимание письменным памятникам, справедливо подчеркивая, что в них нашли неодинаковое отражение разные лексические пласты, например, скудно представлены названия деревьев, грибов, птиц. Что касается наименований рыб, то их Й. Еленский напрасно ставит в данный ряд: ихтионимов довольно много в приходо-расходных и других монастырских хозяйственных книгах, преимущественно неопубликованных.

Интересно следующее замечание: «. . .Общевосточнославянской книжной письменности, усвоенной в Древней Руси на базе христианского кодекса, была органически чужда та система представлений, понятий, наконец, образов, которая основывалась на языческом культе, и которая, несомненно, находила определенное языковое выражение, прежде всего лексическое, в устной традиции. Поэтому само «словесное» воспроизведение понятий, противных и чуждых христианству, могло не получить отображения в памятниках, созданных под непосредственным влиянием религиозной христианской идеологии» (25).

Й. Еленский справедливо обращает внимание на жанровую обусловленность лексико-содержательной стороны письменных памятников: «Если мы изучаем, напр., метрологию, то наиболее подходящими являются так наз. «книги таможенного дохода», разного рода росписи, отчетные грамотки из поместий и вотчин и т. п. Военную лексику XV—нач. XVII вв. лучше всего изучать по разрядным книгам. Точные сведения о начале проникновения западноевропейских слов, например, можно поучить по так наз. «статейным спискам» и т. д. (26—26).

Автор нигде не дает какого-либо перечня важнейших памятников хотя бы древнерусской письменности XI—XIV вв., не говоря уже о памятниках более поздних. В таком случае следовало бы, как нам кажется, сослаться на 1—2 работы, в которых можно найти достаточно подробный перечень таких письменных источников [7].

В особый подраздел введения автор включает характеристику «различного рода лексикографических пособий». Неоправданно высокая оценка дана книге П. Савваитова «Описание старинных царских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора» (46; год издания не указан; книга издавалась дважды — в 1865 и 1896 гг.). В книге П. Савваитова есть неточности. Документ, известный под названием «Опись имущества Бориса Годунова», датируется 1589 годом вместо правильной датировки 1588 г.[8] и публикуется им не в полном виде, причем нигде это не оговаривается, что влечет за собой нежелательные последствия. Некоторые названия оружия толкуются у П. Савваитова произвольно, неверно;

кончар отождествляется семантически с сущ. *хонжар*, дано мнимое значение слова *кончанъ* — 'кончар' и т. д.

Рассматривая лексикографические источники, отражающие лексику XI—XVII вв., автор по недосмотру не упоминает «Словаря русского языка XI—XVII вв.», хотя вып. 1—5 этого словаря (М., 1975—1979) в книге использованы. Количество слов, толкуемых в нем, неизмеримо больше, чем в любом другом историческом русском словаре на буквы А—К, и уже одно это является бесспорным преимуществом данного словаря: благодаря ему в руки исследователей попадает новый интереснейший материал. Из иностранных старинных словарей и разговорников по русскому языку автор не упоминает псковско-нижненемецкий разговорник 1607 г.[9] В целях изучения словообразовательных процессов древнерусской лексики следовало бы упомянуть обратный словарь древнерусского языка, «зеркально» отражающий известные «Материалы. . .» И. И. Срезневского[10].

Концептуально обусловленная склонность автора несколько преувеличивать число исчезнувших из русского языка слов явственно прослеживается при знакомстве с 1-м разделом книги (57—104), о чем свидетельствует уже сам материал этого раздела. В частности, автор напрасно относит некоторые слова к исчезнувшим из русского языка: 1) *весь* 'село, деревня' (59) — отмечается как употребительное в толковых словарях современного русского языка, хотя и с пометой (*у*)*стар*. (Ушаков I, 263; Ожегов 1981, 70; Сл. рус. яз. АН СССР. I. М., 1981, 157 — с примером из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова); 2) *выспрьнии* 'верхний' (96) — в форме *выспренний* употребляется фигурально как синоним прилагательного *высокопарный*, *высокий* (о стиле). — Ожегов 1981, 108; Ушаков I, 506 — с пометой *книжн.*; Сл. рус. яз. АН СССР. I, 283 — с пометой *устар.*); 3) *дольний* 'нижний; земной' (71) — в обоих значениях употребляется традиционно-поэтически у А. С. Пушкина («Пророк»), А. К. Толстого («О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая»), В. Брюсова («Служителю муз») и т. д. — Сл. рус. яз. АН СССР. I, 425; 4) *онáгръ* 'дикий осел' (99) — даже в самом последнем из вышедших в свет толковом словаре русского языка *онáгр* 'дикий осел юго-западной Азии' дается без ограничительной пометы *устар*. (Ожегов 1981, 398); 5) *туры* (ед. *туръ*) 'корзины с землей на крепостном валу' (82). — Слово не исчезло и употребляется, например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого и именно в данном значении как современный писателю термин.

Все эти 5 слов имеются и в Словаре современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти томах: *вы́спренний* 'высокопарный', 'возвышенный', *онáгр* и *тур*, мн. *тýры* (с примером из «Севастопольской страды» С. Н. Сергеева-Ценского) даны в этом словаре без пометы (*у*)*стар*. (II, М.—Л., 1951, 1241; VIII, М.—Л., 1959, 864; XV, М.—Л., 1963, 1146), *весь* 'селение' и *дóльний* — с такой пометой (II, М.—Л., 1951, 232; III, М.—Л., 1954, 947); как видим, все они в современном русском языке известны.

Далее. Если слова типа *возгря*, не будучи общенародными, известны в отдельных говорах (59), то, наверное, говорить о том, что такие слова исчезли из языка, было бы преждевременно, особенно если учесть, что диалектизмы могут с течением времени становиться общеупотребительными словами.

Список исчезнувших слов, приводимый в книге, станет несколько меньшим, если принять во внимание, что в него дважды попало одно и то же существительное *кошута* 'лань; коза' (XI в.), причисляемое на странице 70 к лексике праславянского происхождения, а на странице 93 — к заимствованиям из старославянского. Аналогично дважды дается слово *ропата*, *ропать* 'мечеть, языческий храм' — оба раза со ссылкой на один и тот же контекст (Ип. л. 987 г.), в котором употреблено это слово: на странице 87 оно отнесено к тюркизмам, а на странице 100 — к грецизмам.

Й. Еленский подчеркивает, что этимологические справки о всех рассматриваемых в его книге словах он позаимствовал из словарей М. Фасмера, А. Г. Преображенского, Е. Н. Шиповой и др. О слове *кордъ* 'род меча' сообщается, что оно заимствовано через «прабулгарский» из новоперсидского *kārd* (87). Историко-лексикологические факты, связанные со старорусским иранизмом *кордъ*, позволяют поставить вопрос о возможности заимствования этого термина непосредственно из польского *kord*, восходящего в свою очередь к чешскому *kord*, которое, как полагают, из венгерского источника[11]. *Лагиръ* 'топор', характеризуется

как слово с невыясненным происхождением; так и у М. Фасмера. О. Н. Трубачев в устном замечании автору настоящей рецензии объяснил его из ср.-греч. λάβρυς 'топор', причем не исключено тюркское посредство, которое, как считает И. Г. Добродомов, объясняло бы превращение сочетания звуков -βρ- в *-гир*.

Семантические толкования слов Й. Еленский дает, исходя из их определений в исторических словарях русского языка и других лексикографических и лексикологических трудах, но не делает наблюдений над употреблением слов непосредственно в древнерусских текстах, не внося тем самым своего вклада в толкование семантики рассматриваемых в книге слов.

Несомненными достоинствами книги Й. Еленского следует признать насыщенность ее фактическим материалом и последовательно выдержанный принцип историзма в подходе к его анализу. Это в равной мере относится и к первому, и к двум последующим разделам монографии. В первых двух из них сначала рассматривается лексика индоевропейского происхождения, затем балто-славянского, далее общеславянского (праславянского) происхождения, после чего представлены общевосточнославянские слова, причем исконная лексика рассматривается в строго определенной последовательности по таким именно тематическим группам: термины родства; названия частей тела, заболеваний и др.; наименования предметов и явлений неживой природы; названия животного мира, растительного мира; названия действий; обозначения качеств, признаков, абстрактных понятий; названия предметов материальной культуры; местоимения, наречия, служебные слова.

Заимствования же группируются по источникам — от более древних к менее древним, например, в третьем разделе сначала даны списки заимствований допетровской эпохи (иранизмы, германизмы, тюркизмы, старославянизмы, именуемые в книге «древнеболгаризмами», грецизмы); далее следуют заимствования XVIII—XIX вв. (из финно-угорских, балтийских, польского, немецкого, голландского, французского, английского, итальянского, латинского языков).

Во II разделе заслуженно большое внимание уделено унаследованной лексике индоевропейского и праславянского происхождения. Автор поставил перед собой задачу «по этимологическим словарям представить более или менее исчерпывающе весь и.-е. запас слов в РЛЯ (русском литературном языке. — *Г. О.*)» (159).

Следует подчеркнуть, что его список русских слов индоевропейского происхождения дает достаточно верное представление об этом лексическом пласте. Ограничимся одним примером характеристики индоевропейских по происхождению слов у Й. Еленского: «*гладкий* — всеслав. // нем. *glatt*. Праславянское образование от *гладъ*, и.-е. **ghla-dhu-*, вариант корня **ghel-*. От *гладкий* образовано *гладь*» (143). Здесь сокращенное «всеслав.» обозначает, как и везде в книге, 'общеславянский', о чем автор специально сообщает на стр. 107 в подстрочном примечании. Есть ли, однако, необходимость в замене одного, к тому же общепринятого, термина другим?

Говоря об общеславянском *конь*, автор добавляет: «Неясно». Действительно, этимология данного слова до сих пор не была выяснена. Новое и убедительное решение предложено недавно О. Н. Трубачевым: **konь* заимствовано из кельтского **konko* с переосмыслением его как деминутива, ср. *конек*, *коньки*, *коник* [12].

В книге весьма широко представлена заимствованная лексика. Й. Еленский, вероятно, преувеличивает процент старославянизмов в русском языке, когда пишет, что нет ничего удивительного, если некоторые исследователи считают этот процент до 70 и больше. Не опровергая какими-либо своими расчетами подсчеты Ф. П. Филина, пришедшего к выводу, что старославянизмов в современном русском языке 12 %, Й. Еленский в то же время пишет, что это «вряд ли приемлемо» (221).

Из заимствованной лексики у Й. Еленского довольно скудно представлены англицизмы, как и в упоминавшейся нами монографии В. Кипарского (1975 г.). Это наводит на мысль о недостаточной изученности англицизмов в отечественных лексикологических исследованиях. В перечне англицизмов у Й. Еленского (276—277) мы не найдем таких слов, как *клуб* (и *клоб*, устар.), *жоке*(*й*), широко употребительных уже в 1-й четверти XIX в. (эти слова встречаются, например, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, 1824 г.), нет междометия *есть*!, возникшего в результате своеобразной контаминации исконного русского глагола *быть*

в 3 л. ед. ч. наст. времени с английским междометием *yes* 'да': Петр I требовал от моряков отвечать на команду офицеров только по-английски, и малопонятное *yes* стало звучать у боцманов и матросов как *есть*!, что вполне устраивало и офицера, — слова по звучанию близки, и формально устав был соблюден.

Недостаточно полно в работе Й. Еленского представлены и балтизмы. Например, среди них не находим слова *дылда* 'длинноногий, долговязый, верзила' (Даль[3] I, 1261), обнаруженное нами уже в одной из рукописей XVII в.[14] Ю. А. Лаучюте доказывает, что версия об исконном происхождении этого слова у славян неверна и что оно заимствовано из балтийских языков [15], ср. лтш. *dilda* 'дылда', лит. *dìlda* 'неповоротливый человек'. Ю. А. Лаучюте приводит в своем словаре список (возможно, впрочем, несколько преувеличенный) 364 балтизмов в русском языке и его говорах, тогда как у Й. Еленского их всего 18 (с. 233).

В целом, однако, заимствованиям уделено в книге должное внимание. Автор справедливо указывает на важность учета времени и путей заимствований, восходящих этимологически в конечном счете к одному и тому же источнику, но пришедших в русский язык разными путями и в разное время: «В русском языке имеются случаи, когда слово заимствуется — одновременно или в разное время — из разных языков. Например, араб. *ǰubba* лежит в основе четырех самостоятельных русских слов: *жупан*, заимствованное в XV в. из пол. *żupan*, восходящего к ит. *giuppone*. То же самое итальян. слово через гр. ζιπούνι дало рус. *зипун*. Араб. *ǰubba*, однако, было заимствовано еще в общеславянское время через ср.-в.-н. *schube* 'длинное верхнее платье' в виде *шуба*, а в XVIII в. через пол. *jupka*, возникшее на базе ср.-в.-нем. *joppe*, *juppe* 'кафтан', оно было заимствовано в виде *юбка*. Подобная история *балкон* и *балаган*, *сатана* и *шайтан*. . .» (23). Заметим попутно, что автор напрасно считает *балаган* тюркизмом (218): слово пришло в русский язык из тунгусо-маньчжурского источника [16].

Некоторые опечатки: *шкапатъ* 'лошадь' (70) — надо *шкабатъ*; *клик* (106) — надо *клык*; праслав. **cistiti* (166) — надо **čistiti* и т. п.

В заключение подчеркнем, что некоторые неточности неизбежны при лаконизме изложения, свойственном обобщающим и сравнительно небольшим по объему историко-лексикологическим трудам, подобным книге Й. Еленского, и мы должны отметить, что рецензируемое исследование выполнено на высоком научно-профессиональном уровне и займет достойное место в русской исторической лексикологии.

---

[1] *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

Й. Еленский напрасно называет эту работу «мало удачной», хотя и ставит ее несколько выше монографии П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период». М., 1956 (см. предисловие в рецензируемой книге Й. Еленского, 2). Общая весьма высокая оценка труда В. Кипарского и отдельные частные замечания высказаны нами в рецензии на этот труд. См.: ВЯ, 1977, 1, 134—140.

[2] К такого рода обобщающим работам, вероятно, не следует относить любезно указанную нам Г. А. Богатовой монографию С. Д. Ледяевой «Очерк по исторической лексикологии русского языка». Кишинев: «Штиинца», 1980, так как в этой монографии рассмотрены лишь две тематические группы слов — военная лексика XI—XIII вв. и железнодорожная терминология XIX столетия, — не связанные между собой ни хронологически, ни семантически.

По разработке истории древнерусской военной лексики монография С. Д. Ледяевой страдает существенной неполнотой материала и библиографии. Так, из «Слова о полку Игореве» рассматриваются термины *засапожникъ* (51), *харалужный* (*мечь*) (48), но даже не упоминаются сущ. *шереширы* и *сулица*, встречающиеся в том же «Слове». Говоря о названии *засапожникъ*, автор странным образом обходит молчанием несомненно более древний связанный с ним древнерусский термин *ножь*. Рассмотрены слова *копье*, *рогатина* (52—53), но отсутствуют древнерусские названия метательного копья *луча* (и *луща*, *лѹчша* и проч.), *совь*, а также диал. др.-рус. *рогатыня*.

Этимологические справки даются нерегулярно. Названная выше моно-

графия В. Кипарского (1975 г.), к сожалению, не учтена и не использована С. Д. Ледяевой.

3 Такова, например, точка зрения И. Г. Добродомова, изложенная им в одной из еще не опубликованных работ.

4 *Шмелев Д. Н.* Лексикология. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Филин Ф. П. М., 1979, 126—128.

5 Под лексико-семантическими группами, именуемыми иногда также семантическими микросистемами, мы понимаем, вслед за Ф. П. Филиным, такие лексические объединения, которые состоят из семантически взаимообусловленных компонентов, имеющих однородные, сопоставимые значения и относящихся к какой-либо одной части речи (см.: *Филин Ф. П.* О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, 536—537).

6 О признаках, по которым устанавливается состав каждой лексико-семантической группы, см.: *Одинцов Г. Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980, 13.

7 Назовем со своей стороны два таких труда: *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962; Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. М., 1975.

8 *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1584—1725 гг., вып. I. М., 1877, 5.

9 Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1961, I; 1970, II.

10 *Dulewicz I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I.* Index a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968.

11 *Одинцов Г. Ф.* К истории старорусских названий мечей. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 100—102.

12 *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, 5, 10—11.

13 *Филин Ф. П.* О генетическом и функциональном статусе современного русского языка. — ВЯ, 1977, 4.

14 Столбцы Архива Оружейной палаты. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 8, № 9803, л. 58, 186. 1665 г.

15 *Лаучюте Ю. А.* Лексические балтизмы в славянских языках. Автореф. дис. . . .канд. филол. наук. Л., 1971, 8; *Она же.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 107—108.

16 *Добродомов И. Г.* Еще раз о слове «балаган». — Русская речь, 1980, 1, 141—144.

Г. Ф. Одинцов

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—III—. М.—Л., 1958—1979—.
Абаев ОЯФ — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949.
Арханг. словарь — Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. 1—2—. Изд-во МГУ, 1980—1982—.
Ачарян — *Ачарян Р.* Этимологический коренной словарь армянского языка, I—VII. Ереван, 1926—1935 (на арм. яз.).
Байкоў—Некрашэвіч. — *Байкоў М.* и *Некрашэвіч С.* Беларуска-расійскі слоўнік. Минск, 1925.
Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, I—II. М., 1872—1882.
БД — Българская диалектология, I—X—. София, 1962—1981—.
БЕР — Български етимологичен речник. Съставили Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. I—XIX—. София, 1962—1982—.
Білецкий-Носенко — *Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Київ, 1966.
Бірыла — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
Богораз — *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 68, 1901, № 4.
Брян. словарь — Словарь брянских говоров. Ред. В. И. Чагишева, В. А. Козырев. 1—2—. Л., 1976—1980—.
БТР — Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст. и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Варшавский словарь — *Karłowicz I.*, *Kryński A.*, *Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Гарэцкі — *Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925.
Геров — *Геровъ Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904 (София, 1975—1978); VI. *Панчевъ Т.* Допълнение на блъгарские рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдивъ, 1908 (София, 1978).
Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль[2] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955).
Даль[3] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 3-е изд. М., 1903—1909.
Даль[4] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 4-е изд. М., 1912.
Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А. М., 1969.
Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Донск. словарь — Словарь русских донских говоров. Авторы-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др., I—III. Ростов-на-Дону, 1975—1976.

Доп(олнение) к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.
Дювернуа — *Дювернуа А*. Словарь болгарского языка, I—IX. М., 1885—1889.
Желеховский — *Желеховский Е.* и *Недільский С.* Малоруско-німецкий словар, I—II. Львів, 1886.
Жывое слова — Жывое слова. Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, I. Я. Яшкін. Мінск, 1978.
Иванова. Подмоск. — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Иркут. словарь — Иркутский областной словарь. Ред.-сост. Н. А. Бобряков, I—III. Иркутск, 1973—1979.
И-С — *Толовски Д.*, *Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
Калининск. словарь — *Кириллова Т. В.*, *Бондарчук Н. С.*, *Куликова В. П.*, *Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Камчат. словарь — Словарь русского камчатского наречия. Редколлегия: К. М. Браславец, Ф. П. Иванова, Н. В. Попова, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1974.
Караџић — *Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека Новгородского ГПИ — Картотека Новгородского Государственного педагогического института.
Картотека Псковского областного словаря — Картотека Псковского областного словаря (в межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ).
Картотека СДР — Картотека Словаря русского языка XI—XIV в. (Институт русского языка АН СССР, М.)
Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинградское отд. Ин-та языкознания АН СССР).
КДА — *Бернштейн С. Б.*, *Иллич-Свитыч В. М.*, *Клепикова Г. П.*, *Попова Т. В.*, *Усачева В. В.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
Конески — *Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья — Лексика Полесья. М., 1968.
Лисенко — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
Матеріали буковинських говірок — Матеріали до словника буковинських говірок. Вип. 1—6—. Чернівці, 1971—1979—.
Материалы Смоленского словаря — *Иванова А. И.*, *Кустарева М. А.*, *Моисеев Б. А.* Материалы для «Смоленского областного словаря». Учен. зап. Смоленского ГПИ, IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958.
Мельниченко — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманское книжное издательство, 1979.
Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Мордов. словарь — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Сост. Э. С. Большакова, Н. П. Кудряшова, Т. В. Михалева и др. А—Г, 1978; Д—И, 1980. Саранск.
Мука — *Мука Э.* Словарь нижне-лужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Народнае слова — Народнае слова. Мінск, 1976.
Никончук — *Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
Никончук. Рефер. — *Никончук Н. В.* Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении. Автореф. дис. . . доктора филол. наук. Житомир, 1980.
Новосиб. словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. Федорова А. И. Новосибирск, 1979.
Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Ожегов — Толковый словарь русского языка. Под ред. С. И. Ожегова. М., 1981.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий — *Подвысоцкий А*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский — *Преображенский А*. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914; окончание — в кн.: Труды ИРЯ, I. М., 1949.
Псков. словарь — Псковский областной словарь, 1—4—. Л., 1967—1979—.
Радлов — *Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
Расторгуев — *Расторгуев П. А*. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.
РБЕ — Речник на съвременния български книжовен език. Главен редактор акад. Ст. Романски. I—XIV. София, 1954—1959.
РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног езика, I—VIII. Београд, 1959—1973.
Светлов — *Светлов Я*. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губ.) — ЖСт, год второй, вып. III. СПб., 1892.
Словарь Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение I ч. — 1975, II ч. — 1976.
Слоўн.паўн.-заход. Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1—3—. Мінск, 1979—1982—.
Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Редколлегия: Д. Г. Гринчишин, Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький. I—II. Київ, 1977—1978.
СлРЯ XI—XVII в. — Словарь русского языка XI—XVII в. Сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович и др., 1—9—. М., 1975—1982—.
Сл. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала, I—III—. Свердловск, 1964—1981—.
Смоленск. словарь — Словарь смоленских говоров. Под ред. А. И. Ивановой, I—II—. Смоленск, 1974—1980—.
Соликам. словарь — *Беляева О. П*. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, 1—17. М.—Л., 1950—1965.
Толстой [2] — *Толстой И. И*. Сербско-хорватскорусский словарь. М., 1958.
Топоров. Прус. яз. — *Топоров В. Н*. Прусский язык. Словарь. A—D; E—H; I—K. М., 1975, 1979, 1980.
Трофимович — *Трофимович К. К*. Верхнелужицко-русский словарь. М.—Бауцен, 1974.
Тупиков — *Тупиков Н. М*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. I—IV. М., 1935—1939.
Фасмер — *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, I—IV. М., 1964—1973.
Филин — Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина, I—XVIII—. Л., 1966—1982—.
Хостник — *Хостник М*. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
Цомакион — *Цомакион Н. А*. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, ч. II, вып. 1. Красноярск, 1974.
Шаталава — *Шаталава Л. Ф*. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў, 1—2—. Мінск, 1978—1980—.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева, I.—X—. М., 1974—1983—.
Юрчанка — *Юрчанка Г*. Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
Яшкін — *Яшкін І. Я*. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.

Balg — *Balg G. H.* A Comparative Glossary of the Gothic Language. Maryville and New-York, 1887—1889.
Bartoš — *Bartoš Fr.* Dialektologický slovník moravský (Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6), Praha, 1906.
Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A-morъ*. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. I—. Ljubljana, 1976—.
Bezlaj. Eseji. — *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).
Brugmann. Grundriss. — *Brugmann K.* und *Delbruck B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung von K. Brugmann und B. Delbruck. 2-te Bearbeitung, Bd. I—VI. Strassburg, 1897—1916.
Buck — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949; 1965; 1971.
Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1—2. Paris, 1968.
Dauzat — *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
Doroszewski — *Doroszewski W.* Słownik języka polskiego, 1—8. Warszawa, 1958—1966.
Ernout—Meillet [3] — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.
Falk—Torp.[2] — *Falk H.* und *Torp A.* Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, I—II. 2. Aufl. Heidelberg, 1960.
Feist [1] — *Feist S.* Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache mit Einschluß des sog[ennanten] Krimgotischen. Halle, 1909.
Fleuriot — *Fleuriot L.* Dictionnaire des gloses en vieux Bréton. Paris, 1964.
Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955—1965.
Friedrich — *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch, I—IV. Heidelberg, 1952—1954.
Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg, 1954—1972.
Holub—Kopečný — *Holub J., Kopečný F.* Etimologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Hraste—Šimunović — Čakavisch-deutsches Lexikon. Von M. Hraste und Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. I—. Köln—Wien, 1979—.
Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916.
Grimm — *Grimm W.* und *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch, 1—16. Leipzig, 1971.
Iveković—Broz — *Iveković F., Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Jóhannesson — *Jóhannesson A.* Isländisches etymologisches Wörterbuch. 1—5. Bern, 1951—1954.
Jungmann — *Jungmann J.* Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banska Bystrica, 1924.
Karłowicz — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.
Kluge—Götze [15] — *Kluge F., Götze A.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Fünfzehnte, völlig neubearbeitete Auflage. Berlin, 1951.
Kluge—Mitzka [20] — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. Red. W. Mitzka. Berlin, 1967.
Konîř. Slov. morav. — *Konîř A.* Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému. — In: MNHMA. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926.
Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Kott. Dod. k Bart. — *Kott F. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 8).

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, I—II (red. J. Balčikonis), III—X (red. kolegija: I. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak redaktorius). Vilnius, 1941—1976.
Lorentz. Pomor. — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch, I—IV. Berlin, 1958—1975.
Lorentz. Sl. Wb. — *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Machek[1] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek[2] — *Machęk V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.
Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches, 1—31 —. Heidelberg, 1953—1980—.
Meillet. Études. — *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, 1—2. Paris, 1902—1905.
Meyer — *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Straßburg, 1891.
Meyer-Lübke[3] — *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1935.
Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Muka — *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, I. Пr., 1921; II. Praha, 1928.
Mūlenbachs — Endzelīns — *Mūlenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, I—XLV. Rīga, 1923—1932.
Niedermann—Senn—Brender—Salys — *Niedermann M., Senn A., Brender F. Salys A.* Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I—V. Heidelberg, 1932—1967.
Pfuhl — *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895 (1974).
Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
Reczek Sł. — *Reczek S.* Podręczny słownik dawniej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.
RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII. Zagreb, 1880—1976.
Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, I—V—. Kraków, 1953—1979—.
Slovník jaz. stsl. — Slovník jazyka staroslověnského, 1—35—. Praha, 1958—1982—.
Słownik prasłowiański — Słownik prasłowiański. Pod red. F. Sławskiego I—IV—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974—1980—.
Sł. polszcz. XVI w. — Słownik polszczyzny XVI wieku. Instytut Badań Literackich PAN, I—XI—. Wrocław, 1966—1978—.
Sł. stpol. — Słownik staropolski, 1—8—. Warszawa, 1953—1980—.
SSJ — Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Ved, ved. red. dr. Š. Peciar, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika, I—III—. Ljubljana, 1970—1979—.
Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VII. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1976.
Schuster-Šewc — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1—6—. Bautzen, 1978—1980—.
Trautmann — *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Vasmer — *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.

Vendryes — *Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. 1—2 (A, M—P). Dublin—Paris, 1959—1960.
de Vries — *J. de Vries.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden 1—12, 1957—1961.

БЕ — Български език
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖСт — Живая Старина
Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук
MJ — Македонски јазик
ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования
РФВ — Русский Филологический Вестник
СА — Советская археология
СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
Сб. ОРЯС — Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук

ABORJ — Annals of the Bhandarkar Oriental research institute
AfslPh — Archiv für slavische Philologie
AO — Archiv orientální
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris
IF — Indogermanische Forschungen
IIJ — Indo-Iranian Journal
IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
JP — Język Polski
KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris
MSS — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft
RES — Revue des Études Slaves
RS — Rocznik Slawistyczny
SOc — Slavia Occidentalis
WdS — Die Welt der Slaven
WuS — Wörter und Sachen
ZfSl — Zeitschrift für Slawistik

Языки и диалекты

абаз. абазинский
абхаз. абхазский
авар. аварский
авест. авестийский
адыг. адыгский
адыгейск. адыгейский
азерб. азербайджанский
алб. албанский
амур. амурский
англ. английский
англо-сакс. англо-саксонский
арм. армянский
аромун. аромунский
арханг. архангельский
арчин. арчинский
бавар. баварский
балкан. балканский
балкар. балкарский
башк. башкирский
блр. белорусский
бойк. бойковский
болг. болгарский
брет. бретонский
брян. брянский
буков. буковинский
валаш. валашский
валл. валлийский
вед. ведийский
вепс. вепсский
влад. владимирский
волог. вологодский
ворон. воронежский
вост.-слав. восточнославянский
в.-луж. верхнелужицкий
вят. вятский
галич. галичский
гег. гегский
герм. германский

гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
дакорум.	дако-румынский
дигор.	дигорский
дидойск.	дидойский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-арм.	древнеармянский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лат.	древнелатинский
др.-макед.	древнемакедонский
др.-н.-нем.	древненижненемецкий
др.-норв.	древненорвежский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-серб.	древнесербский
др.-тюрк.	древнетюркский
елен.	еленский
елец.	елецкий
жемайт.	жемайтский
забайкал.	забайкальский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский
ингуш.	ингушский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исп.	испанский
итал.	итальянский
ишкашим.	ишкашимский
кабард.	кабардинский
кавказ.	кавказский
казан.	казанский
казах.	казахский
кайк.	кайкавский
калм.	калмыкский
калуж.	калужский
камч.	камчатский
караим.	караимский
каракалп.	каракалпакский
карач.	карачаевский
карел.	карельский
катал.	каталонский
кашуб.	кашубский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский
кельт.	кельтский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
колым.	колымский
кольск.	кольский
коми-зыр.	коми-зырянский
коми-перм.	коми-пермяцкий
копыльск.	копыльский
костр.	костромской
краснояр.	красноярский
крым.-татар.	крымско-татарский
кубан.	кубанский
кудым.	кудымкарский
кумык.	кумыкский
курск.	курский
куршск.	куршский
лазск.	лазский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
ленингр.	ленинградский
ливск.	ливский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
ляш.	ляшский
макед.	македонский
манс.	мансийский
маньч.	маньчжурский
мегл.-рум.	меглено-румынский
мегрел.	мегрельский
могил.	могилевский
монг.	монгольский
морав.	моравский
моск.	московский
нар.-лат.	народно-латинский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нерчин.	нерчинский
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
новгор.	новгородский
новоисл.	новоисландский
новосиб.	новосибирский
новоуйгур.	новоуйгурский
ногайск.	ногайский
норв.	норвежский
н.-перс.	новоперсидский
о.-адыг.	общеадыгский
общеперм.	общепермский
олон.	олонецкий
орл.	орловский
оск.	оскский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
пехл.	пехлевийский
печор.	печорский
пирдоп.	пирдопский
подмоск.	подмосковный
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
португ.	португальский
пракр.	пракрит

праслав.	праславянский
прованс.	провансальский
прус.	прусский
псков.	псковский
родоп.	родопский
рум.	румынский
рус.	русский
рус.-цслав.	русский церковнославянский
рушанск.	рушанский
ряз.	рязанский
сангл.	сангличи
сарык.	сарыкольский
сван.	сванский
свердл.	свердловский
севлиев.	севлиевский
серб.-цслав.	сербский церковнославянский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
сканд.	скандинавский
скиф.	скифский
скр.	санскрит
слав.	славянский
славон.	славонский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
солик.	соликамский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-перс.	среднеперсидский
ср.-урал.	среднеуральский
ст.-блр.	старобелорусский
ст.-лит.	старолитовский
ст.-польск.	старопольский
ст.-прус.	старопрусский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-франц.	старофранцузский

ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
тамб.	тамбовский
татар.	татарский
твер.	тверской
тобол.	тобольский
том.	томский
тороп.	торопецкий
тох.	тохарский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
уэльск.	уэльский
фалиск.	фалискский
фин.	финский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хант.	хантыйский
харьк.	харьковский
хатт.	хаттский
хетт.	хеттский
хорв.	хорватский
цешин.	цешинский
ц.-слав.	церковнославянский
чакав.	чакавский
черк.	черкесский
чечен.	чеченский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
шотл.	шотландский
штир.	штирийский
шугн.	шугнанский
эст.	эстонский
южн.	южный
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этимология
1982

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Дривинг*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, М. В. Борткова*

ИБ № 28335

Сдано в набор 22.02.84
Подписано к печати 26.03.85
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 12.5. Усл. кр.-от. 12,75. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 2400 экз. Тип. зак. 1273
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12